

ЗБИГНЕВ БЖЕЗИНСКИЙ

Между двумя веками

Роль Америки в эру технотроники

на правах рекламы - на правах рекламы - на правах рекламы
Management-Club.com
блог об управлении
на правах рекламы - на правах рекламы - на правах рекламы

1972

ZBIGNIEW BRZEZINSKI

BETWEEN TWO AGES

**America's Role in the
Technetronic Era**

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Збигнев Бжезинский—директор Исследовательского института по вопросам коммунизма при Колумбийском университете США, видный буржуазный идеолог, ярый антисоветчик. Им написано немало статей и книг, в частности книги «Тоталитарная диктатура и автократия», «Политические системы: ОША и СССР» (в соавторстве с Хантингтоном), «Перманентная чистки», «Советский блок. Единство и конфликт», «Идеология и власть в советской политике».

В своей новой книге, «Между двумя веками. Роль Америки в эру технотроники», Бжезинский разрабатывает тему о ведущей роли Америки в современном мире, о ее настоящем и будущем (на которое автор смотрит довольно оптимистично), развивает теорию отмирания идеологии, «наведения мостов», проповедует идеи «эволюции», «либерализации и трансформации» социализма.

Бжезинский утверждает, что в настоящее время в мире имеют место противоречивые процессы объединения и одновременно дробления человечества («раздробленная скученность»). Во многом эти процессы порождены «технотронной» революцией. С одной стороны, технотронная революция способствует материальному изобилию и возникновению «глобальной сознательности», когда противостоящие коммунистическая и «либеральная» идеологии заменяются «взглядом на человеческий род как на единое целое». С другой стороны, она углубляет пропасть в материальных условиях жизни населения высокоразвитых стран и «глобального гетто» — стран «третьего мира», что вызывает раскол человечества. Бремя преодоления раскола ложится прежде всего на «распространителя технотронной революции» — Соединенные Штаты, а также на другие высокоразвитые страны, рассуждает автор,

и для (решения сложных современных проблем в международном масштабе требуется создать '«сообщество развитых стран» во главе с Соединенными Штатами.

Согласно Бржезинскому, коммунизм как цель запоздал для развитых капиталистических стран и преждевременен для молодых развивающихся стран. Социализм советского типа как альтернатива развития общества якобы все больше теряет привлекательность, и он должен трансформироваться. Автор рассматривает пять возможных вариантов эволюции советской системы. Самым желательным, по его мнению, но наименее вероятным вариантом является «пдюралистская эволюция», либерализация советского общества.

В отношении Китая Бржезинский считает необходимым налаживать контакты и «избегать вовлечения США в открытые антики та некие соглашения».

Такова в общих чертах схема развития мира в технотронном веке, по Бржезинскому. Рисуя эту картину, автор всячески возвеличивает США — эту, по его словам, «уникальную страну», «новаторское и творческое общество», «социальную лабораторию мира»—и умаляет достижения Советского Союза. В нападках на социалистический строй он прибегает к искажению высказываний советских ученых, подтасовке цифр и фактов, оставаясь верным своей приверженности антикоммунизму.

С целью информации издательство «Прогресс» направляет читателям полный перевод книги Бржезинского «Между двумя веками. Роль Америки в эру технотроники».

ИЗЪЯВЛЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

Хотя в этой книге рассматриваются проблемы коммунизма только частично и притом главным образом в связи с более широкими проблемами, над которыми я работаю, Институт исследований проблем коммунизма Колумбийского университета оказал мне неоценимую помощь в моей исследовательской работе и обеспечил для нее благоприятную и стимулирующую обстановку. Мои коллеги по институту вряд ли отдадут себе отчет в том, насколько они помогли мне в постепенном процессе формирования моих идей, в проверке моих взглядов и расширении перспектив для моей дальнейшей исследовательской работы.

Ряд друзей и коллег читал и критиковал рукопись книги. Я особенно признателен профессору Сэмюэлю П. Хантингтону за высказанные им острые критические замечания и весьма полезные советы; профессору Альберту Мавринаку, который в соответствии с нашей дружеской традицией ставил под вопрос мои аргументы и вынуждал меня подвергать пересмотру некоторые мои утверждения; бывшему ассистенту по административным вопросам Института г-же Кристине Додсон, подготовившей весьма конструктивную, чрезвычайно меткую и обстоятельную критику первоначального варианта всей работы, и профессору Александру Эрлиху за то, что он помог мне избежать некоторых ловушек в области экономики. Я также весьма обязан и благодарен нынешнему ассистенту по административным вопросам г-же Софии Слюзар, которая очень умело контролировала общую подготовку рукописи к печати, а перед этим оказала мне активное содействие в подготовке таблиц и сборе необходимых фактических данных. Мой ассистент по исследовательской работе г-жа Тоби Тристер неутомимо выискивала допущенные мной неточности, заполняла пробелы в библиографии и дополняла мои исследования. Г-жи Дороти Роднайт и Мишель Эльвин вместе с г-ном Майроном Гутманом любезно и эффективно участвовали в завершении подготовки рукописи к изданию даже тогда, когда бывали чрезвычайно перегружены другой работой. Я в долгу перед ними всеми и рад выразить им свою признательность.

Я весьма обязан также г-ну Маршаллу Бесту, сотруднику издательства «Викинг пресс», чьим опытом и мудрыми совета-

ми я часто пользовался, равно как и г-ну Стэнли Гохману за его тактичную помощь в редактировании книги.

Особо считаю необходимым упомянуть свою жену. За время всей моей литературной деятельности я никогда не встречал более добросовестного читателя, более свирепого критика и более решительного и, осмелюсь сказать, упрямого улучшателя. И скажу без колебаний—котя только теперь я говорю об этом с облегчением, — что любое достоинство, каким, быть может, обладает это эссе, является в значительной степени результатом ее усилий.

З.Б.

Октябрь 1969 г.

ВВЕДЕНИЕ

Быть может, те времена, когда человечество нуждалось во всеобъемлющем «великом» представлении о действительности, теперь миновали. Это представление служило ему в известном смысле необходимой заменой неведения, своего рода восполнением, так сказать, в «ширину» отсутствия у человека «глубины» в понимании им окружающего его мира. Но даже если это и верно, то результатом более обширных познаний может оказаться незнание (или, по крайней мере, ощущение незнания) того, где мы сейчас находимся и куда держим путь — в особенности же, куда нам следует держать путь, — причем такое незнание будет более глубоким, чем оно было тогда, когда мы фактически знали меньше, а думали, что знаем больше.

Я не уверен, что это обязательно будет так. Во всяком случае, меня не удовлетворяет фрагментарное, микроскопическое понимание отдельных элементов реальности, и я ощущаю потребность в некоем, хотя бы грубом приближении к более широкой перспективе. Настоящая книга является попыткой -обеспечить такую перспективу. Это попытка выявить, в рамках динамичной структуры, важный аспект нашей современной действительности: возникающий глобальный политический процесс, который в возрастающей степени размывает традиционные различия между внутренней и внешней политикой. Разрабатывая эту концепцию, я особенно сконцентрирую свое внимание на том значении, какое имеет для Соединенных Штатов зарождение подобного процесса, причем постараюсь определить -его смысл, основываясь на изучении формирующих его сил.

Наше восприятие реальности обуславливается временем и пространством. Специфика момента и особенности обстанов-

ки диктуют тот метод, каким разрабатываются международные оценки и первоочередные задачи. Иногда, когда момент исторически «назрел», обстановка и время могут Объединиться и обеспечить особенно глубокое понимание событий. Четкий тезис легче сформулировать при возникновении особо напряженных ситуаций. В этом смысле наиболее плодотворны такие периоды, как война, кризис, напряженность в международных отношениях. Кризисная ситуация допускает более резкие качественные оценки в соответствии с древней человеческой склонностью разделять окружающую его реальность на добро и зло (марксистская диалектика совершенно очевидно следует этой традиции и вносит моральную дихотомию в каждую оценку). Но за исключением подобной критической ситуации, которая в самой крайней своей форме включает альтернативу войны или мира, глобальная политика не приспособлена для точных формулировок и недвусмысленных предсказаний даже в обстановке значительных перемен. В результате чаще всего бывает чрезвычайно трудно освободиться от ограничивающего воздействия момента и, абстрагируясь от него, увидеть, словно издалека, более широкий ход событий.

Любая абстрактная попытка разработать законченную формулировку будет неизбежно содержать в себе известную степень искажения. Слишком разнообразны влияния, от которых зависят отношения между государствами и широкая эволюция международной обстановки. Тем не менее, коль скоро мы отдаем себе отчет в том, что любая такая формулировка неизбежно содержит в себе зародыш неправды и поэтому может иметь лишь предположительный характер, подобная попытка представляет собой шаг к по крайней мере частичному пониманию положения вещей. Альтернативным же решением является капитуляция перед сложностью: признание невозможности понять смысл происходящих событий. В результате победит невежество, которое неизбежно потребует себе дань в форме неустойчивого и на все реагирующего политического курса, замены мышления лозунгами, слепой приверженности к обобщенным формулировкам, созданным в другую эпоху и в связи с обстоятельствами, отличными по своей сути от нынешних, даже если между ними и существует поверхностное сходство.

Сегодня государства с наиболее развитой промышленностью (и в первую очередь Соединенные Штаты) начинают выходить из индустриальной стадии развития. Они вступают в эру, в которой техника, и особенно электроника, — отсюда и происходит мой неологизм «технотроника»* — в возрастающей степени становится главным определяющим фактором социальных перемен, изменяя нравы, социальную структуру, ценности и глобальное мировоззрение общества. И именно потому, что перемены носят сегодня такой стремительный и сложный характер, сейчас, пожалуй, важнее, чем когда бы то ни было прежде, чтобы наша внешняя политика руководствовалась чувством истории, а говорить в данном контексте об истории — значит говорить одновременно и о прошлом, и о будущем.

Поскольку в этой книге основное внимание сосредоточивается на международных отношениях, она в лучшем случае лишь весьма неполно удовлетворяет потребность в более исчерпывающей оценке действительности. Она не представляет собой попытки подвести итог условиям человеческого существования, объединить философию и науку, ответить на более запутанные вопросы, касающиеся нашей реальности. Задача ее значительно скромнее. И все же меня мучает мысль, что она тем не менее получилась слишком претенциозной, так как неизбежно затрагивает все эти острые проблемы.

Книга делится на пять основных частей. Первая посвящена воздействию научно-технической революции на мировые дела вообще и особенно двусмысленному положению главной движущей силы этой революции—Соединенных Штатов—и анализирует влияние, которое эта революция оказывает на так называемый «третий мир». Во второй части рассматривается вопрос о том, каким образом упомянутые выше обстоятельства затрагивают содержание, стиль и масштабы политических взглядов человека на глобальную реальность, причем особое внимание уделяется меняющейся роли идеологии. В третьей части дается оценка того, насколько в наши дни коммунизм согласуется с проблемами современности; начав с обсуждения опыта Советского Союза, автор анализирует затем положение международного коммунизма в целом

* Более подробно он рассматривается в части I настоящей книги

как движения, некогда стремившегося сочетать интернационализм с гуманизмом. Четвертая часть посвящена Соединенным Штатам — обществу, которое является для человечества одновременно и пионером в области социальной эволюции, и подопытным кроликом; автор старается определить направление перемен в переживаемый ныне Америкой переходный период, равно как и исторический смысл последнего. В пятой части в самой общей форме обрисовываются главные пути, по которым Америка могла бы пойти, чтобы дать конструктивный ответ на рассмотренные оанее внешнеполитические и внутренние дилеммы.

Дав читателю представление о том, что именно эта книга пытается осветить, было бы, очевидно, небесполезно просветить его также в отношении того, на что она не претендует. Прежде всего — это не упражнение в «футурологии»; это попытка осмыслить современные тенденции, обрисовать динамичную картину того, что сегодня происходит. Во-вторых, это не книга о политике — в том смысле, что она не задается целью систематически разработать связную серию рецептов и программ. Тем не менее в части V делается попытка наметить в общих чертах те направления, в каких Америке следовало бы пойти и в каких она в известных отношениях, быть может, пойдет.

В ходе разработки этих тезисов я развил некоторые из идей, первоначально выдвинутых мною в статье «Америка в технотронном веке», опубликованной в январе 1968 г. в журнале «Инкаунтер» и вызвавшей горячую полемику. Хотелось бы добавить, что я не только попытался сейчас более обстоятельно и четко изложить некоторые положения, поданные в этой статье слишком сжато, но и существенно пересмотрел ряд моих взглядов в свете конструктивных критических замечаний, сделанных моими коллегами. К тому же эта статья касалась только одного аспекта (он подвергается разбору в основном в части I) той значительно более широкой картины, ■которую я попытался нарисовать в настоящей книге.

Надеюсь, что предлагаемое эссе даст читателю возможность обрести более ясное представление о природе окружающего нас политического мира, создающих его силах и путях, какими он развивается. В этом смысле моей работе, быть мо-

жет, удастся содействовать более отчетливому пониманию широкой общественностью новых политических процессов, развертывающихся в нашем мире, и помочь ей выйти за рамки более традиционных форм изучения международной политики. Я надеюсь также, что выдвигаемые здесь гипотетические утверждения, обобщения и тезисы, хотя они и носят по необходимости умозрительный, произвольный характер и во многих отношениях неизбежно крайне несовершенны, все же смогут внести определенный вклад во все более оживленную дискуссию на тему о роли Америки в мире.

В ходе работы над книгой я высказал свои личные мнения и изложил свои предубеждения. Поэтому она является скорее «корреспонденцией не для печати», подкрепляемой доказательствами, чем систематическим упражнением в социаль-научной методологии*.

И наконец, позвольте мне завершить это введение признанием, которое в какой-то мере предваряет мою аргументацию: апокалипсически мыслящий читатель, быть может, сочтет мои тезисы неконгениальными, потому что взгляды мои на роль Америки в мире все еще оптимистичны. Я говорю «все еще» потому, что меня чрезвычайно тревожат дилеммы, с которыми мы сталкиваемся у себя дома и за границей, и даже в еще большей степени—социальные и философские последствия направленности изменений в нашу эпоху.

Тем не менее мой оптимизм вполне реален. И хотя я не собираюсь преуменьшать серьезность американских проблем—перечень их велик, дилеммы, стоящие перед нами, отличаются

* В этом отношении я разделяю точку зрения Баррингтона Мура мл., утверждавшего, что «если мы противопоставим господствующую группу нынешних мыслителей ведущим фигурам XIX в., то выявятся следующие обстоятельства. Во-первых, почти совершенно исчез критический дух. Во-вторых, современная социология и, возможно, в несколько меньшей степени современные политическая наука, экономика и психология внеисторичны. В-третьих, современная социальная наука клонится к тому, чтобы стать абстрактной и формальной. В сфере исследования сегодняшняя социальная наука проявляет значительную техническую виртуозность. Но этой виртуозности она добилась в ущерб содержанию. Современная социология может меньше сказать об обществе, чем она говорила пятьдесят лет назад» (Barrington Moore, Jr., *Political Power and Social Theory*, Cambridge, Mass., 1958, p. 123).

ся остротой, а предпосылки для осмысленного ответа на них чаще всего многозначны, — я все же искренне верю, что ваше общество обладает способностью, талантом, богатством и в возрастающей степени также волей, чтобы преодолеть трудности, присущие нынешнему историческому переходному периоду.

Между двумя веками

«Человеческая жизнь сводится к подлинному страданию, к аду только /тогда, когда две эпохи, две культуры и религии захлестывают одна другую... Бывают периоды, когда целое поколение оказывается таким путем зажатым между двумя веками, двумя образами жизни. В результате оно теряет всякую /способность понимать самого /себя и у «его нет ни /примера для подражания, ни безалаюности, ни /простой покорности».

Герман Гессе *Стенной волк»

Часть I

ГЛОБАЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ТЕХНОТРОННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Парадокс нашего времени заключается в том, что человечество становится одновременно и более объединенным, и более разобщенным. В этом состоит основная направленность нынешних перемен. Время и пространство настолько уплотнились, что в глобальной политике проявляется тенденция к более широким, более взаимосвязанным формам сотрудничества, но вместе с тем и к отказу от укоренившейся преданности определенным институтам и идеологии. Человечество становится более цельным и сплоченным, несмотря даже на то, что различия в положении отдельных обществ увеличиваются. В таких условиях сближение, вместо того чтобы приводить к единству, вызывает трения, усиливаемые новым чувством глобальной тесноты.

Возникает новая модель международной политики. Мир перестает быть ареной, на которой относительно замкнутые, «суверенные» и однородные государства взаимодействуют, сотрудничают, сталкиваются или ведут между собой войны. Международная политика, в первоначальном смысле этого термина, зародилась, когда человеческие группы начали определять себя—и других — с помощью взаимно исключаящих друг друга терминов (территория, язык, символы, верования) и когда подобные определения стали в свою очередь господствующим фактором в отношениях между этими группами. Понятие национальных интересов — основывающееся на географических факторах, традиционной враждебности или дружбе, потребностях экономики и соображениях безопасности— предполагало такую степень независимости и самобытности, которая возможна только до тех пор, пока государства достаточно отделены друг от друга во времени и пространстве, чтобы быть в состоянии маневрировать и сохранять обособленную самобытность.

В эру классической международной политики оружие, массовые средства информации, экономика и Идеология—все это было, по существу, национальным. С изобретением современной артиллерии для вооружений потребовались национальные арсеналы и постоянные армии; в более близкие к нам време-

на одно государство могло эффективно и быстро развернуть их вдоль границ другого. Средства связи, особенно после того как была изобретена паровая машина и в результате этого наступил век железных дорог, укрепили национальную интеграцию, дав возможность перебрасывать людей и грузы через территорию большинства государств за время, редко превышавшее двое суток. Национальная экономика, основываясь зачастую на принципах автаркии, стимулировала одновременно и осознание, и развитие коллективной заинтересованности, ограждаемой таможенными барьерами. Национализм настолько олицетворял чувство общности интересов, что нация превратилась в продолжение отдельной личности*.

Все четыре вышеупомянутых фактора становятся теперь глобальными. Оружие тотальной разрушительной силы может быть пущено в ход в любой точке земного шара за каких-то несколько минут, то есть фактически за время, более короткое, чем необходимо полиции в большом городе для того, чтобы прореагировать на срочный вызов. Теперь можно достичь любого района на всей нашей планете быстрее, чем пятьдесят лет назад. Жители европейского государства среднего размера могли добраться до собственной столицы. Возрастает значение межгосударственных связей. В то же время все еще интенсивное пока влияние национализма там не менее начинает падать. Эти перемены наиболее ощутимы, естественно, в самых высокоразвитых странах, но ни одна страна не обладает теперь иммунитетом от них. В результате началась новая эра — эра глобального политического процесса.

Но хотя этот процесс и носит глобальный характер, до подлинного единства человеческого рода еще очень далеко. Современный мир претерпевает изменения, во многом сходные с теми, которые были некогда вызваны появлением крупных набеленных центров. Рост таких центров ослабил тесные связи и линии прямого подчинения и способствовал возникновению множества соперничающих между собой и взаимно друг друга исключаящих зависимостей. Типичный городской житель отождествляет себя сразу с несколькими различными группами — по признаку общности профессии, религии, политических взглядов, манеры использовать досуг — и только в редких случаях действует в окружении, где безраздельно господствует единственная система ценностей и прямолинейная личная зависимость.

* Это было важным изменением по сравнению с предыдущей эпохой феодализма. Тогда оружие было в основном личным, средства информации — очень ограниченными и главным образом устными, экономика сельской и примитивной, а идеология требовала прямого, основанного на религии послушания лично известному вождю. Эти условия усиливали и отражали, таким образом, более фрагментарный «внутринациональный» политический процесс.

Для американской политики больших городов типична сложность и противоречивость: сосуществующие там группы, объединенные специфическими интересами, клики, созданные для оказания давления на политику, этнические общины, политические организации, религиозные институты, мощные промышленные или финансовые силы и даже преступный мир взаимодействуют по методу, который одновременно предполагает как непрерывные военные действия ограниченных масштабов, так и взаимные компромиссы.

Политическая жизнь на мировой арене приобретает кое-какие сходные с этим черты. Государства различных размеров, находящиеся по своему развитию в разных исторических эпохах, взаимодействуют друг с другом, порождая при этом трения, вступая во всякого рода компромиссы и меняя союзников. Формальные правила игры поддерживают иллюзию, будто ведут ее только игроки, именуемые «государствами»; и когда вспыхивает война, государства действительно становятся единственными имеющими значение игроками. Но, за исключением периодов войн, эта игра в действительности ведется на гораздо менее формальной основе, со значительно более смешанным составом участников. Некоторые государства обладают подавляющей мощью; другие — «мини-государства» — находятся в подчинении у международных корпораций с капиталом во много миллионов долларов, у крупных банков и финансовых объединений, межнациональных религиозных или идеологических организаций, а также у возникающих международных институтов, которые в одних случаях «представляют» интересы мелких «игроков» (например, ООН), а в других маскируют господство самых крупных (например, Организация Варшавского Договора или СЕАТО).

Методы, используемые для урегулирования международных конфликтов, становятся поэтому похожими на те, что применяются при ликвидации волнений в городах. Характерной чертой сконцентрированного человечества является упорядочение конфликтов. Прямое насилие во все возрастающей степени регулируется и ограничивается в масштабах, и в конечном счете его начинают рассматривать как отклонение от нормы. Для того чтобы удержать насилие в социально терпимых границах, создаются организованные механизмы в виде одетого в форму платного персонала. Некоторая доза преступности принимается как неизбежное зло; поэтому во имя торжества порядка организованной преступности обычно отдают предпочтение перед анархическим насилием, и она, таким образом, косвенно и неофициально становится продолжением порядка.

Целью государственных деятелей на протяжении многих десятилетий было урегулирование конфликтов в глобальном масштабе. Этого пытались достичь с помощью соглашений,²

конвенций и пактов. Ни один из таких способов не мог быть эффективным в системе, состоящей из относительно обособленных друг от друга суверенных единиц; однако появление средств скоростной связи, обеспечивших не только физическую близость различных стран, но и немедленную информацию их о далеких событиях, и наступление ядерного века, который впервые сделал по меньшей мере два государства обладателями поистине глобальной разрушительной мощи, коренным образом изменили характер международных конфликтов. Эти факторы, с одной стороны, понизили их уровень, с другой же — повысили их потенциал и увеличили размах.

Войны, которые ведет городское преступное «дно», не вызывают особого морального возмущения, и их не считают серьезной угрозой для социального мира. Решительно подавляются только взрывы насилия, направленные против этого мира, олицетворяемого человеческими жизнями и основными материальными ценностями, такими, как банки, магазины, частная собственность. Аналогичным образом в более развитых районах мира среди представителей «истэблишмента» и среднего класса «глобального города» наметилась тенденция безразлично относиться к конфликтам, происходящим в «третьем мире». Их рассматривают как необходимый атрибут низкой степени развития, конечно, если только эти конфликты не отражаются на отношениях между более могущественными государствами. Войны в «третьем мире» кажутся поэтому терпимыми до тех пор, пока их международный масштаб удерживается на уровне, не таящем явной опасности для интересов крупных стран*.

В наше время урегулирование конфликтов означало также переход от длительных войн к спорадическим взрывам насилия. Индустриальный век сделал возможными продолжи-

* «...Развитие в послевоенные годы ядерного оружия, создание блоков держав и систем многосторонних союзов, а также удорожание современных войн — все это были факторы, препятствовавшие возникновению официальных войн между высокоразвитыми индустриальными государствами. В эти годы большинство «конфликтов» происходило в Африке, на Ближнем Востоке и в Азии — в так называемом «третьем мире». И большое число таких конфликтов явилось следствием развала (или было связано с ним) колониальных империй — Оттоманской, Британской, Французской или Японской — и последовавшего затем появления новых государств, зачастую малых, бедных и непрочных» (Дэвид Вуд, Конфликт в двадцатом веке, «Адольфи пэйперс», июнь 1968 г., стр. 19). Вышеупомянутая работа содержит список 80 конфликтов, возникших в течение 1945—1967 гг. Все они, кроме восьми, происходили между государствами «третьего мира».

Аналогию с политикой метрополий проводит также Теодор Х. фон Лауэ в содержательной книге «Глобальный город» (Theodore H. von Laue, The Global City, N. Y., 1969). Особого внимания заслуживает анализ им того воздействия, которое оказывала на мировую политику в течение последнего столетия западная система «метрополий».

тельные, затяжные войны. В прежние времена армии сталкивались друг с другом во всеоружии, завязывали заранее подготовленные сражения и, подобно древним гладиаторам, либо добивались решающих побед, либо терпели поражения. Индустриальный век позволил обществам мобилизовать свои людские силы и материальные ресурсы для длительной, но нерешающей войны, напоминая классическую борьбу и требующую умения и выносливости. Ядерное оружие—никогда не применявшееся в конфликтах между ядерными державами— создало возможность столь опустошающего взаимного уничтожения, что принуждает своих обладателей к пассивной сдержанности со спорадическими «взрывами насилия на периферии противоборства. Таким образом, если в прошлом насилие осуществлялось использованием максимума наличной мощи, то сегодня государства, обладающие максимальной мощью, стараются использовать для утверждения своих интересов только минимум ее.

Со времени появления ядерного оружия отношения между сверхдержавами определяются неким элементарным кодексом сдержанности, этим плодом метода проб и ошибок, испытанного в ходе конфронтации, отдельными этапами которой были Корея, Берлин, Куба. Вполне вероятно, что при отсутствии этого оружия между Соединенными Штатами и Советским Союзом давным-давно уже вспыхнула бы война. Разрушительная мощь его оказала, таким образом, решающее воздействие на степень, до какой в отношениях между государствами применяется сила; именно эта мощь диктует наиболее могущественным державам необходимость соблюдать беспрецедентную осторожность в своем поведении.

Ядерное оружие создало, таким образом — в пределах тех хрупких рамок, в которых происходит нынешнее преобразование нашей действительности,—совершенно новую систему поддержания от расчетов на применение подавляющей мощи.

Что касается политики городов, то здесь слабость общепризнанной и уважаемой непосредственной власти компенсируется чувством более глубокой преданности нации, представляемой институтами государственной власти. У глобального города отсутствует эта более высокая категория, и современное стремление к порядку является в значительной мере попыткой создать ее или хотя бы обеспечить какое-то равновесие в этой области. В других отношениях, однако, глобальная политика аналогичным образом характеризуется беспорядочным переплетением столкновений, компромиссов и союзов, которое хотя и постепенно, но все больше подрывает замкнутость и примат этих прежде относительно водонепроницаемых отсеков государств-наций. При таком развитии событий международная политика постепенно становится гораздо более однородным и частично схожим во всех странах процессом.

Эры представляют собой исторические абстракции. Они к тому же удобны с теоретической точки зрения: их задача служить вехами на пути, который на протяжении известного отрезка времени претерпевает неприметные, «о вместе с тем очень глубокие изменения. Вопрос о том, когда именно одна эра кончается, а другая начинается, решается совершенно произвольно: ни конца, ни начала отдельных эр нельзя определить ясно и четко. С формальной точки зрения политика как глобальный процесс проводится примерно так же, как и в прошлом. Но внутренняя реальность этого процесса в возрастающей степени определяется силами, влияние или масштабы которых выходят за национальные рамки.

1. Наступление технотронного века

Воздействие науки и техники на человека и его общество, особенно в более развитых странах мира, становится главным источником современных перемен. В последние годы получает все большее распространение увлекательная и волнующая умы литература о будущем. В Соединенных Штатах, в Западной Европе и в меньшей степени в Японии и Советском Союзе проводились систематические научные изыскания с целью рассчитать, предсказать и понять, что таит в себе для нас будущее.

Происходящие в настоящее время, особенно в Америке, перемены уже создают общество, которое становится все менее похожим на своего индустриального предшественника¹. Послеиндустриальное общество становится технотронным обществом*— обществом, которое культурно, психологически, социально и экономически формируется под воздействием техники и электроники, в частности в области вычислительной техники и массовых средств информации. Индустриальный процесс уже не является главным определяющим фактором социальных перемен, преобразующих нравы, социальную Структуру и духовные ценности общества. В индустриальном обществе технические знания применялись в первую очередь с одной конкретной целью—для ускорения и улучшения методов производства. Возникающие при этом социальные последствия являлись более поздним побочным продуктом выполнения этой основной задачи. В технотронном обществе научные и технические знания, сочетаясь с увеличивающимися произ-

* Термин «послеиндустриальный» применяется Дэниелом Беллом, много сделавшим в области исследовательского мышления на эту тему. Тем не менее я предпочитаю пользоваться неологизмом «технотронный», потому что он более точно определяет характер основных импульсов для перемен в наше время. Аналогичным образом термин «индустриальный» век описывает то, что иными словами можно было бы назвать «послесельскохозяйственным» веком.

водствегаемыми возможностями, 'быстро 'начинают оказывать не- посредственное влияние почти на @се стороны жизни. iВ соответствии с этим растущая способность мгновенно рассчитать- вать самые сложные взаимодействия вместе с возрастающей доступностью для человека биохимических методов контроля .расширяет потенциальную сферу сознательного выбора им направления развития и тем самым делает все более настоя- тельно необходимым для него быть в Состоянии .руководить, выбирать и изменять.

Возможность опереться на эти новые методы вычислений и средства информации повышает социальную значимость чело- веческого интеллекта и настоятельную необходимость образо- вания. 'Потребность в интегрировании социальных перемен возрастает благодаря возросшей способности людей разбира- ться в моделях таких 'перемен; а это в свою очередь увеличи- вает значение основных положений относительно природы че- ловека и желательности той или иной формы общественной организации. Наука, таким образом, скорее увеличивает, чем уменьшает, значимость ценностей, требуя, однако, чтобы они были выражены в понятиях, выходящих за рамки более при- митивных идеологий индустриального века (эта тема будет развита ниже в части II).

Новые социальные модели

По Норберту 'Винеру, '«зародыш более ранней индустри- альной революции, предшествовавшей главной индустриаль- ной революции», следует искать в исследованиях XV в., свя- занных с навигацией (морской компас), а также с примение- ем пороха и книгопечатания⁷. Сегодня функциональным экви- валентом навигации является прорыв в космос, для осущест- вления которого необходима способность делать быстрые вы- числения, выходящая за пределы возможностей человеческого мозга; эквивалентом пороха служит современная ядерная фи- зика, а в качестве Эквивалентов книгопечатания выступают телевидение и охватывающие большие расстояния скоростные средства информации. Как следствие этой новой технотронной революции постепенно возникает общество, которое многими своими экономическими, политическими и социальными аспек- тами все больше отличается от индустриального. Коротко сум- мировать некоторые из этих контрастов можно -при помощи нижеследующих примеров:

I. В индустриальном обществе ведущая роль в экономике переходит от сельского хозяйства к промышленности, причем машинные операции вытесняют использование мускульной си- лы человека и животных. В технотронном обществе работа в промышленности превращается в ее обслуживание, причем уп- равление машинами переходит от людей к автоматике и ки- бернетике.

2. В отношениях между нанимателями, рабочей силой и рынком ;в индустриальном обществе доминируют 'проблемы занятости и безработицы — не говоря уже о предшествовавшем процессе урбанизации деревенской рабочей силы, — и 'главным источником забот является обеспечение хотя бы минимального благосостояния новых индустриальных масс. В зарождающемся новом обществе доминирующую роль в этих отношениях играют 'вопросы, связанные с устарением (профессий, гарантией занятости, системой отпусков, организацией досуга и участием в прибылях, и все более острой проблемой становится психическое благополучие миллионов относительно обеспеченных, но Потенциально лишенных цели промышленных рабочих, принадлежащих к низшим слоям Среднего класса. .

3. Главной целью социальных реформаторов индустриального общества является ломка традиционных барьеров, преграждавших дорогу к образованию, и создание таким путем основной исходной позиции для социального продвижения. Образование, обеспечиваемое в течение конкретных и ограниченных отрезков времени, заключается сначала в ликвидации неграмотности, а затем в техническом обучении, основанном главным образом на последовательных объяснениях, Предлагаемых учащимся в письменном виде. В технотронном обществе образование становится не только всеобщим, но и таким, что почти все, у кого есть необходимые для этого данные, получают доступ к обучению повышенного типа, и теперь делается значительно больший упор на качественный отбор учащихся. Главная проблема состоит в том, чтобы изыскать наиболее эффективные методы рациональной эксплуатации общественных талантов. Для решения этой задачи используется новейшая вычислительная и информационная техника. Процесс образования становится более длительным и все больше опирается на применение зрительно-слуховых технических средств. Кроме того, поток новых знаний требует организации все более частой переподготовки специалистов.

4. В индустриальном обществе руководство обществом переходит от традиционной сельской аристократии к городской плутократической элите. Его основой служит новоприобретенное богатство, а интенсивная конкуренция обеспечивает выход и одновременно стимул для его энергии. В технотронном обществе господство плутократической верхушки подвергается угрозе со стороны политического руководства, в которое во все возрастающей степени проникают люди, обладающие специальными познаниями и интеллектуальными талантами. Знание становится орудием власти, а эффективная мобилизация таланта — важным способом обрести эту власть.

5. Университеты в индустриальном обществе—в отличие от их положения в эпоху средневековья — являются замкнутой башней из слоновой кости, хранилищем абстрактной, хотя и

заслуживающей уважения 'Мудрости, причем в течение недолгого времени они 'служили питомниками для подающих надежды кандидатов в члены господствующей социальной элиты. В технотронном обществе университеты становятся интенсивно используемым «резервуаром мысли», источником непрерывного активного политического планирования и социальных нововведений.

6. Пертурбации, присущие процессу перехода от косного традиционного сельского общества к городскому, порождают склонность к поискам абсолютных ответов на социальные дилеммы, что породило в индустриализирующемся обществе благоприятную почву для расцвета идеологий (то обстоятельство, что Америка была исключением из этого правила, объясняется 'отсутствием здесь феодальной традиции; это положение было убедительно раскрыто Льюисом Гарцем). В индустриальном веке грамотность содействует статичному, взаимосвязанному, умозрительному мышлению, свойственному идеологическим системам. В технотронном обществе зрительно-слуховые средства информации способствуют развитию более неустойчивых, не согласующихся друг с другом взглядов на действительность, которые не укладываются в формальные системы, хотя потребности науки и наличие новой вычислительной техники и поощряют расцвет математической логики и систематического мышления. Неудовлетворительность подобного положения вещей наиболее остро ощущается учеными, вследствие чего некоторые из них стремятся ограничить сферу действия разума рамками науки, выражая свои эмоции через политику. К тому же возрастающая способность сводить социальные конфликты к количественно измеримым и достаточно умеренным масштабам усиливает тенденцию к более прагматическому подходу к социальным проблемам, стимулируя одновременно появление новой заинтересованности в сохранении «человеческих» ценностей.

7. Поскольку в индустриальном обществе пассивные ранее массы становятся активными, в нем происходят ожесточенные политические конфликты в связи с такими проблемами, как лишение гражданских и избирательных прав. Вопрос об участии в политике приобретает чрезвычайную остроту. В технотронном веке все более настоятельно встает задача обеспечения реального участия граждан в принятии решений, которые кажутся слишком сложными и слишком далекими от интересов рядового гражданина. Политическое отчуждение превращается в проблему. Аналогичным образом вопрос о политическом равенстве полов служит поводом для борьбы за сексуальное равенство женщин. В индустриальном обществе физическая слабость женщины, управляющей машиной, уже не ставит ее ниже мужчины, между тем как в условиях сельской жизни эта слабость имела определенное значение. И женщи-

на начинает требовать для себя политических прав. В зарождающемся технотронном обществе автоматизация создает одинаковую угрозу и для мужчин, и для женщин, интеллектуальный талант можно измерить с помощью компьютера, «пилюли» способствуют равенству полов и женщины начинают требовать для себя Полного равенства.

8. Массы, получившие с недавних пор избирательные права, организуются в индустриальном обществе профсоюзами и политическими партиями и сплачиваются на основе относительно простых и, в некоторой степени идеологических по своему характеру программ. Кроме того, на политическую позицию этих масс влияют призывы к их националистическим чувствам, распространяемые среди них посредством газет, резко увеличившихся в числе и издающихся, естественно, «на национальных языках читателей». В технотронном же обществе наблюдается, по-видимому, тенденция добиваться индивидуальной поддержки со стороны миллионов неорганизованных граждан, которые легко попадают под влияние личностей, обладающих известной, притягательной силой и обаянием. При этом для того, чтобы манипулировать эмоциями людей и контролировать их мышление, успешно используются новейшие средства информации. Ставка на телевидение и проистекающая отсюда тенденция заменить слово потоком образов, скорее интернациональных, чем национальных, а также показ военных действий или сцен голода, наблюдающихся в таких отдаленных местах, как, например, Индия, вызывают у зрителей несколько космополитическое, хотя и весьма субъективное ощущение личного участия в глобальных событиях.

9. На раннем этапе индустриализации экономическая мощь большей частью олицетворяется фигурами либо крупных предпринимателей вроде Генри Форда, либо представителей промышленной бюрократии вроде Кагановича или Минца (в сталинистской Польше). Тенденция к обезличению экономической мощи стимулируется на следующей стадии появлением чрезвычайно сложной взаимозависимости между правительственными институтами (включая военные), научными учреждениями и промышленными организациями. Поскольку экономическая мощь оказывается неразрывно связанной с политической властью, последняя делается менее заметной, и это усиливает ощущение маловажности роли отдельных личностей.

10. В индустриальном обществе приобретение богатства и накопление личного богатства становятся для небывалого числа людей особой формой социальных Достижений. В обществе технотронном большое число граждан, особенно молодых, получают возможность посвятить себя решению задач приспособления науки к человеческим потребностям, и выполнение этих задач, равно как и растущая забота об улучшении ка-

чества жизни, -все (более приобретает для «их характер морального императива.

В конечном счете эти и многие другие перемены, -включая и ряд таких, которые более непосредственно (вливают на индивидуальность и достоинство самих людей, сделают технотронное общество столь же отличным от индустриального, сколь индустриальное общество отличалось от аграрного* *. И точно так же, как переход от 'аграрной экономики и феодального строя к индустриальному обществу и политическим системам, -основывающимся на эмоциональном отождествлении индивида с нацией-государством, положил начало современной международной политике, появление технотронного общества отражает наступление новых взаимоотношений между человеком и его расширившейся глобальной реальностью.

*Социальный взрыв/имплозия ***

Эти новые взаимоотношения носят напряженный характер: человек еще должен умозрительно охарактеризовать их и тем самым сделать ихрпонятыми для самого себя. Наша расширившаяся глобальная реальность одновременно и распадается, и давит на нас. Это совпадение |[внешнего]взрыва и имплозии порождает у нас не только состояние неуверенности и напряженности, но также и совершенно новое восприятие того, что многие по-прежнему называют международными отношениями.

По мере того как окружающая нас среда быстро изменяется и становится (все легче управлять людьми и воздействовать на них, создается 'впечатление, что жизни недостает цельности. iВсе кажется более мимолетным и преходящим: внешняя реальность выглядит скорее расплывчатой, чем прочной, человеческое существо — более синтетическим, чем натуральным. Даже наши чувства воспринимают совершенно новую i«реальность», созданную нами самими, но тем не менее совершенно .«реальную» *** с точки зрения наших ощущений. И, что еще важнее, уже наблюдается широко распространен-

* Белл перечисляет следующие «пять аспектов послеиндустриального общества»: 1) создание экономики услуг; 2) огромный рост значения профессионального и технического класса; 3) центральная роль *теоретических знаний* как источника нововведений и формирования политики общества- 4) возможность самодовлеющего технического роста; 5) создание новой 'интеллектуальной техники» (iD a p i e l Bell, The Measurement of Knowledge and Technology. В сб.: «Indicators of -S-ooial Change», Bleono-г * И И м м - взрыв, направленный внутрь. — Прим. ред.

г и i-р'V, же карло в своей работе «Техника компьютеров» (см-л>наг,д, Д Саг. о - Computer Technology, в сб.: «-Toward the Year 2018», -N. Y., 1968, p. 1102) рассказывает об использовании «голографии» для создания ощущения личного присутствия и непосредственного участия в беседах с помощью лазерных лучей дальнего действия, направляемых с искусственного спутника Земли.

ная озабоченность (по поводу возможности биологического и химического вмешательства в то, что до сих пор рассматривалось как неизменная сущность человека. (Некоторые утверждают, что поведение человека может быть предопределено и подвергнуто преднамеренному контролю. Человек в возрастающей мере приобретает способность заранее определять пол своих детей, воздействовать с помощью медикаментов на развитие их интеллекта и изменять и контролировать их индивидуальность. Говоря о будущем, от которого нас отделяют всего лишь несколько десятилетий, один из экспериментаторов в области контроля над интеллектом утверждает: «Я предвижу наступление времени, когда у нас возникнет возможность, а следовательно, неизбежно и соблазн, управлять поведением и интеллектуальными функциями всех людей, воздействуя на их мозг путем изменения функции окружающей среды или же с 'помощью биохимии»³.

Таким образом, вопрос о том, расширят ли на самом деле техника и наука открывающиеся перед индивидом возможности свободного выбора, остается пока не решенным. В статье «Исследование называет технику благодеянием для индивидуализма»⁴ газета «Нью-Йорк тайме» сообщила о предварительных выводах проведенного в Гарварде исследования социального значения науки. Участники его пришли к выводу, что «большинство американцев обладает сейчас большими возможностями для свободного выбора, большим опытом и более развитым чувством собственной ценности, чем когда-либо прежде». Быть может, это и верно. Но подобного рода суждение покоится главным образом на интуитивном — и основанном на методе сравнения—проникновении в нынешний и прежний образ мыслей американцев. (В связи с этим весьма убедительно звучат слова предостережения, высказанного одним пронизательным наблюдателем: «Следует тщательно изучить степень достоверности утверждения (исходящего из оценки нынешнего поведения людей), согласно которому с развитием техники у индивида увеличится возможность выбора и перед ним откроется большее число доступных ему альтернатив. В принципе это действительно может случиться. Но фактически индивид может использовать любое количество психологических средств, чтобы избежать неудобства, возникающего из перегрузки его информацией, и тем самым значительно ограничить число приемлемых для него альтернатив по сравнению с тем, которое техника могла бы в принципе предоставить ему»⁵. Иными словами, подлинная проблема заключается сегодня в том, как именно индивид будет пользоваться представляющимися ему возможностями выбора, в какой мере он будет интеллектуально и психологически подготовлен к использованию их и каким путем общество в целом сумеет создать благоприятную обстановку для извлечения индивидом

выгод из этих возможностей. Наличие таких возможностей еще не является само по себе доказательствами приобретения человеком большего чувства свободы или ощущения собственной ценности.

■ Вместо того чтобы воспринимать себя как нечто стихийно обусловленное, человек в наиболее развитых обществах может в большей мере заняться самоанализом на основе внешних, точных критериев. Каков мой коэффициент умственного развития? Каковы мои склонности, личные свойства, способности, привлекательные и отрицательные черты? «Внутреннему человеку», стихийно принимающему собственную стихийность, будет во все большей мере бросать вызов «внешний человек», сознательно стремящийся постичь механизм своего самосознания; и переход от одного к другому может оказаться нелегким. Он приведет также к возникновению трудных проблем при определении разумных масштабов социального контроля. Возможность далеко идущего химического контроля мыслей, опасность утраты индивидуальности, таящаяся в широком применении пересадок отдельных органов человеческого тела, осуществимость управления генетической структурой создадут необходимость в определении обществом общих критериев, регулирующих допустимость или недопустимость использования таких средств. Как отмечает вышеупомянутый автор, «...хотя химия воздействует на личность, человек имеет значение для самого себя и для общества в своем *социальном* контексте — за работой, дома, за игрой. Последствия попыток воздействовать на него являются социальными последствиями. При принятии решения о том, как быть с подобными средствами, изменяющими субъект и его опыт (а следовательно, изменяющими после эксперимента и саму личность человека), и о том, как быть с «измененными» человеческими существами, нам придется столкнуться с такими новыми вопросами, как: «Кто я?», «Когда я являюсь кем?», «Кто они по отношению ко мне?»⁶

Кроме того, человек в возрастающей мере будет жить в созданной человеком же и быстро изменяемой им среде. К концу нынешнего века примерно 2/3 населения развитых стран будет жить в городах*. До сих пор рост городов был в первую очередь побочным продуктом случайных экономических преимуществ городской жизни, магнетической притягательной силы, излучаемой центрами с многочисленным населением, бегства большого числа людей от деревенской бедности и эксплуатации. Рост этот не был продуманным мероприятием с

* В 1900 г. насчитывалось 10 городов с населением 1 млн. человек и больше; в 1955 г. их число возросло до 61. В 1965 г. таких городов стало уже 100. Сегодня в Австралии и Океании в городах живет 3/4 населения, в Америке и в Европе (включая СССР) — 1/2, в Африке и в Азии — 1/5.

целью улучшить качество жизни. Влияние «случайных» городов уже способствует обезличению индивидуальной жизни, поскольку в городских условиях ослабевают структура родственных связей и становится затруднительным поддерживать прочные дружеские отношения. Джулиана Хаксли можно, пожалуй, обвинить лишь в незначительном преувеличении, когда он предостерегал, что «скученность приводит у животных к искаженному невротическому и прямо-таки патологическому поведению. Мы можем не сомневаться, что в принципе это относится и к людям. Нынешняя городская жизнь, безусловно, приводит к массовым психическим заболеваниям, к растущему вандализму и к возможности взрывов массового насилия»^{*} 7.

Проблема утверждения Своей индивидуальности, вероятно, еще усложнится возникновением между (поколениями) бреши, углублению которой будет способствовать распад традиционных связей и ценностей, базирующихся на обширных семейных и прочных общинных связях. Диалог между поколениями становится диалогом глухих. Он больше не укладывается в консервативно-либеральные или националистические-интернациональные рамки. Причина краха в общении между поколениями, ставшего столь очевидным во время студенческих мятежей 1968 г., коренилась в неубедительности старых символов для множества представителей младшего поколения. Дискуссия предполагает принятие общей для обеих сторон системы эталонов и языка; поскольку этого не было, дискуссия становилась все менее возможной.

Если в настоящее время столкновения происходят по поводу [моральных] ценностей, причем значительная часть молодежи отвергает ценности старшего поколения, а старшие в свою очередь утверждают, что молодые безответственно уклонились от определения своих собственных ценностей, то в будущем столкновения между поколениями будут происходить также и по вопросам обладания специфическими деловыми качествами. Через несколько лет к мятежникам в более развитых странах, где сегодня их деятельность заметнее всего, присоединится новое поколение, претендующее на власть в правительстве и деловом мире,—поколение, наученное мыслить логически, привыкшее попользоваться в помощь человеческому разуму электронно-вычислительные машины так же естест-

^{*} Дж. Н. Карстэрс в статье «Почему человек агрессивен?» («Воздействие науки на общество», апрель — июнь 1968 г., стр. 90) утверждает, что рост населения, скученность и социальное угнетение порождают подсознательную и все усиливающуюся [агрессивность. Это, по-видимому, подтверждается экспериментами на крысах; наблюдения, проведенные над поведением людей в больших городах, дают, кажется, основание к аналогичному выводу. А если хотите услышать «крик сердца» против этой скученности, прочитайте книгу французского социолога Жака Эллюля «Техническое общество» (Jacques Ellul, *The Technological Society*, N. , 1965, p. 321).

веяно, как мы 'привыкли пользоваться машинами для увеличения нашей мобильности; изъясняющееся на языке, который функционально связан с этими вспомогательными средствами; принимающее в качестве привычных методов управления такие современные нововведения, как планирующие, программирующие и составляющие сметы системы, как появление в крупном бизнесе групп («высших компьютерных администраторов»⁸. 'Поскольку старшая элита защищает то, что она рассматривает не только как свои кровные законные интересы, но и более принципиально — как свой собственный образ жизни, столкновение может привести даже к еще более острым' спорам идейного порядка.

Глобальное поглощение

Но в то время, как наша непосредственная реальность подвергается дроблению, глобальная реальность в возрастающей степени поглощает индивида, делает его сопричастным себе, а иногда даже подавляет. Очевидной, непосредственной и вызвавшей уже оживленную дискуссию причиной тому являются средства массовой информации. Вызванные этими средствами и электронно-вычислительными машинами перемены способствуют появлению необычайно взаимосвязанного общества, члены которого находятся в непрерывном и тесном зрительно-слуховом контакте: они постоянно взаимодействуют между собой, мгновенно принимают участие в самых ответственных социальных экспериментах, стремятся ко все большему личному участию даже в самых далеких от них проблемах. Новое поколение уже не составляет себе представления о мире исключительно на основе чтения либо идеологически обоснованных анализов современной действительности, либо ее обстоятельных описаний— оно также познает этот мир и как бы заочно ощущает его с помощью зрительно-слуховых средств информации. Эта форма информации о реальности, особенно в развитых странах*, растет гораздо быстрее, чем традиционные письменные пособия, и является для масс главным источником новостей (см. табл. 1—3). «К 1985 г. состояние уже не сможет служить оправданием для задержки в передаче информации из любой части мира в мощные городские нервные центры, которые будут характеризоваться самой большой на земном шаре концентрацией людей»⁹. Глобальные телефонные контакты методом непосредственного набора номера (в высокоразвитых странах они будут включать в се-

* Герман Мейн, например, в своей работе «Массовые средства информации в Федеративной Республике Германии» (Her mann Me u n , Massen-medien in der Bimdesrepubli'ik .Deutschland, Berlin, di'66) приводит факты, совокупно показывающие, что средний западный немец старше 15 лет ежедневно читает в течение 15 мин, слушает радио в течение 1,5 час и омотрит телевизор в течение 1 час 10 мин.

**Число радио- и телевизионных приемников на 1000 человек.
Примерный подсчет количества ежедневных газет, приходящихся
на 1000 человек**

Страна	1960 г.			1966 г.		
	радио- приемники	телеви- зоры	газеты	радио- приемники	телеви- зоры	газеты
Соединенные Штаты	941	310	326	1334	376	312
Канада	452	219	222	602	286	212*
Швеция	367	156	490	377	277	501
			(1962 г.)			
Соединенное Королевство	289	211	514	300	254	488
Западная Германия	287	83	307	459	213	332
Чехословакия	259	58	236	269	167	288
Франция	241	41	252	321	151	248*
			(1962 г.)			
СССР	205	22	172	329	81	274
Аргентина	167	21	155	308	82	128*
Япония	133	73	396	251	192	465
Бразилия	70	18	54	95	30	33
			(1964 г.)			
Алжир	54	5	28	129	13	15
			(1964 г.)		(1965 г.)	(1965 г.)
Индия	5	—	11	13	—	13

* Данные Статистического ежегодника ООН за 1968 г.

бя также ,и мгновенные визуальные контакты) и глобальная система телевизионных спутников, которая позволит некоторым государствам «вторгаться» в частные дома в других странах *, создадут беспрецедентную глобальную близость.

■Новая реальность не будет, однако, реальностью .«глобальной деревни». Упомянутая Маклюэном поразительная аналогия не учитывает таких факторов, как личная стабильность, личная близость между людьми, безоговорочное признание ими одних и тех же ценностей и традиций, между тем как все эти факторы были важными атрибутами примитивной деревни.

* Предполагается, что через '10 лет телевизионные спутники станут настолько мощными, что смогут передавать программы непосредственно на приемники, без участия промежуточных приемно-передающих станций.

Таблица 2

**Рост в абсолютных цифрах числа радиоприемников, телевизоров
и газет на 1000 человек за 1960—1966 гг.**

Страна	Радио- приемники	Телевизоры	Газеты
Соединенные Штаты	+ 393	+ 66	— 14
Канада	+ 150	+ 67	— 10
Швеция	+ ю	+ 121	+ П
Соединенное Королевство	+ И	+ 43	— 26
Западная Германия	+ 172	+ 130	+ 25
Чехословакия	+ ю	+ 109	+ 52
Франция	+ 80	+ 110	— 4
СССР	+ 124	+ 59	+ 102
Аргентина	+ 141	+ 61	— 27
Япония	+ 118	+ 119	+ 69
Бразилия	+ 25	+ 12	— 21
Алжир	+ 75	+ 8	- 13
Индия	+ 8		+ 2

Источником для таблиц 1, 2 служит Статистический ежегодник ЮНЕСКО, 1967 г., табл. 5.1, 8.2 и 9.2.

Более уместной аналогией является понятие «глобального города», представляющего собой нервическое, беспокойное, напряженное и фрагментарное сплетение взаимозависимостей. Для 'этих взаимозависимостей, однако, более характерно взаимодействие, чем близость. Система мгновенной информации уже создает нечто схожее с глобальной нервной системой. Случайные перебои в работе этой нервной системы—в результате затемнений или аварий — будут весьма ощутительно нарушать нормальное течение жизни города именно потому, что в этом процессе «нервного взаимодействия» будут отсутствовать взаимное доверие и взаимно укрепляющее людей чувство стабильности, неизменно присущие тесным связям между жителями деревни.

'Все более интенсивное вовлечение человека в глобальные события отражается в меняющемся характере того, что до сих пор рассматривалось как местная информация, и несомненно определяется им. iК газетам добавилось телевидение, которое расширило непосредственный горизонт зрителя или читателя до такой грани, где «местное» в .возрастающей степени означает «национальное», причем глобальные события требуют

Таблица 3

**Приблизительные показатели использования средств информации
каждой из четырех групп населения США**

Каким средством пользуются	Процент населения, пользующегося указанным средством			
	массовое большинство (50-60%)	периферий- ные массы (20-40%)	выпускники колледжей (10-25%)	Элита менее 1 %
Читали в прошлом году небеллетристику	5	15	30	50
Читают ежемесячно один номер «Харпер», «Нэйшнл ревью» и т. д.	1/2	2	10	25
Читают ежемесячно один номер «Тайм», «Нью- суик» или «Юнайтед стейтс ньюс»	5	10	45	70
Читают ежемесячно один номер «Лук», «Лайф», или «Пост»	25	50	65	30
Читают ежедневную га- зету	70	80	90	95
Читают «Нью-Йорк тайме»	1/5	1/2	5	50
Узнают внутренние или международные новос- ти в первую очередь из газет	10	20	30	50
Хотят, чтобы в газетах содержалось больше международной инфор- мации	10	20	30	50
Ежедневно слушают ра- дио	60	70	85	?
Ежедневно слушают по- следние известия по радио	50	60	65	?
Ежедневно пользуются телевидением	80	75	65	?
Смотрят телевизионную информацию	45	45	45	?
Предпочитают в качестве средств информации телевидение	60	35	20	?
Предпочитают информа- цию в форме телевизи- онных спектаклей	5	15	30	50

Источник—«Телевизи куортерли», весна 1968 г., стр. 47. Приведенные цифры заимствованы главным образом из данных, опубликованных в кн.: John Robinson, Public Information about World Affairs, Ann Arbor, Mich., 1967.

беспрецедентного внимания к себе. Физический и моральный иммунитет по отношению к 'иностранным» событиям ,не может по-настоящему сохраняться в условиях, когда .возрастает интеллектуальное понимание глобальной 'взаимозависимости людей и когда происходит электронное вторжение глобальных событий в человеческие жилища.

Это положение способствует также новому пониманию .международный дел. Даже в недавнем еще прошлом о международной политике узнавали, изучая историю и географию и читая газеты. Это приводило к чрезвычайно схематизированному, даже жесткому подходу, при котором удобно 'было относить события и государства к определенным категориям, до некоторой степени .руководствуясь соображениями идеологического порядка. Сегодня же проблемы иностранных дел наваливаются на ребенка или подростка в развитых странах в виде разрозненных, спорадических, изолированных, но непосредственно затрагивающих его самого событий: катастрофы и акты насилия, происходящие как за границей, так и дома, сплетаются в единый запутанный узел, и, хотя они могут вызвать либо положительные, либо отрицательные реакции, их уже нельзя распределить по четко разграниченным категориям — «мы» и «они». Особенно большую роль в возникновении '«расплывчатого», значительно более субъективного— и также окрашенного чувством личной причастности — отношения к мировой политике играет телевидение¹⁰. Каждый, кто преподает международную политику, ощущает серьезную перемену именно такого плана в отношении к ней молодежи.

Подобное прямое глобальное вторжение и взаимодействие событий не способствуют, однако, лучшему '«пониманию» наших современных дел. Напротив, можно утверждать, что для большинства людей прийти к такому «пониманию» — в смысле обладания субъективной верой в собственную способность оценивать события исходя из каких-то организованных принципов, — сегодня в некоторых отношениях стало гораздо труднее. Мгновенное, но заочное участие в событиях приводит к возникновению чувства неуверенности, особенно когда делается все более очевидным, что привычные аналитические категории уже не могут быть адекватно применены к новым обстоятельствам*.

Научный взрыв—это наиболее стремительно развивающийся аспект всей нашей реальности, растущий быстрее, чем население, промышленность и города; такой взрыв скорее увеличивает, чем уменьшает, подобное чувство неуверенности.

* Можно привести простой пример: в течение примерно 20 лет антикоммунизм служил для многих американцев главным организационным принципом. Как же в этом случае уложить в подобную схему такие события, как конфликт 'между Москвой и Пекином или — раз уже принято считать Москву более «либеральной» — между Москвой и Прагой?

Для среднего гражданина и даже для интеллигента попросту невозможно усвоить и разумно организовать для себя поток знаний. В каждой области науки раздаются жалобы на то, что слишком обильная публикация докладов, научных изданий и ученых статей и избыток специальных журналов вынуждают людей превращаться либо в узких, ограниченных специалистов, либо в поверхностных обобщателей *. Таким образом, по мере того как знания расширяются, становится все труднее достичь единства мнений в отношении прогнозов на будущее; вдобавок, традиционные прогнозы, вроде тех, которые возникли на основе примитивных мифов или, более недавно, на основе некоторых исторически обусловленных идеологий, уже не выдерживают критики.

Угроза интеллектуального раскола человечества, вызванная разрывом между темпами расширения знаний и быстротой их усвоения, ставит тревожный вопрос относительно возможности его интеллектуального единства в будущем. Обычно предполагалось, что современный мир, во все большей мере формируемый индустриальной и урбанистической революциями, будет выглядеть более однородным. Возможно, так оно и будет; но это может оказаться однородностью непрочности, неуверенности и интеллектуальной анархии. Поэтому результатом подобной однородности совсем не обязательно явится более стабильная обстановка.

2. Двойственный характер влияния Соединенных Штатов как распространителя технотронной революции

Соединенные Штаты являются главным глобальным распространителем технотронной революции. Именно американское общество оказывает в настоящее время самое большое влияние на все другие общества, содействуя далеко идущим совокупным изменениям их воззрений и нравов. В разные исторические эпохи различные общества служили катализаторами перемен, стимулируя в других стремление подражать их примеру и приспособляться к ним. Тем, чем в далекой

* Подсчитано, например, что НАСА употребляет примерно 15 000 специальных технических терминов, и все они собраны в ее собственном словаре («Бюллетень центров по изучению общих последствий большой новой техники», Париж, июнь 1968 г., стр. 6). Считают также, что «начиная с 1450 г. число публикуемых книг примерно удваивается через каждые 20 лет, и до сих пор их издано около 30 млн.; предполагается, что к 1980 г. цифра эта возрастет до 60 млн.» (Cyril Black, *The Dynamics of Modernisation*, N. Y., 1966, p. 112). Глен Сиборг в свою очередь указывает, что «ежегодно выходит в свет 100 тыс. одних только научных журналов на более чем 60 языках, причем число их через каждые 15 лет удваивается» (Глен Т. Сиборг, *Неудобный мир обретает власть над судьбой*, «Нью-Йорк тайме», 6 января 1969 г.).

древности для средиземноморского мира были Афины и Ритиви, а для значительной части Азии — Китай, в более близкие к нам времена была для Европы Франция. Французские литература, искусство, политические идеи обладали магнетической притягательной силой, а французская революция стала, пожалуй, единственным мощным стимулом для подъема популистского национализма в XIX в.

■ Несмотря на наблюдающиеся в стране внутренние трения — а, по сути дела, в некоторых отношениях именно благодаря им (см. часть IV), — Соединенные Штаты являются новаторским и творческим обществом наших дней. Они играют также роль важного разрушительного фактора на мировой арене. ^Коммунизм, рассматриваемый многими американцами как главная причина смут, фактически наживает капитал в первую очередь на чувстве разочарования и на чаяниях, основным источником которых является американское влияние на остальной мир. Соединенные Штаты находятся в центре внимания всего земного шара; с ними соревнуются, им завидуют, ими восхищаются, их ненавидят. Ни одно другое общество не вызывает таких интенсивных чувств, как американское; нет общества, внутренние дела которого — включая имеющиеся в Америке место акты расового насилия и подавление волнений в ее городах — изучались бы с таким пристальным вниманием; нет общества, за политикой которого следили бы с таким жадным интересом, настолько жадным, что для многих иностранцев внутренняя политика Соединенных Штатов стала необходимым продолжением их собственной политики; нет общества, которое в таких масштабах пропагандировало бы свой собственный образ жизни и свои ценности с помощью кинофильмов и телевидения, а также посредством выходящих многомиллионными тиражами иностранных изданий своих национальных журналов или же просто с помощью своих товаров; нет общества, которое было бы объектом столь противоречивых оценок.

Американское влияние

^Вначале воздействие Америки на мир носило в значительной мере идеалистический характер: понятие Америки ассоциировалось с понятием свободы. Позже это влияние стало более материалистическим: Америку стали рассматривать как страну благоприятных возможностей, грубо выражаемых в долларах. Сегодня подобных материальных преимуществ можно добиться в других районах мира с меньшим личным риском. Убийство братьев Кеннеди и Мартина Лютера Кинга так же, как и наблюдающиеся в США расовые и социальные трения, не говоря уже о войне во Вьетнаме, поставило отождествление Америки со свободой в какой-то мере под вопрос. Зато ее влияние ощущается прежде всего в сфере науки и

техники. Оно является следствием ©едаущей роли Соединенных Штатов в области науки, техники и образования*.

Научно-техническое развитие представляет собой динамический процесс. Оно зависит в первую очередь от вкладываемых в него ресурсов, от наличия соответствующих кадров, от поддерживающей его образовательной базы и, наконец, что не менее важно, от свободы научного творчества. Во всех четырех отношениях Америка занимает выгодную позицию; она тратит на науку больше денег и выделяет на исследования большие ресурсы, чем любое другое общество**.

■Кроме того, американский народ пользуется более широким доступом к образованию, чем большинство других передовых обществ (см. табл. 4 и 5). В начале 60-х гг. более 66% американцев в возрасте от 45 до 19 лет занимались в учебных заведениях. Соответствующий показатель составляет во Франции 31%, в Западной Германии — 20%. Общая численность населения Франции, Западной Германии, Италии и Соединенного Королевства равна численности населения Сое-

* Если позволить себе широкое обобщение, можно сказать, что Рим экспортировал право, Англия — парламентскую партийную демократию, Франция — культуру и республиканский национализм, а современные Соединенные Штаты экспортируют научно-технические нововведения и массовую культуру, основанную на высоком уровне потребления.

** Как указано в одном из отчетов конгресса за 1968 г., «текущие» расходы на исследования и развитие доходят в Соединенных Штатах ежегодно примерно до 24 млрд. долл. (причем около 2/3 этих расходов покрывает федеральное правительство), в то время как страны Западной Европы, вместе взятые, расходуют на эти цели всего 6 млрд. долл.». Предполагают, что соответствующая советская цифра составляет примерно 8 млрд. руб. Но так как американские цены выше, то в области исследований рубль приблизительно равен 3 долл. В 1962 г., по данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Соединенные Штаты расходовали на исследования и развитие по 93 долл. 70 центов на человека, Великобритания — по 33 долл. 50 центов, Франция — по 23 долл. 60 центов, Западная Германия — по 20 долл. 10 центов. По отношению к валовому национальному продукту расходы Соединенных Штатов на исследования и развитие составляют 3,1%, Великобритании — 2,2, Франции—1,5, Польши—1,6, Западной Германии — 4,3, Советского Союза— 2,2%. В Соединенных Штатах насчитывалось 1 159 500 ученых, инженеров и техников, занимающихся исследованиями и развитием, в Великобритании их было 211 100, во Франции—111 200, в Западной Германии— 142 200, в Бельгии и Голландии — 53 800, в Советском Союзе — несколько, больше 1 млн. (С. Freeman and A. Young, *The Research and Development Effort in Western Europe, North America and the Soviet Union*, OECD, 4965, p. 71—72, 124. Данные по Польше заимствованы из речи А. Верблана, опубликованной агентством ПАП 15 октября 1968 г. Поляки рассчитывают достичь 2,5% только к 1975 г. В отношении более высокой оценки для Советского Союза см. «Научная политика в СССР», специальный отчет ОЭСР, 1969 г., особенно стр. 642 — 647). В целом в Соединенных Штатах находится примерно 1/3 всей научной рабочей силы в мире («The Scientific Brain Drain from the Developing Countries to the United States, Twenty-third Report by the Committee on Government Operations», House of Representatives, Wash., D. C., March 1968, p. 3; в дальнейшем цитируется как «Report...»).

Таблица 4

**Число имеющих доступ к высшему образованию из расчета на каждые
100 тыс. человек населения**

Страна	1950 г.	1965 г.	Прирост в абсолютных цифрах
Соединенные Штаты	1508	2840	+ 1332
Западная Германия	256	632	+ 376
Франция	334	1042	+ 708
Япония	471	1140	+ 669
СССР	693	1674	+ 981
Польша	473	800	+ 327
Индия	ИЗ	284	+ 171
Индонезия	8	(1963 г.) 95	+ 87
Бразилия	98	(1963 г.) 189	+ 91
Алжир	52	68	+ 16

Источник — Статистический ежегодник ЮНЕСКО, 1967, табл. 2.10, стр. 185—199.

Таблица 5

**Число выпускников высших учебных заведений из расчета
на каждые 100 тыс. человек (1964 г.)**

Соединенные Штаты (1965 г.)	349	Польша	81
Западная Германия	109	Индия (1962 г.)	45
Франция	96	Индонезия	—
Япония	233	Бразилия	25
СССР	177	Алжир	—

Источник — Статистический ежегодник ЮНЕСКО, 1967 г., табл. 2.14, стр. 259—268.

диненных Штатов и достигает примерно 200 млн. человек. Но в Соединенных Штатах 43% молодежи соответствующего возраста учится в колледжах, в то время как в четырех вышеупомянутых европейских странах эта цифра колеблется между 7 и 15% (самая низкая цифра в Италии, самая высокая—во Франции). Советский показатель был примерно вдвое ниже американского. В абсолютных цифрах в Соединенных Штатах насчитывается около 7 млн. студентов колледжей и только примерно 1,5 млн. в четырех европейских странах, вместе взя-

тых. Что касается возрастной группы молодежи от 20 до 24 лет, то в Соединенных Штатах учились в учебных заведениях повышенного типа 12%, тогда как в самой передовой в этом смысле западноевропейской стране — Западной Германии — это число составляло примерно 5%. Для возрастной группы от 5 до 19 лет американские и 'западноевропейские показатели 'были примерно одинаковыми (около 80%), и Советский Союз оставался далеко позади, поскольку здесь число учащихся этого возраста достигало всего 57% "

'В результате Соединенные Штаты обладают значительным числом образованных и талантливых людей, составляющих своего рода социальную пирамиду, широкое основание которой в состоянии обеспечить эффективную поддержку ее руководящей и творческой вершине. Это положение справедливо, несмотря даже на то, что американское образование зачастую бывает неполноценным с интеллектуальной точки зрения, особенно по сравнению с более строгими мериллами западноевропейских и японских средних учебных заведений. Тем не менее широкая база из относительно подготовленных людей позволяет быструю разработку, развитие и социальное применение научных новшеств и открытий *. Хотя точная оценка невоз-

* Ведущая роль Америки в области науки особенно заметно проявляется в так называемых прогрессивных смежных отраслях промышленности, связанных с наиболее передовыми областями науки. Подсчитано, что родиной примерно 80% всех научных и технических открытий, сделанных за несколько последних десятилетий, являются Соединенные Штаты. Около 79% всех существующих в мире ЭВМ работает в Соединенных Штатах. Еще более заметно руководящее положение Америки в области лазеров. МАГАТЭ подсчитало в своем отчете (см.: «Power and Research Reactors in Member States», Vienna, 1969), что к 1975 г. Соединенные Штаты будут использовать больше ядерной энергии для мирных целей, чем все следующие за ними по порядку 11 государств, вместе взятые (включая Японию, всю Западную Европу, Канаду и Советский Союз).

Чтобы определить масштабы новаторской деятельности человечества, аналитики из ОЭСР проверили, где именно в первую очередь нашли применение 139 отобранных ими изобретений. Они обследовали 9 отраслей промышленности, в значительной степени зависящих от нововведений (производство ЭВМ, полупроводников, фармацевтических товаров, пластмасс, чугуна и сталелитейная промышленность, станкостроение, цветная металлургия, производство научной аппаратуры и синтетических -волокон). В результате оказалось, что за -последние 20 лет Соединенные Штаты имели самый высокий коэффициент нововведений, поскольку примерно 60% -из числа вышеупомянутых 139 изобретений -впервые нашли себе применение в этой стране (15% в Великобритании, 9 в Западной Германии, 4 в Швейцарии, 3% в Швеции). Соединенные Штаты получают 50—60% всех доходов от патентов, лицензий и т. д., выдаваемых в зоне деятельности ОЭСР. Они играют ведущую роль и -в торговой деятельности, так как на них приходится -около 30% -мирового экспорта продукции, связанной с интенсивными исследованиями (Д ж. Ричар-д-сон и Форд Паркс, Почему Европа плетется в хвосте, «Сайенс Джорнел», т. 4, август 1968 г., стр. 81—86).

Стоит, например, отметить, что, в то время как Западная Европа все еще слегка превосходит Соединенные Штаты по числу регистрируемых ежегодно патентов, промышленное применение патентов здесь примерно в 8 раз больше, чем в Европе.

можно, некоторые эксперты считают, что сегодняшнее общество испытывало бы затруднения в осуществлении быстрой модернизации, если бы число людей соответствующей возрастной группы, имеющих высшее образование, составляло в нем менее 10%, а число граждан со средним образованием — менее 30%.

К тому же и действующая в американском научном мире организационная структура, и его интеллектуальная атмосфера благоприятствуют экспериментам и быстрому использованию обществом достижений науки. В составленном в начале 1968 г. специальном докладе об американской политике в области науки группа связанных с ОЗСР экспертов пришла к выводу, что американское научно-техническое развитие глубоко коренится в американских традициях и истории *. Кон-

Руководящая роль Америки заметна также и в области чистой науки. В своем весьма самоуверенно звучащем, но соответствующем фактам отчете американская Национальная академия наук заявила в конце 1968 г., что Соединенные Штаты занимают ведущее место в математике. В качестве доказательства упоминается, что начиная с 1945 г. 50% медалей Фильда, пользующихся большим престижем, были присуждены американцам, что американские математики играют ведущую роль на международных математических конгрессах (представляя свыше 33% всех научных докладов) и что американские математические исследования чаще всего цитируются в иностранных математических журналах («Нью-Йорк тайме», 24 ноября 1968 г.).

Более ощутимым стало также преобладание американцев среди лауреатов Нобелевских премий по физике, химии и медицине. Так, с 1901 по 1939 г. Соединенные Штаты и Канада завоевали 13 премий, в то время как Франция, Германия, Италия, страны Бенилюкса и Соединенное Королевство, вместе взятые, получили 82 премии, Скандинавские страны — 8, СССР — 4, а Япония — ни одной. С 1940 по 1967 г. соответствующие цифры составляли: 42, 50, 6, 8 и 2.

* «С первых часов существования республики право граждан на «поиски счастья», зафиксированное в Декларации независимости, было одной из главных движущих сил американского общества; оно служит также основой социальной политики, вдохновляемой надеждой на новые выгоды от развития науки и техники. Да и как можно отказаться от надежды, что эти выгоды, которые фактически внесли уже столь значительный вклад в национальную оборону и в погоню за мировым престижем, внесут также существенный вклад в достижение других великих национальных целей? Вот в чем заключается та движущая сила, которая придала науке, этой матери познания, характер подлинного источника процветания нации. Развитие ее неразрывно связано с задачами американского общества, стремящегося построить свое будущее на основе прогресса науки и техники. В таком качестве это общество в целом является потребителем научных знаний, применяемых в самых различных целях: в прошлом веке они содействовали росту производительности сельского хозяйства и облегчили освоение территории страны, а позже помогли укрепить ее национальную оборону, оградить здоровье общества и исследовать космос. Подобная деятельность влияет на судьбы всей нации, и мобилизация всех ее талантов для сотрудничества на этом поприще представляется поэтому вполне естественной задачей. Таким путем промышленность, университеты и частные организации принимают участие в правительственных проектах» (ключительная часть доклада, подготовленного секретариатом ОЭСР в январе 1968 г. Цит. по «Нью-Йорк тайме» от 13 января 1968 г., стр. 10).

курения и ставка на быструю эксплуатацию достижений науки в Америке привели к быстрому внедрению в экономику в целом результатов огромных усилий, предпринятых в области обороны и космических исследований, тогда как в Советском Союзе побочные материальные результаты научных исследований, проводимых почти в столь же широких масштабах, были до сих пор весьма незначительными. Примечательно, что «русские сами считают, что производительность их исследователей примерно в половину ниже производительности американцев и что внедрение новшеств занимает у них вдвое или втрое больше времени»¹².

Такая атмосфера и сопутствующие ей награды за творческую деятельность создали магнетическую притягательную силу (вылившуюся в «утечку умов»), из которой Америка явно извлекает немалые выгоды. Америка обеспечивает многочисленным квалифицированным ученым, выходящим даже из развитых стран, не только более высокое материальное вознаграждение, но и уникальную возможность для максимального, расцвета их таланта. В прошлом западные писатели и художники стремились главным образом в Париж. В более поздние времена известной идеологической притягательной силой стали обладать Советский Союз и Китай. Но ни в том, ни в другом случае это не приводило к сколько-нибудь существенным перемещениям научной элиты. Хотя иммигрирующие в Америку ученые вначале рассматривают эту страну как базу для творческого труда, а не как национальное общество, на которое они переключают свою политическую преданность, в большинстве случаев такая преданность позднее все же возникает как результат их ассимиляции. Специфически профессиональная притягательность Америки для мировой научной элиты не имеет исторических прецедентов ни по своим масштабам, ни по количественному охвату*.

Для европейских ученых подобная притягательная сила

* По словам вице-президента и главного научного сотрудника компании ИБМ З. Пайора, «Соединенные Штаты сделали интеллектуальным центром мира — центром искусств, науки и экономики» («На пути к 2000-у году», «Дэдалус», лето 1967 г., стр. 958). Весьма симптоматично, что в начале 60-х гг. 44% всех пакистанских, 59 индийских, 32 индонезийских, 56 бирманских, 90 филиппинских, 64 тайландских и 26% цейлонских студентов, обучавшихся в высших учебных заведениях 15 зарубежных стран, учились в Соединенных Штатах (Gunnaf M u g d a l, Asian Drama, N. Y., 4968, p. 1773). В 1967 г. Соединенные Штаты выдали обучавшимся здесь иностранным гражданам 10 690 дипломов докторов медицины и приняли в том же году в качестве постоянных иммигрантов 3457 врачей (ом.: «Report...», p. 3). Тогда же в Соединенные Штаты эмигрировало 10 506 ученых, инженеров и медиков из развитых стран («The Brain Drain of Scientists, Engineers and Physicians from the Developing Countries to the United States, Hearing before a Subcommittee on Government Operations, House of Representatives», Wash., D. C., January 23, 1968, p. 2, 96; в дальнейшем цитируется как «Hearing...»).

Соединенных Штатов, по-видимому, будет ослабевать (частично из-за внутренних проблем Америки, частично же из-за научного прогресса самой Европы), однако успех книги Жан-Жака Сервана-Шрейбера «Американский вызов» отражает склонность занимающихся этими вопросами европейцев считать правильным тезис, по которому Соединенные Штаты ближе всех других государств подходят к тому, чтобы стать единственным подлинно современным обществом в смысле организации и масштабов своего народнохозяйственного рынка, методов управления деловой деятельностью, постановки научно-исследовательской работы и образования (напротив, структура американского правительства рассматривается как вероятно устаревшая). Проявляемая европейцами в этом вопросе чувствительность обусловлена не только страхом перед усилением ведущей роли американцев в области техники, но в значительной мере и тревогой по поводу все большего присутствия на европейских рынках крупных американских фирм, использующих свои экономические преимущества в отношении масштабов и превосходной организации производства, для того чтобы постепенно добиться контроля над смежными ключевыми отраслями промышленности. Присутствие этих фирм, зарождение под их эгидой чего-то напоминающего новую международную корпоративную элиту, тот факт, что само это присутствие способствует заимствованию Европой американских деловых методов и системы подготовки кадров, и, наконец, все более глубокое понимание того, что так называемый технический разрыв является также разрывом в области методов управления экономикой и в системе образования¹³, — все это привело к положительной оценке европейской деловой и научной элитой американской «техноструктуры» и к стремлению использовать у себя кое-что из американского опыта.

Менее заметным, но не менее всепроникающим является американское влияние на массовую культуру, на нравы молодежи и стиль жизни в странах Европы. Чем выше в какой-нибудь стране уровень дохода на одного жителя, тем более уместным выглядит здесь термин «американизация». Это показывает, что внешние формы характерного поведения современных американцев являются не столько результатом расцвета культуры, сколько отражают определенный уровень развития городов, техники и экономики. Тем не менее, поскольку эти формы привились сначала в Америке, а затем были «экспортированы» за границу, они стали символом американского влияния и тех отношений соревнования в новаторстве, какие установились между Америкой и остальным миром.

Именно тот факт, что сопричастность новому стала элементом повседневного американского жизненного опыта, делает Америку уникальной в наше время. Во всех случаях

жизни — идет ли речь о новейших научных открытиях в области космических исследований и медицины или об электрической зубной щетке в ванной, о поп-арте или о наркотиках, о кондиционировании воздуха или о его заражении, о проблемах пожилого возраста или о юношеской преступности — остальной мир узнает о том, что его ожидает в будущем, наблюдая за тем, что происходит в Соединенных Штатах. Менее очевидна эта связь в таких областях, как стиль, музыка, моральные ценности и общественные нравы; но и тут термин «американизация» недвусмысленно указывает на их специфический источник.

Аналогичным образом возвращающиеся из американских университетов иностранные студенты дали толчок организационной и интеллектуальной революции в академической жизни своих стран. Перемены в академической жизни Западной Германии, Соединенного Королевства, Японии, в более недавнее время — Франции, а в еще большей степени — менее развитых стран носят на себе влияние американской системы образования. Учитывая развитие современных массовых средств информации,* можно не сомневаться в том, что наступление момента, когда студенты в Колумбийском и, скажем, Тегеранском университетах будут одновременно смотреть по телевизору одни и те же лекции, является только вопросом времени.

Все это тем более вероятно, что американское общество, больше чем какое-либо другое, «общается» со всем земным шаром¹⁴. Примерно 65% мировых линий связи начинаются в нашей стране. Более того, Соединенные Штаты наиболее активно развивали глобальную систему связи с помощью спутников и играют ведущую роль в создании всемирной информационной сети*. Ожидается, что такая сеть начнет функционировать примерно в 1975 г.¹⁵. Впервые в истории все совокупные знания человечества станут доступными в мировом масштабе, и к тому же доступными почти сразу же в ответ на запрос.

Новый империализм?

Все эти факторы содействуют развитию новых взаимоотношений между Соединенными Штатами и остальным миром, взаимоотношений, несколько напоминающих В|Нутр>иИ|Мперские связи. И все же по самой сути своей эти взаимоотношения резко отличаются от традиционной имперской структуры по-

* Предполагают (по данным Института по вопросам политики и планирования в Арлингтоне, штат Вирджиния), что масштабы цифровой системы информации вскоре превысят число устных разговоров через Атлантику, как это уже произошло в Соединенных Штатах. Более того, в течение ближайшего десятилетия стоимость экспортируемой из Соединенных Штатов в Ееріопу информации превысит стоимость экспорта материальных благ.

добных связей. Разумеется, сложившаяся после второй мировой войны ситуация, когда ряд стран находился в прямой зависимости от Соединенных Штатов в вопросах обеспечения своей безопасности, а также политики и экономики, привела к Созданию системы, во многих отношениях, в том числе и в отношении размеров, внешне на поминаю щей Британскую, Римскую или Китайскую империю былых времен ¹⁶. Миллион с лишним американских военнослужащих, размещенных примерно на 400 крупных и почти 3000 мелких американских военных базах, разбросанных по всему миру, 42 страны, связанные с Соединенными Штатами договорами безопасности, американские военные миссии, обучающие офицеров и солдат многих других национальных армий, и примерно 200 тыс. американских гражданских служащих, занимающих различные посты за границей, — все это поразительно напоминает великие классические имперские системы ¹⁷.

Тем не менее термин «имперский» в применении к той связи, которая существует между Америкой и остальным миром, скорее смазывает, чем раскрывает эту связь. В действительности она и сложнее, и теснее. «Имперский» ее аспект носил вначале временный характер и был, в сущности, стихийным ответом на возникший в результате второй мировой войны вакуум и наметившуюся вслед затем коммунистическую угрозу. К тому же этот аспект не имел формальной структуры и не был четко легализован. «Империя» представляла собой в лучшем случае неофициально действовавшую систему, для которой была характерна видимость равенства и невмешательства. Такое положение облегчило возможность отказа от «имперских» атрибутов, когда обстоятельства изменились. К концу 60-х гг. «былая (прямая военно-политическая зависимость ряда государств от Соединенных Штатов, за многими исключениями, ослабла (зачастую вопреки предпринимаемым Соединенными Штатами политическим попыткам сохранить ее). Эта зависимость уступила место более всеобъемлющему, но менее осязаемому влиянию американского экономического присутствия и американских нововведений, либо непосредственно исходивших от Соединенных Штатов, либо стимулировавшихся американскими капиталовложениями за границей (последние ежегодно обеспечивали объем продукции, превышавший валовой национальный продукт «большой» ства крупных стран) ¹⁸. Действительно, «<... американское влияние носит расплывчатый и почти незаметный характер. Оно распространяется как результат взаимопроникновения экономических организаций, дружественной гармонии в отношениях между политическими руководителями и партиями, общности взглядов утонченных интеллигентов, совпадения бюрократических интересов. Иными словами, оно представляет собой нечто НОiВое в нашем (мире и еще не вполне понятное)» ¹⁹.

Именно эту новизну взаимоотношений Америки с миром — отношений сложных, тесных и расплывчатых — нельзя рас-
крыть более ортодоксальным, в особенности марксистским, анализом империализма. Рассматривать эти взаимоотношения только как выражение некой империалистической тенденции — значит игнорировать ту роль, какую играет в них колоссальный размах научно-технической революции. Революция эта не только завораживает воображение человечества (кого не взволнует зрелище высадившегося на Луне человека?), но и неизбежно вызывает у менее развитых стран стремление под-
ражать более развитым и стимулирует экспорт из последних в первые новых технологических процессов, методов и организационных принципов. Несомненно, что все это приводит к возникновению асимметричных взаимоотношений, но прежде чем назвать такую асимметрию империализмом, следует тщательно изучить ее внутренний смысл. Как и любое другое общество, Америка, бесспорно, предпочитает быть более, чем менее развитой. Однако характерно и то, что никакая другая страна не предприняла таких усилий — правительственных и частных, с помощью установления деловых связей и особенно путем учреждения специальных фондов — для того, чтобы экспортировать свои деловые навыки, сделать свои достижения в области исследования космоса общественным достоянием, содействовать применению новой агротехники, расширить возможности образования, контролировать рост населения, улучшить организацию здравоохранения и т. д. Во всем этом имеется известный оттенок империализма; и все же заклеить подобную систему отношений как империализм было бы ошибочным²⁰.

Поскольку сами американцы неспособны до конца понять, что происходит в их собственном обществе, им, конечно, трудно постичь то глобальное влияние, которое это общество оказывает на мир, выполняя свою уникальную роль распространителя технотронной революции. Влияние это носит противоречивый характер: оно и содействует американским интересам, как их понимают творцы американской политики, и одновременно подрывает их; оно помогает двигать вперед дело сотрудничества между государствами даже в еще большей степени, чем разрушает существующие общественные или экономические структуры; оно закладывает фундамент благополучия и устойчивости и одновременно укрепляет силы, содействующие поддержанию Неустойчивого состояния и революции. В отличие от традиционных империалистических держав, которые в значительной степени делали ставку на принцип «разделяй и властвуй» (применяемого поразительно одинаково англичанами в Индии и в более близкое к нам время — русскими в Восточной Европе), Америка пыталась поощрять регионализм и в Европе, и в Латинской Америке. Но, посту-

ая таким образом, она помогает созданию крупных организмов, более способных оказывать сопротивление ее влиянию и соревноваться с ней в области экономики. Модернизация, иногда завуалированно, а иногда совершенно открыто следующая американскому образцу, потенциально содействует росту экономического благополучия, но в ходе этого процесса она разрушает существующие институты, подрывает господствующие права и вызывает появление недовольства, обращаемого непосредственно против источника этих перемен — Америки. В результате возникает острая напряженность между тем типом глобальной устойчивости и порядка, к которому субъективно -стремится Америка, и неустойчивостью, -нетерпением и разочарованностью, развитию которых она -сама невольно способствует.

Соединенные Штаты -стали первым в истории глобальным обществом. Это—общество, чьи внешние культурные и экономические границы все труднее очертить. К тому же маловероятно, чтобы в обозр-и-мом будущем Америка перестала оказывать то новаторское воздействие на остальной мир, которое характерно для ее -нынешних .взаимоотношений с ним. К концу текущего -столетия (судя по наметившимся тенденциям) только примерно 13 стран сумеют, по-видимому, достичь того объема валового национального продукта на душу населения, какой Соединенные Шт-аты имели в 1965 -г.²¹. Если только не наступит серьезный научный и экономический застой или политический кризис (см. часть IV), Америка все -еще будет представлять -собой -в конце века важный факто-р возникновения -глобальных переме-н, независимо от того, будут ли господствующие субъективные настроения про- или антиамериканскими.

3. Глобальные гетто

«Третий мир» является жертвой технотронной революции. Независимо от того, растут ли слаборазвитые страны быстро или медленно или вообще не растут, почти неизбежно во многих из них будет по-прежнему господствовать в-с-е более интенсивное чувство психологической обездоленности. В мире, живущем под знаком электронных взаимосвязей, абсолютная или относительная елаборазвито-сть будет нетерпимой, особенно потому, что более развитые страны .начинают выходить за ра-мки той индустриальной эры, в которую менее развитым странам -еще только предстоит вступить. Таким образом, речь идет уже не о -«революции растущих ожиданий». Сегодня «третий мир» сталкивается с призраком ненасытных устремлений.

-Было в истории в-рем-я, -когда с виду не разрешимые -проблемы породили у людей -фатализм, -поскольку их рассматри-

вали как часть повсеместно существующего положения. Сегодня подобные проблемы вызывают чувство разочарованности, потому что в них видят исключительное явление, от которого не страдают другие, более -счастливые люди. Бедственное состояние городских гетто в Соединенных Штатах может служить близкой аналогией общему положению в менее развитых странах, особенно в Африке и Азии. Их проблема заключается не в отсутствии перемен *. :В некоторых случаях дело даже не в недостаточной быстроте перемен, потому что в последние годы некоторые слаборазвитые страны добились -существенного и -непрерывного темпа роста (например, Южная Корея, Тайвань, Гана). Проблема эта возникает, скорее, на почве все усиливающегося чувства относительной обделенности. И это чувство становится все более острым по мере развития образования и массовых средств информации. В результате пассивная покорность может смениться здесь активными взрывами неуправляемого гнева.

Перспективы перемен

Предсказать ход экономического и политического развития слаборазвитых -стран чрезвычайно трудно. Некоторые из них, особенно в Латинской Америке, могут добиться ощутимого прогресса, в течение ближайших двух десятилетий достичь экономического уровня более развитых -в настоящее время государств. Островки развития могут гуще ус-еять карты Азии и Африки, если предположить, что в этом -районе мира в целом будут сохраняться -относительный мир и политическая -стабильность. Но общий прогноз — необнадеживающий. Средние перспективные показатели, намеченные для некоторых из наиболее крупных слаборазвитых стран, предусматривают на 1985 г. следующий объем валового национального продукта (в н. л.) на душу населения в стоимостном выражении: для Нигерии — 107 долл., Паки-ста-на — 134, Индонезии — 142, Индии— 169, Китая — 185, ОАР — 295 и Бразилии — 372 долл. (для сравнения можно указать соответствующие цифры на 1985 -г. для США — 6510 долл., Японии — 3080, СССР — 2660 и Израиля — 2978 долл.)²². И — что еще более примечательно,— в то время как в упомянутых развитых странах объем в. н. п.

* -«Темпы роста этих стран во время «десятилетия развития» не достигли и 5% в год — показателя, намеченного как минимальный. Темпы развития, достигнутые 54 странами, в которых живет 87% населения всех развивающихся стран мира, ооста-вили за период 1960— 1965 гг. в среднем всего 4,5% в год. Среди этих 54 стран есть группа из 18 стран со средними темпами роста в размере 7,3% в год, в то время как соответ-ствующий показатель для других 15 стран едва достиг 2,7%... Между этими двумя крайними группами находилась 21 страна, где темпы развития равнялись 4,9% в год» («Towards a Global Strategy o-f Development, A Report by the Secretary-General of the United Nations Conference on Trade and Development, N. Y., 1968, p. 5).

на душу населения в период 1965 — 1985 гг., вероятно, удвоится, для нигерийца соответствующее увеличение составит всего 14 долл., пакистанца — 43, индонезийца — 12, индийца — 70, китайца — 88, египтянина — 129 и бразильца — 92 долл.

Угроза, которую создает перенаселенность для экономического роста государств и даже для самого существования их жителей, подверглась в последние годы широкому обсуждению. Следует подчеркнуть, что эта угроза приобретает решающее общественно-политическое значение. Перенаселенность приводит к измельчанию земельных наделов и тем самым еще больше расслаивает и усложняет классовую структуру деревни, усиливая различия в положении людей и обостряя классовые конфликты. Весьма вероятно также резкое обострение проблемы безработицы. По материалам Международной организации труда, численность рабочей силы в развивающихся странах Азии увеличится к 1980 г. с 663 млн. человек до 938 млн. За тот же самый период число новых рабочих мест возрастет, согласно подсчетам, основанным на нынешних темпах роста, всего на 142 млн.²³.

Даже если допустить, что благодаря большему распространению контроля над рождаемостью проблема перенаселенности станет менее острой, то все равно экономическое положение слаборазвитых стран в смысле объема в. н. п. на душу населения будет лишь ненамного благоприятнее, чем сейчас, если рассматривать его в сравнении с показателями, намеченными для более развитых стран. Так, даже в том маловероятном случае, если население Индонезии за период 1965 — 1985 гг. не увеличится совсем, объем в. н. п., приходящийся на одного ее жителя, составит примерно 200 долл., вместо прогнозируемых 112. При тех же условиях он достигнет в Пакистане 250 долл., вместо прогнозируемых 134, а в ОАР — почти 500 долл, вместо 295. Но поскольку известный рост численности населения неизбежен, приведенные выше цифры практически недостижимы, хотя сами по себе они и выглядят весьма скромно по сравнению с цифрами, прогнозируемыми для более развитых районов мира.

Правда, приводя эти показатели, мы отнюдь не хотим сказать, что возможность прогресса в некоторых областях вообще исключается. По всей вероятности, верно, что «картина мира в 1985 г. окажется не такой уж мрачной, хотя все еще сохраняются обширные районы нищеты. В самом деле, к 1985 г. массовая смертность от голода, массовая бездомность, безудержное распространение эпидемий, то есть в-с-е то, что, как известно из истории, уничтожало население целых стран, будет в основном ликвидировано. Хотя слаборазвитые страны останутся еще сравнительно бедными, они получат больший и более непосредственный доступ к мировой системе транспорта и связи; при стихийных бедствиях их (будут в порядке между-

народной помощи обеспечивать лекарствами, медицинским обслуживанием, продовольствием, кровом и одеждой. Избыточная американская продукция 'предметов потребления станет важным элементом в снабжении обездоленных стран продовольствием»²⁴. Можно предположить, что организация лучшего планирования международных торговых договоров, а также соглашений, касающихся транспорта, финансов, образования и обязательных мероприятий в области здравоохранения, будет содействовать 'более упорядоченному и осмотрительному подходу к проблемам, порождаемым отсталостью, медленным развитием и увеличивающимся неравенством в жизненном уровне ряда стран. Улучшение системы информации даст возможность немедленно реагировать на внезапные бедствия и проводить независимо от расстояния непрерывные визуальные консультации специалистов. В случае необходимости можно будет мобилизовать помощь и перебросить ее через всю планету за время, не превышающее то, за которое сегодня успевают отреагировать на бедствие, случившееся внутри страны или даже в пределах одного города.

Аграрная революция в Азии уже делает сомнительными столь модные недавно предсказания насчет массового голода и вымирания. Массовые разъяснительные кампании и применение новых зерновых культур и удобрений содействовали значительному росту урожайности. В течение ближайших нескольких лет Пакистан, Филиппины и Турция могут сделаться 'Экспортёрами зерна, а Таиланд и Бирма уже стали ими. Совокупный результат таких успехов вполне может 'усилить уверенность национальных руководителей в своей способности справиться с другими, с виду неразрешимыми проблемами. Он может также укрепить в них веру в современную технику и в возможность повысить с ее помощью благосостояние их народов»²⁵.

Но если даже принять во внимание эти более оптимистические перспективы, необходимо считаться с тем, что, хотя материальные условия жизни в странах 'третьего мира' в некоторых отношениях и улучшаются, такие улучшения будут неизбежно отставать в своих темпах от роста факторов, содействующих изменениям в психике. Основные революционные изменения осуществляются в результате развития системы образования и массовой информации. 'Эти изменения, необходимые и желательные для того, чтобы создать благоприятную для восприятия новшеств атмосферу (например, чтобы обеспечить готовность крестьян применять удобрения), порождают в умах людей также острое понимание нынешних недостатков и отсталости.

В этом отношении весьма интересно сравнить' нынешние социально-экономические изменения в странах «третьего мира» с теми, что происходили в России накануне нового века

л в его первые годы. В России промышленная революция обогнала развитие массового образования; грамотность скорее следовала за изменениями в области экономики, чем предшествовала им*. Революционные движения, особенно марксистское, старались ликвидировать этот разрыв с помощью политического просвещения, а стало быть, посредством радикализации масс. В наши дни в странах 'третьего мира' субъективная революция предшествует изменениям в объективном окружении и создает обстановку, исполненную тревоги, недовольства, гнева, страданий и оскорбленных чувств. Действительно, отмечалось даже, что «чем быстрее развивается народное просвещение, тем чаще свергают правительства»**.

Разрыв между пробуждающимся сознанием масс и материальной реальностью, по-видимому, расширяется. За период 1958—1965 гг. годовой доход индийца возрос с 64 до 86 долл.***, индонезийца—с 81 до 85 долл., а доход алжирца упал с 236 долл. до 195²⁶. Процент населения, занятого в различных отраслях экономики, за исключением сельского хозяйства, существенно возрос только в Алжире (с 10 до 18%). В

* В период 1887—1904 гг. добыча угля возросла в России на 400% (с 5 млн. до 21,5 млн. т), а выплавка чугуна повысилась на 500%. В 1861—1870 гг. было построено 5833 мили железных дорог, а в 1891—1900 гг. — 13 920 миль. «Добыча угля возросла в России за период 1909—1913 гг. на 40% по сравнению с 24% в Соединенных Штатах, 28 — в Германии, 7 — в Великобритании и 9% во Франции. Что касается чугуна в чушках, то производство его в России возросло за период 1909—1913 гг. на 61%, в то время как в Соединенных Штатах оно увеличилось на 20%, в Германии — на 33, в Великобритании — на 8 и во Франции — на 46%. Хотя накануне войны Россия все еще была отсталой страной, этой отсталости явно приходил конец. Жизненный уровень в ней был невысок, но он возрастал. За 20 предвоенных лет население России возросло примерно на 40%, а внутреннее потребление удвоилось» (S. Pushkarev, *The Emergence of Modern Russia 1801—1917*, N. Y., 1963, p. 280). Тем не менее накануне первой мировой войны в стране со 160-миллионным населением насчитывалось всего 147 тыс. студентов высших учебных заведений, а 56% населения было неграмотным (Pushkarev, p. 286, 292), 49% детей в возрасте от 8 до 11 лет нигде не училось, а число грамотных среди новобранцев в период с 1874 по 1913 г. возросло лишь немногим больше чем на 4% в год (А. Г. Раши н, *Формирование рабочего класса в России*. М., 1958, стр. 582).

^ * «В 66 странах, например, соотношение между пропорцией детей, обучавшихся в начальных школах, и тем, насколько часто происходили здесь революции, выражалось цифрой 0,84. В 70 странах, напротив, соотношение между изменениями в охвате детей начальным образованием и политической неустойчивостью составляло 0,61» (Samuel P. Huntington, *Political Order in Changing Societies*, New Haven and Ld., 1968 p. 111).

Необходимо отметить, что это средние цифры. «Обследованием, проведенным в 1965—1966 гг., установлено, что половина населения Индии жила на 14,6 рупий в месяц или на еще меньшие суммы (около 10 американских центов в день)... Короче говоря, даже чрезвычайно низкий средний уровень дохода еще не дает представления о господствующей в Индии крайней нищете» (M у r d a l, p. 565).

основных отсталых районах мира не наблюдалось сколько-нибудь ощутимого прогресса в жилищном строительстве, числе врачей на 1000 жителей и личном потреблении. В некоторых из них отмечался даже репресс²⁷ (см. табл. 6).

Субъективные преобразования

Хотя объективные условия менялись медленно, субъективное окружение претерпело быстрое изменение. Ощутительный прогресс отмечался в первую очередь в двух областях: в системе массовой информации и в образовании. Число радиоприемников в Индии возросло в 1958—1966 гг. вчетверо (с 1,5 млн. до 6,4 млн. штук); в других странах «третьего мира» оно удвоилось или утроилось. Век телевидения еще только начинается в этих районах мира, но в течение ближайших двух десятилетий и приемники на транзисторах, и телевизоры, бесспорно, станут там общедоступными*. Быстро возрос в этих странах и доступ к высшему образованию; в Индии он увеличился в 1958—1963 гг. примерно на 50% (с 900 тыс. до 1,3 млн. студентов), а в 1968г. здесь насчитывалось уже около 1,9 млн. студентов, обучавшихся в 2749 колледжах и 80 университетах. В Индонезии в 1958—1964 гг. этот рост достиг 30% (с 50 тыс. до 65 тыс.). В Объединенной Арабской Республике он за то же пятилетие превысил 50% (с 83 тыс. до 145 тыс.). Число поступивших в начальные школы подскочило в Индии, согласно статистическим данным ЮНЕСКО, с 18,5 млн. детей в 1951 г. до 51,5 млн. в 1966 г. (см. табл. 7).

Возросший доступ к образованию порождает свои собственные специфические проблемы. С одной стороны, доступ к образованию повышенного типа, особенно к техническому, слишком ограничен, чтобы обеспечить широкую и интенсивную модернизацию экономики**. Страны «третьего мира» все еще мучительно отстают в области обеспечения среднего технического образования. С другой стороны, многие слаборазвитые страны обладают лишь ограниченными возможностями для использования людей, получивших специальное образова-

* Председатель Индийской комиссии по атомной энергии считает, что через 5 лет можно будет с помощью спутников организовать передачи общинного телевидения во всех 560 тыс. деревень Индии и что это обойдется всего лишь в 200 млн. долл. («Нью-Йорк тайме», 15 августа 1968 г.). В сентябре 1969 г. Соединенные Штаты подписали с Индией соглашение, предусматривающее создание к 1972 г. спутника, который обеспечит передачу телевизионных программ по сельскому хозяйству и контролю над рождаемостью примерно для 5 тыс. деревень в четырех штатах, где говорят на языке хинди (см. также предыдущие наши высказывания по вопросу о влиянии Америки).

** См. табл. 4, 5, а также более подробные сравнения между странами «третьего мира», Соединенными Штатами и Западной Европой (как современные показатели, так и прогнозы на 2000-й год), содержащиеся в справочнике «Higher Education», Committee on Higher Education, Ltd., 1963, особенно приложения I и V.

Таблица 6

Страна	Валовой национальный продукт на душу населения в амер. долл.		Процент занятого в народном хозяйстве населения (за исключением сельского хозяйства)		Процент населения, проживающего в городах с более чем 20 тыс. жителей		Среднее число жильцов на одну комнату	
	1966 г.	1960 г.	1960 г.	1950 г.	1960 г.	1950 г.	1960 г.	1950 г.
	млрд	% от 1960 г.	% от 1960 г.	% от 1960 г.	% от 1960 г.	% от 1960 г.	% от 1960 г.	% от 1960 г.
Соединенные Штаты	2602	48	90,4	3,1	41,4	46,9	0,7	0,0
Западная Германия	1077	86	74,2	12,4	41,5	47,6	—	0,9
Франция	1301	58	72,5 (1954 г.)	7,7	33,3 (1954 г.)	—	1,0 (1954 г.)	0,0
Италия	598	98	60,5 (1951 г.)	11,3	41,2 (1951 г.)	—	1,3 (1951 г.)	—0,2
Советский Союз	1100	36	52,0 (1965 г.)	8,8	—	35,5 (1959 г.)	—	—
Польша	800	38	42,8 (1965 г.)	3,8	25,5	31,9	—	—
Чехословакия	—	—	61,4	19,1	21,0 (1947 г.)	25,3 (1961 г.)	1,5	—0,2
Япония	344	187	—	—	—	72,0	—	—
Индия	72	46	27,0 (1951 г.)	0,1	12,0 (1951 г.)	—	—	—
Индонезия	84	13	—	—	9,1 (1955 г.)	—	—	—
Объединенная Арабская Республика	120	49	37,3 (1965 г.)	0,6	29,1 (1947 г.)	29,1 (1955 г.)	—	—
Бразилия	310	7	51,9	3,5	20,1	28,1	1,3	0,0

Источники для таблиц 6, 7 — Статистический ежегодник ООН за 1960—1967 гг. и ежегодник ЮНЕСКО за 1967 г.

Таблица 7

Страна	Число студентов высших учебных заведений			Число радиоприемников			Число телевизоров			Число телефонов		
	1958 г.	1965 г.	рост в %	1958 г.	1966 г.	рост в %	1958 г.	1966 г.	рост в %	1958 г.	1966 г.	рост в %
Соединенные Штаты	3 042 200	5 526 325	81,6	61 000 000	262 700 000	63	50 250 000	74 100 000	47	66 630 000	98 789 000	48
Западная Германия	173 320	372 929	115	15 263 000	27 400 000	79	2 125 000	12 720 000	499	5 090 102	9 532 417	87
Франция	186 101	509 764	174	10 646 000	15 861 000	49	989 000	7 471 000	655	3 703 578	6 554 441	77
Италия	216 248	300 940	39	6 112 000	11 163 000	83	1 098 000	6 855 000	524	2 988 465	6 467 597	116
Советский Союз	2 178 900	3 860 500	77	36 667 000	76 800 000	109	1 767 000	19 000 000	975	2 370 000	4 459 000 (1965 г.)	88
Польша	111 820	251 864	125	4 465 000	5 593 000	25	85 000	2 540 000	2888	446 236	1 411 481	216
Чехословакия	48 805	141 687	190	3 317 000	3 829 000	15	328 000	2 375 000	624	789 679	1 582 852	100
Япония	566 551	1 116 430	97	14 610 000	24 787 000	70	1 600 000	19 002 000	1088	4 334 602	16 011 745	269
Индия	913 380	1 310 000 (1963 г.)	43	1 560 000	6 485 000	316	400 (1962 г.)	4 000 900	900	367 000	926 617	153
Индонезия	49 557	65 635 (1964 г.)	32	631 000	1 250 000	98		4 600		90 968	116 332	28
Сингапурская Республика	83 251	177 123	113	792 000	1 613 000 (1965 г.)	104	128 000 (1962 г.)	375 000	193	185 452	335 000	81
Бразилия	86 868	155 781	79	4 000 000	7 500 000 (1964 г.)	88	700 000	2 500 000	257	928 117	1 431 653	54

дне. В результате образуется категория 'Выпускников колледжей, недовольных своим положением. Их число относятся главным образом выпускники юридических и гуманитарных факультетов, которые не в состоянии добиться хорошо оплачиваемой работы, отвечающей их большим ожиданиям. И хотя эта проблема уже приобрела в ряде стран²⁸ острый характер, она может еще больше усложниться в случае введения автоматизации на страдающих от избытка рабочей силы заводах и в учреждениях менее развитых стран *'. Проблема эта обостряется еще из-за низкого во многих случаях уровня того, что официально именуется высшим образованием. По данным одного убедительного, хотя и отличающегося несколько импрессионистским характером отчета, «даже по самым завышенным оценкам, пожалуй, всего 5% общего числа индийских студентов высших учебных заведений получают образование, соответствующее общепринятому мировому уровню... Во многих местах академическая подготовка настолько низка, что даже трудно считать, это юна вообще имеется»²⁹. Такие условия существуют отнюдь не только в Индии. «Обучение в южноазиатских школах всех типов способно помещать независимому мышлению и росту того пытливого и аналитического образа мыслей, который так важен для развития... Народы Южной Азии не только получают недостаточное образование — их обучают неправильно, притом в очень широких масштабах»³⁰. То же самое происходит и в Латинской Америке: «Теперь безоговорочно признают, что образование в странах Латинской Америки страдает от фундаментальных недостатков, что в них имеется очень высокий процент неграмотных, что система образования в этих странах совершенно не соответствует потребностям экономического развития, не говоря уже о серьезных пробелах, существующих здесь в других основных областях культуры»³¹. «Образование» такого типа приводит к появлению целой категории молодых людей, получивших неполноценную подготовку. Их разочарованность, их возрастающий радикализм и восприимчивость к утопическим призывам во многих отношениях сходны с настроениями интеллигенции XIX в. в более отсталых районах Европы, особенно в России и на Балканах. Небольшая часть студентов—либо потому, что они ис-

* Поскольку к 1985 г. в городских центрах Азии, Африки и Латинской Америки будут введены научные методы обработки информации, большое число клерков, посыльных, сортировщиков и регистраторов, которые сегодня составляют значительную часть государственного и частного бюрократического персонала Индии, Нигерии и Бразилии, окажется под угрозой потерять работу и подвергнуться лишениям безработицы» («The United States and the World in the 1985 E'a», p. 91). Считают, что к 1970 г. примерно половина прогнозируемого для Цейлона миллиона безработных будет обладать дипломами высших учебных заведений (Международный обзор, «Экономист», 15 июня 1968 г., стр. 47).

ключительно одарены и могут получить стипендию, либо потому, что являются выходцами из зажиточных семей, — едет за границу, чтобы получить высококачественное образование. Там они подвергаются соблазну перенять иностранный стиль и образ жизни и даже остаться за границей навсегда; фактически они в любом случае оказываются потерянными для своего собственного общества, поскольку либо становятся в нем после возвращения домой неким чужеродным организмом, либо попросту не возвращаются совсем. В 1967 г., например, 26% китайских студентов, изучавших гуманитарные и технические дисциплины в Соединенных Штатах, предпочли не возвращаться на Тайвань; для Индии этот процент достиг 21, для Кореи и Пакистана — соответственно 15 и 13³². Поражает тот факт, что почти половину общего числа инженеров, научных работников и медиков, эмигрировавших в Соединенные Штаты в течение года, закончившегося в июне 1967 г., составляют выходцы из слаборазвитых стран — 10 254 человека из 20 760³³. Предполагают, что в ближайшие годы эта пропорция еще возрастет³⁴. В то же время многие из тех, кто возвращается к себе на родину, поступают так после того, как им довелось «приобщиться к ценностям и к системе образования, которые готовят людей, приспособленных для жизни и работы в развитых странах, но могут сделать их морально непригодными для активной деятельности в их собственном обществе»³⁵.

Совокупное воздействие этих факторов приводит к возникновению чреватой взрывами и крайне аморфной политической модели. Оставляя в стороне специфические различия между странами «третьего мира», можно в общем оказать, что база политической пирамиды в менее развитых странах состоит из крестьянских масс, все еще в основном занимающихся физическим трудом и в значительной части неграмотных*, но кругозор этих масс уже более не ограничен местными интересами их непосредственного окружения, в силу того что транзиторные приемники Обеспечивают им тесный контакт с национальным обществом и содействуют развитию у них понимания их собственной или общенациональной обездоленности **.

* В 1960 г. в Пакистане неграмотными были примерно 70% мужчин старше 15 лет и 90% женщин того же возраста. В Индии этот процент составлял 60 для мужчин и 85 для женщин, в Индонезии — соответственно 40 и 70, в Бирме — 20 и 60. Что касается положения в 1960 г. в странах Латинской Америки, то в Бразилии число неграмотных составляло 35,6% у мужчин и 42,6% у женщин, в Аргентине соответственно 7,5 и 9,7 в Чили — 15,1 и 17,6, в Перу — 25,6 и 52,4, в Венесуэле — 30,2 и 38,3% (M u g d i a l, p. 540, 4672; Статистический ежегодник ООН за 1965 г.).

** Поэтому сейчас поздно говорить о том, что, поскольку появление у людей сознания овоей причастности ко всему происходящему обгоняет фактическую институционализацию политических процессов, было бы желательно во избежание возникновения хаоса либо ограничить, либо задержать осуществление программ, стимулирующих более высокий уровень

Следующую ступень пирамиды занимает быстрорастущее то-родское население *, состоящее в значительной мере из пред-ставителей первого поколения выходцев из села, ищущих но-вых источников власти³⁶; затем идет лсевдоинтеллигенция, которая составляет примерно 2 — 3% населения и в которую входят сравнительно молодые люди, получившие за послед-нее десятилетие кое-какое формальное образование повы-шенного типа, но зачастую очень низкого профессионального качества. И поскольку им плохо живется и они считают, что общество не «предоставляет им тех возможностей, на какие они имеют право, эти люди крайне восприимчивы к воинствующим, враждебным всему иностранному учениям. Вершину пирами-ды образует группа представителей элиты, людей относительно образованных, но отличающихся узостью кругозора, кото-рые стремятся либо к достижению для своего государства од-новременно и стабильности, и прогресса (Иран), либо, в иных случаях, к задержке или предотвращению реформ (в не-которых латиноамериканских странах), поскольку, как заявил один бразильский ученый, к<их это устраивает. В силу того что они хотят сохранить свои привилегии, они заинтересованы в увековечении существующего положения»³⁷. А привиле-гии эти сводятся или к владению собственностью, или, что ча-ще всего наблюдается во вновь созданных государствах, к за-нятию бюрократических должностей.

Гетто глобального города имеют, таким образом, кое-ка-кие черты сходства с расовыми трущобами Соединенных Шта-тов. В американских городах проблема заключается не в от-сутствии здесь развития или перемен. Она возникает из фак-та осознания бедняками того обстоятельства, что даже быст-рые перемены мало что изменяют для многих из них в ближай-шем будущем, а также из растущего у них понимания того, что те, кто богаче их, сами начинают чувствовать моральную неловкость из-за такого неравенства в материальном положе-

такого сознания, для чего прибегнуть, например, к сворачиванию кампа-ний по ликвидации неграмотности, с тем чтобы приобщение к грамоте не обгоняло экономического и политического развития. Если бы такой метод действий и был осуществим, то все равно он не исправил бы положения, ибо распространение транзисторных приемников (а вслед за тем и теле-визоров) уже начинает оказывать на крестьянские массы такое же стимули-рующее влияние в смысле их политической активизации, какое оказала на го-родской пролетариат конца XIX в. грамотность. Так, Франц Фанон совер-шенно правильно указывает в своем «Исследовании умирающего колониа-лизма» (Frantz Fanon, *Studies in a Dying Colonialism*, N. Y., 1965), что начиная с 1956 г. покупка радиоприемника в Алжире означала не про-сто освоение современной техники с целью узнавать новости — она от-крывала доступ к единственному способу, позволяющему вступить в об-щение с революцией, жить с ней» (р. 83).

* Города с населением свыше 100 тыс. жителей росли в Азии втрое быстрее, чем росла общая численность населения соответствующих стран (M у r d a l, p. 469).

нии. Сочетание этих факторов вызывает у людей острое чувство обездоленности, которое приводит к усилению у них политической враждебности по отношению к внешнему миру³⁸. В Соединенных Штатах мобилизация этой враждебности стала возможной вследствие увеличения числа черных американцев, получающих высшее образование и поэтому способных обеспечить в социально значимых масштабах энергичное руководство процессом выражения прежде подавляемого недовольства. Такую же мобилизующую роль сыграл и быстрый рост численности черных американцев, живущих в городах * и таким образом освободившихся от летаргии традиционной деревенской жизни под господством белых. Они оказались в непосредственном соприкосновении с белым населением, которое, оставаясь по сути своей консервативным, проявляет все большую двойственность в том, что касается его моральных ценностей. В такой ситуации попытки реформ привели к усилению напряженности и к новым трениям между обеими общественными группами, что побудило некоторых членов господствующей группы занять реакционную позицию по отношению к переменам. Другая часть населения, особенно из числа обездоленных, стала утверждать, что в условиях существующего общественного строя никакие изменения не имеют смысла.

Американские расовые трущобы росли примерно таким же образом, каким разрастались огромные центры скопления бедноты в городах Азии. Негры южных штатов стремились перебраться в северные города больше из-за недовольства своей бедностью и испытываемого ими ощущения несправедливости по отношению к ним, чем потому, что там можно было найти работу. Уровень безработицы в больших -американских городах в -несколько раз выше, чем в вредней по стране. (В Азии города, населенные бедствующими и не занятыми производительным трудом массами, -стали быстро расти -в -последние годы -не из-за того, что там -есть работа, а из-за нищеты и отсутствия безопасности в деревне. -«Вместо того чтобы стать -символом -роста, как это было -на ЗаПад-е, урбанизация сделалась в Южной Азии проявлением -сохраняющейся там бедности»³⁹).

Параллель между гетто -глобального города и расовыми трущобами Соединенных Штатов можно распространить на проблемы, с которыми сталкивается политическая элита

* -Пропорция негров, проживающих на Севере и на Западе страны, возросла за время с 19-10 по 1960 г. почти вчетверо; к концу этого периода уже 73% всех негров жили в городских районах и представляли собой, таким образом, население более городского типа, чем белые, поскольку только 70% белых жили в городах (iP hi lip M. Hauser, Demographic Factors in the Integration of the Negro, в сб.: «The Negro American», Ta-ico-tt P,arsons and Kenneth B. Clark, eds., Boston, 1965, p. 74—7-5).

стран «третьего мира». В Соединенных Штатах («интеграция» до сих пор означала главным образом выборочную ассимиляцию отдельных немногочисленных индивидов, умеющих приспособиться к преобладающим нормам господствующего общества; тем не менее их ассимиляция означает также утрату таланта и опыта для негритянского общества, в котором менее образованная, «более воинственная» «псевдоинтеллигенция» в возрастающей степени осуществляет мессианское руководство массами, используя для этого расизм, взятый, так сказать, с «обратным знаком». Аналогичным образом упрочившие свое положение общественные элиты «третьего мира» стремятся подражать стилю жизни более развитых стран и эмигрировать туда — в прямом или переносном значении слова.

Политический вакуум

Образующийся в результате вакуума заполняется местной псевдоинтеллигенцией, находящейся под влиянием доктрин Франца Фанона, Режи Дебре, Че Гевары и других теоретиков. Европейский марксизм XIX в., который был вначале обращен к городскому пролетариату, лишь с недавних пор порываемому к деревенской жизни, они романтически приспособляют к условиям отсталых в индустриальном отношении глобальных гетто XX в. «Революционный интеллигент фактически представляет собой универсальное явление, присущее модернизирующимся обществам. «Никто не склонен так поощрять насилие, как рассерженный интеллигент, во всяком случае в создавшейся в Индии обстановке,—отмечали Хозелиц и Вейнер.— Именно такие люди образуют кадровый состав менее важных политических партий, именно они составляют ближайшее окружение демагогов и становятся вожаками утопических и мессианских движений, каждое из которых способно, если представится случай, создать угрозу для политической стабильности». [В Иране чаще всего не проповедники умеренных взглядов, а экстремисты как правого, так и левого направления являлись продуктом города, выходцами из рядов средней буржуазии и более высокообразованными людьми»⁴⁰.

Помощь, оказываемая извне с целью преодолеть специфические условия отсталости и бедности, становится в такой эмоциональной обстановке дополнительным поводом для трений. И даже тогда, когда она способствует улучшению объективных условий, эта помощь еще больше усиливает субъективную напряженность. В городских гетто Соединенных Штатов правительственные и частные программы помощи, осуществляемые белыми, вызывали негодование негров; когда же их осуществляли негры, белые зачастую обвиняли последних в том, что средства, выделенные для конкретных программ развития, использовались для поддержки негритянских боевых организаций. Термин «неоколониализм» стал в мировом мас-

штабе (формулой, которую пускают в ход, чтобы вызвать у масс подозрения по поводу политических мотивов экономической помощи, оказываемой им развитыми странами *; в то же время страны-дарители обвиняют получателей экономической помощи во взяточничестве, коррупции и отсутствии деловых качеств.

Ответом—хотя бы частичным — на эту опасность может стать переход к экономической помощи на международной основе. Но он создает другую опасность. Помощь может в лучшем случае служить лишь частичным ответом на ситуацию, которая имеет глубокие психологически-е и материальные корни. Экономическая помощь может быть эффективной только при том условии, если получающая ее страна мобилизует свои эмоциональные ресурсы и создается атмосфера народного энтузиазма и целеустремленности. А для этого требуется наличие местного руководства, знающего и как расшевелить массы, и как разумно использовать иностранную помощь. Такое руководство встречается редко; там же, где оно имеется, правители зачастую склонны не считаться с иностранными интересами и советами и вызывают этим негодование иностранцев. Примерами тому могут служить трудности, возникшие перед Соединенными Штатами в их взаимоотношениях с Насером и Айюб Ханом, которые не только поощряли эмоциональное отношение широких масс своих стран к иностранцам, но и сами разделяли его.

Более того, даже когда находящиеся у власти деятели и исполнены решимости способствовать социальным переменам, они сталкиваются с тем непреложным фактом, что действительность можно изменять лишь очень постепенно, а мобилизовать народ в поддержку перемен можно, только стимулируя

* В более узкотеретическом плане экономический строй развитых стран обвиняется в том, что он органически не способен оказывать подлинную помощь. «Так, [латиноамериканский экономист] Фуртадо утверждает, что промышленные компании существуют для того, чтобы удовлетворять потребность в получении прибылей в развитой экономике. Когда же пытаются пересадить их технику в бедные, развивающиеся страны, там возникают необычайно острые противоречия. Новейшие машины экономят рабочую силу — это благодеяние для Соединенных Штатов и проклятие для страны, где много безработных. Массовая продукция нуждается в громадном рынке, которого не существует в архаическом аграрном обществе. Таким образом, заключает Фуртадо, сама структура экономической жизни в новых государствах, навязанная тш в прошлом веке, затрудняет для них использование благ научно-технического прогресса в тех редких случаях, когда для этого представляется благоприятная возможность. Итак, богатые страны специализируются на деятельности, которая облегчает труд, создает изобилие благ, делает досуг более продолжительным, а жизненный уровень более высоким, на долю же бедных стран приходится черная работа примитивного производства с застойным или приходящим в упадок рынком; им приходится продавать по дешевке и покупать по высоким ценам у процветающих предприятий» (Michael Harrington, *American Power in the Twentieth Century*, N. Y., 1967, p. 9).

■ (энтузиазм, и эмоции масс. Таким образом, перед руководителями стран «третьего мира» встает некая дилемма. Признать реальность вынужденной замедленности неремей — значит лишить себя поддержки народных масс и уступить политическую инициативу радикально настроенным демагогам; а мобилизовать массы в поддержку недостижимых целей — значит

создать угрозу возможного взрыва, если только такая мобилизация не станет средством для подчинения масс централизованному бюрократическому контролю того типа, который весьма эффективно осуществляют коммунистические лидеры. К тому же, чтобы добиться поддержки имущих и более образованных групп населения, инициаторы реформ зачастую должны «двигаться крайне осторожно, дабы не разрушить традиционный общественный отрой... Они допускают, чтобы законы содержали самые различные лазейки, и даже позволяют законам оставаться на бумаге»⁴¹. В результате дистанция между дачей обещания и его выполнением имеет тенденцию увеличиваться.

Можно ожидать, что по мере роста разрыва между «третьим миром» и миром развитых стран чувства острой обиды в странах «третьего мира» будут, по всей вероятности, расти *. Фактически они, по-видимому, еще усилятся, когда к 2000 г. спектр развития расширится и включит в себя, помимо нескольких наиболее развитых послеиндустриальных технотронных государств (Соединенные Штаты, Япония, Швеция, Канада), также примерно дюжину зрелых индустриальных государств (которые только тогда будут приближаться к нынешнему уровню Соединенных Штатов), 10—15 пока еще слаборазвитых стран, которые к 2000 г. достигнут уровня нынешних менее развитых, находящихся на стадии ранней индустриализации государств, многочисленную группу (около 60) стран, стоящих на доиндустриальной стадии развития, и, наконец, страны, живущие еще в крайне примитивных условиях. Третья и четвертая группы, охватывающие большинство населения земного шара и в лучшем случае лишь частично добившиеся подлинного прогресса, окажутся, по всей вероятности, центрами чрезвычайно неустойчивой политической активности, возмущения, напряженности и экстремизма⁴².

При таких обстоятельствах трудно себе представить, каким образом демократические институты (возникшие в значительной степени на основе западного опыта, но типичные только для более стабильных и зажиточных западных госу-

* В 1965 г. производство на душу населения в развитых странах в 12 раз превышало производство в странах менее развитых. Считают, что к 2000 г. это соотношение будет равно уже 18 (Herman Kahn and Anthony J. Wiener, *The Year 2000*, N. Y., 1967, p. 142). В 1965 г. валовая продукция в одном только штате Иллинойс была больше, чем во всей Африке, а в Калифорнии больше, чем во всем Китае.

дарств) смогут упрочиться в стране вроде Индии или каким образом они будут развиваться в других местах*. «Многое будет зависеть от самого темпа экономического развития, а перспективы 'в этом отношении весьма неблагоприятны'⁴³. Вероятными 'последствиями подобного положения вещей окажутся спорадические волнения в отдельных странах и тенденция к установлению личных диктатур. Последние будут опираться на доктрины, проповедующие объединение нации и ориентирующиеся в основном на ее внутренние интересы — хотя и носящие радикальный в социальном отношении характер — в надежде на то, что сочетание враждебности к иностранцам и мессианства сможет обеспечить стране минимум стабильности, необходимый для 'осуществления в ней социально-экономической модернизации путем давления сверху.

(Как и в случае с городскими гетто Соединенных Штатов, такое развитие событий может содействовать укреплению связи данных стран с более зажиточным и развитым миром. В последние годы этот мир счел себя вынужденным 'взять на себя, хотя бы в виде общего принципа и все еще неохотно, моральное обязательство оказывать материальную помощь развитию «третьего мира». Эту «новую мораль», бесспорно, стимулировала холодная война, которая побудила оба лагеря развитых стран соревноваться друг с другом в оказании помощи отсталым нациям. Весьма сомнительно, чтобы это благородное стремление сохранилось в случае прекращения холодной войны **. Оно, безусловно, не сохранится, если соперничество между Востоком и Западом уступит место усиливающейся вражде между Севером и Югом. Вполне вероятно, что народы развитого мира используют выгодный для них аргумент, согласно которому безрассудный фанатизм лидеров глобальных гетто исключает возможность сотрудничества. Такая негативная позиция приведет к дальнейшему углублению пропасти и к -еще большему расколу человечества, впервые начинающего жить в условиях субъективной близости.

4. Глобальные дробление и объединение

Совокупный результат технотронной революции противоречив. С одной стороны, эта революция означает начало гло-

* ^Подобно государствам Европы XVII в., западные страны наших дней могут добиться либо политической модернизации, либо демократического плюрализма, но в нормальных условиях они не могут иметь и то и другое вместе» (Huntington, p. 106—137).

^{*1} Это было должным образом отмечено некоторыми представителями стран «третьего мира». Делегат Алжира на сессии ЭКОСОС ООН в Женеве в июле 1966 г. заявил: «Несмотря на то что уменьшение напряженности в холодной войне привело к смягчению конфликта между блоками различных социальных систем, следует опасаться, что противоречия между Востоком и Западом повернутся вокруг своей оси и превратятся в антагонизм между Севером и Югом» (см.: Harrington, p. 20).

бального общества, с другой—она дробит человечество и отрывает его от традиционных устоев. Технотронная революция расширяет спектр условий человеческого Существования. Она углубляет пропасть в материальных условиях жизни людей и вместе с тем уменьшает их субъективную терпимость к такому/неравенству.

Хотя по мере развития исторического процесса различия между обществами постепенно увеличивались, только со времени индустриальной революции они приобрели острый характер. В наши дни в некоторых государствах еще живут в условиях, весьма схожих с теми, которые господствовали в христианские времена, а во многих странах условия жизни не лучше тех, какие существовали в средние века. И все же жизнь некоторых стран пойдет вскоре по настолько новым путям, что сегодня еще трудно представить себе социальные и личностные аспекты этих путей. В результате в поведении и взглядах человечества может возникнуть глубокий тройственный раскол. Сосуществование аграрного, индустриального и нового технотронного обществ, каждое из которых придерживается своих специфических взглядов на жизнь, затруднило бы взаимопонимание между ними как раз в то самое время, когда оно стало бы более возможным; и это сделало бы глобальное принятие определенных норм менее вероятным, несмотря на то, что необходимость в нем оказалась бы более настоятельной.

Раздробленная скученность

Этот глобальный раскол на три части мог бы подвергнуть еще большему испытанию и без того слабую структуру общественного и политического строя и привести к внутреннему, а поэтому, возможно, и к международному хаосу. Растущая анархия в странах «третьего мира», весьма вероятно, вызвала бы здесь взрывы расовых и националистических страстей. По меньшей мере это вызвало бы появление в мире крупных очагов распада и хаоса; в худшем случае неустойчивость в «третьем мире» могла бы оказаться причиной возникновения между более развитыми странами таких потенциально антагонистических и запутанных ситуаций, которые были бы способны оказать на американо-советские отношения то же воздействие, какое оказали конфликты на Балканах на порядок, существовавший в Европе накануне первой мировой войны.

В наиболее развитых странах земного шара напряженность между человеком «внутренним» и «внешним» — то есть между человеком, всецело поглощенным выяснением внутреннего смысла своего существования и своего отношения к бесконечности, и человеком, глубоко связанным со своим окружением и посвятившим себя делу создания того, что он считает конечным,—порождает острый кризис философской, ре-

лигиозной и психической личности; этот кризис усугубляется страхом перед тем, что податливость человека может сделать возможным разрушение того, что прежде считалось ;в нем неизменным. Взрыв в научном познании создает опасность интеллектуального дробления, при котором чувство неуверенности возрастает в прямой пропорции к расширению человеческих знаний. В результате ускоряются поиски, особенно в Соединенных Штатах (более подробно см. часть IV), новых общественных и политических форм.

Влияние Соединенных Штатов как первого глобального общества на остальной мир отражает эти противоречивые тенденции. Хотя Соединенные Штаты стремятся к глобальной устойчивости и используют свои колоссальные ресурсы для . предотвращения революционных переворотов, общественное воздействие их на мир носит беспокоящий, новаторский и творческий характер. Несмотря на то что оно вызывает яростную враждебность к себе, это воздействие вместе с тем порождает ожидания, которые измеряются американскими стандартами и которые в большинстве стран могут осуществиться только ;в будущем столетии, дй и то далеко не в начале его. Оно ускоряет объединение других обществ, и не только потому, что начиная с 60-х гг. регионализм стал исповедуемой Вашингтоном внешнеполитической догмой, но и потому, что эти страны видят в единстве самое лучшее оружие для борьбы с американским влиянием. В своей роли первого глобального общества Америка, таким образом, объединяет, изменяет и стимулирует другие общества, бросает им вызов — зачастую вопреки собственным прямым интересам. Так «американизация» вызывает совместные устремления и чрезвычайно дифференцированные реакции.

В «третьем мире» влияние Соединенных Штатов служит причиной обострения социальных противоречий и конфликта между поколениями. Массовые средства информации и образование порождают надежды — туманным образом для них служит материальное богатство Америки, — осуществление которых просто не по плечу большинству обществ. Поскольку ни развитие средств информации, ни развитие образования невозможно сдержать, весьма вероятно, что, по мере того как чисто местные, традиционные взгляды будут отступать перед более широкими глобальными перспективами, политическая напряженность будет возрастать. В развитых странах мира бросаемый сегодня Америкой вызов все более концентрируется на человеческой личности, но в «третьем мире» главной проблемой станет, очевидно, дробление общества. Эта проблема вступает .в историческое состязание с лишь медленно созревающим у развитых обществ пониманием своей глобальной ответственности за оказание помощи развитию «третьего мира».

Даже национализм подвержен противоречивым влияниям. Никогда еще он не был таким сильным и никогда не пользовался столь широкой, страстной и сознательной поддержкой как народных масс, так и интеллигенции. Взаимоотношения государств-наций все еще играют решающую роль в деле войны и мира, и первое осознание человеком себя как личности все еще основывается на национализме. Нерусские государства Советского Союза являются, вероятно, единственным исключением в успешно осуществляемом национализмом процессе разложения колониальных империй. Но именно поэтому национализм перестает быть той непреодолимой силой, которая определяет широкий характер современных перемен. Хотя он и продолжает оставаться источником многих грений, его влияние умеряется растущим у людей пониманием (которое разделяют даже наиболее националистически настроенные элиты) того факта, что современное региональное и континентальное сотрудничество необходимо для достижения многих чисто национальных целей. Успех национализма делает нацию главным объектом — но уже не жизненно важным субъектом — д и н а м и ч е с к и х п р о н е с с о в .

Поскольку человек вынужден жить в скученном, неоднородном, беспорядочном и обезличенном окружении, он ищет утешения в узком, близком ему кругу. Национальная община, совершенно очевидно, служит наиболее подходящей для этого средой. И вполне возможно, что по мере расширения международного сотрудничества определение понятия национальной общины будет становиться все более узким. Для многих народов концепция государства-нации была компромиссом, продиктованным потребностями экономики, соображениями безопасности и другими факторами. В конце концов зачастую после многовековых конфликтов им удавалось достичь некоего оптимального равновесия. В наши дни это равновесие делается неустойчивым, поскольку возникают новые, более широкие формы сотрудничества: ЭВМ, кибернетика, массовые средства информации и т. п. обеспечивают в возрастающей степени возможность эффективной интеграции более мелких и более сплоченных единиц в значительно более крупные организмы.

В результате фламандцы и валлоны в Бельгии, французские и английские канадцы в Канаде, шотландцы и валлийцы в Соединенном Королевстве, баски в Испании, хорваты и словенцы в Югославии, чехи и словаки в Чехословакии заявляют — а некоторые нерусские национальности Советского Союза и различные лингвистически-этнические группы Индии, возможно, вскоре заявят, — что их нынешние государства-нации уже не соответствуют их историческим потребностям.

И На более высоком уровне государства-нации стали излишними из-за наличия такого крупного организма, как Европа,

или каких-либо других региональных объединений (например, Общего рынка), в то время как на более низком уровне нужна теснее сплоченная лингвистическая и религиозная община, которая позволила бы преодолеть влияние типичных для глобальной метрополии взрывных сил, направленных как вовнутрь, так и наружу.

Подобное развитие событий не является поэтому возвратом к эмоциям или к иступленному характеру национализма XIX в., хотя оно и имеет немало поверхностных аналогий с ним. Оно происходит, вообще говоря, в обстановке, когда признается нынешняя необходимость более широкого сотрудничества на уровне более высоком, чем национальный. Развитие это принимает в качестве идеального решения вопроса функциональную интеграцию отдельных районов и даже целых континентов. В таком решении отражается стремление к более точному определению смысла личности во все более обезличенном мире; в нем нашел свое отражение и измененный взгляд на целесообразность некоторых из существующих ныне государственных структур. Это можно утверждать даже в отношении голлизма, зачастую толковавшегося как возврат к национализму XIX в. Тем не менее главной целью голлизма было построение Европы, которая была бы «европейской», а не находилась бы под властью какой-то внешней гегемонии, хотя, разумеется, предполагалось, что Франция будет осуществлять в ней политическое руководство.

«Новый» национализм содержит в себе множество элементов старого, особенно в некоторых вновь созданных государствах. Здесь национализм, представляет собой пока еще радикальную, содействующую переменам силу, творчески мобилизующую стремление общества к объединению, но вместе с тем стимулирующую его этническую исключительность и способствующую возникновению конфликтов*. И все же в целом можно согласиться с автором одной интересной работы, утверждающим, что «мировоззрение и цели общества изменились. В наши дни новая концепция человека и его мира бросает вызов концепциям эпохи Возрождения, которые ру-

* «...Несмотря на все параллели с европейским национализмом, новый национализм в Южной Азии является чем-то совсем иным. Он отличается от европейского в значительно большем числе отношений и по более важным причинам, чем это могло бы быть обусловлено перечисленными выше чертами его. Главная причина заключается в том, что исторический процесс, измеряющийся в Европе целыми столетиями, втискивается здесь в несколько десятилетий и что порядок событий нарушается... Национализм здесь необходим, чтобы создать импульс для перемен — для всех безусловно перемен, которые должны быть осуществлены, и притом осуществлены одновременно. Такое сокращение сроков политических преобразований (а историческая необходимость его очевидна всем просвещенным интеллектуальным и политическим лидерам данного района) сопряжено, однако, с громадными трудностями» (M u g d a 1, p. 2118—21119).

косободили поведением человека на протяжении предшествовавших пяти веков». Государство-нация в качестве основной единицы в организованной жизни человека перестало быть главной созидающей силой: «Международные банки и многонациональные компании действуют и планируют свои действия на основе методов, намного опередивших политические концепции государства-нации»⁴⁴. Но по мере того как государство-нация постепенно уступает свой суверенитет, растёт психологическое значение национальной общины, и попытка создать равновесие между императивами нового интернационализма и потребностью в более тесной национальной общине оказывается источником трений и конфликтов.

Научно-технические новшества в области вооружений еще больше затрудняют достижение такого равновесия. Словно ирония, звучит теперь напоминание о том, что в 1878 г. Фридрих Энгельс, комментируя франко-прусскую войну, писал: «...Оружие теперь так усовершенствовано, что новый прогресс, который имел бы значение какого-либо переворота, больше невозможен»⁴⁵. Однако с тех пор не только ПОЯВИлось новое оружие, но и коренным образом изменились некоторые основные географические и стратегические концепции: контроль над космическим пространством и погодой заменил Суэц и Гибралтар в роли ключевых элементов стратегии.

Помимо усовершенствованных ракет, многозарядных ракетных боеголовок, более мощных бомб и более точны* средств их доставки, вполне могут появиться в будущем автоматические или пилотируемые космические военные корабли, глубоководные установки, химическое и биологическое оружие, смертоносные лучи, да и другие виды вооружений; даже на погоду можно научиться воздействовать**. Это новое оружие может либо породить надежду на одностороннюю, относительно «недорогую» победу, либо сделать возможными конфликты «по доверенности», которые будут решающими по своим политико-стратегическим последствиям, но в которых

* К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 20, стр. 174.—

Прим. ред.

** Как отметил один специалист, «к 2018 г. техника снабдит руководителей главных государств разнообразными средствами ведения секретной войны, с которыми будет знакомиться только незначительная часть сил безопасности. Одно государство сможет скрытно напасть на другое с помощью бактериологического оружия, основательно ослабить его население (хотя и с минимальным количеством человеческих жертв) и только после этого открыто пустить в ход свои обычные вооруженные силы. В качестве альтернативы смогут быть использованы средства для изменения погоды с целью вызвать в стране, против которой ведутся враждебные действия, длительные периоды засухи или бурь, что ослабит ее способность к сопротивлению и вынудит принять условия противника» (Gordon J. F. MacDonald, Space, в сб.: «Toward the Year 2018» p. 34).

будут сражаться только очень немного человеческих существ (как во время битвы за Англию) или даже роботы в далеком космическом пространстве⁴⁶; наконец, это оружие может попросту создать такую атмосферу взаимной неуверенности, что нарушение мира станет неизбежным, несмотря на то что человеческий разум осознает тщетность войны.

К тому же может оказаться осуществимым — и заманчивым — использовать для политико-стратегических целей плоды изучения мозга и поведения человека. Специализирующийся на военных проблемах геофизик Гордон Дж. Ф. Макдональд пишет, что искусственно вызванные, точно рассчитанные по времени электронные разряды «могут вызвать колебания, аналогичные тем, которые производят относительно высокие уровни энергии над определенными районами Земли... Таким путем можно создать систему, способную на длительный срок серьезно нарушить мозговую деятельность очень большого числа людей в специально намеченных районах... И независимо от того, насколько тревожной кажется мысль об использовании среды для воздействия на поведение людей ради чьих-то национальных преимуществ, в течение ближайших нескольких десятилетий будут, по всей вероятности, разработаны технические средства, позволяющие подобное использование»⁴⁷.

Такая техника будет доступна главным образом — а в первое время исключительно — только наиболее развитым странам*. Но вполне вероятно, что в ближайшие десятилетия некоторые государства «третьего мира» предпримут шаги к приобретению — или приобретут — оружие огромной разрушительной силы. Даже если они не решатся — во избежание собственного уничтожения — пустить его в ход против главных держав, они могут оказаться в состоянии — и у них может появиться соблазн — использовать его в «подпольных» войнах против себе подобных. Тут возникает вопрос, будут ли главные державы считать, что такие войны создают непосредственную опасность для всеобщего мира, и будет ли их совместный ответ эффективно организованным и внушительным. Отсутствие общепризнанных глобальных органов можно было бы временно восполнить соответствующей договоренностью или соглашениями, предусматривающими контр-

* В связи с этим один компетентный ученый заметил, что «независимо от того, будет ли использоваться биологическое и химическое оружие с целью убивать, ранить, вызывать рвоту, паралич, галлюцинации или терроризировать военнослужащих и гражданское население, систематическое применение его потребует решения важных моральных и этических проблем» (Donald N. Michael, Some Speculations on the Social Impact of Technology. Размноженный на ротаторе текст выступления на семинаре Колумбийского университета по вопросам техники и социальных перемен, стр. 6).

меры против таких специфических опасностей, но можно допустить, что в отдельных случаях не удастся достичь достаточного единодушия, необходимого для принятия совместных ответных мер. Таким образом, взаимное уничтожение некоторых более мелких государств по-прежнему остается по меньшей мере возможным.

На пути к планетарной сознательности

Было бы все же неправильным сделать из всего сказанного вывод, что дробление и хаос представляют собой господствующие реальности нашего времени. Впервые начинает давать о себе знать глобальная человеческая совесть. Эта совесть является естественным продолжением длительного процесса расширения личного кругозора людей. Самоутверждение человека в кругу собственной семьи стало с течением времени распространяться на его деревню, его племя, его район, его нацию; а с недавних пор оно распространилось на весь его континент (до второй мировой войны не было столь обычным, как теперь, чтобы студенты университета или интеллигенты именовали себя попросту европейцами или азиатами).

Происходившее в течение последних трех веков вымирание космополитической по своей сути европейской аристократии и постепенное придание национального характера христианской церкви, социализму и коммунизму привели к тому, что в более близкое к нам время наиболее важная политическая активность проявляла тенденцию замыкаться в национальные рамки. Сегодня мы вновь становимся свидетелями появления космополитических элит, но теперь они состоят из международных бизнесменов, ученых, специалистов и государственных деятелей. Связи этой новой элиты между собой преодолевают национальные границы, их широкие замыслы не стеснены национальными традициями, а интересы их носят больше функциональный, чем национальный характер. Эти глобальные сообщества укрепляются, и, подобно тому, как это было в средние века, может случиться, что социальная элита большинства более развитых стран вскоре будет в высокой степени интернационалистичной или глобальной по своему духу и мировоззрению. Создание глобальной информационной сети, которая облегчит почти непрерывное интеллектуальное взаимодействие и объединение знаний, еще больше усилит нынешнюю тенденцию к появлению международных профессиональных элит и к возникновению общего для всех научного языка (по сути — функционального эквивалента латыни). Это может, однако, создать опасную пропасть между такими элитами и политически активизировавшимися массами, чья приверженность ко всему национальному, эксплуатируемая более националистически настроенными

политическими лидерами, могла бы обратиться против «космополитической» элиты.

Интеллектуальные элиты в возрастающей мере склонны мыслить в глобальном масштабе. Характерным аспектом этого процесса является определение ими сущности современных дилемм: это, с их точки зрения, необходимость преодолеть техническую отсталость, ликвидировать бедность, расширить международное сотрудничество в области образования и здравоохранения, предотвратить перенаселенность, создать эффективный аппарат для сохранения мира *. Все это — острые вопросы глобального значения. Еще только 30 лет назад они просто не привлекали к себе общественного внимания, которое в те времена было приковано к гораздо более конкретным региональным, национальным или территориальным конфликтам.

Технотронная революция создает условия, которые в возрастающей степени делают возможной глобальную реакцию на эти нужды и на человеческие страдания вообще. По сути дела, уже наметились контуры рудиментарной схемы глобальных социальных и экономических институтов**. Наличие средств для глобального сотрудничества обостряет понимание нами нашей обязанности действовать. Чувство тщетности усилий легко успокаивает совесть. Нечистая совесть обычно бывает у того, кому ясно, что он мог бы поступить по-иному. Ощущение взаимной связанности, непосредственная близость страданий, глобальный разрушительный характер современного оружия — все это способствует развитию взгляда на человеческий род как на единое целое.

* «Мы начинаем сознавать необходимость координации в мировом масштабе, сознавать, что нужно смотреть вперед так, чтобы мероприятия, проводимые различными странами, могли быть объединены в одну стройную систему. Это побудило нас приступить к глобальному планированию. ФАО является в этом смысле пионером: ее ориентировочный мировой план — первая такая проба — в начальном варианте будет готов в 1969 г. МТО настойчиво работает над планом мировой занятости.

Центр ООН по планированию, проектированию и политике развития готовит то, что можно было бы назвать схемой плана, охватывающего все виды такой деятельности. Это часть задачи, возложенной на него резолюцией Генеральной Ассамблеи, недвусмысленно потребовавшей от генерального секретаря, чтобы он разработал будущие мероприятия, которые были бы шагом вперед по сравнению с результатами нынешнего десятилетия развития» (Ян Тинберген, Выход из лабиринта, «Цереса» (журнал ФАО), том I, № 3, май — июнь <1968 г., стр. 20).

** Упомянем лишь некоторые из них: всемирная организация здравоохранения, международная продовольственная и сельскохозяйственная организация, международная организация труда, международная организация по вопросам образования, науки и культуры, международный банк, глобальная метеорологическая организация, международное агентство атомной энергии, международная организация гражданской авиации, международное агентство по мирному использованию космического пространства, агентство по изучению дна океанов и т. д.

В этом отношении можно считать обнадёживающим признаком, что критерии, которыми люди руководствуются при оценке результатов происходящего на международной арене соревнования, подвергаются конструктивным изменениям. В недавнем прошлом и даже в настоящее время мерилами статуса и влияния того или иного государства служили и продолжают еще служить такие факторы, как территориальная экспансия, численность населения, туманные национальные претензии на культурное и идеологическое превосходство, а также военная мощь вообще и победа в прямых столкновениях в частности. Постепенно эти критерии уступают место соперничеству, в котором борьба идет за более высокие показатели в смысле объема валового национального продукта, размеров дохода и объема потребления на душу населения, возможностей для получения образования, творческих и научных достижений, масштабов исследований и развития, уровня народного здоровья и питания и даже завоеванных нациями олимпийских рекордов, не говоря уже о космическом соревновании двух сверхдержав. Человеку, жившему в 1914 г., нынешнее международное соперничество, основанное на более впечатляющих принципах и определяемое новыми критериями для установления статуса государства, было бы почти непонятным. В его время националистическая геополитика выдвигала более непосредственные стимулы.

Сегодня преобладающую роль начинает играть другая ориентация. Социальные проблемы начинают рассматриваться не столько как последствия преднамеренной злой воли, сколько как произвольный побочный продукт сложных условий и невежества. Решения принимаются не путем эмоциональных упрощений, а на основе накопленных человеком социальных и научных знаний. Люди начинают все лучше понимать, что изменения в развитии науки и в человеческой психике не поддаются заранее сформулированным теоретическим объяснениям. К тому же неожиданные последствия научных открытий привели, особенно в более развитых странах, к осознанию того факта, что решение основных спорных вопросов, стоящих перед людьми, одинаково важно для сохранности всего человечества независимо от существующих между народами внутренних различий.

Увлечение идеологией уступает место заинтересованности экологией. О подобном сдвиге свидетельствует беспрецедентная озабоченность общественности такими проблемами, как загрязнение воздуха и воды, голод, перенаселенность, радиация, контроль над болезнями, наркотиками, погодой, равно как и все усиливающаяся тенденция к ненационалистическому подходу к исследованиям космоса или дна океанов. Уже наблюдается широко распространенное единство взглядов в отношении желательности функционального планирования

как единственно возможного способа преодоления различных экологических опасностей⁴⁸. Более того, принимая во внимание непрерывный прогресс в области вычислительной техники и массовых средств информации, можно ожидать, что современная техника подведет под такое планирование необходимую для него базу. К тому же мультиспектральный анализ, проводимый с искусственных спутников Земли (один из побочных продуктов соревнования в космосе), создает надежду на более эффективное планирование в том, что касается использования ресурсов нашей планеты.

Однако новая глобальная сознательность только еще начинает превращаться во влиятельную силу. Ей пока не хватает самоутверждения, целостности и целеустремленности. Часть человечества — по сути дела подавляющая его часть — еще не разделяет вытекающих из нее принципов и не готова следовать им. Наука и техника все еще используются для подкрепления идеологических претензий, для усиления национальных устремлений, для удовлетворения узконациональных интересов. Большинство государств тратит больше денег на вооружения, чем на социальное обслуживание населения, а средства, выделяемые обеими наиболее мощными державами на иностранную помощь, ни в коей мере не соответствуют их претензиям на выполнение глобальных миссий *. Конечно, можно возразить, что разделенный, изолированный и расчлененный на отдельные отсеки мир прошлого обладал в некоторых отношениях большей сплоченностью и большей гармонией, чем нынешняя изменчивая глобальная реальность. Упрочившиеся культуры, глубоко укоренившиеся традиционные религии и отличные друг от друга национальные черты создавали стабильную структуру и прочные устои; расстояние и время предохраняли от чрезмерных трений между отсеками. Сегодня эта структура разваливается, а предохранители распадаются. Новому глобальному единству еще предстоит обрести свою собственную структуру, единодушие и гармонию.

* Считают, что в 1966 г. общая сумма расходов всех государств мира на вооружения превысила на 40% мировые ассигнования на образование и больше чем втрое превысила средства, выделяемые во всем мире на здравоохранение. В том же году общая сумма расходов Соединенных Штатов на иностранную помощь составила приблизительно 4 млрд. долл., а Советский Союз израсходовал на эти цели примерно 330 млн. долл. (обе группы цифр позаимствованы из справочника «World Military Expenditures, 1966—4967», U. S. Arms Control and Disarmament Agency, Wash., D. C., 1968, особенно стр. 9—112),

Часть II

ВЕК ИЗМЕНЧИВЫХ ВОЗЗРЕНИЙ

Век изменчивых воззрений непосредственно обусловлен влиянием технотронной революции на существующие идеологии и взгляды на жизнь. То, что человек думает, тесно связано с тем, что он узнает по опыту. Эта связь носит не причинный, а взаимозависимый характер: опыт влияет на мышление, а мышление обуславливает интерпретацию опыта. В наши дни господствующей моделью в возрастающей степени становится, по-видимому, модель глубоко индивидуалистических, бессистемных, меняющихся перспектив. Институционализированные воззрения, являющиеся результатом слияния идей и установлений, многим уже не кажутся жизненными и уместными. В то же время скептицизм, который в столь значительной мере способствовал развенчанию институционализированных воззрений, сталкивается теперь с новым упором на энтузиазм и чувство личной причастности. В результате для многих людей наступает эра скоропреходящих увлечений и быстро меняющихся взглядов, причем эмоции служат для некоторых из них чем-то вроде скрепляющего вещества, роль которого прежде играли установления. А поблекшие революционные лозунги прежних времен обеспечивают им вдохновение, необходимое для того, чтобы встретить совершенно другое будущее.

В формировании той коллективной человеческой сознательности, которая определяет наше отношение к реальности и создает основу для интеллектуального структурирования этой реальности, можно различить несколько длительных периодов. Великие религии исторических времен имели решающее значение для формирования перспективы, связывавшей индивидуальную поглощенность человека своей внутренней жизнью с существованием универсального бога, этого источника обязательных для всех норм поведения. Реальность была богоданной, и граница между конечным и бесконечным стиралась.

Идеологический период, совпавший с периодом индустриализации и распространения грамотности, намного усилил тягу к социальному активизму и выдвинул более конкретные цели.

которые определялись с точки зрения (блага нации или какого-либо другого коллективного блага, причем во главу угла были поставлены внешние условия человеческого существования). Активизм требовал более точного определения нашей реальности. Эту потребность должны (были удовлетворить систематизированные, даже догматические интеллектуальные схемы).

В наше время укоренившиеся идеологии подвергаются атакам из-за своего институционализированного характера, некогда сыгравшего положительную роль в мобилизации сравнительно необразованных масс, теперь же превратившегося в препятствие для интеллектуальной адаптации последних. В то же время поглощенность этих идеологий внешними сторонами жизни все больше рассматривается как игнорирование ими ее внутренней, более духовной стороны. Стремление к индивидуальным действиям, основанное на моральном возмущении и стимулируемое гораздо более высоким общим уровнем образования, стало суррогатом хорошо организованной активной деятельности, хотя оно и не страдает пассивностью и безразличием к внешней реальности, типичным для доидеологического века.

Обладавшие непреодолимой притягательной силой идеологии уступают, таким образом, место принудительно внушаемым идеям, но без той эсхатологии, которая была характерна для других исторических эпох. Тем не менее и сейчас еще ощущается потребность в некоем синтезе определенных моральных ценностей, способном определить смысл и историческую направленность нашего времени. Движущей силой этих поисков является требование равенства — равенства людей в рамках институтов и обществ, равенства рас, равенства наций. Принцип равенства руководит действиями как мятежников в университетах Запада и Востока, так и новых государств в их борьбе против стран, лучше устроенных и более богатых. Упор на равенство, как и страх перед собственным устареванием, вызывает у многих опасение того, что новый послеиндустриальный век потребует еще большей дифференциации в деловых качествах, способностях и интеллектуальной подготовке людей, увеличивая тем самым различия в условиях человеческого существования в эпоху непрерывно усиливающегося глобального взаимодействия.

1. Поиски универсального видения мира

«Человек пришел в мир безмолвно»¹. И хотя этот приход окружен тайной, в том смысле что мы до сих пор очень мало знаем о но, длинных истоках человеческого существования, однако с самых ранних исторических времен человек стал настойчиво стремиться познать самого себя и свое окруже-

ие. И пусть сперва схематично и примитивно, но он всегда старался выкристаллизовать некоторые организационные принципы, с тем чтобы эти принципы, создавая из хаоса порядок, связали его со Вселенной и помогли ему определить, какое место принадлежит в ней ему².

Несмотря на исчезновение в глубокой древности целых культур³, эволюция человека — или развитие общества — привела к тому, что человек стал все больше осознавать себя и своих собратьев как человеческую сущность, наделенную определенными общими качествами; тем самым было положено начало все более систематическим интеллектуальным усилиям людей разумно определить и организовать свою внешнюю реальность. Таким образом, происходило то, что Тейяр де Шарден назвал «ростом сознательности... потоком, посредством которого устанавливается и получает возможность развиваться непрерывная и преемственная традиция размышления»⁴.

С точки зрения всего человеческого существования в целом этот «поток» может, конечно, оказаться и коротким, как охотно утверждают критики идеи исторического прогресса. И все же исторические документы содержат убедительные доказательства роста — зачастую прерывистого и неровного, но тем не менее роста — в процессе осознания человеком общности человеческих судеб, определенных устремлений, а также обязательных для всех норм морали *. Даже тогда, когда религии и идеологии соревнуются между собой, они все чаще делают это, основываясь на принципах — и во имя принципов, — которые, если взглянуть на них с точки зрения исторической перспективы, все больше покоятся на семантических различиях, а не на различиях по существу. Впрочем, нельзя отрицать, что на практике нередко все происходило очень по-разному; примечательно, однако, что конфликты разгорались из-за претензий на лучшее истолкование и приме-

* Мы говорим здесь о *нашей* истории — о нашей исторической цивилизации. С другой стороны, Клод Леви-Стросс совершенно прав, когда говорит: «...Люди забыли о том, что каждое из десятков и сотен тысяч обществ, существовавших в мире бок о бок или сменявших друг друга с момента первого появления человека, утверждало, что именно в нем содержится ювинтэосенция всего смысла и достоинства, присущих человеческому обществу. И даже если это была маленькая группа кочевников или жители затерянного в глубине лесов хутора — все равно их претензии основывались в их собственных глазах на некоей моральной уверенности, сравнимой с той, которой в данном отношении обладаем мы сами. Но и в их случае и в нашем нужна немалая доза эгоцентричности и наивности, чтобы поверить, будто человек прибегнул к одному единственному из всех исторических или географических способов своего существования, тогда как в отношении людей правда заключается в системе их различий и общих им всем свойств» (Claude Lévi-Strauss, *The Savage Mind*, Chicago, 1966, p. 249).

нение на практике таких универсальных ценностей, как демократия, благоденствие, человеческое достоинство и свобода личности.

Универсальные религии

Решающий перелом в процессе развития самосознания человека как массовом явлении произошел с появлением великих религий. Они были первыми попытками синтеза известных моральных ценностей, синтеза, носившего универсальный характер и содействовавшего расширению человеческого видения как в вертикальном — в том смысле, что он в обстоятельной и сложной форме устанавливал связь человека с таким богом, который был богом не одной небольшой группы людей, а богом *каждого*; в горизонтальном — в том, что он сформулировал ряд императивов, определивших обязательства человека по отношению к человеку, исходя из того, что все люди наделены искрой божьей. Таким образом, универсализм возник как система мышления даже еще тогда, когда кругозор людей был ограничен и когда они жили замкнуто и изолированно друг от друга в социально-культурном отношении.

В соответствии с этим рождение универсальных религий знаменует выход на сцену человечества, как такового. Утверждение равенства человека перед богом в области его духа, его сознания, его души создало базу для выявления трансцендентальной значимости человеческого существа и для гораздо более позднего утверждения равенства людей в плане политическом и социальном. С этой точки зрения прозелитизм христианства, придавшего более узким греческой и иудаистской традициям универсальный характер, оказался особенно мощной революционной силой. И хотя христианство четко отделяло равенство перед богом от послушания кесарю на выдвигаемых кесарем условиях, именно такую силу усматривали в этом учении власти предрежащие. Если можно сказать, что история человечества содержит и борьбу, и эволюцию, направленную на постепенное освобождение человека, то достижение равенства перед сверхъестественным следует считать первым важным шагом на этом пути.

■ Но ранний человек не мог ни контролировать, ни понимать себя и свое окружение. И то и другое было для него, по существу, тайной, чем-то данным, что приходилось принимать, какие бы страдания ни приносила жизнь. В результате отдаленное будущее стало занимать людей значительно больше, чем их непосредственное настоящее. Неспособность успешно бороться с болезнями, эпидемиями, детской смертностью, сознание кратковременности человеческой жизни, бессилие перед такими стихийными бедствиями, как наводнения или болезни сельскохозяйственных растений,—все это побуждало человека искать спасение во всеобъемлющих определениях

его реальности. А эти последние в свою очередь хотя бы частично оправдывали мнение о тщетности человеческих усилий и о необходимости воспринимать события с фатализмом. Но лица спасение в не связанном с ним отдаленном, божественном будущем, человек освобождал себя от обязанности энергично бороться с настоящим в обстановке, к которой он не был подготовлен ни интеллектуально, ни практически.

Даже понятие «свободная воля», занимающее центральное место в самой активной из великих религий — христианстве, в основе, своей предполагало скорее внутренний акт сознания, необходимый для достижения состояния всепрощения, чем отправную точку для морально мотивированных внешних действий. Никакого упора на необходимость борьбы за улучшение внешних условий жизни людей не делается, поскольку считается — хоть это нигде и не сказано, — что коренное улучшение их невозможно. Упор делают на внутреннюю жизнь человека: обращая свой взор на универсальное и божественное будущее, человек получал возможность преодолеть настоящее, просто-напросто игнорируя его. Минимуму общественной деятельности противостоял максимум внимания, уделяемого сверхъестественному.

Дабы удовлетворить основную потребность того времени — а главное, обеспечить человеку прочные устои в не поддающемся пониманию мире — и чтобы добиться прочного контроля над человеческим духом, религиозные верования были выкристаллизованы в догмы и подверглись институционализации *. Чем выше были требования, предъявляемые религией к личности, тем более высокой становилась степень институционализации **. (Это дало повод для проведения рядом уче-

* Я не собираюсь включаться (да и не чувствую себя достаточно для этого квалифицированным) в дискуссию между марксистами и приверженцами теорий Фрейда и Юнга о независимости и функциональности религиозного развития. Меня интересует здесь возникновение концептуальной и институционализированной схемы, призванной определить отношение человека к его реальности.

** Чрезвычайно показательным в этом смысле то значение, какое католическая церковь придает обету безбрачия. По словам одного ученого, «безбрачие обеспечивало церкви исключительную лояльность со стороны ее персонала, лояльность, которая была недостижима для других современных религиозных институтов. Оно зачастую обеспечивало церкви ее изумительную способность оказывать сопротивление светской власти. Попутно стоит отметить, что религии, разрешающие своим священнослужителям вступать в брак, — будь то лютеранская, англиканская или православная (последняя разрешает вступать в брак только низшим категориям священников) — яе были в состоянии оказать светской власти противодействия, сколько-нибудь похожего на противодействие католической церкви. Протестантская и православная церкви, как правило, были служителями и придатками светской власти. Они редко могли себе позволить оказать ей сопротивление. Одна из причин этого заключалась в том, что их церковный персонал активно участвовал в гражданской общественной жизни (Льюис Козер, Алчные организации, «Европейский социологический журнал», 1967, т. 7, стр. 206).

ных аналогий между исламом и христианством, с одной стороны, и Коммунизмом — с другой.)⁵ С институционализацией религий усилилась и активность церквей (вспомним крестовые походы, организованные католической церковью, и священные войны ислама); религиозные организации стали применять по отношению к своему окружению силу. Она использовалась, однако, для расширения духовных завоеваний, а не с целью добиться социальных перемен. Институционализация веры выполняла, таким образом, двойную функцию: она явилась оружием, с помощью которого ревнители веры оборонялись против неверующего окружения, и одновременно средством обеспечения непрерывного прозелитизма, призванным не только завоевывать для церкви новых последователей, но и преодолевать инертность масс, в большинстве своем безразличных к духовным потребностям⁶.

Хотя христианство и было наиболее активной из всех великих религий и создало тем самым основу для зарождения в дальнейшем светских революционных движений, игравших господствующую роль в истории Запада, процесс религиозной институционализации, а отсюда и возникновение у организованной религии заинтересованности в сохранении статус-кво содействовали смягчению радикального характера христианской концепции истории, положив начало движению за спасение «сна земле, как и на небе». Так, христианские церкви стали постепенно на практике признавать социальное расслоение и даже извлекать из него выгоду (как, например, в Латинской Америке). А некоторые разновидности лютеранства дошли даже до санкционирования в теории концепций расового неравенства, которые находятся в разительном противоречии с первоначальными революционными требованиями равноправия, воплощенными в новых, христианских взаимоотношениях между богом и людьми.

Другие великие религии были более пассивными — и на практике, и в теории. Буддизм не содержит императивов, требующих социальных преобразований, а предлагает спасение от реальности. В отличие от того, чему учило христианство, нирвана не служила трамплином для мирской активности. Точно так же характерная для ислама тяга к фатализму противодействовала появлению в нем хотя бы доли того противоречия между «вечным покоем» и «небом на земле», которое так ощутительно в христианстве и которое стимулировало его ранее сдерживаемую активность⁷.

Национальная самобытность

По мере роста на Западе способности человека добиваться господства над окружающей его средой светский рационализм, сопровождавшийся более глубоким осознанием сложности социальной действительности и распадом существующей

структуры набожности, начал соперничать с институционализированной религией. Эта набожность базировалась одновременно на узости и на универсализме кругозора человека: узость была следствием невежества широких масс, их неграмотности и убогости их видения, которое вследствие ограниченности средств информации не выходило за рамки их непосредственного окружения. А универсализм проистекал из идеи о том, что судьба человека, но существу, находится в руках божьих и кто краткосрочное настоящее является всего-навсего переходной ступенькой к бесконечному будущему. Зарождающийся секуляризм бросал вызов обоим этим категориям и тем самым делал необходимым возникновение какого-то промежуточного объекта приверженности человека — чего-то, что находилось бы между конечным и бесконечным и без чего человек не мог проявить свою самобытность. Ответом на это требование были государство-нация и национализм.

Доктрина суверенитета создала институционную базу для борьбы против светской власти укоренившихся религий. Эта борьба в свою очередь дала толчок к появлению абстрактного понятия государства-нации. Суверенитет как достояние народа вместо суверенитета как достояния короля знаменовал завершение того процесса, который на протяжении двух веков, предшествовавших французской и американской революциям, коренным образом изменил структуру власти на Западе * и подготовил почву для новой господствующей концепции реальности. Государство-нация сделалось одновременно олицетворением личных обязательств человека и исходной базой для анализа реальности. Это стало новой фазой в росте политической сознательности человека.

Национализм не стремился вести индивида к бесконечному; он хотел активизировать безличные массы для достижения непосредственно близких целей. Как это ни парадоксаль-

* «И в своей религиозной, и в своей светской версии — у Филмера, так же как и у Гоббса, — смысл новой доктрины суверенитета заключался в безусловном повиновении подданного королю. Обе доктрины содействовали политической модернизации, так как они узаконивали концентрацию власти и ликвидацию средневекового плюралистского политического строя. В условиях XVII в. они соответствовали теориям партийного господства и национального суверенитета, используемым сегодня, чтобы сломить власть традиционных местных, племенных и религиозных органов. В XVII в. участие масс в политике было еще делом [будущего]; рационализация власти означала поэтому концентрацию власти в руках абсолютного монарха. В XX в. расширение участия народных масс в политической жизни и рационализация власти происходят одновременно, поэтому власть должна быть сосредоточена либо в руках политической партии, либо в руках популярного лидера — народного вожака, причем и партия, и такой вождь должны быть способны повести за собой массы, равно как и бросить вызов традиционным источникам власти. Но в XVII в. функциональным эквивалентом монолитной партии XX в. был абсолютный монарх» (Huntington, p. 1102).

но, до источником этих конкретных целей служил все еще непостижимый и трансцендентальный, хотя и новый, объект поклонения — нация. Нация стала источником восторженной, лирической привязанности. Именно эта чрезвычайно эмоциональная связь, символизируемая новыми гимнами (такими, как, например, «Марсельеза»), флагами и героями, вызывала подъем энергии у простого народа. Конкретные цели обрели форму массовой заинтересованности границами, не воссоединенными еще областями, «[братьями]», которых следовало выволить из чужеземной неволи, а в более общем плане — мощью и славой государства как вещественного олицетворения нации. Государство сделалось, таким образом, институциональной формой новой господствующей веры, претендовавшей на монопольную преданность ей человека, которого теперь, прежде всего и превыше всего, определяли как гражданина.

Термин «человек-гражданин» символически означает новую веху в эволюции человека как существа общественного. Равенству перед богом теперь противостояло равенство перед законом. Стремление к духовному равноправию теперь подкрепляется стремлением к равноправию юридическому. Следует отметить, что юридическое равноправие [было закреплено как американской революцией, в которой упор на равенство перед законом сочетался с глубокой приверженностью религиозным ценностям и даже первый основывался на второй, так и французской революцией, соорудившей свой Пантеон человеческого равенства, категорически отбросив религиозную традицию. В обоих случаях юридическое равенство граждан постулировалось как у них верный принцип; тем самым оно представляло собой еще один гигантский шаг в постепенном изменении определения природы человека и его места в нашем мире.

С появлением национализма стерлась разница между внутренним, созерцательным человеком, всецело поглощенным своим отношением к богу, и человеком внешним, занятым преобразованием своего окружения. Национализм как идеология носил более активный характер. Отношение человека к человеку было определено юридическими нормами, составившими его внешнюю объективную основу, и в отличие от отношения человека к богу не зависело от его личной совести. В то же время, однако, определение человека как существа «национального» в значительной мере основывалось на абстрактных, исторически обусловленных и чрезвычайно эмоциональных критериях. Когда такая точка зрения использовалась в качестве умозрительной схемы для истолкования отношений между нациями и внутреннего развития наций, она становилась чрезвычайно туманной и даже иррациональной. Национализм лишь частично способствовал росту самосознания человека; он мобилизовал активность людей, но не смог обострить их кри-

тические способности. Он был скорее массовым средством выражения человеческих страстей и стимулятором фантазий, чем умозрительной схемой, позволяющей расчленивать, а затем продуманно вновь собрать воедино нашу реальность.

Идеологический универсализм

'Вот почему марксизм представляет собой дальнейший жизненно важный созидательный этап в созревании универсального видения человека. Марксизм одновременно является победой внешнего, активного человека над внутренним, пассивным и победой разума над верой. Он стимулирует способность человека к формированию своей материальной судьбы — конечной и определяемой как единственная человеческая реальность. Марксизм постулирует также абсолютную способность человека правильно понять реальность как исходную точку для энергичных усилий, призванных придать ей желаемую форму. Марксизм в большей мере, чем все предыдущие методы политического мышления, делает упор на систематическом и точном изучении материальной реальности и на вытекающем из него руководстве к действию.

Хотя можно возразить, что содержащийся в этом точном интеллектуальном методе сильный компонент догматической веры в конечном счете подрывал его, остается фактом, что марксизм развил самосознание народа, пробудив в массах острую заинтересованность в достижении социального равенства и обеспечив им историческое и моральное оправдание для борьбы за него. Более того, марксизм представлял собой в свое время самый передовой и систематический метод анализа динамики общественного развития, классификации ее и экстраполяции из этого анализа определенных принципов, касающихся социального поведения людей. Причем он сделал это способом, поддающимся объяснению в форме чрезвычайно упрощенных положений, которые вызывали даже у относительно необразованных масс ощущение того, что их понимание явлений коренным образом возросло и что их чувства обиды и разочарования, равно как и их смутные чаяния, могут быть претворены в исторически значимые действия.

В силу этого марксизм воздействовал одновременно на этические, рациональные и прометеевы инстинкты человека. Этический компонент его, подкрепляемый человеческими эмоциями, имел своим источником иудейско-христианскую традицию. Рациональный — отвечал возросшему желанию человека более систематически постичь динамику своего материального окружения. А прометеев — символизировал «веру человека в свои силы, представление о том, что историю делают люди и что ничто не может остановить их в их продвижении к совершенству»⁸.

■ В этом смысле марксизм играл роль механизма челове-

сК-ого «прогресса», даже если ебо практика зачастую и не соответствовала его идеалам. Тейяр де Шарден отмечает: «Разве современный тоталитаризм при всей его чудовищности не является на самом деле искажением чего-то прекрасного и тем самым весьма близким к истине?»⁹ В другом месте он пишет, что, «для того чтобы остаться или стать более человеческими, все народы неизбежно должны сформулировать надежды и проблемы современного мира в точно тех же выражениях, в каких сформулировал их Запад»⁴⁰. Но он умалчивает о том, что у многих из тех, кто находился вне непосредственного влияния Запада и его христианской традиции, именно марксизм пробудил мысль и что именно он целеустремленно мобилизовал человеческую энергию масс.

Более того, марксизм сыграл решающую роль в политической институционализации и систематизации осторожных усилий определить лицо нашей эры и выявить характер связи человека с историей на любой данной стадии ее. Внимание, которое было уделено этому вопросу, потребовало оценки относительной важности различных факторов перемен, рассмотрения взаимоисключающих друг друга исторических интерпретаций и хотя бы попытки вынести соответствующее предварительное суждение. Более того, оно вызвало ряд второстепенных вопросов. Все они полезны, так как заставляют распознавать происходящие перемены и находить способы приспособиться к ним. Вот эти вопросы: какие отдельные фазы можно различить в пределах данной эры? является ли данная фаза фазой международной напряженности, большей стабильности, смены мест, где про ис ходят конфликты, или возникновения новых союзов? кто в настоящее время наши главные враги—субъективно и объективно? кто теперь наши союзники? каковы источники главных, второстепенных и третьестепенных опасностей?

Периодическое, педантичное, целеустремленное изучение подобных вопросов требует систематического зондирования международной обстановки. Это не означает, что современным коммунистам всегда удавалось правильно разобраться в смысле новых международных явлений. По сути дела, их уверенность в том, что их методы анализа представляют собой безотказный ключ к познанию внутреннего смысла вещей, часто вводила их в заблуждение. Не желая соглашаться с точкой зрения об относительности и неуловимости истины, они подняли свое неизбежно только частичное проникновение в суть событий в разряд абсолютных догм и свели сложные спорные проблемы к грубым упрощениям.

И все же характеризовать коммунизм—это институционализированное выражение марксизма—в первую очередь как «болезнь переходного периода от традиционного состояния к состоянию современному»¹¹ или утверждать, будто «фактиче-

«ки марксизм представляет собой всего лишь эпифеномен технического развития, фазу в трудном союзе человека с техникой»¹², — значит пренебречь тем, что, по всей вероятности, останется главным вкладом марксизма: его революционным, расширяющим кругозор влиянием, открывшим перед человеческим разумом неизвестные тому прежде перспективы и подчеркнувшим важность ранее игнорировавшихся интересов. Но признавая все это, мы вместе с тем отдаем себе отчет в последующем поработавшем воздействии институционализированного марксизма — особенно когда он стоит у власти — и в неспособности марксистского анализа разрешить проблемы развитого мира XX в. Однако мы утверждаем, что в постепенной эволюции универсального видения человека марксизм представляет собой такую же важную и прогрессивную стадию, какой были национализм и великие религии.

Осе три явления — религия, национализм ■ и марксизм — имели много предтеч и не возникли внезапно как результат совершенно самостоятельного акта творческого гения. Маркс нашёл капитал на интеллектуальных достижениях своих непосредственных предшественников, причем в глазах некоторых из них социализм обладал прочной религиозной базой *. Аналогичным образом национализм и великие религии были ярко выраженным синтезом настроений интеллектуальных позиций и определенной социальной восприимчивости, выработавшейся за очень длительный период времени. Кроме того, во всех трех случаях значительное развитие способности к восприятию сопровождалось извращениями на практике: религиозными войнами и инквизицией, национальной ненавистью, которая выливалась в беспрецедентные массовые убийства, а также жестоким террором, чистками и тоталитарным подчинением ума и тела людей во имя «туманной» идеологии.

Тем не менее во всех трех случаях интеллектуальные горизонты человека, однажды уже расширившиеся, не могли снова быть сужены. Равенство перед универсальным богом и упор на личную совесть; равенство перед законом и преданность некоей социальной сущности, выходящей за рамки непосредственного окружения человека; социальное равенство и стремление критически проанализировать каждый этап в динамическом наступлении истории — все это в своей совокупности способствовало обострению и росту политического и социального сознания людей. В силу доминирующего влияния активного Запада на формирование мировоззрения нашего времени сейчас, во второй половине XX столетия, почти каждый из нас, часто сам об этом не зная, является в определенной степени христианином, националистом и марксистом.

* Пьер Леру (1797—1871) был среди тех, кто первым подверг умозрительному анализу термин «социализм» и использовал его в своих произведениях. Он видел в социализме осуществление религиозных императивов.

2. Бурное брожение внутри институционализованных убеждений

Существующим институтам становится все труднее догматически утверждать первоизданную чистоту доктрин, на олицетворение которых они претендуют. Это одинаково относится и к христианской церкви, и к коммунистическим партиям; в некоторых более развитых странах эта трудность связана также с кризисом преданности процедурам либеральной демократии, что особенно типично для молодежи.

В настоящее время взаимосвязь между идеями и институтами носит турбулентный характер: институты оказывают сопротивление идеям, боясь, что те могут привести к переменам, которые подорвут эти институты, а выразители идей восстают против институтов из-за якобы присущей последним тенденции к оказанию ограничивающего воздействия на интеллект.

Такое положение вещей является частью прогрессирующей секуляризации нашей жизни. Важную роль в этом процессе играет изменившийся характер современных средств массовой информации, позволяющий быстро распространять идеи и образы, не полагаясь уже всецело на организованные усилия по вербовке новых сторонников. Сегодня большое число людей подвергается воздействию впечатлений, более непостоянных и неуловимых, чем когда бы то ни было раньше. Теперь уже не существует былой потребности бросить вызов суровым традиционным запретам, предложив какие-то иные, более привлекательные идеалы, или преодолеть социальную инертность путем организованной мобилизации усилий. Все это заставляет защищать институционализованные убеждения, направляя все большие усилия на то, чтобы удержать за собой позитивную лояльность своих сторонников и бороться против влияний, враждебных структурным, формальным и в высокой степени институци он а ли аир о в а ни ым уб еж д е ни ям.

Почти сто лет назад Маркс писал, что хотя до того времени считалось, будто развитие христианских мифов во времена Римской империи оказалось возможным только потому, что еще не было изобретено книгопечатание, на деле, наоборот, ежедневная пресса и телеграф, которые за одно мгновение распространяют измышления по всей планете, фабрику ют больше мифов (а буржуазные скоты верят и распространя ют их) в течение одного дня, чем в прошлом можно было сделать за столетие¹³. Когда же к прессе и телеграфу добавля ются современные радио и телевидение с их глобальной ролью, а к религии добавляются современные идеологии, замечание Маркса представляется даже еще более справедливым.

Помимо факторов, связанных с развитием средств распространения информации и темпами -социальных изменений, вызванных -созданием новой техники, -существует еще -один

фактор, обусловивший -сложившееся положение. По мнению многих заинтересованных лиц, и особенно представителей молодого поколения, слияние религий или идеологий с институтами привело к бюрократической косности и к извращению ценностей. Давнишняя традиция -концентрации внимания институционализованной религии на внутреннем мир-е человека породила социальную пассивность и фактическую индифферентность к конкретным человеческим дилеммам, несмотря на все разговоры о приверженности идеям гуманности; в более близкое к вам время задачей идеологических институтов стала мобилизация внешнего окружения человека, что привело к возникновению политических -систем, практическая деятельность которых отвергает моральную значимость столь часто провозглашавшихся ими гуманных целей. -Е-сли в первом случае духовное возвышение человека сделало возможным -его социальную обездоленность, то во втором случа-е утверждение его социального первенства ускорило его духовную деградацию.

Институционный марксизм

Кроме того, многие люди отдают себе отчет в том, что -современные институционализованные убеждения уже -не обеспечивают необходимой реакции человека на современные проблемы как на внешнем уровне его существования, связанном с окружающей средой, так и на его внутреннем, духовном уровне. Несмотря на тот прогресс в области нашего теоретического мышления, какой являет собой марксизм, -последнего еще недостаточно для того, чтобы служить единственной основой для осмысленного понимания -нами нашей действительности. Открытия современной науки, достижения в области изучения человеческой психики и даже современные социально-экономические явления не могут быть больше удовлетворительно объяснены с 'помощью одних только марксистских теоретических построений. -В то же время пренебрежение духовным элементом и возобновившиеся попытки п-ознать подлинную природу внутреннего мира человека (попытки, которые -стали более настоящими под влиянием научных открытий в отношении природы человеческого мозга и личности) еще нагляднее выявили -ограниченность марксизма как -единственной основы для определения смысла человеческого существования.

Эта -ограниченность подчеркивается -связью между марксистскими идеями и институтами, представленными бюрок-ратически-догматическими коммунистическими партиями. Именно потому, что марксизм как комплекс идей и как социально-экономический метод -стал в столь значительной степени частью западно-го интеллектуального наследия, его интеллектуальная жизнеспособность и политическое значение, понимае-

мое .в общих чертах как вдохновляющий источник социальных программ, уже больше не зависят от организации фанатиков. Такая организация была необходима для вербовки сторонников, для захвата власти и для ее удержания. Специфические условия России привели к ленинской формуле исторической полезности подобной партии и абсолютной .необходимости подчинения ей личности.

Впоследствии бюрократические элементы, не преминувшие завладеть контролем над организацией после ее прихода к власти, естественно, стремились к тому, чтобы придать большую значимость самой организации, чем тем идеям, которые эта организация была призвана защищать и, вероятно, питать новыми соками. В результате существование коммунистических партий фактически превратилось в тормоз для дальнейшего восприятия и развития .марксистского учения. Бюрократическая организация этих партий и присущая им забота о своих институционализированных интересах (даже в ущерб марксистской доктрине, которую они якобы олицетворяли), равно как и их страх перед теоретическими исследованиями,— все это вместе взятое стимулировало оппозицию им извне и их внутреннюю идеологическую бесплодность.

Характерен для этой бесплодности тот поразительный факт, что советская коммунистическая партия .не дала *ни одного* творческого и .влиятельного марксистского мыслителя за все пятьдесят лет, миновавшие со времени захвата ею власти в 1917 г. (К тому же ее ведущие интеллектуальные светила, начавшие свою творческую деятельность еще до 1917 г., при советской власти были физически уничтожены.) Это не может .не удивлять, учитывая то значение, какое официально придавала «творческому» марксизму-ленинизму первая пришедшая к власти коммунистическая партия. Пытливые и влиятельные марксистские философы :в других странах — Георг Лукач, Эрнст Блох, Адам Шафф и Лешек Колаковский — неизбежно либо вступали в острый конфликт с партийной дисциплиной, либо в конечном счете были исключены из партии.

До тех пор пока марксизм оставался изолированной философской школой, партия могла служить эффективным .механизмом для продвижения его в .массы и, если говорить в более общем аспекте, являться самозванным агентом истории, направление которой, как утверждал марксизм, он правильно определил. Однако с того момента, как марксизм стал частью главного всемирного исторического течения, настаивать на его особой, институциональной самобытности и исключительности означало уменьшать его воздействие и подавлять его созидательную силу. Однако именно это и продолжали делать коммунистические партии, а Коммунистическая партия Советского Союза даже расширила эту претензию, утверждая свое

право определять правильность толкований, даваемых марксизму другими партиями.

Результатом явились усиливающаяся индифферентность к доктрине среди рядовых членов партии и растущее недовольство среди «более творческих марксистских мыслителей. Это не значит, что социалистические идеи были дискредитированы. Наоборот, судя по доступным нам явно ограниченным и весьма отрывочным сведениям об общественных настроениях, даже в Восточной Европе, где коммунизму пришлось соревноваться с антисоветским национализмом, социализм — обычно понимаемый как попытка создания более справедливого общества путем обеспечения общественного благосостояния, открытия широкого доступа к образованию, развития социального обслуживания, провозглашения общественной собственности на основные средства производства и борьбы за социальное равноправие — обладает широкой народной поддержкой, которой коммунизм как институционализированная система взглядов не пользуется*. Аналогичным образом на Западе большинство несоциалистических партий считают в настоящее время создание общества всеобщего благосостояния желательным и нормальным развитием событий, хотя и не обяза-

* Сведения по этому поводу были получены путем опросов, проводившихся и в данных странах, и среди жителей Восточной Европы, выезжавших на Запад. Так, в 1961 г. опрос, проведенный в Варшаве среди студентов университета, показал, что 2% их причисляли себя к «безусловным марксистам» по своим взглядам, а 46% на вопрос: «Считаете ли вы себя марксистом?» — ответили: «В целом, да». Можно предположить, что эти две категории ответов представляют верхний предел готовности студентов принять официальную идеологию, хотя многие из входящих в 16%, возможно, выступили бы против чрезмерной партийной ортодоксальности. 27,5% охваченных опросом ответили на тот же вопрос: «Безусловно, нет», а 31% — «В целом, нет». Но в то же время 28,1% опрошенных выразили решительное желание увидеть мир «развивающимся в направлении какой-либо формы социализма», а 44,5% из общего числа 72,6% ответов, выразивших в общем предпочтительное отношение к социализму, гласили: «В целом, да» («Ист Юроп», апрель 1966 г., стр. 19).

Разрыв между числом людей, принимающих социализм в его общих чертах, и числом тех, кто определяет себя как марксиста, пожалуй, хорошо отражает то различие, о котором говорилось выше.

Аналогичным образом из 490 поляков, побывавших на Западе в 1960 г. (эти люди потом *возвратились* в Польшу), 61% охарактеризовал коммунизм как «плохую идею, которая плохо проводится в жизнь», в то время как 14% заявили, что это «хорошая идея, которая плохо проводится в жизнь». Однако подавляющее большинство положительно оценило послевоенные программы, предусматривающие создание государства всеобщего благосостояния, образование для всех, аграрную реформу и национализацию тяжелой промышленности («Некоторые аспекты социально-психологического и политического климата в Польше. Исследования настроений аудитории», радиостанция «Свободная Европа», Мюнхен, 1961 г., стр. 21, 24). Аналогичный опрос, проведенный среди 149 венгров, дал ответственность 73% и 8%, причем снова было выражено значительное одобрение мероприятиям, осуществленным после второй мировой войны («Политические взгляды и ожидания 119 венгров», там же, стр. 38, 43).

тельно требующим проведения широкой (национализации). Католическая церковь высказала приблизительно такую же точку зрения в знаменитой 'папской энциклике «Матер эт магистра» (1961).

Следовательно, «институционный марксизм», или коммунизм, уже больше не противостоит интеллектуальной реальности, враждебной либо его социальным устремлениям, либо даже некоторым основополагающим его принципам. Он уже больше не стоит перед миром, интеллектуально отвергающим марксизм, то есть перед целинной землей, которую необходимо обработать с помощью коллективно организованных фанатичных миссионеров. (Вместе с тем, по-видимому, единственная историческая функция закрытой партии ленинского типа в настоящее время — помогать коммунистам, стоящим у власти, удержать эту власть. В результате мыслитель-марксист уже не может быть коммунистом, если хочет остаться мыслителем.

Эта ленинистская связь между идеями и властью — со всеми присущими ей ограничениями и предрасположенностью к догматизму — отталкивает от коммунизма как интеллектуалов, «ищущих правду», так и тех из них, которые «добиваются эффективности»¹⁴. 'Правдоискатели—прежде всего философы, гуманисты и писатели — выступают против чрезмерной заботы о внешнем, активном человеке; они стремятся возродить и обновить заботу о внутреннем смысле жизни и хотят бороться против такого социально-психического явления, как отчуждение; они также считают поиски личной свободы, которую якобы олицетворяет марксизм, принципиально несовместимыми с институционализацией марксизма в качестве системы власти. Именно от этой группы обычно исходит наиболее выразительная и сильно действующая критика данной системы. В некоммунистических странах к этой группе принадлежат так называемые «новые левые», которые в теоретическом плане занимают «более крупными» вопросами, касающимися индивидуума. Характерно, что 'Кон-Бендит, радикальный лидер французских студентов в событиях 1968 г., направил свои самые резкие выпады в адрес 'Французской коммунистической партии¹⁵.

Другой угрозой официально провозглашенной связи между идеологией и системой институтов является тот вызов, который бросают ей интеллектуалы, «добивающиеся эффективности»; как правило, это экономисты, ученые, новые менеджеры. Они прежде всего озабочены проблемами социально-экономической эффективности и видят в возвеличивании догм и в подчинении идей институтам (что приводит к консервативному догматизму) главное препятствие к осуществлению позитивных социальных изменений. Менее заботясь о внутреннем мире человека и думая больше об удовлетворении его внешних потребностей, они не представляют собой главного вызова си-

стеме. Однако, поскольку их нападение носит косвенный характер, а также в силу того, что число самих нападающих увеличивается и они становятся социально все более необходимыми для промышленного общества, их вызов труднее отразить. Правдоискатели действуют в лоб; в более слабых и более дезорганизованных системах они иногда добиваются успеха, но впоследствии неизбежно уничтожаются с помощью более мощной силы. Искатели эффективности не выступают открыто, а стремятся действовать исподволь. Как их успехи, так и поражения, словно в зеркале отражающиеся в цикле проводимых коммунистами экономических реформ и последующих отступлений, менее видимы, менее масштабны, но, пожалуй, более ощутимы.

Однако в какой-то момент даже те, кто добивается эффективности, бывают вынуждены обратиться к более принципиальным проблемам, затрагивающим природу человека и цели социального бытия. До тех пор пока они этого не сделают, всегда, кажется, существует вероятность того, что правящей элите удастся хотя бы на время изолировать ученых, использовать их талант ^подкупить их посредством системы поощрений— неизменно оставляя за собой при этом право определять более масштабные цели.

Зная об этой опасности и выступая против догматически-бюрократической традиции, современные марксистские философы склонны утверждать первичность человеческого разума и сознания по сравнению с официальными организационными интересами и подчеркивать неизбежную ограниченность любой идеологической схемы, которую кто-либо попытался бы применить по отношению к реальной действительности. В статье, написанной в 1956 г., Лешек Колаковский отразил широко распространенные настроения, когда раскритиковал вульгаризованное понятие «марксист», которое означало уже не «человека, придерживающегося определенного осмысленного взгляда на мир, а человека с определенным складом ума, отличающегося готовностью придерживаться официально установленных взглядов»¹⁶. Отвергая <институционный марксизм», Колаковский заявил, что вмешательство партии в науку является, в силу самого смысла этого акта, немарксистским методом действий, ибо оно противоречит сокровенной сути марксизма: целенаправленному, научному и рациональному исследованию, призванному обеспечить максимальное приближение к истине. Выступая в том же духе, югославские философы, связанные с издающимся в Загребе философским журналом «Дракон» (журнал, известный своими высказываниями о том, что марксизм и институциональная истина — противоречащие друг другу термины), высмеяли взгляды одного советского философа, который «утверждал, что Центральный Комитет партии принимает наилучшие решения по самым важным теоретическим

вопросам, включая философские; по его мнению, важнейшей философской задачей в настоящее время является „объединение всех сил внутри социалистического лагеря”¹¹. В ответ на советскую точку зрения один югославский философ заметил, что «резюльции, принятые Центральным Комитетом, ни в коей мере не представляют собой философии»¹¹⁷.

Еще более существенное значение имеет отрицание того, что марксизм как историческая наука обеспечивает и практическое, и этическое руководство на пути в будущее. Более критически настроенные ревизионисты и более откровенные противники слияния понятий марксистского учения и партии ленинского типа оспаривают также и это положение. Особенно красноречиво говорит об этом К-олак Юв-ский:

«Заслуживающая внимания философия истории описывает только то, что существовало, то есть прошлое, а не созидательное будущее исторического процесса. По этой причине те, кто хочет подчинить свое собственное участие в будущих процессах тому, что провозглашается философией истории, являются всего лишь туристами, которые пишут свои имена на стенах мертвых городов. Каждый может, если захочет, заняться толкованием самого себя с исторической точки зрения и обнаружить те детерминанты, объектом коих он был в прошлом. Однако он не может сделать этого относительно того «себя», которым он еще не стал. Он не может вывести заключения о своем собственном будущем развитии на основании предначертаний философии истории, в которые он верит. Створить такое чудо означало бы самому сделаться неотъемлемой частью безвозвратного прошлого, то есть переплыть реку смерти — а ее, как сказал поэт, никому еще не было дано увидеть в а ж д ы»¹¹⁸.

Даже сравнительно ортодоксальные марксистские теоретики, как, например, Адам Шафф, активно защищавшие тезис о слиянии идей и институтов, вынуждены были в конце концов ценой {потери} прочного положения в партии сделать выбор между подчинением институциональной лояльности и интеллектуальной честностью. Сделав запоздалый выбор в пользу честности, Шафф открыто признал, что его собственное мышление не может больше ограничиваться консервативным, догматическим — а следовательно, институциональным — определением марксизма и что теперь ему пришлось согласиться с тем, что его более развитое понимание социологии марксизма требует опоры на немарксистские перспективы и интуиции¹⁹. Всего лишь десятилетие назад Шафф -все -еще был одним из наиболее деятельных ортодоксальных критиков взглядов своего земляка, поляка Ко-лаковекого, восточного немца Вольфганга Хариха и югославских ревизионистов*.

* Среди -многих других примеров см. декабрьский номер 1968 г. 'венгерского партийного журнала «Партилет», где сообщалось об увольнении

Ранее говорилось, что марксизм, распространившийся на массовом уровне в форме коммунизма, представлял собой крупный шаг вперед в способности человека умозрительно определять свое отношение к миру. Он завершил эпоху в человеческой истории, которую можно было бы назвать эпохой исторической бессознательности. Марксизм дал человеку ощущение социальной динамики и стимулировал у него сознательную озабоченность ею. Несмотря на свой материалистический детерминизм, он нес в себе сугубо этические идеи, и именно в этом в значительной мере заключался источник его притягательной силы. Такой характер его был обусловлен содержащейся в нем доктриной, якобы выведенной путем абсолютно рационального метода исследования. Поэтому ее успех способствовал возникновению реакции против истин, иррациональных убеждений, а также против институтов, утверждающих монополию на истину. Однако то, что было необходимо для того, чтобы покончить с эпохой исторической бессознательности — особенно на массовом уровне, — превратилось в тормоз развития в век науки, быстрого распространения идей и ускоренных темпов изменений.

Будучи первоначально идеологией имевшего узкую базу, слабого и сравнительно изолированного интеллектуального класса, стремившегося использовать как историю, так и народные массы, институциональный марксизм стал официальной доктриной неинтеллектуальных бюрократов, опирающихся на поддержку миллионов людей (примерно 10% взрослого населения в большинстве коммунистических стран), для которых формальное членство в партии чаще является выражением консервативной социальной ортодоксальности или профессионального оппортунизма, чем идеологической или интеллектуальной приверженности. Чтобы укрепить институт, все больше утрачивающий творческое интеллектуальное содержание, руководящие деятели его все чаще и чаще обращаются к государственному национализму как главному эмоциональному звену, связывающему его с массами. Результатом такого положения — парадоксальным и жестоким в своей исторической иронии — является растущая опора стоящего у власти коммунизма на те бессознательные факторы эмоционального порядка, которые марксизм стремился заметить собой²⁰.

Организованное христианство

Столь же драматичной, хотя и иной по содержанию, является проблема, перед которой в настоящее время стоят традиционные религии, особенно христианство. В отличие от

из Будапештского института философии нескольких венгерских философов, кое-кто из которых придерживался «плюралистской» концепции марксизма.

коммунизма современное христианство не составляет больше системы власти; его светская власть не только ограничена, но и продолжает сокращаться. Но в то же время христианство, особенно в его католическом выражении, представляет собою одновременно и систему доктрин, и институт. Напряженность в отношении между верованиями и институтом — это древняя, во многих случаях болезненная для церкви история, однако проблема эта приобрела новый аспект в результате усилий вдохнуть в церковь новую жизнь, усилий, предпринятых папой Иоанном XXIII и папой Павлом VI и сформулированных Вторым вселенским собором (Ватиканум-II)²⁷. Эти усилия осуществляются на фоне, для которого характерны как беспрецедентное внимание к происходящему со стороны заинтересованных в нем христиан (не только католиков), так и многочисленные свидетельства растущего безразличия последних к предписанным религиозным формам. Иными словами, наблюдается и широкая причастность христианских масс к совершающимся изменениям, говорящая о том, что официальные хранители института не в состоянии полностью их контролировать, и вместе с тем неуверенность в том, какими способами лучше всего снова сделать церковь по-настоящему актуальной, не выхолостив ее духовной самобытности.

Основная дилемма, перед которой, по словам Унамуно, стоит церковь, заключается в том, что «католицизм колеблется между мистицизмом, представляющим собой духовный ■опыт пребывания бога во Христе, непередаваемый опыт, опасный, однако, тем, что он переносит на бога черты нашей собственной личности и, таким образом, не избавляет от страстей человеческих, — между мистицизмом и рационализмом, против которого он борется; колеблется между религиозизированной наукой и наукофицированной религией»²². Выбрать одно означает быть лишенным другого. Однако одно не может обойтись без другого: мистицизм будет означать уход от современного мира, а сциентизм — поглощение им.

Для церкви это старая дилемма; она возникла и решалась различными путями на разных исторических этапах. Энциклику «Матер эт магистра» и Вселенский собор Ватиканум-II — события, имевшие место в век, определенный идеологическими конфликтами, научными новшествами, пробуждением широчайших народных масс, политическими страстями и религиозным застоєм, — следует рассматривать как попытку решить три важных вопроса: во-первых, сделать институциональную структуру церкви более современной, так чтобы она не препятствовала жизненности идеологического компонента (если употребить термин, используемый на протяжении всей настоящей главы) в общественном сознании и чтобы институционализованные верования снова приобрели

твою значимость как для внутренних, так и для внешних аспектов человеческой жизни; во-вторых, более радикально сконцентрировать энергию церкви в целом на решении социальных проблем, начиная от индивидуальной нищеты и социальной несправедливости и кончая международным неравенством; и, наконец, ликвидировать доктринерские разногласия внутри христианства и покончить с эрой фанатизма и конфликтов между христианством и нехристианскими религиями.

Эта попытка — именно потому, что она действительно в какой-то мере подтолкнула церковь в желательном направлении,—повлекла за собой новую напряженность в отношениях между идеями и институтами. Институциональная реформа, проводимая в такой период, когда сама церковная иерархия все упорнее настаивала на изменениях в области теологии (как и в системе коммунизма, эти требования чаще возникали на периферии, чем в центре; тем, чем Югославия была для Кремля, Нидерланды стали для Ватикана!), привела к глубокому кризису папской власти. Повторный запрет, наложенный папой Павлом на искусственные меры предотвращения беременности (в энциклике «Тумане вите», 1968), и объявленный вскоре после принятия Вселенским собором Ватиканум-II принцип коллегиальности в церковных делах вызвали резко отрицательную реакцию ряда национальных советов епископов; эта реакция в свою очередь побудила папу римского выступить с предостережением против «взглядов, в значительной мере отходящих от традиционной доктрины церкви и угрожающих порядку в лоне самой церкви» *²³.

Тем не менее Ватикану не удалось заглушить брожение в богословских кругах. Чуть ли не вторя требованиям марксистских философов о свободном марксистском диалоге, католические богословы (в частности, о публичном заявлении, обнародованном в декабре 1968 г. и подписанном сорока ведущими богословами) осудили попытки Ватиканской курии решать теологические проблемы при помощи административных декретов. Они утверждали свое право на полную свободу исследований, которая не должна подвергаться каким бы то ни было институциональным ограничениям.

Растущий упор на социальные вопросы, сформулированный в сочувственном духе в энциклике «Матер эт магистра», представил собой проблему иного рода. Интенсивное

* Папа римский не один оказался в этом затруднительном положении. 16 января 1969 г. «Нью-Йорк тайме» сообщила, что д-р Юджин Кароон Блейк, генеральный секретарь Всемирного совета церквей, обсудил с папой Павлом VI вопрос о «кризисе власти». По сообщению газеты, д-р Блейк заявил: «Перед нами стоят одни и те же проблемы — как во Всемирном совете церквей, так и в тех церквях, которые входят в его состав».

участие в мирских делах, и особенно в борьбе против социальной несправедливости, не могло не привлечь внимание церкви на внешнее окружение человека, что часто приводило к прямой конкуренции церкви с социалистическими и коммунистическими движениями. Молодые католики, более заинтересованные в социальных вопросах, увидели в этой конкуренции (особенно в Латинской Америке) единственно возможное спасение для миссии церкви; консерваторы же опасались превращения церкви просто в еще одно светское радикальное движение. Особенно острый конфликт разыгрался в тех районах, для которых этот вопрос имеет самое непосредственное значение, например в северо-восточной Бразилии²⁴. Там, как и в других районах, консерваторы почувствовали, что то, что церковь выигрывает в данный момент, будет в конечном итоге стоить ей слишком дорого: актуальность в социальном отношении была бы достигнута ею за счет потери своей самобытности. В более широком плане они утверждали, что успех в социальной области — в не меньшей степени, чем экономический успех, — может нанести ущерб духовным ценностям* Позволительно предположить, что, с их точки зрения, опыт протестантизма в 'Соединенных Штатах не является утешительным*.

Экуменизм также вызвал осложнения как Институционально, так и теоретического порядка. Пуристы опасались, что он ускорит выхолащивание теоретического содержания христианства и превратит католическую церковь в более развитых странах в расплывчатую этическую организацию, занимающуюся вкуче с другими подобными органами благотворительной деятельностью. Еще больше смутило пуристов возникновение «вселенского» диалога между христианами и коммунистами при активном участии католиков. Сама по себе возможность подобного диалога — несмотря на то, что он прошел относительно незамеченным, — явилась показателем того, до какой степени претензии на исключительное обладание абсолютной истиной, хотя формально они и не были отброшены ни одной из сторон, уже перестали доминировать и в умах представителей западных стран, и даже в тех институтах, которые сами были продуктом манихейской традиции**.

* «Протестантизм стал настолько ассоциироваться с экономическим успехом, респектабельностью и буржуазными добродетелями, что значительная часть духовенства и мирян, по-видимому, в равной мере потеряла из виду основные духовные цели» (G e h a r d L e p s k i, The Religions Factor, Garden City, N. Y., 1963, p. 3Э2).

** «Боюсь, что без нас, коммунистов, ваша христианская любовь, хоть она и прекрасна, будет продолжать оставаться бесплодной; без вас же, христиан, наша борьба рискует остаться горизонтом без звезд» (высказывание Роже Гароди, см. еженедельник «Монд», 5—11 мая 1966 г.).

Однако было бы неверно, воспринимать этот диалог как решающий прорыв в области взаимоотношений между христианской и марксистской доктринами. Участники этого диалога были люди, которые, учитывая характер их интеллектуальной деятельности, сами отражали напряженность во взаимоотношениях между институтами и идеями: они в силу склада своего ума отвергали официальные попытки ограничить масштаб философских исследований. Таким образом, обе стороны представляли интеллектуальные окраины, а не самые центры бюрократической власти. Сами эти центры занимали несколько двойственную позицию, которая была обусловлена не столько фактом этих встреч — к ним они отнеслись терпимо по соображениям отчасти тактико-политического порядка, — сколько той степенью, в какой выступав-

С этими словами один из ведущих идеологов Французской коммунистической партии, некогда твердый сталинист и член Политбюро, обратился к смешанному христианско-марксистскому коллоквиуму, организованному католиками; они показывают, насколько теперь в ходу ранее замороженные взгляды. Из множества встреч между христианами и марксистами, пожалуй, наиболее важными были те, которые организовало общество «Паулюс гезельшафт» и начало которым было положено в 1965 г. в Зальцбурге; за ними последовали встречи в Герренхимзее в 1966 г. (именно здесь и были сказаны вышеупомянутые слова) и в Марианске-Лазне (Чехословакия) в 1967 г. На третьей встрече собрались христианские и марксистские философы, теологи и ученые из 16 европейских стран и из Соединенных Штатов — всего 20¹ человек (Советский Союз предпочел воздержаться от присылки сюда своего представителя).

Тема третьей встречи — «Творчество и свобода в человеческом обществе» (на первых двух встречах рассматривались проблемы: «Христианство и марксизм сегодня» и «Христианская гуманность и марксистский гуманизм»). На этой встрече обе стороны выразили ту точку зрения, что гуманная личность может развиваться только в условиях свободы; что христианство, и марксизм должны вновь оживить свои доктрины и открыть свои институты; что человеческая личность не может быть полностью понята на экзистенциальном и особенно на материальном уровне; что государство должно сохранять нейтральность в отношении этических и философских проблем и что гуманистический марксизм должен гарантировать плюрализм в качестве необходимой предпосылки для человеческой свободы; и наконец, что и христианство, и марксизм предполагают непрерывные и никогда не кончающиеся поиски наиболее совершенного воплощения человеческой свободы. (Вышеизложенное является переказом выводов, к которым пришел Чарльз Андраш в своем исследовании «Христиане и марксисты в Марианске-Лазне», радиостанция «Свободная Европа», 10 июля 1967 г. Это наилучший анализ указанной встречи, какой я когда-либо видел. См. также ценное исследование Кевина Девлина «Католическо-коммунистический „диалог“», опубликованное в журнале «Проблема оф комьюнизм», май-июнь 1966 г., и особенно дополнительный материал по Латинской Америке, имеющийся в испанском издании журнала, а также статью Чарльза Андраша «Христианско-марксистский диалог», «Ист Юроп» март 1968 г.).

Одним из результатов этого диалога явилось замечательное маленькое издание, в котором рассматриваются философские и социальные проблемы современности; работа эта написана одним из лидеров Французской коммунистической партии совместно с членом Общества Иисуса.

шие представители обеих сторон, по слухам, смазали различия, существующие между обеими системами мышления*.

Несмотря на эти ограничения, состоявшиеся дискуссии — а они, несомненно, будут продолжаться и расширяться — имели большое значение. Они показали, что становится все труднее замыкать поиски более разумного универсального видения мира в рамках, определенных институциональной системой, поскольку самое существование институтов зависит от сохранения их специфической строгой самобытности. Вот почему то, что внешне кажется скромным и ограниченным, в действительности было важным шагом в отходе от традиционного взгляда Запада на такой диалог как на анафему²⁵.

Реформы и дебаты в рамках католицизма уже привели к тому, что во многих сферах личной жизни авторитет института стал вытесняться велениями собственной совести индивидуума. (Такова, например, была реакция многих епископов и рядовых католиков на проблему контроля над рождаемостью.) Для человека, движимого побуждениями духовного порядка, совесть может оказаться более требовательным наставником, чем авторитет церкви, однако для большинства людей опора на совесть имеет неизбежным следствием все большую утрату церковью всякой связи с действительностью. Именно эта дилемма все усиленнее подталкивала папу Павла VI к тому, чтобы он — несмотря на свою былую приверженность к новому — занял позицию, продиктованную ему потребностью защиты институционализма: «В настоящее время, как это может увидеть каждый, ортодоксальность, то есть чистота учения, по-видимому, не занимает первого места в психологии христиан. Сколько вещей, сколько истин подвергается сомнению и оспаривается? Какой свободы требуют в отношении подлинного наследия католического учения не только для того, чтобы... лучше объяснить его человеку наших дней, но и чтобы порой подчинить его тому релятивизму, в котором кощунственное мышление... стремится найти новое выражение, или чтобы приспособить его... к совре-

* После этих встреч обе стороны — а именно, руководство Французской коммунистической партии, Французский совет епископов, с одной стороны, и представитель Ватикана, с другой, — сделали повторное заявление о том, что диалог между ними не может рассматриваться как повод для каких-либо изменений в основных теоретических положениях соответствующих доктрин. В какой-то мере эти заявления подтвердили точку зрения, высказанную одним из наиболее видных католических участников встречи, согласно которой подлинный диалог не будет возможен до тех пор, пока каждая из сторон не отойдет от традиции к «монолитизму», возводящего и «церковное общество», и партию в ранг центров истории (слова отца Джулио Джирарди из Салезианского университета в Риме, приведенные в еженедельнике «Монд» 5—11 мая 1966 г.; Джирарди повторил то же самое в Марианок-Лазне) (А н д р а ш, Христианско-марксистский диалог, ст.р. 13).

менному вкусу и к рецептивной способности современного интеллекта?»²⁶

Папа был прав, когда заметил, что «ортодоксальность... по-видимому, не занимает первого места в психологии христиан». И это не только в смысле формального, открытого согласия с известными традиционными обрядами, но даже и в том, что касается более принципиальной сущности верования, как показывает табл. 8, составленная на основе дан-

Таблица 8

Страна	Процент положительных ответов на вопрос		
	верите ли вы в бога?	верите ли вы в загробную жизнь?	посещаете ли вы церковь один раз в неделю?
Соединенные Штаты	98	73	43
Греция	96	57	28 (Афины)
Уругвай (города)	89	42	24
Австрия	85	38	38
Швейцария	84	50	30
Финляндия	83	55	5
Западная Германия	81	41	27
Нидерланды	79	50	42
Англия	77	38	—
Франция	73	35	25
Норвегия	73	54	14
Швеция	60	38	9

ных опроса Гэллага, проведенного в 1968 г. Сравнительно низкий уровень регулярного посещения церкви — хотя это и важное свидетельство усиливающегося пренебрежения к самому основному, но также и к самому минимальному из обрядовых требований — все же не столь показателен, как огромный разрыв между числом тех, кто верит в бога, и тех, кто верит в загробную жизнь. Суть христианской религии состоит в том, что первое служит гарантией второго. Бог без веры в загробную жизнь не имеет ничего общего с христианским богом.

Данные опроса при всем их фрагментарном и поверхностном характере проливают свет на определенную проблему. С одной стороны, эти данные говорят о кризисе институционализованной веры. С другой стороны, однако, они показы-

вают, что было бы неправильно приходить к выводу, будто низкая посещаемость церквей и отрицание загробной жизни, означают широко распространенное неверие. Наоборот, они наводят на мысль, что подлинного неверия, то есть, иными словами, глубоко прочувствованного отрицания наличия какой-то реальности за пределами конечного мира, не существует или по крайней мере еще не существует. Вера в бога, в которую невозможно вложить реальное содержание, может являться всего лишь пережитком, доставшимся нам от более традиционного общества и перенесенным в условия, когда основное ударение делается на жизнь в данный момент, но она может также отражать стремление к чрезвычайно личной, внутренней и непосредственной связи между индивидуумом и богом.

Приватизация веры

Фактически ослабление церкви как института может явиться симптомом усиления религиозности масс. Церковь была необходимым посредником между богом и человеком на стадии духовной нищеты и исторического невежества последнего. Церковь обеспечивала строгий кодекс поведения, институционализированные санкции (которые постепенно становились менее суровыми по мере развертывания процесса социализации человечества на уровне личного, а не международного сосуществования), а также связующее звено с вечностью. Когда церковь утратит свою власть, для некоторых уменьшение ее контроля будет, несомненно, означать снятие всяческих запретов; многие относятся к нему просто безразлично, но для других оно станет началом гораздо более непосредственных, более личных и менее ритуализированных отношений с богом.

Это могло бы ознаменовать возникновение в высшей степени плюралистских религиозных реакций — культов, сект и групп верующих, каждая с какой-то особой формой выражения своей веры, не говоря уже о более персонализированной форме богослужения — даже в рамках католической церкви²⁷. Для большинства людей организованная церковь будет по-прежнему служить основным прибежищем, но для многих связь с богом будет выражаться гораздо более индивидуально и в соответствии с их специфическими интеллектуальными и психологическими потребностями. Так, например, популярность Тейяра де Шардена представляет собой симптом существующей в наш век потребности в сочетании религиозного экстаза с наукой, мистической веры с познанием материального мира*.

* Один французский мыслитель ставит этот вопрос более решительно, подчеркивая взаимозависимость науки и экстаза: «Мы должны признать, что явление экстаза далеко не случайно достигло самой высокой степени своего развития в наиболее технически оснащенных обществах.

Следовательно, наблюдающееся сейчас в христианстве брожение является составной частью общего недоброжелательного отношения к институционализированной вере, отличающего наш век. Это недоброжелательство отражает характер нашего склада ума и то фрагментарное и импрессионистическое воздействие, какое оказывает на нас реальность. Вместе с тем оно служит свидетельством инстинктивного понимания нами того, что идеи сохраняют актуальность только до тех пор, пока они не теряют связи с действительностью, которая динамична. Институционализировать идею — значит ослабить ее способность прилагаться к изменениям. Дальнейшая эволюция идеи начинается тогда зависит не только от способности человеческого ума чутко схватывать быстроту и значение происходящих изменений, но также и от темпов перемен внутри бюрократической организации, которая стала воплощением этой идеи. Таким образом, официальные интересы власти приобретают более важное значение, чем этические или интеллектуальные императивы.

Кризис институционализированных верований представляет собой последнюю стадию прогрессирующей секуляризации жизни, то есть отделения социального существования человека от системы его верований. Труд, отдых, а в настоящее время все в большей степени и процесс самоанализа постепенно утратили связь с формальной христианской верой²⁸, в коммунистическом же обществе они начинают обособляться также и от марксизма.

В век географической, культурной и, следовательно, психологической изоляции утверждать институционную веру было легче. В тех условиях религиозный фанатизм мог процветать, а религиозные войны имели глубокий моральный смысл. Физическая обессиленность (после Тридцатилетней войны и битвы под Веной в 1683 г.), равно как и усиливающийся скептицизм, сделали религиозные войны немодными. В наш век коммунизм является последней великой абсолютистской

И можно ожидать, что оно будет продолжать усиливаться. Это показывает не что иное, как подчинение новой религиозной жизни человечества технике. Раньше считалось, что техника и религия противостоят друг другу и представляют собой две совершенно разные сферы. Считалось, что с установлением чисто материалистического общества неизбежно начнется борьба между техникой и экономикой, с одной стороны, и идеальным царством религии, искусства и культуры — с другой. Однако мы уже больше не можем придерживаться этой крайне упрощенной точки зрения. Экстаз подвластен миру техники и является его слугой. Техника на самом высоком ее уровне делает анархические и антисоциальные импульсы человека неотъемлемым составным элементом общества. Эти импульсы возникают и распространяются строго при помощи технических средств, участвующих в данном процессе. Свойственные душе человека проявления экстаза, которые, не будь технических средств, остались бы совершенно бесплодными, получили распространение во всем мире» (E11-u1, p. 423).

догмой, поскольку он мог применить для обеспечения своей¹ исключительности силу. Не случайно, что изолированный Китай стал за последнее время его самым фанатичным сторонником. Не случайно также, что идеологический консерватизм в коммунистических государствах обычно сопровождается усилиями не допустить контактов общества с внешним миром, для чего используются такие средства, как глушение радиопередач, и другие способы*. Глобальная перенаселенность, хотя она и не обязательно способствует взаимопониманию, просто враждебна институтам и идеологиям, опирающимся на убежденность, нетерпимую к любым иным взглядам.

Умозрительно человек должен был бы в такой обстановке, стремиться к полному совершенству путем сочетания духовного самоанализа с моральным императивом социальной справедливости. Гарви Кокс утверждает в своей глубоко содержательной книге, что «если люди, а не метафизические иллюзии несут в себе смысл исторической жизни, то в этом случае цели, выходящие за рамки целей собственного клана, заслуживают скорее*одобрения, чем осуждения. Наличие индивидуальных взглядов на мир служит основанием не для взаимного уничтожения, а для создания общественной системы, в условиях которой подобные различия во взглядах могут поощряться и развиваться. Умозрительно таким обществом является светский город. Он обеспечивает ситуацию, благоприятствующую процветанию множества самых различных человеческих целей и планов, поскольку каждый признает свое бытие временным и относительным. Истинная секулярность требует, чтобы ни одному мировоззрению, ни одной традиции, ни одной идеологии не было позволено стать *официально* навязанным мировоззрением, не допускающим существования никаких иных точек зрения. А это в свою очередь требует плюралистских социальных и политических институтов»²⁹.

Создание идеального светского города делает необходимой огромную степень социальной зрелости и ответственности. Оно предусматривает также наличие философской глубины и чувства сдержанности, ибо переход от догматической традиции к состоянию многообразия нелегкий. Многообразие убеждений, несомненно, составляет обязательную предпосыл-

* Тем не менее этот внешний контроль все менее способен прикрывать явное отсутствие лояльности внутри. Интересно отметить, что в 1968 г., когда антиинтеллектуальная и антисемитская чистка в коммунистической Польше заставила ряд коммунистов-интеллигентов, лояльность которых до этого момента была совершенно ортодоксальной, покинуть страну, кое-кто из них немедленно выехал в «капиталистические» Соединенные Штаты, стремясь получить работу в различных институтах, специализирующихся на изучении коммунизма и рассматриваемых на Востоке как

ку свободы и может даже сопутствовать развитию способностей к творчеству (хотя положение, наблюдавшееся в эпоху средневековья, а также в странах Востока, не подтверждает такой возможности). Однако многообразие, доведенное до своей крайности — то есть до такой точки, когда оно само становится сущностью убеждения, — порождает опасность для самого себя. Здоровая реакция против институционализированных доктрин не будет полной, если только она не приведет к формулированию альтернативных принципов социального договора и альтернативных взглядов на роль индивидуума. Расплывчатые, недолговечные и фрагментарные идеи не могут обеспечить ни постоянной способности проникновения в окружающий нас мир, ни прочной основы для действия. Весьма изменчивые популярные представления могут точно отражать подспудные психологические и социальные противоречия нашей быстро меняющейся действительности, но обеспечивают ли они нам прочную основу для понимания этой действительности или для овладения ею? Интеллектуального релятивизма может оказаться недостаточно, чтобы ответить на вызов субъективного активизма, отличающегося крайней нетерпимостью, поскольку истинным критерием его служат чисто личные критерии оценки реальности.

Эта проблема возникает не только в системах, где формализованные убеждения играют решающую роль. Она встает также перед либеральными демократическими государствами Запада, которые тоже опираются, хотя и гораздо менее формально, а более безотчетно, на симбиоз идей и институтов. Бурное брожение, охватившее коммунизм и христианский мир, проявляется прямо и открыто, причем беспокойные идеи наталкиваются на противодействие неподатливых институтов; кризис верности по отношению к либеральной демократии значительно менее очевиден, но не менее реален. Бесперебойное функционирование либерального демократического государства требует сочетания преданности общества абстрактной идее демократии и неуклонного его подчинения закону на практике, и это сочетание легко может оказаться под угрозой в результате возникновения каких-либо трений или кризиса. К тому же демократическому процессу в отличие от таких понятий, как революция, несправедливость и свобода, трудно придать драматический характер. Вместо этого он прозаически требует высокой степени преданности процедурным формам, то есть озабоченности не только целями процесса, но и теми средствами, какими эти цели осуществляются. Если только преданность процедурным формам не наполнена новым моральным содержанием, она может не выстоять при конфронтации с проблемами, которые выдаются за абсолютные и якобы нуждающиеся для своего решения в страстном порыве, а не в соблюдении процедур.

3. Театральность как история на переходном этапе

«Мы отрицаем мир и не являемся уже даже «предателями», поскольку это означало бы родственность с тем, $J^{\Lambda T^0 \Lambda^b 1}$ предаем. По своему мышлению мы ветконговцы... Философия завтрашнего дня будет террористической, это УД^{ет} ле философия терроризма, а террористическая Ф^{илософия} четающаяся с активной политикой терроризма». Эти слова молодого сорбоннского философа показывают, в какой степени эмоции начали заменять разум в результате возникновения реакции на то, что многие рассматривают как провал рационализма в действии. «Отрицание» мира означает по сути своей отрицание превалирующих умонастроений и замену абстрактной концепции революции экстазом и действенным. Вчерашнее «бегство от свободы» нашло свои эквивалент в сегодняшнем бегстве от разума.

Бегство от разума

В своей крайней форме это настроение, нашедшее свое драматическое выражение в студенческих бунтах в Калифорнии, в Колумбийском университете, во всей Франции, в Западном Берлине, Лондоне, Риме, Белграде, Варшаве, Токио а также (и со значительно более тяжелыми последствиями) в университете г. Мехико (где осенью 1968 г. было убито множество студентов), не говоря уже о многих аналогичных событиях, получивших значительно меньший отклик в печати, возвело действие ради действия в моральный принцип. «Действие — это единственная реальность; не только реальность, но также и нравственное состояние», — провозгласил лидер американских хиппи Эби Хофман³¹. Более воинственно и более восторженно вторит ему его немецкий коллега Даниель Кон-Бендит, руководитель французской студенческой забастовки 1968 г., который заявил, что «насилие — это радость»³². Как объяснили два наблюдателя, сочувственно относящиеся к новым радикальным движениям, современные бунтовщики «считают, что теоретики, уединившиеся в башнях из слоновой кости, обманули их, солгали им и что действие и спонтанный опыт укажут им правду».

Эти настроения породили точку зрения, что самому до себе разуму нельзя доверять и что он должен быть подкреплен эмоциями, ибо, когда предстоит сделать выбор, эмоции указывают более правильный путь, чем разум. Видя окружающем мире лицемерие и провал разума — причем разум служит злу, которое либо делает его рабом идеологии, либо использует его в качестве орудия науки, призванного обеспечить повышение эффективности боевой техники, да же умеренные оппозиционеры осудили современных либералов за отсутствие у них энтузиазма*.

В проявлении холодного рассудка они увидели больше, чем просто отсутствие морального возмущения, они увидели в нем приверженность существующему положению вещей, готовность осуществить только маловажные изменения и решимость избежать столкновения с моральными проблемами более принципиального значения**.

Упор на энтузиазм и действия имел также то преимущество, что для него не требовалось программных наметок. В отличие от этого старые идеологии содержали одновременно и критику современности, и наметки на будущее, что делало их уязвимыми для критики как в плане их практической деятельности (осуществима ли их утопия?), так и их достижений (почему эта утопия не была осуществлена?). Политика экстаза не нуждается в программе, чтобы породить действия, и поэтому ее сторонников не очень тревожила та покровительственная критика отсутствия у них четкой программы, которая раздавалась в их адрес со стороны социалистических старых левых сил, а также авторитетных коммунистических партий***. Наоборот, они утверждают, что истинная

* В декабре 1968 г. на широкой международной конференции в Принстоне, посвященной вопросу о будущем Америки, один из студенческих лидеров обвинил официальных представителей либеральной мысли в стремлении опираться на рассудок в ущерб энтузиазму. Это обвинение побудило Артура Шлезингера заметить: «Рассудок без энтузиазма бесплоден, но энтузиазм без рассудка истеричен. Я всегда полагал, что любая эффективная форма общественных действий должна сочетать в себе рассудок и энтузиазм. Я не могу представить себе ничего более опасного для нашего общества, чем отказ молодежи от разумного анализа. Если мы доведем дело до разрушения дисциплины разума, если мы превратим политику, в соревнование страстей, в соревнование эмоций, в соревнование безумия и насилия, то это наверняка приведет к поражению левых».

** Это обвинение было выдвинуто даже против ученых, занятых изучением будущего, причем критики интерпретировали «футуризм» последних как аморальное бегство от социальных дилемм современности. Это привело к возникновению некоторых юмористических поневоле ситуаций, как, например, на вышеупомянутой Принстонской конференции, когда один радикально настроенный миллионер выступил с нападка на «футуристов» за то, что они уделяют недостаточное внимание роли бегства в американском обществе. Выражая готовность отказаться от элитных произведений портновского искусства в пользу более революционной униформы в виде рубашки с открытой шеей, он призвал собравшихся «выбрать равенство и бежать от алчности».

*** Выступая от имени многих старых социалистов, Макс Истман выразил «определенное сожаление по поводу этих современных молодых бунтовщиков... Их эмоции похожи на наши... Они хотят совершить революцию, но у них нет конечной цели. Я испытываю к ним известную эмоциональную симпатию, но они довольно жалки, так как у них не имеется плана. Им нужна революция просто ради нее самой» (см. «Нью-Йорк тайме», 9 января 1969 г.). Представители коммунистов выступили более резко, осудив стремления новых бунтарей как «недопеченный пирог, направленный сексуализмом и наркоманией» («Трибуна люду», 9 мая 1968 г.).

свобода может быть достигнута не при помощи институционализированных реформ, записанных в программах, а посредством создания сообщества эмоций. Путем создания такого эмоционального государства бунтари конца 60-х гг. надеялись преодолеть сексуальный гнет и «одномерность» современного индустриального общества. Работа Герберта Маркузе «Одномерный человек» обеспечила им некий интеллектуальный ориентир (подобно тому, как это сделали прославляющие расовое насилие книги Франса Фанона для бунтарей в некоторых районах «третьего мира»), хотя советы и программа Маркузе и носят ограниченный характер: «В настоящее время конкретной альтернативой все еще продолжает оставаться только отрицание»³⁴.

Однако призыв к «истинной свободе» позволяет ниспровергнуть обычную свободу, и именно в этом кроется одно из основных противоречий движения. Леопольд Лабедз тонко подметил поразительное сходство между романтическим анархизмом современной студенческой революции и взглядами Макса Штирнера, который в 1845 г. утверждал, что «народ не может быть свободным иначе, как за счет индивидуума»³⁰. Таким образом, бунт против «деспотической свободы» Запада может повлечь за собой как ограничение свободы тех, кто не разделяет идеалов «истинной» свободы, так и сравнительное безразличие к подавлению свободы на Востоке. К тому же право свободно высказываться или писать может быть отнято, а его осуществление нарушено с помощью насилия, поскольку насилие мотивируется эмоциональной приверженностью к свободе и призвано ее утверждать. Таким образом, определение свободы базируется на субъективном внутреннем убеждении в собственной правоте, а не на внешней модели отношений, гарантирующих право выбора и защиту интересов индивидуума независимо от его взглядов.

Интеллектуальная — хотя и не социальная — серьезность этого явления была еще более ослаблена известной неискренностью, наблюдающейся на уровне политического выражения. Хотя любая истинная революция неизбежно использует прошлое, она приобретает свой собственный особый характер, стиль и риторику именно потому, что является революцией, то есть резким разрывом с прошлым. В этом плане Парижская коммуна отличалась от французской революции, и в свою очередь коммуна не была воспроизведена большевистской революцией. Тем не менее за последние годы очень многое в риторике, символах и личном поведении студентов приняло самодовлеющую форму театрального «действия», рассчитанного на повторное воспроизведение в ходе истории.

Иногда казалось, что сценарий писался по материалам французской революции, особенно если дело происходило во Франции, но чаще воспроизводились события, имевшие место

в Петрограде и Гаване. Студенческие лидеры воображали себя историческими фигурами, но в своей подражательности они нередко доходили до абсурда. Во время кризиса в Колумбийском университете в 1968 г. руководитель воинственно настроенных студентов выпустил брошюру под ленинским заголовком «Что делать?», а студенты, захватившие одно из зданий, объявили себя коммуной. Воинственно настроенная западноберлинская молодежь назвала свою штаб-квартиру Смольным. Революционные бороды (форма которых менялась в зависимости от того, кому именно подражали их носители — Ленину, Кастро или Марксу), а также боевое облачение а-ля Гевара на фоне красных или черных флагов были почти обязательными атрибутами наружности и одежды участников студенческих волнений.

Даже насилие часто носило скорее театрализованный, чем реальный характер. В Токио оно приняло форму стилизованных сражений, в которых облаченные в доспехи бойцы пользовались щитами и копьями; в Париже, в результате молчаливого соглашения между полицией и ее противниками, применялось оружие эпохи каменного века: камни, булыжники и дубинки*. Только в Мехико насилие было подлинным в том смысле, что, как и в настоящих революциях, здесь были использованы все имевшиеся под рукой средства**.

* Во всей Франции, несмотря на кажущееся временное отсутствие власти в мае 1968 г., погиб только один человек, и то в какой-то мере случайно.

** Но хотя и масштабы студенческих волнений были надуманными, а стремления их участников — почти намеренно недостижимыми (один из наиболее популярных лозунгов во время волнений в Пекине в мае 1968 г., гласил: «Будьте реалистами, требуйте невозможного!»), по крайней мере их молодежный характер был неподдельным. Этого нельзя сказать о более пожилых поклонниках воинствующих студентов; поклонники эти, хотя часто и оставались физически пассивными, лезли из кожи вон в своих попытках онова хлебнуть из фонтана юности, заочно подражая буйству молодежи. Чаще всего для достижения желаемого сходства использовались словесные эксцессы. Так, один американский ученый обвинил тех, кто осуждал правонарушения, допущенные некоторой частью молодежи, в том, что они буквально ведут «против молодежи войну», которую он сравнил с войной во Вьетнаме; при этом он призвал к «культурной революции» в Америке! (Ричард Пуарье, Война против молодых, «Атлантик», октябрь 1968 г.)

Случаи проявления молодежного задора со стороны людей среднего возраста не были единичными. Как писал Лабедз, «нет почти никакого сомнения в том, что нередко чрезмерно бойкие родители хуже чрезмерно бойких детей. Некоторые из них прошли путь от бунта против «нищеты среди изобилия» 30-х гг. до бунта против общества изобилия 60-х гг., в то время как сами они перешли от нищеты к изобилию, позволяющему им практиковать отчуждение, имея 50.000 долл. в год. Революционно настроенные официальные круги Нью-Йорка и Лондона, захваченные революционными перспективами и демонстрируя характерный «салонный маоизм», вносят свой вклад в оргию снобизма, сопутствующую ытремной волне утопических тенденций. Задолго до того как представители «черной власти» спросили студентов, собравшихся в лондонской Школе экономи-

Чтобы определить историческое значение этих событий, необходимо абстрагироваться от актов насилия и лозунгов, от поверхностного сходства между теми вспышками, которые охватили так много городов в столь многих районах мира в течение столь короткого промежутка времени. Более тщательный анализ немедленно выявляет важную отличительную особенность указанных событий: некоторые аспекты манифестаций были явно политическими по своему характеру и целям, другие же — хотя они и были связаны с политическим движением и разделяли с ним определенную универсальность стремлений, а также обеспечивали ему массовую эмоциональную основу ■ — были в значительно большей степени социально-психологическими по своему происхождению и имели неясно выраженное морально-этическое содержание. В сочетании друг с другом каждый из этих аспектов смазывал специфический характер другого.

Политическое измерение

Различие между обоими аспектами важно для понимания того, о чем здесь идет речь и что все это сулило в будущем. Политические манифестации в некоторых отношениях легче поддаются вскрытию и анализу. В широком плане они распались на две категории. На Западе, и особенно в Соединенных Штатах, участники движения, руководимые политическими мотивами, черпали свое вдохновение как из идеологического наследия борьбы старых левых сил против капиталистического общества, так и из позднее возникшего чувства возмущения войной во Вьетнаме. Как общество сугубо «империалистическое» и «капиталистическое», Соединенные Штаты явились для них главной мишенью. Война послужила катализатором для их эмоций, основой для международного единства воинствующей молодежи и связующим звеном между старыми и новыми левыми силами, а также между теми, ■ кто интересовался политикой, и теми, кто волновали проблемы этики У^{*-*}

ки, чтобы основать революционную социалистическую федерацию студентов, умеют ли те изготавливать бутылки с горючей смесью, «Нью-Йорк ревью оф букс» опубликовала схему и рецепт горючей смеси на своей обложке. Это, конечно, не помешало политическим обозревателям этого издания сетовать по поводу «американского насилия». Во Франции самона уничтожение пожилых «прогрессистов» достигло своей высшей точки во время майской «революции». В ходе встречи Жана-Поля Сартра со студентами в Сорбонне Макс Поль-Фуше воскликнул с подходящим для этого случая пафосом: «Представляю поколение, потерпевшее неудачу, я призываю вас избежать ее!» (Леопольд Лабедз, Студенты и революция, «Сэрвей», Лондон, июль 1968 г., стр. 25—26).

* Таким образом, война выполняла ту же самую функцию, что и предыдущие кампании против ядерного оружия: она давала обществу случай выразить свою сугубо моральную тревогу, заняв позицию протеста против политики Соединенных Штатов. Фрэнк Паркин показы-

Те, чьи действия мотивировались чисто политическими соображениями, оказались среди охваченной брожением молодежи в сравнительно незначительном меньшинстве, но они обеспечили движению авторитетное руководство. Именно те, кого занимали вопросы политики, воскресили анархистскую критику организованного общества и возродили троцкистский лозунг перманентной революции. Именно они более конкретно определили политические цели молодежного движения (такие, например, как требование о немедленном уходе Соединенных Штатов из Вьетнама). По мере того как движение набирало силу и его притягательность возрастала, его политические цели — отвечающие, пожалуй, менее отчетливым этическим и психологическим потребностям его последователей — расширялись и становились одновременно и более расплывчатыми, и более настоятельными. Речь шла уже не только о том, чтобы покончить с какой-то определенной политикой правительства или провести ту или иную конкретную реформу: прежде чем можно было осуществить подлинно радикальные реформы, следовало ликвидировать основополагающую «систему» — капиталистическую по своему характеру и поэтому неисцелимую. Детали оставались неясными, тогда как программные заявления варьировались от прославления действия (Кон-Бендит) — и отказа от коммунизма* * — до довольно упрощенного повторения марксистского славословия**.

вает в своей работе (Frank Parkin, *Middle-Class Radicalism: The Social Bases of the British Campaign for Nuclear Disarmament*, Manchester, 1968), каким образом инициаторы британской кампании за ядерное разоружение мобилизовали поддержку среднего класса, обратясь к тем, кого традиционно волнуют проблемы морального порядка, и превратив свое движение в кампанию против «зла». Участники этой кампании очень широко использовали небольшие трюки символического значения, такие, как ношение эксцентричной одежды и бороды, и другие формы оригинальничания.

* Вот почему пропагандист из газеты «Правда» Юрий Жуков со своей обычной грубостью охарактеризовал Кон-Бендита как «оборотня» («Правда», 30 мая 1968 г.).

** В качестве примера можно привести следующее высказывание: «Марксизм все больше становится общим знаменателем всех студенческих движений в Северной Америке и Западной Европе, что особенно относится к молодежной организации «новых левых» в Соединенных Штатах «Студенты за демократическое общество». Я считаю это явление неизбежным и рассматриваю его как дань растущей способности к размышлениям и зрелости международного студенческого движения «новых левых», ибо сегодня марксизм представляет собой наиболее развитую, тщательно разработанную и последовательную революционную философию или мировоззрение и, будучи систематизированной социальной теорией, отвечает объективным реальностям капиталистической эры; оно [это явление] свидетельствует об осознании участниками студенческого движения того факта, что они должны объединиться с рабочим классом, если хотят добиться таких социальных преобразований, которые необходимы для уничтожения власти монополистического капитала и создания нового не-

На своих ранних стадиях кампания против вьетнамской войны, судя по одобрительным заявлениям коммунистов, возможно, пользовалась их поддержкой. Однако, когда антиинституционный характер этой кампании стал более очевидным, коммунисты быстро охладели к ней. В глазах многих участников политических движений коммунистическая система также представляла собой пример бюрократического консерватизма, поскольку ее первоначальные революционные идеалы превратились в закостенелые институционные убеждения. Коммунистическая поддержка постепенно уступала место сначала критике, а затем и осуждению; один советский автор охарактеризовал взгляды воинствующей Новой левой как «мамаизм, включающий в себя идеи Маркса, Маркузе и Мао Цзэ-дуна. Это -совершенно искусственное соединение»³⁶.

Хотя политические манифестации в Мехико-Сити, Мадриде, Праге и Варшаве явились следствием одной и той же реакции против институционализированных убеждений и аналогичным образом использовали некоторые из этических и психологических проблем современного общества, они были значительно более конкретными по своим целям, менее предрасположенными к эмоциям и более склонными к программному политическому подходу к решению вопросов. Во всех четырех случаях требования демонстрантов касались ослабления прямых политических ограничений, и их руководители не было нужды создавать вычурный тезис об «одномерном человеке», чтобы доказать, что либеральная демократия тоже может быть деспотической и что ее терпимость — это фактически замаскированная форма принуждения³⁷. В результате их требования, по крайней мере в политическом аспекте, приняли знакомую форму протеста против открытой политической диктатуры: участники манифестаций настаивали на отмене цензуры, свободе собраний, свободе передвижения, политической демократии и ликвидации идеологической монополии и угнетения со стороны тайной полиции. Поражает сходство политических требований в отношении свободы воли, выдвинутых студентами во всех четырех городах³⁸.

Необходимо также отметить, что студенты, требовавшие непосредственной политической свободы, действовали в обстановке значительно более враждебного политического окружения. Активисты студенческих движений в Соединенных Штатах, Западной Европе и Японии буквально грелись в лучах славы: здесь были и фотографии на первых полосах газет, и телевизионные интервью, и восторженное одобрение их сторонников среднего возраста, и эпические песни, увековечивающие их деяния, и, наконец, книги, в которых их выступления были отражены в прозе и фотографиях*.

Учитывая плюралистский характер западных обществ и конкурентную природу их средств массовой информации, воинственность молодежи несла ей личное удовлетворение и потому была заразительной.

Этот фактор следует принимать во внимание как при анализе динамики событий на Западе, так и при сравнении их с событиями в менее плюралистских обществах³⁹. Там средства массовой информации либо умалчивали о демонстрациях, либо осуждали их. Студенческих лидеров ругали и арестовывали. Организация связи между институтами — не говоря уже о городах — требовала больших личных усилий, жертв и риска. Воинственность молодежи не вознаграждалась общественным одобрением; Мадрид и Варшава в ответ на выступления студентов приговорили их лидеров к тюремному заключению и исключили их участников из университетов.

Политическая обстановка явно способствовала определению главного направления и масштабов студенческих требований. В строго авторитарных условиях содержанием этих требований были политические свободы. В условиях большей свободы и плюрализма требования были связаны либо с наиболее настоятельными внутриуниверситетскими проблемами, либо принимали форму более широкой — и, следовательно, неминуемо более расплывчатой — социальной критики. Соответственно, более конкретный и свободолобивый характер требований студенческих руководителей в авторитарных государствах не обеспечивал достаточной основы для образования общего фронта с активистами студенческих движений на Западе. Фактически действительно полезных контактов между молодежными движениями Востока и Запада и координации их действий, по-видимому, не существовало, хотя в ходе политических судебных процессов над молодежью в Польше, проходивших в конце 1968 г., и утверждалось, что Брюссельская штаб-квартира IV (троцкистского) Интернационала оказывала некоторым польским активистам идеологическую помощь. Если это обвинение справедливо, то контакты с троцкистами были, пожалуй, единственным связующим

* Показательная реклама, прославлявшая трех девушек-студенток (Питер Бабкоке, Познакомьтесь с женщинами революции, «Нью-Йорк тайме мэгэзин», 9 февраля 1969 г.). Подобной чести не выпадало на долю девушек из Корпуса мира или участниц кампаний по борьбе с нищетой. В этой связи было интересно наблюдать, с каким удовлетворением эти студенты смотрят самих себя по телевидению, когда показывают заснятые эпизоды их выступлений или демонстрируют специально подготовленные документальные фильмы. Реклама, прославляющая участников молодежных движений, оказала значительное социальное воздействие на тех, кто был менее причастен к ним.

■ звеном между политическими активистами Запада и Востока.

Оба движения, по-видимому, имели самостоятельное руководство и мотивировались абсолютно разными политическими устремлениями. Малозначительный прямой контакт, налаженный между соответствующими руководителями, оказался бесплодным. В 1968 г. во время дискуссии, устроенной Би-Би-Си и посвященной студенческим волнениям, лидер английских воинствующих студентов критиковал представителя студентов Югославии, в то время как руководитель западно-берлинского Социалистического союза немецких студентов встретил весьма прохладный прием у пражского студенчества, которое сочло его политические взгляды примитивными *⁴⁰.

Тем не менее следует отметить также и важные черты сходства между обоими политическими молодежными движениями. И тут и там во главе их стояли наиболее одаренные студенты, которые в целом были выходцами из социально-респектабельных семей. По данным исследования, проведенного Калифорнийским университетом, арестованные студенты последних курсов и выпускники университета оказались людьми незаурядных способностей; многие из них получали стипендии или имели награды за успехи в учебе⁴¹. В Польше официальные комментаторы всячески упирали на то, что активисты движения происходили из сравнительно состоятельных семей руководящих работников, а некоторые, университетские преподаватели (в беседах с автором этих строк) подчеркивали, что в волнениях были замешаны их лучшие студенты. После подавления демонстраций были приняты меры, дававшие преимущество при поступлении в университет детям рабочих и крестьян. Даже в Румынии, где студенческие волнения были подавлены сравнительно быстро, официальные круги подчеркивали, что молодые «хулиганы» являлись в основном детьми «начальников строек, преподавателей университетов, музыкантов филармонического оркестра, врачей, инженеров, служащих и работников милиции»⁴².

Как и на Западе, политическое руководство недовольном молодежью брали в свои руки во многих случаях отпрыски бывших левых активистов, то есть не те, кто восставал против старшего поколения, а, скорее, молодые люди, которые

* Интересно также отметить, что строго политически ориентированные студенческие движения в Мексике, Иол а кии и Польше избегали таких демонстраций, как кампания «сквернословия», развернувшихся в Калифорнии после кризиса, или как увлечение наркотиками и намеренно вызывающее общественное поведение, как в случае с хиппи. Нет сомнения, что эти демонстрации также были продуктом специфически американских условий, но их появление в качестве побочного следствия студенческих волнений стало возможным в результате менее целенаправленного и менее агрессивного характера этих волнений.

разделяли идеалы своих родителей, но считали, что идеалы эти были извращены на практике правящей коммунистической элитой. В Польше среди наиболее выдающихся студентов-бунтарей были дети ответственных партийных работников, в то время как в Соединенных Штатах значительный процент руководящих активистов в Колумбийском университете и в Беркли составляли дети представителей старых левых сил. И на Востоке, и на Западе руководители студенческих волнений вышли из тех кругов, которые не были пассивными, а всегда проявляли глубокий интерес к проблемам идеологического порядка.

Еще одной чертой сходства между студенческими волнениями на Западе и на Востоке была расплывчатость их конечных целей. Хотя конкретные, ближайшие цели студентов в условиях более авторитарных режимов определялись несколько точнее, их «требования» редко шли дальше перечисления текущих нужд. Конечно, превращение полицейской диктатуры в многопартийную демократию или хотя бы в нечто, напоминающее югославскую модель, было более определенной целью, особенно при наличии ряда отдельных примеров подобного опыта, чем требование западных студентов относительно демократии с широким участием народных масс. Однако более конкретные образцы желаемых социально-политических систем не имели достаточно четких очертаний ни на Востоке, ни на Западе*.

Хотя такое положение вещей могло быть с чисто политической точки зрения проявлением слабости (как утверждали критики активистов студенческих движений), оно также способствовало возникновению более широких контактов между политическим руководством и молодым поколением, недовольство которого носило более общий характер. Сомнительно (и это особенно относится к более плюралистским обще-

* Наиболее обстоятельная критика существующей польской системы была подготовлена двумя молодыми варшавскими социологами, Ю. Куроном и К. Модзелевским, за несколько лет до студенческих волнений в марте 1968 г. (авторы были немедленно заключены в тюрьму). Их работа, озаглавленная «Открытое письмо партии», стала в значительной мере источником теоретического вдохновения для политических лидеров молодежи. Написанная с марксистских позиций, она едко критиковала перерождение польского коммунизма и превращение его в институционализированный бюрократический деспотизм, где кровные интересы официальных кругов подавляли эгалитарные стремления поборников социализма. Однако когда дело дошло до формулировки программы, авторы «Письма» ограничились призывом к новой революции под руководством рабочих и интеллигенции, исполненных решимости создать новый общественный строй, характеризующийся небольшим количеством институтов, наличием рабочего самоуправления и установлением истинного социального равенства. В конце 1968 г. Курон и Модзелевский были вновь приговорены к тюремному заключению за то, что они якобы явились вдохновителями мартовских событий в тайном слове с троцкистским IV Интернациона-

ствам), смогла ли бы чрезвычайно конкретная политическая программа завоевать такую широкую поддержку, какую получили менее конкретизированные нападки на устои политической системы, на ее официальных представителей, на статус-кво и институционализированные убеждения. Упор на эмоции, а не на рассудок, на душевные устремления, а не на конкретные программы задел наиболее чувствительные струны в сердцах поколения, которое подверглось наиболее непосредственному влиянию темпов современных изменений и которое само является прямым продуктом этих изменений.

Разрыв исторической последовательности

В наше время студенческое поколение представляет собой одну из наиболее динамичных переменных величин в происходящих изменениях. Рост числа студентов вместе с одновременным ростом количества радиоприемников, телевизоров, телефонов (а все это средства, обеспечивающие личные контакты между людьми, делающие возможным быстрое распространение идей и способствующие ему) содействует созданию субъективной* динамичной настроенности, которая находится в резком контрасте со сравнительно медленными темпами изменений в таких областях, как повышение дохода (национального или на душу населения), переход от работы в сельской местности к работе в городе, перемещение населения в более крупные городские центры, или же изменений в средней цифре проживающих в одной комнате. В конечном итоге возникает уже отмечавшееся выше противоречие между темпами изменений в умонастроениях людей и в их материальных условиях (см. табл. 6 и 7).

По словам одного ученого, занимающегося проблемами модернизации, современный человек — и это особенно верно по отношению к молодому поколению — «меньше зависит от окружающей его среды... и в этом смысле он свободнее, но в то же время он менее уверен в своей цели, а в периоды больших волнений он готов пожертвовать своей свободой в интересах целеустремленного руководства»⁴³. В такой изменчивой обстановке становится трудно понять настоящее, поскольку оно уже более не определяется ни религией, ни национализмом, ни историко-идеологическими перспективами⁴⁴.

Описывая закат средневековья, историк Иоган Гуцинга показывает мир разорванной последовательности, мир, отмеченный крушением традиционных верований, неуверенностью в вечном спасении, широко распространенным пессимизмом и бурным насилием. Многие люди искали психологического прибежища в мистических культах, в то время как поведенческие отклонения людей как бы раздвоились—и они то превращались в святош, то предавались разврату и упивались жестокостью. Метания из одной крайности в другую были обыч-

ным явлением в такие времена, когда люди отчаянно искали социальной опоры во всепоглощающей преданности какому-то делу⁴⁵.

Аналогичный кризис, отмечавшийся значительно более светскими формами выражения, снова возник на Западе, когда национализм и индустриализация объединились, чтобы изменить характер общества. Широкие национальные и классовые конфликты, а также острая социальная и психологическая напряженность привели к появлению множества всеобъемлющих идеологий, которые, казалось, обеспечивали и власть, и ощущение наличия руководства. Описывая катаклизм второй мировой войны, Чеслав Милош в своей работе «Плененный ум» нарисовал метко схваченные портреты восточноевропейских интеллигентов, метавшихся из стороны в сторону, меняя свои убеждения в поисках личной стабильности, которую не могло им обеспечить их окружение.

Нынешние настроения имеют множество аналогий в прошлом, но они также значительно отличаются от последних по своим масштабам и содержанию. Промышленная революция, не говоря уже о культуре христианского средневековья, была территориально ограниченной, и только постепенно, на протяжении более чем полутора веков, она распространилась на все большее число стран⁴⁶. Она сопровождалась ростом национализма и других светских идеологий, широкие концепции которых подкреплялись воплощающими их институтами. Наоборот, современный кризис институционализированных убеждений происходит в условиях технотронной революции, революции не территориальной, а пространственно-временной.

Эта новая революция почти одновременно охватывает весь земной шар, в результате чего различные увлечения и новые формы поведения быстро передаются от одного общества к другому. Студенческое поколение живет в этом новом технотронном веке, даже если в некоторых случаях его собственное общество и не перешло еще в этот век. В отличие от индустриального века, который требовал, чтобы общество прошло широкую индустриализацию прежде, чем новый пролетарский класс мог стать социально значимым, пространственно-временная технотронная революция непосредственно достигает тех, кто к ней восприимчив, поскольку эти люди имеют доступ к массовым средствам информации, а также потому, что их образ мыслей формируется под воздействием факторов, находящихся вне окружающей их социальной среды. Именно такую группу представляет собой современное студенчество, и именно поэтому те формы, которые были характерны для поведения студентов в Беркли, были в течение года переняты студенческой молодежью в других местах (западнберлинские студенты даже ходили в сандалиях в холодную погоду, характерную для Центральной

Европы в ноябре!). Американские студенты — активисты движения, обучающиеся за рубежом и весьма критически относящиеся к американскому обществу, обычно играли в происходящих событиях важную вдохновляющую роль, что свидетельствует о той степени, в какой Америка, первая страна, полностью вошедшая в технотронный век, заменила Европу в качестве главного источника социальных изменений.

Полтора века назад перед бунтарями стояла проблема осмысленного освоения непонятных и не имевших прецедента изменений, вызванных промышленной революцией. Ту же проблему ставит и натиск технотронного века с его явной угрозой человеческим ценностям, с его безличием и чрезмерной рационализацией, с присущей ему интенсификацией личного опыта и вместе с тем с характерной для него пространственной близостью к любым людским страданиям в любом уголке земного шара. Для многих людей XIX в., особенно для тех, кто был косвенно или прямо затронут промышленной революцией — а значит, для интеллигенции и рабочих, — марксизм явился исчерпывающим ответом на эту проблему. Сегодня внимание направлено на поиски каких-то новых источников интеллектуальной опоры, и ищущие ее начали с отказа от традиционных ответов.

Наиболее непосредственным образом переход в новый век отразился на молодом поколении, давшем наиболее активных противников технотронной революции и объединившем большинство тех, кто ощущает себя ее жертвами. Делая ставку на эмоции и насилие, многие из противников этой революции уподобляются английским луддитам начала XIX столетия, которые реагировали на машинный век вспышками примитивного гнева, разрушая то, чего они не могли понять достаточно ясно, чтобы подчинить себе. Хорошо организованные и движимые высокими побуждениями луддиты — зачастую пользовавшиеся поддержкой местной общественности — ломали машины и резко осуждали акты нередко вполне реальной несправедливости, бывшие следствием появления машин. Чувства страха, ненависти и непонимания, которые испытывают некоторые люди по отношению к электронно-вычислительным машинам, сродни возмущению, вызванному внедрением текстильных машин полтора столетия назад \

Подобно луддитам, современные противники технической и электронной революции, особенно в наиболее передовых западных странах, олицетворяют собой реакцию на новый образ жизни. Для луддитов опасность несло с собой устаревание процессов экономической деятельности людей, и они

* В начале февраля 1969 г. взбунтовавшиеся студенты Монреальского университета излили свой гнев против «системы», разбив с помощью пожарных топорики университетскую электронно-вычислительную машину стоимостью 1 млн. долл.

соответственно реагировали на эту опасность. В наши дни той средой, которая возвращает воинствующих лидеров аналогичного движения противодействию, а также их идеологов, часто становятся отрасли знания, особенно уязвимые в смысле угрозы утери человеком социальной актуальности⁴⁷. Таким образом, политическая активность этих лидеров означает всего лишь ответ на более принципиальное опасение того, что время работает против них и что возникает новый мир без их помощи или руководства*.

То влечение, которое определенная часть молодого поколения в наиболее развитых странах мира испытывает сейчас к поэзии, лирике и эмоциям, а также ее презрительное отношение к здравому смыслу и интеллектуальным концепциям могут свидетельствовать не столько о замене одной традиции другой, сколько о столкновении между эмоциями и необходимостью. С одной стороны, налицо чувства и настроения, возникшие в результате ломки институционализированных убеждений и усиленные новыми методами массового общения, — причем все они стимулируют или порождают всепоглощающее стремление к эмоциональному бегству или хотя бы к эмоциональному освобождению с помощью «конкретных» чувств и ассоциаций. С другой стороны, существует утомительная необходимость овладеть, путем интенсивных теоретических умозаключений, техникой действия компьютеров, математикой, системотехникой и т. д., от чего зависит решение социальных проблем современности**.

* Их настойчивые требования всеобъемлющих решений обуславливают в то же время характерное для них нежелание участвовать в более скромном процессе осуществления частичных улучшений, постепенно осваивать новые методы и действительно стать причастными к созиданию нового мира. Джон Ардаг в своей работе «Новая французская революция» (John Ardagh, The New French Revolution, N. Y., 1969, p. 358) отмечает этот парадокс, говоря о представителях французской интеллигенции левого направления: «Сартр и его друзья проповедуют, что литература должна быть *сопричастной*, однако на практике они всегда уклонялись от реалистичных политических действий... Сартр и его друзья всегда требовали утопически невозможного или ничего... Так что технократы похитили одежды сартристов».

** В этой связи сравните нападки Ноама Чомски на новую разновидность американских интеллектуалш-специалистов (ом.: Noam Chomsky, American Power and the New Mandarins, N. Y., 1968) с нападками на Платона, которого обвиняли в «интеллектуализации» реальности. Можно найти и другие столь же заманчивые сравнения с древними Афинами. Автор одного недавнего исследования о влиянии философии Платона на современное ему общество утверждает, что термин «философ» был сравнительно новым и что Платон использовал его для определения «человека, готового бросить вызов господству конкретного мышления над нашим сознанием и заменить его мышлением абстрактным» (E. G. Havelock, Preface to Plato, Cambridge, Mass., 1963, p. 281). Сосредоточение внимания на абстрактном мышлении было связано с появлением нового метода информации — письменности, сначала дополненной, а затем вытеснившей предшествовавшую ей традицию информации посредст-

Хотя описанное выше столкновение между чувствами и * необходимостью может оказаться глубоким, вряд ли есть основание считать, что студенческое поколение представляет собой новый революционный класс XX столетия. Истинно революционный класс должен овладеть современными методами социальной организации, а не отвергать их. Возможно, что студенческому «революционному классу» будет трудно ■ сделать это, поскольку он неизбежно является переходным по своему характеру и подвержен постоянным изменениям. Это обстоятельство не исключает возможности того, что участники студенческого движения навсегда порвут с обществом и станут (особенно после закалившего их опыта тюремного заключения) профессиональными революционерами; вполне может также случиться, что приток в университеты новых студентов не даст чувству неудовлетворенности и бунта заглухнуть. Однако нет уверенности в том, что революционеры более старшего поколения, бывшие студенты, будут в состоянии поддерживать контакты с новым поколением молодых студентов, от которых их будет все больше и больше отдалять разница в возрасте. Им будет угрожать опасность превратиться в бунтарей, стоящих вне «класса». Каждое студенческое поколение должно будет в этом случае создавать для себя собственное руководство, собственные устремления и методы действий прежде, чем в свою очередь уйти со сцены. Пожалуй, не случайно, что в конце концов история представляет собой кладбище революционных молодежных движений. /

К тому же вновь поступающие студенты могут влиться в такую среду, которая постепенно станет более готовой терпимо относиться к существованию полностью отклонившихся от установленного образца субкультур и оказывать социальную поддержку даже тем, кто предпочел исключить себя из общества. Вполне возможно, что многие из современных молодых бунтарей, особенно те из них, чьи действиями руководят скорее патологические, чем политические мотивы, выберут именно такой путь. И наконец, по мере того как социальные изменения будут содействовать распространению образования и знаний, характерные для студентов черты могут сгладиться. Когда общество будет в большей степени стремиться к овладению знаниями, а студенты станут принимать в его жизни более активное участие, разрыв между жизнью студентов и общества сократится.

Тем не менее тот вызов, который студенческое поколение

вам устной речи (там же, стр. 292—295). Эпическая поэзия основывалась на повествовании, которое одновременно стимулировало эмоциональное разделение опыта и зависело от него; в результате появления алфавита и письменности стало возможным распространение реальности по более абстрактным категориям, что открыло двери истории для теоретических умозаключений. Через эти двери прошли и христианство, и марксизм.

в целом бросило жестким иерархиям и институционализированным убеждениям, равно как и социальному строю индустриального века, привел к возрождению наиболее принципиальных вопросов, касающихся целей социальной организации. Каким должно быть соотношение между внутренними и внешними качествами жизни? Какова взаимосвязь между личной свободой и социальным равенством? Эти вопросы приобретают новый смысл и требуют нового определения всякий раз, как наше сознание реальности оказывается в тисках серьезного исторического кризиса.

4. Идеи и идеалы вне рамок идеологии

Можно сказать, что XIX в. представлял интеллектуальное господство идеи свободы, а XX в. является свидетелем триумфа равенства. Для большинства людей свобода нашла свое политическое воплощение в нации, и только для сравнительного меньшинства она воплощалась в процедурных гарантиях для индивидуума. Поэтому прошлый век был прежде всего эпохой национализма и только во вторую очередь периодом либеральной демократии. Поиски форм, в которых можно выразить идею равенства, служат в настоящее время самым сильным побудительным импульсом в деятельности университетских студентов на Западе и молодых критиков привилегированных коммунистических элит. Эти поиски также определяют то направление, в каком развиваются отношения между черным и белым населением как в Соединенных Штатах, так и в Африке и между более богатыми и более бедными странами.

Итак, мы достигли такой фазы в истории человечества, когда страстная жажда равенства превратилась в универсальную целеустремленную силу. Более того, поскольку вряд ли можно достичь равенства в объективном плане, его, быть может, будут все больше искать в области субъективных отношений. Ввиду того что реальное равенство невозможно, его заменой становится равенство через эмоции, причем иллюзию равенства будут создавать жаркие столкновения и враждебность.

Поиски равенства

В наше время жажда равенства сильна потому, что впервые в истории человечества неравенство уже больше не отделено от нас временем и расстоянием. Национализм распространялся по земному шару в течение полутора веков, по мере постепенного приобщения народных масс к политике, и это было побочным следствием развития грамотности и индустриализации, между тем протест против неравенства внутри отдельных государств и между ними стал доминирующим фактором всего за каких-то несколько десятилетий. В этом

процессе, так же как и в бунте молодого поколения, решающим стимулом служит появление глобальных средств массовой информации и прогресс в области народного образования.

Следовательно, связь между технотронным веком и страстным стремлением к равенству — если не с самой идеей равенства — вполне причинно обусловленная. С точки зрения создания социальных и политических мотивов огромнейшую роль играет тот факт, что «бедняки живут в тех же условиях новой пропагандистской службы международной информации, стоящей многие миллиарды долларов, что и богачи»⁴⁸. Национальное угнетение и классовое угнетение должны были иметь прямую и личную направленность, прежде чем обрести способность вызвать ответную реакцию. В настоящее время неравенство может ощущаться и заочно (и тем не менее с исключительной остротой), поскольку осознание его может быть выведено за пределы личного опыта.

Однако, хотя в наши дни идея равенства пользуется величайшей популярностью, определение этой концепции продолжает оставаться расплывчатым. В коммунистических государствах борьба за политическое равенство предусматривает стремление покончить с правом управлять как привилегией лишь немногих; с правом свободно читать и путешествовать как профессиональной прерогативой тех только, кто входит в высшие слои элиты власти, и, наконец, с правом приобретать все, что только душе угодно, как с преимуществом, которым наслаждаются лишь люди, выезжающие в служебные командировки за границу или имеющие доступ в специальные магазины для ответственных работников. Тем не менее руководители коммунистической партии, в течение долгого времени считавшие, что ликвидация имущих классов автоматически обеспечит социальное равенство как основу для личной свободы, не могут понять этого свободолюбивого стремления к равноправию.

В новых и развивающихся государствах трудность определения концепции равенства усугубляется тем, что в большинстве случаев жалобы возникают не из-за прямой социальной несправедливости, а в результате острого чувства обездоленности по сравнению с развитым миром. Небольшие размеры многих новых государств еще умножают их чувство бессилия и осложняют задачу исправления положения*. Их эко-

* Численность населения всех государств, бывших независимыми до 1776 г., составляет сегодня 22,6 млн. человек, численность населения государств, возникших в результате первой антиколониальной революции и распада династических империй (1776—1945), — 5,2 млн. человек, а тех, которые получили независимость в течение последних двадцати лет, только 3,4 млн. человек. Могут возникнуть некоторые разногласия относительно оптимального размера государства-нации, но нет почти никаких

номическая зависимость от неустойчивых рынков сбыта и от иностранного капитала означает, что их свобода в значительной степени относительна и невелика. В результате возникают условия, при которых отсутствие равенства в международном плане, по-видимому, угрожает самому существованию этой свободы.

Именно стремление к достижению равенства заставило большинство лидеров новых государств принять социализм. Они видят в социализме способ добиться целей, общих для большинства из них; цели эти — расцвет национальных самобытных культур их стран, развитие их национальной экономики и постепенная ликвидация неравенства внутри страны и в области международных отношений. Их понимание социализма включает в себя марксистский анализ капитализма и ленинскую характеристику империализма, хотя эти лидеры и склонны подчеркивать, что в своем подходе к экономическим проблемам они сумели избежать ошибок не только капитализма, но и коммунизма⁴⁹. В самом деле, некоторые из этих лидеров утверждают, что их менее догматичный социализм, обогащенный местными традициями, обеспечит миру более гуманную альтернативу, чем доктринерский материализм коммунизма или социальное безразличие корпоративного Запада⁵⁰. Перед самым получением Кенией независимости Том Мбойя заявил в ходе обсуждения африканской концепции социализма, что в конечном итоге Африка «покажет остальному миру, что такое настоящая свобода»⁵¹.

Взгляды эти продолжают, однако, оставаться по сути своей неформальными и несистематизированными. Правда, некоторые исследователи расценивают их как идеологию, но им недостает систематичности, последовательности, обобщенности и теоретической доказанности, присущих как социализму, так и коммунизму; в них также отсутствуют формальные догматы, и они не получили воплощения в соответствующих институтах. Хотя лидеры новых государств и подкрепляют свои взгляды недемократичными методами осуществления политической власти и выражают их с помощью терминологии, в значительной мере заимствованной у марксизма, и хотя эти лидеры по необходимости проявляют заботу об улучшении материального положения своих народов, у них наблюдается тенденция делать упор на первостепенное значение национальной самобытности и на духовную значимость человека. Сказанное в равной мере относится и к представителям новой местной интеллигенции, стоящим по социальному поло-

самвений в том, что он превышает 3—4 млн. человек. Сами размеры недавно провозглашенных государств, особенно в Африке, затрудняют для них осуществление их стремлений к модернизации и мощи, достоинству и процветанию, которые проповедают их руководители» (i D a n k w a r t A u s t o w, A World of Nations, Wash., D. C., 1967, p. 247).

жению одной ступенью ниже нынешних руководителей стран ■ I «третьего мира», для которых характерен еще больший радикализм во взглядах, чувствительность к проявлениям расизма и эмоциональность поведения⁵². Их восторженный марксизм не имеет ничего общего ни со схоластикой Маркса, ни с организационной целеустремленностью Ленина.

К тому же опыт нескольких лет независимости охладил пыл тех, кто первоначально видел в новых государствах выражение более гуманных представлений и пример для других. Во многих из этих новых государств правящие элиты ограничили свободу своих граждан на том основании, что подобное ограничение будто бы необходимо для борьбы с неравенством путем ликвидации привилегий внутри страны и мобилизации национальных усилий на сокращение растущего разрыва между данным государством и окружающим миром⁵³. Страстное стремление к равенству переродилось в некоторых странах в расистский национализм, который находит свое проявление в высылке представителей инородных национальностей (китайцев — из Индонезии, азиатов — из Восточной Африки), а в более общем плане — в ненависти ко всему иностранному и даже в расистской неприязни к развитому белому миру как к главному эксплуататору. Новые политические элиты обнаружили явно потребительские тенденции в какой-то мере за счет своего социального сознания.

Совсем по-иному стоит проблема равенства в более развитых и зажиточных странах. Там, особенно в Соединенных Штатах, эта проблема приняла форму протеста против «масштабности» институтов и закреплённой законом власти правящих кругов. Противники «масштабности» утверждают, что политический процесс обманчив, так как формула «один человек — один голос» просто затемняет существующее неравенство в сфере власти между индивидуумом и, например, корпорациями. Если говорить более конкретно, то понятие равенства — скорее, чем понятие свободы, — лежало в основе борьбы за гражданские права в Соединенных Штатах. Негры постепенно и с большим трудом получили формальную «свободу», закреплённую принятием законодательства о гражданских правах, и особенно законодательства, гарантирующего право голоса. Однако эта «свобода» вряд ли обеспечивает американским неграм равенство, и сегодня черные граждане Америки ведут борьбу за обретение того «равенства», которым уже обладают ее белые граждане. Дать определение этому «равенству» — вот что ставит в тупик ректора колледжа или мэра города, ибо для них свобода всегда была синонимом равноправия.

Социальная напряженность в развитом мире (а это относится как к некоторым коммунистическим государствам, так

и к более плюралистским обществам) подчеркивает трудности, связанные с поисками равенства в чисто внешнем и материальном плане. После нескольких сотен лет социального активизма, когда придавалось особое значение внешним аспектам человеческого существования, современный человек в промышленно развитых странах сталкивается с кризисом попыток определения своей сущности и не может найти ответа на свои сомнения ни в традиционной религии, ни в идеологии. По мере того как постепенно угасают националистические и идеологические страсти, его внутренняя убежденность и внешняя активность в защите высоких идей уступают место внутреннему смятению и внешней нерешительности.

Синкретическая вера,

Когда Мишель Фуко провозгласил «смерть человека», он выразил почти в ницшеанских терминах пессимизм, свойственный реакции на идеологию подвижничества *. Эта реак-

* Этот пессимизм был резюмирован в работе Роберта Бейли «Социология сталкивается с пессимизмом» (Robert Bailey, *Sociology Faces Pessimism*, The Hague, 1958, p. 1116—147) в десяти тезисах, в которых европейский «дух времени», существовавший сто лет назад, противопоставляется нынешним устроениям.

<i>Сто лет назад</i>	Европейский «дух времени»	<i>Сегодня</i>
1. прогресса.		Имеет место прогресс.
2.		Социальная эволюция носит циклический характер.
3. Западная цивилизация непрерывно движется ко все большему высотам в культурном и социальном развитии.		3. Западная цивилизация переживает период распада и упадка,
4. Человек рационален.		4. Человек нерационален или иррационален.
5. Общество состоит из индивидуумов, которые, будучи рациональными или опосредованными, поднимут человечество на новые ступени совершенства.		5. Общество состоит из масс, которые, будучи нерациональными, легко поддающимися вяужению, приведут человечество в состояние посредственности,
6. Научная истина и знания приносят обществу пользу.		6. Научная истина и знания могут принести обществу вред.
7. Мифы и суеверия приносят вред.		7. Мифы и суеверия могут быть полезными.
8. Общество представляет собой гармоническое сосуществование различных групп, своего рода « <i>comunitas Bonum</i> » (лат. «общее благо»).		8. Общество состоит из всегда враждующих между собой групп,
9. Общество управляется на основе согласия народа.		9. Общество управляется элитой.
10. Демократия и гуманные социальные ценности являются защитой интересов индивидуума и общества.		10. Демократия и гуманные социальные ценности служат для элитными ошибками и приводят к владычеству необразованных масс.

ция в свою очередь отражает научную сложность современного общества, которая стимулирует возникновение у индивидуума чувства собственной бесполезности и бессилия. Взгляды Фуко, связанные с философской школой «структурализма», были охарактеризованы одним критиком как идеология современной технократии, ибо Фуко рассматривает человека как объект процесса, лишаящего его какой бы то ни было самостоятельности и безлично правящего им в соответствии со структурной динамикой⁵⁴. Отказ от сознательной истории, который наносит удар по основной сути идейно-религиозного подхода, господствовавшего в западной философии, сам является отражением современного кризиса ценностей, посылок и убеждений и крушения всех обобщенных и одновременно целенаправленных исторических интерпретаций*.

Много веков назад человек сформулировал в великих религиях те нормы, которые должны управлять людьми в их взаимоотношениях друг с другом. В настоящее время, впервые в писаной истории, человек начинает — правда, только еще начинает — освобождать себя от тягостной борьбы за то, чтобы физически уцелеть. Это обстоятельство вызвало возрождение интереса к наиболее неуловимым духовным аспектам человеческого существования**; оно также породило состояние тревоги, в условиях которого систематический обмен мнениями все чаще нарушается из-за отсутствия общих посылок. Естественно, что это особенно справедливо в отношении интеллигенции, хотя ее настроения постепенно передаются всему обществу. В результате большинство людей подчиняется проце-

* Структурализм включает в себя также критику сартровского экзистенциализма, который со своим упором на моральную автономию сам являлся реакцией на идеологическую тенденцию придавать особое значение смиренному отождествлению индивидуума с коллективом и целенаправленному созиданию истории.

** По словам одного из участников программы Гарвардского университета по проблемам техники и науки, «с возникновением богатых индустриальных обществ наука проявляет тенденцию к тому, чтобы заменить собой экономическую продуктивность в качестве первоочередной социальной цели. По мере того как наука становится все более способной удовлетворять материальные нужды общества с меньшими усилиями со стороны человека, она начинает больше заниматься проблемами духовных и интеллектуальных потребностей. Она должна создать новые цели и стремления для того, чтобы [общество] как социальный порядок сохранило свою жизнеспособность... Много раз в прошлом ученые думали, что на все важные вопросы уже даны ответы и что осталось только выяснить детали и разработать все выводы, вытекающие из умозрительной схемы, основные рамки которой полностью очерчены. Однако каждый раз их ожидания не оправдывались. Каждое новое крупное достижение раскрывало новый, непредвиденный мир, новую умозрительную схему, заложенную в старой и принадлежавшую к этой же категории» (Harvey Brooks, Can Science Be Planned? Harvard University Program on Technology and Science, '1968, p. 13—14. Курсив мой. — З. Б.).

дурному политическому порядку только до тех пор, пока этот порядок срабатывает, но они испытывают к нему все меньше и меньше внутренней преданности. (Примером может служить пассивное поведение французского народа во время крушения

политической власти в мае 1968 г.) Конечно, сейчас много го-

ворят о необходимости переоценки человеческих ценностей, о приоритете человека над тиранией политических деспотов или бездушных технократов. Однако в наше время — в отличие от тех периодов, когда господствующую роль играли религия или идеология, — средства, формы и внутренняя значимость этих целей остаются поразительно неопределенными. (Например, на состоявшемся в 1968 г. в Вене Международном философском конгрессе доминировала точка зрения, согласно которой современная философия должна быть на переднем крае происходящей «борьбы», но какой вклад она должна внести в эту борьбу, так и не было уточнено.)

Поэтому сомнительно, что растущая озабоченность абстрактными и духовными аспектами человеческого существования и даже наметившийся новый интерес к вопросам религии — иными словами, все то, что можно объединить термином «содержание жизни», — приведут в ближайшем будущем к возникновению новых официальных идеологий или религий. Сложность науки и скептицизм, которые еще более укрепляются эмоциональными последствиями все большего распространения средств визуально-слуховой информации (телевидения), идут вразрез с комплексностью и догматизмом идеологий. В этом смысле позволительно поэтому говорить о «конце идеологии». Религия и идеология были частью такого века, когда реальность все еще можно было догматически раскладывать по отдельным полочкам теоретических построений; значение и той и другой усиливалось настоятельным стремлением к воплощению идеала в действительность. Скорее нас ждет поворот к более личному, менее схематическому, более субъективно направленным попыткам синтезировать научное и духовное начала, хотя результат этих попыток будет, пожалуй, носить не столь мистический характер, как философия Тейяра де Шардена. Во всяком случае, такова, по-видимому, тенденция, наблюдающаяся среди современных христианских и ревизионистски настроенных марксистских теоретиков.

Хотя подобный ход вещей и является индивидуально обогашающим, существует опасность, что он может подрвать прочность либеральной демократии. Вполне вероятно, что интеллектуальное смятение и политический разлад, не говоря уже о простом чувстве неуверенности, будут стимулировать поиски внешних источников стабильности, поиски, способные либо вылиться в форму репрессий, либо привести к обличению

вся культура, но и индивидуальное сознание превращаются просто в скопление не связанных между собой элементов, «не сможет принять коллективное решение о том, как человек должен относиться к 'человеку'»³⁵. В этом случае на руководителя может лечь обязанность взять на себя выполнение тех всеобъемлющих задач общества, которые в противном случае осуществляются либо формальной, либо безоговорочно всеми разделяемой идеологией*.

При отсутствии социального единомыслия эмоциональные и рациональные потребности общества могут оказаться воплощенными в лице какого-либо индивидуума, по общему мнению, одновременно и оберегающего, и должным образом обновляющего социальный порядок, причем такое развитие событий облегчается наличием средств массовой информации. Весьма вероятно, что в условиях возможности выбора между социальным и интеллектуальным беспорядком (здесь не имеется в виду что-либо, хотя бы отдаленно напоминающее революционную ситуацию), с одной стороны, и авторитарной единоличной властью — с другой, даже некоторые современные конституционные и либеральные демократические общества выбрали бы последнюю.

Искушение выбрать безопасность, а не сложность может в предстоящие годы усилиться, поскольку «конец идеологии», отнюдь не уменьшая значимости идей и идеалов в политике, открывает такую эру, когда абстрактные проблемы, касающиеся смысла личной и общественной жизни, снова займут центральное место. Именно потому, что институционализованные убеждения уже не ограничивают и не определяют рамок происходящего диалога, этот диалог становится все более интенсивным и далеко идущим. В результате возникает новый конфликт идей, но не институционализованных идеологий, новый интерес к религиозным проблемам, но не к организованным религиям.

В этом новом, страстном диалоге традиционная и широко используемая терминология становится все более бесполезной. Такие термины, как капитализм, демократия, социализм и коммунизм — и даже национализм, — уже не в состоянии

* Дэниел Белл следующим образом описал социальные функции идеологии: «В каждом функционирующем обществе должно быть какое-то кредо — комплекс убеждений и ценностей, традиций и целей, — связывающее институциональные структуры и эмоциональные устремления членов этого общества в какое-то трансцендентальное целое. Должны также иметься механизмы, с помощью которых эти ценности могут не только быть «усвоены» индивидуумами (при посредстве соответствующих норм), но и стать ясными для общества — особенно для общества, по всей видимости целенаправленно осуществляющего социальные изменения; и именно эта разъяснительная задача является функцией идеологии» (Дэниел Белл, Идеология и советская политика, «Слэвик ревью», декабрь 1965 г., стр. 595).

выразить соответствующие актуальные понятия. В обществах, где идеология доминирует, как, например, в коммунистических государствах, это несоответствие все чаще находит свое выражение даже в открытых нападениях на официальную идеологию; в обществах с более свободными и менее категорично сформулированными ценностями оно приводит к поискам какой-то приемлемой и актуальной системы концепций. В обоих случаях главное внимание уделяется потребности сочетать ранее доминировавший акцент на внешнее окружение человека с новым вниманием к его внутренней жизни. В том и другом случае — как это было с марксизмом в индустриальный век — существует осязаемая нужда в новом теоретическом синтезе.

Для нашей эпохи симптоматично, что, несмотря на ее бурность, она не выработала актуальной концепции революции, то есть стратегии действий, направленных на замену действующих институтов и ценностей новыми; иными словами, она не создала ни метода осуществления таких изменений, ни основы для них. Между тем индустриальный век сумел выработать подобную концепцию (марксизм), и она была впоследствии использована в странах, претерпевающих процесс индустриализации. Послеиндустриальные общества не имеют такой теории, ксновые левые» также не смогли создать ее. К тому же, в то время, как в прошлом идеологические принципы изменений распространялись из стран развитого мира в менее развитые районы — стимулируя тем самым подражание последних развитому миру, — сегодня различия между обоими мирами настолько разительны, что трудно представить себе возможность появления в развитом мире нового идеологического течения, которое быстро приобрело бы значение для слаборазвитых государств.

Тотальные всеобъемлющие революции были возможны потому, что всеобъемлющие идеологии обеспечивали схему для радикальных изменений и переустройств. Такие идеологии сами по себе были отражением того периода, когда власть основывалась на бесспорно традиционных убеждениях и институтах. Коммунистическая партия с ее претензией на непогрешимость воссоздала, таким образом, в сжатом виде период обобщенного великого видения мира и авторитарных институтов. Быстрые изменения в области науки, массовый взрыв в области образования и интенсивное распространение средств массовой информации — все это факторы, способствующие крайнему непостоянству убеждений и реакций и порождающие ситуацию, когда субъективные ощущения более важны, чем коллективная преданность программе социальных действий и организации.

Поэтому наблюдающиеся в настоящее время противоречивые тенденции к одновременному и дроблению, и объединению общества (а они возникают в политическом, экономическом и

интеллектуальном планах в результате глубокого несоответствия между реальностью технического и электронного века и сохранением в новый период институтов и социальных форм, заимствованных из другого века) предвещают скорее близость бурных событий, чем близость радикальной революции. Более развитый мир стоит перед кризисом своего либерально-демократического единодушия. Коммунистическому миру трудно освоить свою идеологию. Страны «третьего мира» пытаются найти для себя схематический эталон в видоизмененной форме социализма, заменяющего ортодоксальность эмоциями. В прошлом мир жил в обстановке строго изолированного единообразия: аграрные общества, принципиально сходные по своей социально-экономической структуре, но различающиеся между собой своей религией и культурой, были изолированы друг от друга. Сегодня дифференцированные социально-экономические реальности, существующие в интеллектуальном контексте разрушающихся религий и идеологий, заметно совпадают. Таким образом, психическая уверенность, характерная для прошлого, уступает место психической напряженности; уверенность в своей праведности уступает место чувству вины или обидному ощущению собственной неполноценности*.

Возможно, что на современном этапе интеллектуальной сумятицы впервые появляются зародыши актуальной для всего мира перспективы. Догматически универсалистские идеологии XIX в. были фактически крайне узкими по своей природе, и поэтому они быстро слились с национализмом. (Это оказалось особенно верным по отношению к коммунизму при Сталине.) С виду внутренне ориентированные идеи и идеалы, которые господствуют — причем весьма бессистемно — в идущем ныне диалоге, на деле в значительно большей степени устремлены на универсальные проблемы человека и на воссоединение в нем духовного и материального аспектов.

В первое время представление человека о самом себе было чрезвычайно примитивным и фрагментарным и являлось отражением тысяч малых культур, из которых в конечном счете возникло несколько религий с универсальными чаяниями, хотя каждая из них была все еще ограниченной в культурном и территориальном отношении. Век секуляризма породил более политически направленное видение мира, в котором национализм (возведенный в универсальный принцип) сочетался с идеологиями, в основном заимствованными в Европе и

претендовавшими на универсальную применимость. Решение вопроса, является ли переживаемый нами период переходом или же он знаменует начало более глубокой дезинтеграции, видимо, будет в огромной мере зависеть от того, что произойдет в двух главных обществах нашего времени — в Соединенных Штатах и в Советском Союзе, и от того, что произойдет с двумя главными в нашем мире современными системами взглядов — либерализмом и коммунизмом.

* Так, в прошлом, когда христиане и мусульмане ненавидели друг друга, они делали это с чувством уверенности в собственной правоте. Сегодня праждане «третьего мира» могут ненавидеть американцев за их богатство, но вместе с тем презирать свою собственную мнимую неполноценность, тогда как американцы чувствуют себя виноватыми из-за своего богатства, но в то же время смакуют ощущение собственного технического превосходства.

Часть III

КОММУНИЗМ: ПРОБЛЕМА АКТУАЛЬНОСТИ

Марксизм, рожденный на волне социальных потрясений, возникших под воздействием промышленной и националистической революции, представляется единственным в своем роде интеллектуальным средством понимания и в то же время обуздания основополагающих сил нашего времени. Как продукт особенно болезненного этапа в истории человечества и одновременно ответ на него, он дал наилучшую возможность заглянуть в подноготную реального положения дел в современном мире; ОРН привнес сильные этические элементы в политическое действие; заложил основу для длительного наступления на устаревшие доиндустриальные социальные институты; он, наконец, поднял знамя интернационализма в эпоху, все более прочно приобретающую налет национальной ненависти.

Будучи первым государством, претворившим в жизнь марксистскую теорию, Советский Союз мог бы стать знаменосцем наиболее влиятельной теории нынешнего столетия и социальной моделью для разрешения ключевых дилемм, стоящих перед современным человеком. И тем не менее советский коммунизм в наши дни не более чем консервативная обюрократизация доктрина. В Китае, ставшем ареной самого широкого применения марксистских принципов в условиях крайней промышленной отсталости, коммунизм представляет собой курьезное соединение этноцентрического национализма с идеологическим фундаментализмом; на более развитом Западе коммунизм жизнеспособен лишь в той мере, в какой ему удастся прятать собственное идеологическое лицо, сотрудничая с силами, которые прежде были его идеологическими соперниками, а на Востоке его идеологическая непримиримость зиждется на сознательном отождествлении себя с самыми фанатичными националистическими устремлениями. Короче говоря, современный коммунизм принес в жертву прометееву верность марксизма принципам всеобщего гуманизма.

Трагедия коммунизма как универсальной перспективы состоит в том, что он пришел слишком рано и в то же время слишком поздно. Он явился слишком рано, чтобы быть источником подлинного интернационализма, поскольку чело-

зечество только-только начинало проникаться национальным самосознанием, а существующие ограниченные технические средства связи еще не были готовы к приданию ему характера перспективы всемирного значения. Он пришел слишком поздно на промышленный Запад, ибо национализм и либеральные государственно-реформистские концепции опередили его в своей гуманистической притягательности в результате становления государства-нации. Он пришел слишком преждевременно для доиндустриального Востока, где на его долю выпала роль идеологического будильника, пробуждающего в дремлющих массах все более радикальные националистические устремления.

Появившись с опозданием на Западе и преждевременно на Востоке, коммунизм не обнаружил благоприятных для себя возможностей ни тут, ни там; они представились ему на середине пути — в России. Поэтому его успех и неудачи, как и его специфический характер, следует рассматривать в контексте именно этого своеобразного пятидесятилетнего процесса компромисса между так и не состоявшейся универсалистской доктриной и сугубо специфическими евразийскими национальными условиями. В мире наших дней практическая реальность коммунизма предстает прежде всего в тех проявлениях, которые ему придала Россия.

Для современного человека коммунизм в Китае не более чем потенциальная возможность и не может служить уместным примером претворения этого учения в жизнь. Хотя некоторые аспекты китайского коммунизма — якобы присущий ему пуританизм, его с виду перманентная революционность, его идеологическая непримиримость — могут показаться привлекательными наиболее разочарованным и эмоционально неуравновешенным из представителей западной интеллигенции, как социальная модель Китая едва ли может быть источником руководства для тех, кто озабочен проблемами передовой индустриальной цивилизации. Продолжая бороться с собственной отсталостью, не освободившись от мук политической неустойчивости, оставаясь в тисках конфликтов со своими непосредственными соседями, все более упорно китаизируя свой вариант марксизма-ленинизма, Китай для кого-то и правда может быть революционным символом, но едва ли он предлагает путь к решению социальных и психологических дилемм, поставленных послеиндустриальным веком.

В глазах некоторых претендующих на революционность элит в менее развитых странах Китай, разумеется, может предстать в совершенно ином свете. Для некоторых из них Китай дает весьма заманчивый образец всенародной дисциплинированности и идеологической преданности, широчайших социальных усилий добиться модернизации вопреки технической отсталости. Но даже в этом плане китайская модель мо-

жет ^{приниматься} в расчет лишь как пример воли и целенаправленности, как руководство к будущему, но не образец разрешения коммунизмом проблем современности. Единственно реальный ответ в этом критическом испытании обеспечивает опыт Советского Союза.

1. Парадокс сталинизма

Центральной фигурой советской истории на протяжении почти двух третей существования советского государства оставался один человек, и его имя отождествляется и с системой правления, и с конкретным подходом к решению задачи построения коммунизма. Никакая попытка изучения современной роли коммунизма в мире, не говоря уже о Советском Союзе, не обойдется без анализа роли Сталина и его наследия. Ныне это наследие предстает в форме существующих институтов и методов действий советского государства, и, хотя со времени смерти Сталина прошли почти два десятилетия, любое обсуждение в Советском Союзе вопроса о необходимости реформ все еще неизбежно вращается вокруг проблемы разрыва со сталинизмом.

Это нетрудно понять. Нынешнее советское государство и советское общество были созданы беспрецедентной социальной революцией, продуманно осуществленной политической элитой. Эту революцию, насильственную и дорого обошедшуюся стране, не следует путать с захватом большевиками власти в 1917 г., ибо она произошла лишь свыше десятилетия спустя. В решающие годы, с 1930 по 1940, когда советское общество было подвергнуто полной перетряске, с тем чтобы привести его в соответствие с идеологическими устремлениями его политических правителей, эта революция унесла в процессе формирования нового советского государства по меньшей мере шесть с половиной миллионов жизней *. Именно она взрастила нынешнюю политическую элиту Советской России. Именно эта революция, как утверждают, произвела на свет первое в мире социалистическое общество, основанное на марксистских принципах, и заложила фундамент для его перерастания в конечном счете в коммунистическое. Именно эта революция, наконец, выдвигает как аксиому *необходимость*

* Наиболее подробно об этом рассказало в книге Роберта Конкеста «Великий террор» (Robert Conquest, The Great Terror, N. Y., 1968). Конкест приходит к выводу, что в 1936—1938 гг. было фактически казнено около миллиона человек (стр. 529), что в эти же годы по меньшей мере еще два миллиона погибли в лагерях (стр. 532), и к ним можно добавить еще как минимум три с половиной миллиона человек, умерших в период коллективизации (стр. 533). По моим собственным расчетам, из 2,4 млн. членов правящей партии не менее 850 тыс. подверглись чистке только в 1937—1938 гг. (см.: Z. Brzezinski, The Permanent Purge, Cambridge, Mass., 1956, p. 98—100). Следует заметить, что, по другим расчетам, эта цифра была еще выше.

менно такого ее характера для того, чтобы обеспечить промышленное развитие страны, столь тесно ассоциирующееся с созданием нового общества.

Необходимость сталинизма

Вопрос о «необходимости» сталинизма не следует путать с вопросом о его «неизбежности». Когда оглядываешься на прошлое, элементы неизбежности всегда легче уловить в том, что действительно произошло, чем в том, чего не случилось. Сталинизм оказался «неизбежным» потому, что марксистская власть впервые пустила корни в специфически русских условиях, созданных самодержавными политическими традициями, разочарованностью интеллигенции и ее сильнейшей склонностью к принятию на себя мессианской миссии. В результате некоторые стороны марксизма оказались чрезмерно акцентированными за счет других. Потребовались усилия — и гениальность — Ленина, чтобы приспособить марксизм к условиям его родной России и создать в процессе этого приспособления марксистско-ленинскую идеологию и большевистскую партию.

Победа Ленина над его соперниками в российском марксистском движении и, что еще важнее, захват им власти после краха старого самодержавного строя заложили основу для успешной «дезападизации» марксизма, для победы восточных деспотических тенденций над западными демократическими. Его упор на догматическую веру, методы насилия, конспиративную деятельность и почти полное подчинение личности воле партии (партийность), как и совершенно нетерпимое его отношение к вольнодумству и шизофреническому подозрительности (все эти черты в определенной мере свойственны и поведению самого Маркса), отражали безжалостные самодержавные традиции, в которых он действовал, и еще более усугубляли их.

Поэтому можно утверждать, что появление Сталина на вершине руководства — и особенно восточный стиль и направленность его деспотизма¹ — были если и не продиктованы, то облегчены ленинской концепцией партии как группы избранных, с подозрительностью оглядывающейся на «тред-юнионистский образ мышления» рабочих и с враждебностью — на пассивность и консерватизм крестьян. Нетерпимое отношение к любой оппозиции и требование подчинить личность партии облегчили появление искусственного в бюрократических премудростях диктатора, способного использовать эти традиции, чтобы парализовать потенциальных оппонентов и соперников. Подходя к этой проблеме с совершенно различных точек зрения, Леонард Шапиро и Исаак Дойчер, которые, разумеется, придерживаются несхожих взглядов и на ленинизм, и на сталинизм, оба весьма убедительно показали, в какой степени

ленинизм сделал сталинизм возможным, воспретив в партии сколько-нибудь действенную оппозицию попыткам Сталина укрепить в ней свою власть⁷. Если Ленин и не сделал появление Сталина неизбежным, он, во всяком случае, сделал невозможный! эффективное противодействие ему в партии.

Вопрос же о «необходимости» сталинизма совершенно иная проблема. Он связан с вопросом о необходимости сталинистских методов — и выросшей на них сталинистской системы — для свершения социалистической революции и прежде всего для осуществления индустриализации. Даже если предположить, что сталинизм как политическая система был [«неизбежен», то отсюда еще не следует, что колоссальные человеческие жертвы, которых Сталин потребовал от советского народа, были действительно необходимы для модернизации и индустриализации России и нерусских районов СССР. Эти жертвы, быть может, были необходимы для сохранения сталинистской системы *, однако выдвигать такой аргумент значит изменить предмет разговора и начать доказывать, что к сталинским методам пришлось прибегнуть для сохранения власти Сталина. На это, естественно, ничего не возразишь.

Но это не дает нам ответа на вопрос, действительно ли сталинистские методы были необходимы для модернизации и индустриализации России и нерусских районов Советского Союза. Этот вопрос важен, поскольку все обоснование правомочности советских порядков — авторитета и власти нынешней советской элиты — покоится на утверждении, будто прошлое по существу своему преисполнено славных и героических свершений, лишь слегка омраченных предосудительным поведением, иногда допускавшимся Сталиным по отношению к некоторым из его товарищей. Невзирая на поразительно подробный жуткий рассказ о преступлениях Сталина, поведенный всей советской общественности во время XXII 'Съезда Коммунистической партии Советского Союза в 1961 г., советские государственные деятели послехрущевского периода всячески стремятся преуменьшить злодеяния Сталина и подчеркнуть достижения 30-х гг. Тем самым хотят показать, что партия неизменно действовала правильно и что, следовательно, ее притязания на власть зиждутся на коренной непогрешимости ее руководства и в прошлом, и в настоящем. ,

Именно на этом утверждении нынешняя советская политическая система основывает свои претензии на нравственную непогрешимость и универсальность. Поставить под сомнение форму осуществления преобразования советского общества

* Сталинская теория обострения классовой борьбы по мере приближения к социализму — противоречащая положению о том, что классовая борьба есть следствие существования враждебных классов, но оправдывающая усиление полицейского террора, — на практике была очень удачна и для оправдания политики Сталина, и для укрепления его власти.

значит поставить под сомнение, пусть только косвенным образом, и законность пребывания у власти нынешних его правителей. Более того, это даже значит поставить под сомнение международную применимость советской модели, и особенно ее ленинско-сталинского принципа сосредоточения власти в руках немногочисленной бюрократившейся партийной элиты. События в Чехословакии в 1968 г., советские нападки на китайскую «культурную революцию» за то, что она лишила аппарат китайской партии его первенствующей роли, а также давние критические наскоки русских на склонность югославов приглушать принцип главенства партии — все это показывает, в какой мере советская элита еще придает своей политической модели более широкое значение. Подобная взаимосвязь между советскими внутренними интересами и зарубежными устремлениями объясняет, почему советские деятели столь болезненно реагируют на утверждения и марксистских, и немарксистских теоретиков о том, что сталинистский способ переустройства советского общества был расточительным, жестоким и — самое важное — не был ни особенно успешным, ни необходимым.

Был ли у Сталина какой-нибудь иной выбор? Некоторые русские — как марксисты, так и ямарксисты, — во всяком случае, предлагали средства, позволявшие осуществить индустриализацию меньшей материальной и моральной ценой, чем это проделал Сталин, хотя и с относительно честолюбивым размахом. Еще до революции 1917 г. русские теоретики разрабатывали планы модернизации своей страны. Пожалуй, наиболее удачный план подобного рода содержался в исследовании, завершеном в 1918 г. ректором Московского технологического института профессором (В. Гриневецким. Он выдвинул систематизированную программу развития страны, рассчитанную на несколько десятилетий. Как видно из весьма квалифицированного анализа этого исследования³, помимо целенаправленных мероприятий на государственном уровне, Гриневецкий делал больший, чем советские плановики, акцент на использование критерия цены и прибыльности как на средство, «в большинстве случаев ведущее к тому же порядку очередности решения задач, к той же политике и даже тем же конкретным решениям в области капиталовложений, на которых остановили свой выбор советские плановики, игнорируя эти критерии». Более того, первоочередные задачи, поставленные советскими плановиками в первых пятилетних планах, во многом совпадают с теми, которые предлагал Гриневецкий: электрификация, перемещение промышленности и населения на восток, строительство гидроэлектростанций и каналов и т. д. Хотя советские деятели неизменно утверждают, будто идея индустриализации Советского Союза зиждется на «твердокаменной основе марксизма-ленинизма», нет недостатка в свиде-

Тельствах, недвусмысленно доказывающих, что советские планы (некоторые из них — бывшие коллеги Гриневецкого) весьма многое почерпнули из его работы, приняв его цели, хотя и отвергнув его формулу более гибкого процесса принятия решений и более широкого (хотя и не исключительного) использования критерия цены и прибыльности.

Да и в коммунистической партии выдвигались альтернативные планы индустриализации, прежде всего Бухариным и так называемой «правой оппозицией». До некоторой степени, подобно Гриневецкому, они ратовали за такую политику, которая использовала бы положительные стимулы для поощрения крестьянства к увеличению производства сельскохозяйственной продукции и перекладывала бы известную часть социального бремени индустриализации на городское население; при этом сроки завершения последней должны были быть несколько более растянутыми. Они особенно настойчиво возражали против быстрой насильственной коллективизации — средства, примененного Сталиным, чтобы извлечь имеющиеся у крестьянства излишки сельскохозяйственной продукции, — и в этих возражениях позже получили поддержку даже от Троцкого, первоначально решительно выступавшего против Бухарина. К 1930 г. Троцкий пришел к выводу, что физическая ликвидация миллионов кулаков была чудовищной безнравственностью, положившей начало порочному кругу принуждения и насилия, который неизбежно должен был втянуть в себя все общество и дискредитировать коммунизм⁵. Пожалуй, еще более опасными с советской точки зрения являлись более недавние высказывания польского коммунистического деятеля Владислава Гомулки, в остальном стоящего на ортодоксальных и в высшей степени просоветских позициях. Выступая 23 ноября 1961 г., он аналогичным образом усмотрел в коллективизации «начало процесса растущего беззакония, нарушений социалистической законности, создания атмосферы страха и возникновения в этих условиях культа личности, культа Сталина»*.

* Экономисты придерживаются различного мнения о том, облегчила ли коллективизация быструю индустриализацию страны. Но нет никакого сомнения, что ее необычайно безжалостный характер привел к быстрому сокращению сельскохозяйственных ресурсов, часть которых могла бы пойти на капиталовложения в промышленность. «Индекс валового объема сельскохозяйственного производства упал со 124 в 1928 г. (1913 г. — 100) до 101 в 1933 г. и составил всего 409 в 1936 г. Индекс объема производства продукции животноводства при этом снизился со 137 в 1928 г. до 65 в 1933 г. и медленно повысился до 96 в 1936 г. На протяжении всего периода 30-х гг. производство зерна не превышало уровня, существовавшего до 1913 г., или даже было несколько ниже» (Deutsche g, The Prophet Outcast, Ltd., 1963, p. 99). Один из специалистов по проблемам советского сельского хозяйства, анализируя недавний советский пересмотр оценки этого трудного периода, пришел к выводу, что «при наличии больших запасов зерна и валюты и существовании более эффективного социализированного сектора правительство располагало бы гораздо большей

. 132

Следует также напомнить, что сталинизм положил конец и периоду беспрецедентного творческого расцвета русской архитектуры, поэзии и науки. В 20-е гг., в непосредственно послереволюционный период, Россия преисполнилась пробужденной, кипучей энергией. Массовый террор и идеологическая ортодоксальность сталинизма породили осторожность и конформизм. Даже в области идеологии марксистская мысль была сведена в интеллектуально регрессивный катехизис, где роль универсального руководства выполнял «Диалектический и исторический материализм» Сталина (1938).

Иной круг проблем выдвигается вопросом, привело ли советское развитие, хотя оно и было морально и материально столь дорогостоящим, к достижению целей, оказавшихся недостижимыми для всех других обществ. Это, разумеется, имеет особое отношение не только к решению вопроса о внутренней исторической правомочности нынешней системы, но и прежде всего вопроса о пригодности ее в качестве модели для других обществ. Притязания на подобную роль оспаривались не только историками экономики на Западе, но и некоторыми восточноевропейскими специалистами. Среди западных теоретиков в наиболее острой (и спорной) форме вызов достижениям сталинизма в области модернизации бросил Уолт Ро-■стоу. Он утверждает, что коммунисты «унаследовали экономику, вступившую на путь» индустриального развития еще за два десятилетия до первой мировой войны, и что «Сталин был организатором не модернизации отсталой страны, а лишь завершения процесса ее модернизации»⁶. Кроме того, он усматривает удивительные параллели в характере и темпах американской и русской индустриализации, при том что первая началась примерно в 60-е, а вторая — в 80-е годы прошлого столетия*⁷.

свободой маневрирования. При этом отнюдь не рухнуло бы все здание программы индустриализации и было бы можно избежать катастрофического сокращения поголовья скота, необходимости затраты огромных средств, и без того скудных, на одну лишь замену потерянного тяглого скота и использования столь немногочисленных талантливых административных кадров в аппарате контроля и принуждения.

Вопрос о том, было ли бы советское правительство в состоянии остаться у власти без массовой коллективизации 1929—1930 гг., относится к проблемам, по которым экономист, как таковой, не может особенно много сказать, но имеет право считать, что несталинистское советское правительство вполне смогло бы это сделать (Д ж. Ф. Кар ч, Размышления о зерновой проблеме, «Совет стадиз», апрель 1967 г., стр. 429—430). Таким образом, хотя без коллективизации доля товарной сельскохозяйственной продукции могла быть (или не быть) меньше, можно с достаточным основанием предположить, что даже меньшая доля продукции, производимой в большем количестве, означала бы более крупные запасы в абсолютных цифрах.

В таких областях, как выплавка стали, добыча угля и нефти и производство электроэнергии, общие американские темпы ненамного превышали советские; в развитии же легкой промышленности и транспорта успехи американцев были гораздо более внушительными.

Сирил Блэк в овоем исследовании процесса модернизации России также приводит совокупные данные, показывающие, что «в перспективе пятидесятилетнего отрезка времени относительное место СССР в едином экономическом и социальном индексе в расчете на душу населения, вероятно, существенно не изменилось. Насколько позволяют судить имеющиеся на этот счет довольно ограниченные данные, с 1917 г. СССР не догнал и не перегнал в производстве на душу населения ни одну страну, кроме, может быть, Италии, и те девятнадцать или двадцать стран, которые сейчас стоят в этом отношении выше России, стояли выше нее и в 1900 и 1919 гг. Объем валового национального продукта Италии в расчете на душу населения, чуть-чуть уступающий сегодня советскому, пятьдесят лет назад был, вероятно, несколько выше»⁸. Сравнительный анализ Блэка распространяется на страны, которые, как и Советский Союз, сильно пострадали от войн и «были вынуждены на протяжении длительного времени заниматься восстановлением своего хозяйства. Выявить расстановку ведущих стран пытались и другие исследователи сравнительных темпов социально-экономического развития, и все они придерживаются мнения, что в настоящее время Советский Союз занимает место где-то в середине двадцатки»⁹. На основании своего анализа Блэк делает общий вывод, что «другие общества добились аналогичных результатов значительно меньшей ценой», и, исходя из этого, ставит под сомнение основополагающую посылку советских теоретиков о прошлом собственной страны *.

* Советские достижения в исследовании космоса, в производстве вооружений и в масштабах общего промышленного роста вызывают восхищение. Советский Союз добился внушительных достижений и в области образования, в развитии массовой культуры и в социальном обслуживании населения и заложил прочную и широкую научную базу для дальнейшего развития страны. Так, например, он занимает первое среди развитых стран место по числу врачей на сотню тысяч жителей и выплачивает самые высокие годовые пособия по линии социального обеспечения в расчете на душу населения (Statistical Office of the European Communities, «Basic Statistics», Brussels, 1967, p. 131, 153).

В то же время полезно напомнить, что во многих отношениях Советский Союз представляет собой с точки зрения социально-экономического развития сравнительно заурядную страну. Исследование Блэка, на которое мы уже ссылались, содержит интересные сведения, показывающие, какое место в сравнении с другими государствами Советский Союз занимал в таких областях, как образование (по возрастной группе 5—19 лет Советский Союз занимал 39-е место среди 124 стран, о которых в 1960 г. имелись сведения), средства информации (в 1960 г. Советский Союз стоял на 26-м месте по распространению газет в расчете на душу населения в числе 125 стран), здравоохранение (по продолжительности жизни Советский Союз занимал 13-е место в числе 79 стран) и т. д.

Если брать такие показатели степени модернизированное™, как развитие воздушного транспорта, число радиоприемников, телефонов, автомобилей, развитие дорожной сети или применение электронно-вычислительных машин, Советский Союз вновь находился в хвосте наиболее раз-

Этот общий вывод подтверждают и результаты сравнительного анализа темпов роста выплавки стали «как ключевого аспекта процесса индустриализации. Следует отметить, что не только советские экономисты, но и советские политические деятели часто рассматривают выплавку стали как основной показатель успехов советского промышленного роста. Автор указанного анализа Стефан Куровский, писавший в коммунистической Польше, предлагает поразительно детальное сопоставление, показывающее, что при Сталине темпы роста выплавки стали ненамного превышали те, которые отмечались на более быстром этапе индустриализации России до первой мировой войны, и что эти темпы примерно соответствовали достигнутым другими странами, в частности Японией, на соответственных этапах их ускоренной индустриализации *. В несколько более общем плане, опираясь на результаты более широкого сопоставления, охватывающего положение вещей примерно в десятке стран в период 1780—1970 гг., Куровский утверждает, что характер социально-политического строя

витых стран. Так, при сравнении с 21 развитой страной (включая страны ЕЭС и ЕФТА, Грецию, Турцию, Финляндию, Испанию, Соединенные Штаты, Канаду и Японию) Советский Союз занимал 20-е место по числу телефонов, 7-е по числу радиоприемников и 20-е по числу легковых автомашин.

Советское отставание в таких более сложных областях, как применение электронно-вычислительной техники, столь же поразительно. Так, например, подсчитано, что к 1968 г. в Соединенных Штатах использовалось 50 000—70 000 электронно-вычислительных машин, из которых (как следует из статьи Пола Армора «Роль ЭВМ в изменении технологии, автоматизации и экономического прогрессе» в сборнике «Перспективы перемен в области техники и проблема занятости», приложение т. I к докладу Национальной комиссии по вопросам техники, автоматизации производства и экономического прогресса, «Техника и американская экономика», Вашингтон, 1966, стр. 220—223) лишь 10% использовались министерством обороны, Комиссией по атомной энергии и НАСА; соответствующее число ЭВМ, использовавшихся в невоенных целях в Советском Союзе, колебалось где-то в пределах 2000—3500, или было примерно равно числу ЭВМ, работавших соответственно в Японии, Западной Германии или Соединенном Королевстве (см. исчерпывающие данные в докладе Ричарда Бэркса «Технический прогресс и политические перемены в коммунистической Восточной Европе», «РЭНД корпорейшн», Санта-Моника, Калифорния, август 1969 г., стр. 8—9). Более подробно о нынешних проблемах технического прогресса в Советском Союзе говорится на стр. 155—160 настоящей книги.

* Проецируя темпы роста на основе тех, что складывались с 1870 г., Куровский доказывает, что выплавка стали в России возросла бы с 1914 по 1920 г. до 1 млн. т. В 1929 г. выплавка стали в Советском Союзе достигла лишь уровня 1914 г., а к 1935 г.—по завершении первого пятилетнего плана Сталина и прошествии шестилетнего периода, эквивалентного годам, отдаляющим 1914 г. от 1920 г., — достигла 12,6 млн. т (Stefan Kurowski, *Historyczny Proces Wzrostu Gospodarczego*, Warsaw, 1963, p. 132—133). Кроме того, Куровский детально сопоставляет советские и японские темпы роста в периоды 1928—1940 гг. и 1950—1962 гг. И вновь он демонстрирует поразительную регулярность в темпах роста (стр. 134, 138, 175).

сравнительно мало влияет на увеличение выплавки стали и чугуна и что в процессе прироста производства (просматривается элемент единообразия как следствие технического прогресса¹⁰. Этот вывод, вполне естественно, навлек на его автора официальный гнев¹¹, ибо он затрагивал ключевой аспект советского прошлого.

Усмирение имперских устремлений

И тем не менее, хотя сталинизм и был, быть может, бесполезной трагедией и для русского народа, и для коммунизма как идеала, теоретически рассуждая, соблазнительно допустить, что для человечества в целом, как мы сейчас убедимся, он на поверку оказался скрытым благом. Будучи государством, обладающим самым большим и богатым земельным массивом, населенным смиренным, но творчески одаренным народом, являясь носителем прочных имперских традиций и представляя собой общество, преуспевшее в искусстве ведения войны и государственного управления, Советский Союз — со Сталиным или без Сталина — должен был занять свое место в первом ряду мировых держав, и равной ему могла быть только еще одна континентальная держава — Соединенные Штаты. Поэтому, учитывая традиции России и те устремления, которые неизбежно порождает могущество, крайне маловероятно, чтобы после первой мировой войны Россия долго пребывала в состоянии застоя, погрязнув в трясины косности.

Вопрос поэтому сводится к тому, какой характер могла бы в ином случае приять эта Россия. Становление демократической России, будь то либеральная или социалистическая, не представляется сколько-нибудь реальной альтернативой. Подобное развитие событий потребовало бы беспрецедентного скачка от самодержавия к демократии — без промежуточного периода созревания демократических традиций, — скачка, совершенного в обстановке колоссальных социальных лишений, разрухи и хаоса. Трудно себе представить, каким образом сразу же вслед за первой мировой войной Россия, раздираемая национальной рознью, классовыми конфликтами и идеологическим соперничеством и страдающая вопиющей материальной бедностью, могла бы действительно создать и упрочить демократические институты, когда это не удавалось странам, опиравшимся на куда более прочные демократические традиции и делавшим это при обстоятельствах, несравненно более благоприятных для демократического роста.

Учитывая широчайшее политическое пробуждение русского народа, вызванное проходившей в предшествовавшие десятилетия индустриализацией, появлением зачатков грамотности и опытом войны, можно предположить, что единственной альтернативой мог бы быть открыто шовинистический диктаторский режим с ярко выраженной империалистической на-

-правленно-стью. Сочетаясь с экономическим ростом, аналогичные этапы политического развития других больших стран — Германии, Японии, Соединенных Штатов — приводили к возникновению агрессивного, динамичного империализма. Экспансионистски направленный национализм создавал условия для мобилизации народных масс и настраивал на проведение чрезвычайно напористой и даже агрессивной внешней политики. В самом лучшем случае Россия, по всей вероятности поддержанная иностранными капиталовложениями (а экономические капиталовложения в государства, впоследствии становившиеся политическими врагами государства-вкладчиков, были типичной чертой капиталистической эры) * и возглавляемая шовинистическим правительством диктаторского типа, стремящимся к ее модернизации, могла испытать бурный подъем империалистических и националистических чувств, который также сделал бы ее мировой державой, причем, пожалуй, менее высокой ценной для ее собственного народа, но в то же время с большей степенью опасности для остального мира.

Этот момент заслуживает более подробного разбора. Сталин довел до конца процесс слияния марксизма-ленинизма с советским — специфически русским — национализмом. Нарастающий акцент на традиции великорусского государства, проблему границ, национальные устремления, цивилизующую миссию России по отношению к нерусским советским народам и т. д. сочетался с физической трансформацией советской коммунистической партии из партии из главенствующей позиции в которой занимали космополитически и интернационально мыслявшие интеллигенты русского, еврейского, польского, прибалтийского и кавказского происхождения, в партию, где тон задавали прежде всего русские и в известной мере украинские крестьяне, превратившиеся в так называемых аппаратчиков. Для этих людей советский политический строй был источником одновременно и их собственного социального продвижения, и их политической власти. Их преданность строю не была лишена сходства с верностью многих священников из крестьян (обычно младших сыновей, на долю которых уже не осталось земли) католической церкви в традиционных обществах: это была скорее лояльность из чувства долга, чем духовная привязанность. Идеология давала им объединяющую, интеллектуальную перспективу, но отнюдь не она играла решающую роль в их поведении и пре-

* Убедительные доказательства участия Запада в становлении советского хозяйства на первом этапе его роста приводятся в кн.: Antony C. Sutton, *Western Technology and Soviet Economic Development, 1917—1930*, Stanford, Calif., 1968, где говорится, что «советское экономическое развитие в 1917—1930 гг., по существу, находилось в зависимости от западной технической помощи» (стр. 283) и что «по меньшей мере 95%

давности, как это было с предшествовавшей им интернационалистски мыслящей интеллигенцией.

Соответственно представители новой советской элиты проявляли склонность к консерватизму и национализму, даже когда искренне причисляли себя к стану поборников интернационалистской идеологии. Таким образом, они могли действовать, руководствуясь в основном своими собственными интересами, и при этом считать себя подлинными интернационалистами. Для них знаменитое изречение Сталина, согласно которому неотъемлемой чертой подлинного интернационалиста является его преданность Советскому Союзу, было идеальным способом разрешения противоречия, возникшего между советским национализмом и коммунистическим интернационализмом. Не удивительно, что в 1968 г. Брежнев фактически воскресил эту формулу для оправдания оккупации Чехословакии.

Совокупным результатом всех этих обстоятельств стало переплетение мотивировок и линий поведения в запутанный клубок, где со времени Сталина доминировали государственные соображения, 'в которых часто цинично эксплуатировался этический универсализм марксизма. Но и последнему нельзя было дать заглухнуть уже по одному тому, что он способствовал возбуждению за границей симпатии к Советскому Союзу и позволял играть на бескорыстии советской молодежи, облегчая режиму задачу вербовки приверженцев. Хотя Советский Союз действительно эксплуатировал своих восточноевропейских вассалов, а его финансовая и техническая помощь Китаю была политически небескорыстной, советский народ искренне верит (и время от времени жалуется гостям из-за границы), что Советский Союз помотал и Восточной Европе, и Китаю, исходя из своих принципов коммунистической солидарности.

К тому же методы принуждения, использовавшиеся Сталиным внутри страны, и воспитательное воздействие коммунистической идеологии — даже при том, что в первое время широкие массы ее не принимали, — оказали на разнузданный национализм сдерживающее влияние. Поначалу и сталинистский террор, и социальные перемены, продиктованные идеологическими соображениями, приводили людей в недоумение и часто отпугивали их. Беспрецедентное истребление в 1936 — 1938 гг. наиболее видных советских политических деятелей, экономических и военных специалистов и представителей интеллигенции неизбежно ослабило жизнеспособность советского общества. В эти годы погибли 'буквально сотни тысяч самых талантливых и наиболее квалифицированных людей. Кроме того, хотя на практике принцип интернационализма часто нарушался, он ограничивал склонность к великорусскому национализму уже в силу того, что побуждал к более скрытно-

jiu поведению. На внутреннем фронте этот принцип помог сохранить нерусские народности, несмотря на ту чистку, которой Сталин подверг их интеллигенцию. В международном плане он способствовал выработке у советских государственных деятелей мировоззрения, настроившего их против идеи включения в состав Советского Союза Польши, Финляндии, а быть может, даже и других восточноевропейских государств (в какой-то момент югославы сами добровольно высказывали пожелание присоединиться к Советскому Союзу; то же самое предлагали в отношении Словакии некоторые словацкие коммунисты, в том числе и Густав Гусак). Более традиционно националистически и панславянски настроенным русским деятелям было бы труднее воспротивиться такому соблазну.

Поэтому, как это ни парадоксально, хотя впоследствии национализм широких масс укрепил влияние советской идеологии и даже, пожалуй, стал все больше преобладать в ней (особенно после второй мировой войны), историческая функция сталинистского коммунизма, возможно, заключалась в сдерживании и изменении содержания этапа, на котором русский народ прошел через процесс усиленного националистического, даже империалистического пробуждения. В результате в условиях этого нового массового национализма пришлось хотя бы на словах отдавать должное идеям интернационального сотрудничества, равенства всех народов и осуждения расизма. Марксизм не только обеспечил России революционную доктрину всемирного значения, но и дал ей универсальную перспективу, проистекающую из этических принципов, не лишенных сходства с теми, которые порождаются на Западе религиозными и либеральными традициями.

Несмотря на изумительные достижения сталинизма, он сильно истощил людские и духовные ресурсы русского народа, и поэтому послесталинская Россия может в конечном счете вступить в мировое сообщество как еще одна израсходовавшая себя держава послеимперского периода. И наконец, создав особо деспотическую модель коммунизма, добиваясь, чтобы все другие коммунистические партии неуклонно ее придерживались, Сталин не только дал толчок процессу дробления коммунизма, но и в значительной степени лишил последний его притягательной силы в момент, когда подозрительность к более передовому Западу — району, который Маркс первоначально считал наиболее созревшим для исторической трансформации, — могла превратить коммунизм в подлинно преобладающую и самую жизнеспособную силу нашего времени.

1. Бюрократизация скуки

Коммунистической партии Советского Союза нужно воздать должное за действительно единственное в своем роде достижение: ей удалось превратить наиболее важную револю-

цион.ную доктрину нашего века в скучный социальный и политический свод ортодоксальных принципов. Эта ортодоксальность революционна на словах, но консервативна на деле. Некоторые советские граждане считают, что их политический строй, в высшей степени централизованный, но приостановившийся в своем развитии, все менее отвечает потребностям советского общества, что он застрял на идеологических позициях, бывших в свое время ответом на обстоятельства совершенно иного века. (В советском обществе, где элементы современной городской культуры сочетаются с широко распространенной сельской отсталостью, больше не происходит быстрых, революционных перемен, способных мобилизовать его молодую энергию; вместо этого оно, по-видимому, просто стремится достичь более высоких потребительских стандартов капиталистического Запада.

В этих условиях становится все труднее идеологически обосновывать историческую правомочность и социальную целесообразность продолжающегося подчинения советского общества политической системе, олицетворяющей собой все более бесплодные доктрины XIX столетия. В самом деле, поистине иронично, что советский политический строй — приведший Россию в промышленный век — ныне стал главным препятствием на пути дальнейшего развития страны. Он не позволяет России освободиться от Индустриально-буржуазного социального и догматически-авторитарного политического уклада. Для того чтобы в СССР сложилось подлинно современное общество, должны быть пересмотрены основные посылки и система политических форм, созданных ради ускорения индустриализации страны. Нужно и более здравое представление о завтрашнем дне, чем дает нынешняя официальная идеология, чтобы обеспечить решение не только широчайших социальных, но и глубоко личных проблем технократического века.

Взаимоотношения нового типа

В какой-то момент советский политический строй находился в революционных взаимоотношениях с обществом. Укрепившись и в дальнейшем подчиненный воле одного человека, этот, политический строй положил начало процессу радикального преобразования общества, сочетав модернизацию (в значительной мере за счет усиленной индустриализации и массового образования) с созданием на идеологической основе новых социальных институтов и установлением новых отношений.

Фактически функция политического строя в советском обществе соответствует тому, что Маркс определял как главную роль капиталиста в истории: фанатично обуруемый идеей все большего прироста стоимости, он безжалостно поощряет человечество производить ради самого производства; он, таким образом, форсирует развитие производительных сил

ыйства и -создает такие -материальные условия, к-оторы-е од-
и мо-гут составлять реальную основу дл-я появления более
высокой формы общественного развития, такот-о общества, -оп-
ределяющим принципом -которого будет полное и свободное
развитие каждого индивидуума.

Внутренние революционные перемены удовлетворили идео-
логические потребности правящей элиты, не т-олкнув ее при
этом на путь организации революционных авантюр за рубе-
жом, которые -могли бы поставить ее власть под угрозу. Но-
вая правящая элита опасалась, как бы преждевременный
идеологический фанатизм ,не оказался для нее роковым; и тем
не менее она шла путем идеологического принуждения. Тезис
о возможности построения -социализма в одной стране — зна-
менитый ответ Сталина на теорию перманентной революции
Троцкого — был блестящим ходом, ибо -он как нельзя лучше
примирял истинно идеологические устремления преданных ре-
волюционеров с их только что обретенным вкусом к должност-
ным постам. Цель построения социализма в одной стране
позволила новым правителям сохранить как уверенность в
своей идеологической правоте, так и свое положение.

Если заглянуть глубже, то станет очевидно, что новая кон-
цепция «построения социализма в одной стране» отвела по-
литическому строю специфическую, новаторскую р-оль по -от-
ношению к обществу. Политический строй стал главным ис-
точником движущей силы социальных перемен, ставя цели и
определяя очередность -решения задач. Но как только обще-
ство приняло желаемый характер и -стало отражать офици-
альные устремления политических правителей — которые тем
временем превратились в чи-нов-ников-бюрократо-в,— движу-
щая сила социальных перемен пошла -на убыль.

В конце 1952 г. Сталин намекнул, что, на его взгляд, все
еще -существовала потребность в социальных преобразованиях,
диктуемых идеологическими соображениями и имеющих по-
литическую направленность. В дальнейшем Хрущев неодно-
кратно пытался придать взаимоотношениям -между политиче-
ским строем -и обществом новое программное содержание. В
-свое время он предлагал -провести глубокую перестройку все-
го уклада деревенской жизни путем создания так называемых
«агрогородов». -Позже -он попытался дать определение новым
идеологическим целям, связанным с конечным переходом со-
ветского общества -от социализма к коммунизму. -Когда -стало
ясно, что эти попытки социального реформаторства (детально
разработанные теоретиками партии в ее новой .программе,
принятой ,в 1961 г.) оказались не более как-перечнем дополни-
тельных материальных бла-г, Которыми советский народ мог
бы воспользоваться где-то в 80-х гг., Хрущев переключил св-о-е
внимание на саму партию и начал манипулировать с идеей
п-арес-мотра -ее роли. В 1962 г. он провел в жизнь далеко иду-

щук» реформу, фактически расколовшую партию на два самостоятельных организма, один из которых занимался сельскохозяйственными делами, а другой — промышленными проблемами. Как он сам это объяснил, производственный принцип — главное. «Главная экономическая задача партии и народа — это создание материально-технической базы коммунизма, обеспечение обилия материальных и духовных благ общества»¹².

Хотя реформа Хрущева была чревата риском превращения партии в две самостоятельные иерархии, занимающиеся прежде всего хозяйственными делами (и именно поэтому все было немедленно возвращено преемниками Хрущева в первоначальное положение после его свержения в конце 1964 г.), она отражала понимание советским руководством того факта, что «Взаимоотношения между политическим строем и обществом утратили разумный функциональный характер; руководители партии, очевидно, отдавали себе отчет в том, что если политический строй перестал ставить перед обществом новые грандиозные идеологические цели, то сам этот строй должен быть преобразован в соответствии с более повседневными, практическими потребностями советского общества, которое к тому времени уже приобрело необходимый технический и промышленный потенциал для собственного дальнейшего неуклонного роста. Почувствовав, что (Партия ведет поиск новой роли, Хрущев проявил готовность провести необходимые реформы.

Защитная ортодоксальность

Преемники Хрущева отвергли его позицию и вместо этого решили провести сравнительно маловажные реформы — прежде всего в области экономического планирования и управления хозяйственной деятельностью, — одновременно вновь подчеркнув категорическую необходимость идеологической ортодоксальности и более энергичного идеологического воспитания масс. При послехрущевском руководстве не было поставлено никаких новых идеологических целей и не было сделано никаких сколько-нибудь существенных попыток перестройки политической (структуры). В результате официальные воззрения на состояние советского общества, внешнеполитические дела, проблемы будущего и характер современного коммунизма содержат поразительно мало признаков понимания наличия совершенно новых проблем, осаждающих человека и в плане его личного положения, и как члена нарождающегося глобального сообщества. Трудные проблемы просто прячут за идеологическую ширму, как будто их вовсе нет.

Официальная точка зрения в отношении состояния дел на внутреннем фронте сводилась к тому, что Советский Союз, завершив строительство социализма, ныне закладывает фундамент для построения коммунистического общества; что же

касается имеющихся проблем, то они в принципе носят позитивный характер, позволяя повышать эффективность системы, которая в своих основных посылах и организации, по официальному тезису, является самой передовой и справедливой в мире. Отставание в социально-экономическом развитии некоторых сфер советской жизни объясняют либо разрушительными последствиями второй мировой войны, либо пороками дореволюционного строя. Рассуждения марксистских мыслителей-ревизионистов о проблемах отчуждения личности в передовом городском обществе, не говоря уже о проявлениях антикоммунизма в социалистическом обществе, просто отменяются как неуместные в советских условиях или как злонамеренная клевета. В Советском Союзе, утверждают при этом, не существует проблемы поколений, и только в самое последнее время о городской преступности стали говорить как о реальном явлении, а не как о простом пережитке дореволюционной эры.

Эти воззрения были сформулированы на общем фоне усилившихся попыток утвердить в прежних правах и еще более расширить идеологическую работу (тем самым частично компенсируя ослабление методов принуждения как основного средства приобщения советского общества к политической системе). Хотя социальный размах этих усилий и увеличен, в последние годы открыто признается, что особое внимание в этом смысле уделяется новой прослойке научных работников. «Партия, народ хотят видеть в работниках науки не только творцов и организаторов научно-технического прогресса, но и политических деятелей, активных борцов за дело коммунизма»¹³. Имели место и выражения официальной озабоченности по поводу идеологической индифферентности, якобы наблюдающейся среди ученых, и, что еще хуже, склонности этих кругов усматривать в технократах естественных руководителей современного общества¹⁴. Ученых неоднократно предупреждали (я сами эти предупреждения позволяют сделать вывод о позиции советских ученых) о нетерпимости попыток видеть в себе «надклассовых гуманистов» и о необходимости для них активно участвовать в классовой борьбе и тесно отождествлять себя с народом¹⁵.

Проблема «туманности», судя по всему, вызывает особенно болезненную реакцию. Концепция гуманности, центральная в марксистском учении, может служить отправным пунктом для критики как сталинизма, так и нынешней советской системы. К тому же антигуманный потенциал, заложенный в современной науке, придавал новую неотложность решению проблемы определения понятия гуманности в современном мире. Официальная точка зрения, авторитетно изложенная в целом ряде установочных статей в ведущих идеологических журналах, весьма недвусмысленна: «социализм глубоко гуманистичен, ибо он уничтожает эксплуатацию человека человеком». И со-

ответственно, «он гуманистичен и тогда, могла ценой необычайных лишений, в упорной борьбе со старым воздвигается здание нового общества. Он гуманистичен и тогда, когда уже созданы условия для всестороннего развития личности, но общество еще вынуждено контролировать деятельность человека, его трудовую дисциплину и в этих рамках в интересах всего общества и коммунистического воспитания данного индивидуума не позволяет отдельным лицам злоупотреблять предоставленными социализмом свободами, не позволяет людям с неразвитым чувством ответственности нарушать нормы социалистического общежития, подавляет сопротивление антисоциалистических сил и т. д.»¹⁶. Этот довод подкреплялся утверждением, что «так называемые «вечные» ценности 'свобода, демократия, гуманизм, цельность личности... являются в руках буржуазии орудием обмана и одурачивания масс»¹⁷ и что сама постановка вопроса о сталинизме по сути неуместна*.

Взгляды, подобные этим, высказывались в контексте более общего довода, что для проникновения в современную действительность абсолютно необходима ее оценка с идеологической точки зрения и что только научный коммунизм как его трактуют советские деятели — позволяет произвести действительно правильную оценку такого рода. Последняя из этих посылок не нова, однако в ней все же просматривается известный элемент новизны. Этим новым является та степень, в какой ее увязывают — и не только в газетах, радио- и телепередачах и т. д., но и в наиболее авторитетных советских теоретических журналах — с атаками на западные теории идеологической эрозии, возникновения однотипного промышленного общества и повсеместности появления новых бюрократических политических элит во всех развитых политических системах. Советские критики давали недвусмысленно понять, что считают эти теории не только научно ошибочными, но и политически вредными и, вероятно, намеренно предназначенными для подрыва устоев коммунизма**.

* «Сейчас жупелам „сталинизма“ стремятся опорочить то, что было сделано в процессе строительства социализма. Жупел „сталинизма“ используется для того, чтобы пугать неустойчивых людей, сеять мысль, что всякая твердость и революционность в политике, непримиримость в идеологии, последовательность в защите марксизма являются де „сталинизмом“» (Д. И. Чесноков, Обострение идейно-политической борьбы и современный философский ревизионизм, «Вопросы философии», 1968, № 12).

** Примером систематичной и хорошо документированной попытки советской критики может быть статья Л. Москвичева «Теория «деидеологизации»: истоки и социальная сущность» в журнале «Мировая экономика и международные отношения», 1968, № 12.

По мнению советских теоретиков, и марксисты-ревизионисты, и авторы теорий идеологической эволюции, эрозии и деидеологизации советского марксизма, выдвигаемых на Западе, заняты проведением в жизнь поли-

Советские теоретики особенно рьяно отвергают теорию конвергенции советской и западных, особенно американской, систем. По мнению советских теоретиков, важнейшая отличительная черта советской системы — главенствующая роль коммунистической партии как выражение диктатуры пролетариата — недооценивается западными мыслителями, которые поверхностно сосредоточили свое внимание на внешних особенностях современного промышленного общества, не вдаваясь в более глубокое изучение вопроса о его социально-политическом содержании. Хотя некоторые критические замечания советских авторов заслуживают определенного внимания (а некоторым из западных теорий конвергенции присущ курьезный налет неомарксистского детерминизма), просто удивительно, сколько интеллектуальных усилий посвящается утверждению и доказательству особого характера коммунистической системы. Это еще раз показывает, какое значение придается увязыванию советского прошлого с будущим, которому приписывается совершенно особый характер и которое выпадает из более широкого потока политической эволюции человека *. В то же время это делает возможным утверждение, будто советская система свободна от тех дилемм, кото-

тической» стратегии, ставящей своей целью подрыв идеологических основ советской власти. Автор настоящей книги особенно часто подвергается критике в этой связи. См., например, статью доф. Е. Модржинской «Проповедь антикоммунизма под ширмой „эволюционизма“», «Международная жизнь», 1969, № 1. Модржиной усматривает в западных социологических исследованиях попытку заложить «идеологический фундамент для подрывной деятельности против социализма. К такого рода теориям относятся: теория стадий экономического роста (ее автор — известный американский реакционный политический деятель и социолог Уолт Ростоу); теория единого индустриального общества (наиболее известным пропагандистом этой концепции давно уже стал французский реакционный публицист и социолог Раймон Арон); теория конвергенции и, наконец последний шедевр — «эволюционная теория», наиболее подробно разработанная в ряде книг и статей нынешним директором Института исследования проблем коммунизма Колумбийского университета Збигневом Бржезинским.

Основные черты эволюционной теории изложены в выступлениях и. Бржеживого последних лет... Отличительной и весьма примечательной особенностью эволюционной теории является желательная, с точки зрения ее поборников, *последовательность* изменений — от идеологии к политике, а затем к изменениям в общественно-экономическом строе, а не наоборот от экономических перемен к последующей политической трансформации, как это, например, проповедают сторонники теории конвергенции» (стр. 21).

Этот акцент подчас ведет к заявлениям, граничащим с комичным как, например, это было в пространной статье «Проблемы последней трети века», где утверждалось, что «марксизму-ленинизму нет необходимости искать примирения идей с фактами». При этом автор, по-видимому со злым умыслом добавлял, что «в соответствии с недавним постановлением Центрального Комитета КПСС... все выдающиеся революционные деятели двадцатого века были связаны с ленинским учением» (В. А. Чепраков, «Известия», 9 августа 1968 г.).

рые встают перед современным человеком в других странах, и освобождает советских коммунистов от обязанности вступать в перекрестный идеологический диалог относительно этих дилемм.

Аналогичная интеллектуальная негибкость характерна для официального советского определения внешнеполитических проблем. Это не означает, что советское руководство и элита неправильно информированы о важнейших фактах или событиях или вообще ничего о них не знают. Нет никакого сам не ним в то, что уровень сбора в Советском Союзе открытой и закрытой информации о международных делах существенно повысился и что практика искаженного преподнесения фактов в стремлении пойти навстречу заранее известным идеологическим вкусам пошла на убыль. Статьи в специализированных советских теоретических журналах по проблемам Африки и Азии, советские исследования положения в странах Общего рынка или советские попытки наладить систематическое изучение Соединенных Штатов идут дальше разработки чисто идеологических формул и отражают то значение, которое придается в СССР более глубокому пониманию событий в различных районах земного шара. Некоторые советские теоретические журналы по проблемам международных дел (например, «Мировая экономика и международные отношения») производят очень благоприятное впечатление в сравнении с лучшими из аналогичных изданий, выходящих на Западе, в смысле систематичности освещения событий, подбора документации и строгой научности материалов. В процессе разработки политики ныне, по-видимому, чаще консультируются с такими специальными научно-исследовательскими учреждениями, как, например, Институт мировой экономики и международных отношений, и это, несомненно, способствует приданию процессу принятия решений большей теоретической обоснованности.

И все же, несмотря на это, советское представление об общей картине современной действительности, судя по высказываниям высших советских деятелей и даже по статьям в теоретических журналах, остается в основе своей догматическим. Главной посылкой по-прежнему служит манихейстическая концепция антагонистической дихотомии между миром социализма и миром капитализма (или между добром и злом). Хотя сейчас уже не говорят, что война между этими двумя мирами «фатально неизбежна», и хотя разрушительная мощь ядерного оружия диктует необходимость мирного сосуществования — а подчас, в силу иных соображений (например, в результате советско-китайского конфликта), делает тактически желательным и более тесное сотрудничество между ними, — основной чертой нашей эпохи, как утверждают, продолжает быть соперничество между обеими системами: «В со-

временном мире идет невиданная прежде по размаху и интенсивности борьба двух противоположных социально-экономических систем — капитализма и социализма, которая охватывает все стороны жизни человеческого общества»¹⁸. В конечном счете или та или другая система должна одержать верх*, и советские теоретики убеждены в том, что им известно, какая именно. Тема эта красной нитью проходит через все важнейшие речи, международные обзоры и теоретические комментарии по поводу состояния мировых дел.

Было бы ошибкой отмахиваться от всего вышесказанного просто как от ритуального акта выражения верности доктрине или рассматривать его как свидетельство фанатичной и непримиримой враждебности. Значение подобного подхода кроется во влиянии соображений идеологического порядка на вынесение более безотлагательных политических оценок, покоящихся во всех других отношениях на вполне удовлетворительной осведомленности. Хотя эти идеологические соображения отнюдь не вынуждают советских руководителей проявлять воинственность в своей повседневной политической деятельности, они тем не менее не позволяют им думать о достижении согласия и устойчивости как о ее конечных целях, поскольку это было бы равнозначно отказу от коммунистического понимания истории как непрерывно развивающегося диалектического процесса. Соответственно официальная советская оценка проблем, поставленных в первых двух главах настоящей книги, должна была бы звучать примерно так: «Главная особенность нынешней эпохи — появление мировой социалистической системы. Ее возникновение — решающий фактор перемен, не только ускоряющий темпы социалистической революции, но и успешно удерживающий империалистов от принятия контрмер. Поэтому война перестала быть неизбежной и стало возможным мирное соперничество между двумя системами — прежде всего между СССР и Соединенными Штатами. Конечный исход этого соревнования, однако, заранее предрешен, учитывая органически присущее коммунистическому строю историческое превосходство. А тем временем следует добиваться более активного сотрудничества во многих областях ради предотвращения войны и содействия экономическому и социальному развитию «третьего мира». В некоторых местах уже существуют предпосылки для мирного перехода к социализму; в некоторых менее развитых странах по-»

* Так, один из советских теоретиков в честолюбивой попытке проанализировать положение дел в современном мире утверждает что «исход подобного соревнования не может быть случайным. Победа или поражение необходимы, или, иными словами, неизбежны, и диктуются определенными законами. Поражение в подобном соперничестве можно потерпеть лишь раз. Не будет никакого ответного матча, никакой «переигровки», никакой надежды на реванш» (Kh. Momjan, *The Dynamic twentieth Century*, Moscow, «Progress», 1908, p. 107 ____ 1108).

требуется насильственная революция, но было бы тактической ошибкой начинать ее слишком преждевременно (к чему призывают маоисты и кастристы)».

Авторитетные советские теоретики к тому же утверждают, что усматривают признаки обострения кризиса в передовых капиталистических странах. «Политические кризисы сейчас гораздо чаще, чем, скажем, десять-двадцать лет назад, происходят уже не только на «периферии», но и в главных центрах империализма. Социально-политические кризисы в капиталистических государствах развертываются ныне в условиях обострившегося финансового кризиса, ухудшения общего экономического положения в лагере империализма»⁹. Важным новым фактором, говорится при этом, является растущая радикализация западной интеллигенции, большинство которой в отличие от того, что было в период, предшествовавший второй мировой войне,— в настоящее время («становится более активной прогрессивной силой»). По убеждению советских теоретиков, это свидетельствует о дальнейшем обострении внутреннего кризиса передового капиталистического мира, что представляет собой фактор более важный, чем перемены или даже революционные сдвиги, которые могут произойти в «третьем мире».

Решающим уравнением, таким образом, по-прежнему остается американско-советское соревнование. И соответственно важнейший практический вопрос, если оставить в стороне непосредственные тактические соображения, сводится не к тому, будет ли данная линия поведения способствовать делу мирового коммунизма, а к тому, как она отразится на советско-американском соотношении сил: в пользу ли Советского Союза или наоборот? Советский политический деятель не видит никаких противоречий между советскими интересами и интересами международного движения и поэтому не испытывает никаких идеологических угрызений совести, оказывая помощь антиамериканским элементам, во всем другом идеологически чуждым коммунизму, или стремясь достичь договоренности с Соединенными (Штатами по конкретным вопросам. Столь тесное субъективное отождествление советских сугубо государственных интересов с идеологическими целями и вытекающая отсюда гибкость тактики, ориентируемой на решение конкретных практических задач, делают невозможным упрощенный вывод, (будто советские деятели либо одержимы идеологическим фанатизмом, либо, наоборот, проявляют в своем подходе к идеологии полный цинизм.

Что касается идеологического противоборства, то советское руководство придерживается мнения, согласно которому «современный этап исторического развития характеризуется резким обострением идеологической борьбы между капитализмом и социализмом». Этот вывод был официально высказан

Центральным Комитетом советской партии в апреле 1968 г.²⁰ За ним последовали систематизированные попытки обосновать посылку, будто 'человечество ныне является свидетелем «усиления роли идеологии», а идеологическое соперничество на международном арене все более обостряется. Советское вторжение в Чехословакию в августе 1968 г. дало толчок особенно энергичной разработке этой темы. При этом недвусмысленно утверждалось, что внутренние перемены в Чехословакии поощрялись западной политикой так называемой «мирной борьбы», ставящей своей конечной целью трансформацию коммунизма в социал-демократию. Советские авторы окрестили эту политику новой западной стратегией «мирной контрреволюции»²¹.

Акцент на продолжение противоборства между двумя соперничающими идеологическими системами — а тем самым и на концепцию, провозглашающую, что подобная дихотомия может служить ключом к пониманию современной действительности, — тесно связан с 'Определением Советским Союзом его собственной роли в международном коммунистическом движении и роли самого современного коммунизма. Несмотря на огромные перемены в международном коммунистическом движении, ускоренные советско-китайским конфликтом, падением советского авторитета и деморализацией, явившейся следствием военного вторжения одного коммунистического государства в другое, советские лидеры продолжали придерживаться ортодоксальной концепции единого движения, все еще руководимого Москвой. Исходя из этого, они продолжали добиваться проведения «совещаний в целях укрепления единства» с участием максимально возможного числа коммунистических партий, даже невзирая на то, что результаты таких совещаний часто шли во вред желанному единству. Они также продолжали настаивать и на догматическом истолковании идеологии, что вызвало для них необходимость объявить тех кто придерживается иных взглядов, раскольниками*.

-Все это привело не только к часто повторяемому осуждению ревизионистов или китайских коммунистов, но и к растущей неспособности теоретически обосновать с точки зрения

«...Только одна социальная теория, одно учение в состоянии выразить всю глубину содержания и направления мировых процессов в нашу эпоху - это марксизм-ленинизм. Только одна философия способна осмыслить все противоречия современного этапа исторического развития Коммунисты всегда считали и считают, что ленинизм — не чисто русское а международное марксистское учение» (Ф. Константинов, Марксизм-ленинизм — единое интернациональное учение, «Правда», 14 июня 1968 г.).

Вышеназванная позиция позволяет советским идеологам утверждать что «философские „идеи Мао Цзэ-дуна“ — обывательская, зачастую анархо-идеалистическая эклектика, ничего общего не имеющая с марксовско-ленинской философией» (ст. А. Румянцев в журнале «Коммунист» № 2 за 1969 г.). Следует напомнить, что Румянцев и Константинов - ведущие советские идеологи.

господствующей доктрины новую революционную практику или прогрессивную эволюцию коммунизма, стоящего у власти. Хорошей иллюстрацией к сказанному может служить отношение русских к бунту молодежи на Западе. Как только стало ясно, что эти молодые люди не имеют желания признать правомочность коммунистического руководства и что их идеологи критически смотрят на советский бюрократизм, советская позиция по отношению к ним стала резко враждебной. Особым нападкам подвергся Маркузе за преувеличение роли молодежи и интеллигенции в ущерб классической теории свершения революции рабочим классом*. Фактически советские теоретики отказались серьезно принимать в расчет потенциально революционные последствия бунта в университетских городках развитого мира.

Аналогичным образом, когда кастристокрая революция в Латинской Америке приняла форму прямых партизанских действий, традиционные просоветские коммунистические партии возражали против такой тактики и были поддержаны Москвой. И в данном случае предпочтение было отдано испытанной модели пролетарской революции, опирающейся на город и руководимой партией. Когда чехословацкие политические деятели начали высказывать мысль, что ленинизм, этот продукт специфически русских условий, возможно, перестал быть наиболее подходящим руководством для дальнейшей эволюции чехословацкого коммунизма, в Советском Союзе в ответ немедленно обвинили их в уклоне. И так, невзирая на множество заявлений о существовании различных путей к социализму, советская партия до сих пор не расстается с концепцией догматического универсализма, который универсален лишь в том смысле, что считает советский опыт принципиально применимым повсеместно в мире.

Перспектива на завтрашний день

Подобное отсутствие гибкости обуславливает и одновременно ограничивает советские воззрения на будущее. Исследования, позволяющие заглянуть в будущее, ныне стали на Западе весьма модными и широко распространенными. Они привели к систематическим попыткам связать перспективы развития техники не только с более критичным и трезвым их обсуждением, но и с социальным прогнозированием. Философские последствия научных открытий, в первую очередь в применении к человеку, стали объектом особенно усиленных дискуссий. Внимание теоретиков — и во все большей степени да*

* Эти нападки иногда принимают форму прямо-таки протеста. Так, обозреватель Московского радио Валентин Захаров посвятил целую программу попыткам доказать, будто Маркузе и Бржезинский — естественно, по указанию ЦРУ — были замешаны в организации «чехословацкой контрреволюции» в 1968 г. (Московское радио, 19 августа 1969 г.).

же политических деятелей — привлекло также политическое значение технического прогресса. Учитывая устремленность марксистской мысли в будущее, можно было бы ожидать, что Советский Союз займет место на переднем крае подобных изысканий. Но эти ожидания оправдались лишь отчасти.

Толчком для систематических советских усилий по изучению будущего послужили решения огромной важности, принятые на XXIII съезде партии. Во исполнение этих решений по окончании съезда в целом ряде советских учреждений были созданы специальные исследовательские группы, например группа социального и технического прогнозирования Академии наук СССР. Кроме того, было сформировано множество неофициальных групп того же рода для объединения усилий советских ученых и интеллигенции. В 1966 г. было учреждено специальное ежегодное издание, целиком посвященное будущему развитию науки, и его первые номера содержали статьи как советских, так и несоединенных специалистов²². Советские ученые установили также полезные контакты с аналогичными исследовательскими группами и изданиями на Западе, в том числе и в Соединенных Штатах.

Советские теоретики проделали основательную работу прежде всего в области технико-экономического прогнозирования. Так, например, в 1964 г. советский философский журнал «Вопросы философии» приступил к публикации серии статей на тему «Научно-техническая революция и ее социальные последствия». В целом эти статьи носили серьезный характер и часто содержали весьма интересные сведения в таких областях, как методология прогнозирования, организационные проблемы науки в условиях бурного развития научных знаний, роль кибернетики, сравнительный анализ развития науки и перспективы дальнейшего ее развития в Соединенных Штатах и Советском Союзе, не говоря уже об экономическом и техническом прогнозировании, более конкретно относящемся к самому Советскому Союзу²³.

Но в отличие от усилий на этом направлении появляется поразительно мало политических, идеологических или философских исследований, главное внимание в которых уделялось бы взаимосвязям с проектируемыми технико-экономическими изменениями. Нет никакого сомнения в том, что советские теоретики прекрасно сознают взаимосвязь между этими двумя областями*, но публиковавшиеся советские ма-

* В заявлении, поразительно свободном от идеологического словословия, один из советских ученых — и литераторов — заметил: «Будущее испытало на себе всякое — и оптимизм, и безрассудную слепую надежду, и безысходное отчаяние. Ему угрожали кликуши и точные расчеты, его пытались отравить и попросту уничтожить, повернуть вспять, вернуть в пещеры. Оно выжило. Появилась возможность серьезного, вдумчивого изучения его. Сейчас, может быть, как никогда еще в истории челове-

териалы сводились прежде всего к критической оценке западной литературы на эту тему. В своей наиболее грубой форме — особенно когда они появлялись в теоретическом печатном органе партии, журнале «Коммунист», — эти «оценки» ограничивались критическими обличениями *. Более серьезные, хотя все еще в основном негативные, оценки появились в других журналах, прежде всего в периодическом издании Института мировой экономики. Но в обоих случаях просматривается тенденция к отрицанию возможности перерастания западных политических систем в новые послевоенные формы, уже не определяемые капиталистическим этапом индустриализации, либо способности этих новых форм привести к преодолению личного кризиса отчуждения и разочарования, ассоциируемого с капиталистическим строем.

Именно поэтому некоторые польские коммунисты, хотя и сохраняющие верность общей идеологической доктрине, критически заметили, что «мы должны дать более конкретный ответ на вопрос о том, что же действительно происходит в недрах современного монополистического капитализма и как техническая революция влияет на этот процесс». Они указывают, что коммунистическая теория не содержит концепции перехода от современного капитализма к социализму, что она не рассматривает проблему возрастающего технического устаревания коммунистической системы хозяйствования в

Оно чревато кризисами, соизмерить которые мы не в состоянии. Кризисами, связанными не только с иным понятием свободы, но и с понятием индивидуальности» (Даниил Гранин, И все же..., «Иностранная литература», М., 1967, № 1).

Авторы пятитомного труда «Социализм и коммунизм», подготовленного Институтом философии Академии наук СССР, в своей всеобъемлющей попытке суммировать наиболее вероятные контуры советского общества при коммунизме, напротив, воздерживаются от какого бы то ни было анализа явлений социальной напряженности, порождаемых научной революцией. Они предлагают единообразно блаженную картину будущего.

* Примеры особо примитивного подхода можно найти в статье Г. Герасимова «Фальсификаторы будущего» («Коммунист», 1968, № 2) с критикой Арона, Фурастье и других [западных теоретиков] или в различных статьях Юрия Жукова с нападками на мою давнюю статью «Америка в технотронный век». Советские комментаторы были особенно взбешены моим замечанием («Америка в технотронный век») о том, что «человечество сейчас стоит на пороге более драматичной по своим историческим и человеческим последствиям трансформации, чем те, которые были принесены французской или большевистской революциями. Оглядываясь ныне далеко назад, мы видим, что эти знаменитые революции лишь слегка затронули условия жизни человека. Перемены, которые они принесли, коснулись лишь перераспределения власти и собственности внутри общества; они не отразились на содержании существования человека и общества. Жизнь — личная и организованная — продолжалась в значительной мере, как и прежде, даже при том, что некоторые ее внешние формы (прежде всего политические) были значительно изменены. Какой бы скандальной эта мысль ни показалась последователям Робеспьера и Ланина, к 2000 году будет признано, что и тот и другой были лишь умеренными реформаторами».

сравнении с экономическими системами передового Запада, «то она все еще вынуждена сталкиваться с тем фактом, что социализму — хотя он и доказал свои возможности в преодолении промышленной отсталости — еще предстоит доказать свою способность обеспечить научный прогресс, наконец, что его теоретики не задумывались о значении проблемы поколений²⁴. В своем широком и аргументированном выступлении в печати один из румынских коммунистов, призывая «к разработке марксистской теории научно-технической революции», поставил вопрос еще более прямо: «В последние годы на Западе наблюдается более настоятельная озабоченность проблемой теоретической разработки сущности научно-технической революции и ее влияния на жизнь человека и общества... Мы же пока не можем говорить о существовании последовательной, единой марксистской теории научно-технической революции»²⁵.

Короче говоря, советская политическая мысль не открыла каналов для сколько-нибудь систематической разработки идей относительно будущей политической и идеологической эволюции самой советской системы или, коли на то пошло, мирового революционного процесса в новых исторических условиях. Это объясняется не только тем, что вольнодумство в области теории было ограничено неофициальными, «подпольными» формами выражения. Прежде всего это следствие отсутствия свободного творческого политико-идеологического обсуждения этих проблем среди самих советских марксистов. Советская идеология уже не выкристаллизовывается на основе творческого взаимодействия теоретической мысли и практики (как это было, пока Сталин не сосредоточил в своих руках высшей Еласты), а является продуктом бюрократического процесса выработки формулировок и определений, процесса, полностью монополизированного кадровыми партийными работниками. Идеологические принципы выходят из кабинетов Центрального Комитета, где они вырабатываются на основе докладов членов Комитета и материалов, подготовленных его аппаратом, и лишь затем выносятся на коллективное одобрение Политбюро. Идеологическая доктрина, содержание которой определяется посредством политического процесса, едва ли будет отягощена умозрительными и поэтому потенциально опасными проблемами. Она имеет очень мало отношения к творческой интеллектуальной деятельности и самое прямое — к императивам бюрократического порядка.

Как это ни парадоксально, бюрократическая бесплодность мысли ведет к усиленному использованию революционной фразеологии и символики. Поскольку революционная когда-то доктрина столь тесно переплелась с личными интересами ее хранителей (которые сами весьма ревностно относятся к

русским национальным устремлениям), сложилась склонность искать идеологическое убежище в возрастающем упоре на революционную символику. Это явление — общее для всех доктрин в период их интеллектуального упадка: по мере того как практика все дальше уходит от теоретических предписаний, приобретают дополнительное значение символика и фразеология. Как следствие, однако, происходит замораживание определенных формул и утверждений, и это еще более затрудняет интеллектуальное обновление, даже при том, что процесс принятия практических решений становится все более независимым от идеологических пут.

В результате складывается положение, обуславливающее приостановку идеологического развития, состояние скорее окаменения, чем распада идеологии, когда марксистская мысль сохраняет свою жизненность лишь за пределами Советского Союза *. Представление, о завтрашнем дне сводится к лишенным смысла и все более туманным декларациям, примером которых может быть следующий вывод из официального советского прогноза на остающуюся часть нынешнего столетия: «Во всеоружии марксистско-ленинской мысли, полные исторического оптимизма, передовые революционные силы мира идут навстречу грядущему»²⁶.

3. Советское будущее

Главный вопрос стоит сегодня так: когда же Советский Союз порвет со сталинистским наследием? Без разрыва со сталинизмом советским руководителям будет по-прежнему трудно поставить точный диагноз проблем своего собственного общества и действительно поднять Советский Союз на уровень международных теоретических дилемм нашего времени. Такой разрыв не обязательно требует отказа от социализма или марксизма, но он потребовал бы преобразования политической системы — которая в наши дни отражает устарелую и бюрократизированную идеологию власти и одновременно опирается на нее — в систему, больше соответствующую нарастающим гуманистическим, универсалистским настроениям нашего времени. Не будет преувеличением сказать — хотя некоторые антикоммунисты ни за что не захотели бы признать это, — что мир для человечества в значительной степени зависит от возвращения Советского Союза к западным марксистским традициям (от которых его увел

* Это явление находится в полном соответствии со старомодностью и серостью современной советской жизни во многих ее аспектах. Посетив Советский Союз в начале 20-х гг., Линкольн Стеффен воскликнул: «Я был в будущем, и оно действует!» В наши дни все больше и больше людей, побывавших в Советском Союзе, возвращаясь оттуда, говорят: «Я был в прошлом, и какая же это скука».

ленинизм-сталинизм с его более восточным оттенком), но не обязательно путем прямого отказа от марксизма.

Идеологические перемены в Советском Союзе будут неизбежно тесно связаны с социально-экономическими изменениями, но было бы ошибкой воображать, будто последние диктуют первым. Марксистская схема анализа менее всего способствует пониманию политической организации коммунизма, где политическая надстройка фактически преобладает над экономическим базисом. На политических переменах в Советском Союзе непременно отразится появление новой социальной элиты, в большей мере мыслящей техническими категориями; однако еще сильнее скажутся на них изменения во внутреннем характере и воззрениях профессионального чиновничьего аппарата правящей партии и та мера, в какой этой элите удастся разрешить внутренние советские проблемы.

Внутренние дилеммы

Эти проблемы, скорее всего, будут возникать на уровнях экономико-техничерской продуктивности и одновременно политико-идеологического вольнодумства. Едва ли можно усомниться в том, что в последующие годы советская экономика будет продолжать расти, но может случиться, что, если только ни в Соединенных Штатах, ни в Советском Союзе не произойдет ничего непредвиденного, абсолютное отставание второго от первых возрастет даже еще больше *. Этого роста поэтому будет, вероятно, недостаточно для удовлетворения идеологических амбиций политической элиты, и еще менее вероятно, чтобы он мог удовлетворить растущие социальные устремления. Эти устремления будут наверняка возрастать по мере того, как сопоставление с состоянием дел на Западе будет со все большей очевидностью показывать, что крупные секторы советского общества по-прежнему остаются необычайно далекими от современной жизни.

Советская отсталость особенно очевидна в сельском хозяйстве. Продуктивность сельскохозяйственного производства в последние несколько десятилетий резко подскочила в боль-

* Можно подсчитать, что если валовой национальный продукт Соединенных Штатов будет возрастать на 3,5% в год, то к 1985 г. он превысит 1,5 миллиарда долл.; если же темпы 60-х гг. сохранятся, то к 1980 г. он будет составлять уже 1,7 миллиарда долл.; если советский валовой национальный продукт будет расти более высокими 5%-ными темпами, то к 1985 г. он достигнет почти 800 млрд. долл.; если он будет расти даже еще более высокими, 7%-ными темпами, то к 1985 г. валовой национальный продукт СССР составит что-то около 1,1 миллиарда долл. Таким образом, абсолютное отставание в период 1965—1985 гг. не сократится, а даже может существенно возрасти.

В 1961 г. советское руководство официально приняло программу партии, которая наряду с другим обещала, что к 1970 г. Советский Союз превзойдет Соединенные Штаты по объему промышленного производст-

шинстве развитых стран, а в последнее время и в целом ряде слаборазвитых. Но этого не случилось в Советском Союзе, где продуктивность сельского хозяйства неуклонно падала и лишь в самое последнее время несколько поднялась. Сельское население Советского Союза недостаточно полно занято, не получает полноценной компенсации за свой труд и работает недостаточно продуктивно. Решение проблемы советского сельского хозяйства — одна из наиболее неотложных и что же время щекотливых в идеологическом плане задач в советской повестке дня. (Техническая слаборазвитость советского сельского хозяйства получает отражение в распределении рабочей силы, по которому Советский Союз стоит гораздо ниже более передовых районов мира.)

Таблица 9

Распределение рабочей силы (в процентах по секторам)

Район	Сельское хозяйство	Промышленность	Сектор услуг
Соединенные Штаты	8	39	53
Западная Европа	14	45	41
Океания	23	34	43
Япония	33	28	39
СССР	45	28	27
Латинская Америка	48	20	32

Источник — «Интернэшнл лейбор ревью», январь-февраль 1967 г.

В промышленном секторе, более развитом, чем сельскохозяйственный, замечательные достижения советской науки в таких областях, как создание космической и военной техники, в какой-то мере скрадывают подлинное положение дел, которое также отнюдь нельзя считать удовлетворительным для современного индустриализированного общества. Подсчитано, что в реальном исчислении (с учетом различий в фактических ценах) Советский Союз расходует на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы примерно столько же, сколько и Соединенные Штаты²⁷. Кроме того, армия советских ученых растет весьма внушительными темпами и сейчас равна числу ученых в Соединенных Штатах. К этому следует добавить, что качество советских теоретических работ в ряде областей, особенно в физике, первоклассное.

И тем не менее общая социально-экономическая отдача советских научных изысканий относительно скудна. Правда,

советские деятели поспешили пожать идеологический урожай со своих первоначальных успехов в космосе, заявив, будто последние доказывают превосходство коммунизма (от этого утверждения без лишнего шума отказались после высадки американцев на Луну), однако никуда не уйдешь от того факта, что Советский Союз до сих пор не в состоянии создавать технически совершенные изделия, способные проникать на коммерчески выгодные мировые рынки в условиях западной конкуренции или хотя бы удовлетворить более чем примитивные запросы внутреннего потребления. Даже в такой сравнительно элементарной отрасли промышленности, как производство автомобилей, Советский Союз вынужден полагаться на иностранную помощь (в настоящее время итальянцев) для производства безотказных и экономичных автомобилей²⁸. Строгое отделение секретных военных исследований от остальной экономической деятельности, как и сосредоточение научно-исследовательских работников в институтах, оторванных от промышленности, означает, что научные открытия вообще не получают дальнейшего хода, используются лишь в военных целях или получают развитие лишь по прошествии довольно длительного времени *. Советский Союз совершенно явно отстает в создании электронной вычислительной техники, полупроводниковых и лазерных устройств, пульсаров и пластмасс, равно как и в не менее важных областях методики управления производством, трудовых отношений, психологии, социологии, теории экономики и комплексного анализа **.

* Советский академик В. Трапезников подсчитал, что 98% советских научных работников-исследователей работают в институтах, в то время как 60% американских научно-исследовательских работников заняты непосредственно в соответствующих отраслях промышленности. Он также считает, что ко времени разработки советских научных открытий примерно половина их устаревают («Правда», 18 января 1967 г.). См. также интервью с академиком В. М. Глушковым, опубликованное 15 мая 1968 г. в «Комсомольской правде», где Глушков призывает к скорейшей организации подготовки специалистов по «системотехнике», в искусстве которой американцы, по его мнению, сильно преуспели и эквивалента которой в Советском Союзе пока нет. Он также призывает наладить регулярную подготовку советских «менеджеров», опять же ссылаясь на американский опыт.

** «Некоторые секторы, включая, разумеется, исследование космоса и некоторые виды военных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, а также значительную часть металлургической промышленности, находятся на весьма продвинутом техническом уровне; но многие отрасли промышленности, особенно в секторе производства товаров широкого потребления, еще очень серьезно отстают в техническом отношении от главных западных стран...

На основе изучения и советских и западных материалов складывается впечатление, что Советский Союз в техническом отношении отстает от США во всех отраслях промышленности, кроме нескольких, которым уделяется особое внимание, и что в ряде важных отраслей промышлен-

Для исправления этого положения правительство приступило в 1968 г. к проведению серии реформ, которые должны были дать толчок дальнейшему развитию научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и повысить качественный уровень административного управления. Центральный Комитет партии принял в октябре 1968 г. специальное постановление («О мероприятиях по повышению эффективности работы научных организаций и ускорению использования в народном хозяйстве достижений науки и техники»), в котором резко критиковал состояние научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в Советском Союзе и предусматривал проведение ряда реформ, по существу повышавших статус научно-исследовательских работников, занятых непосредственно в промышленности, до положения ученых, работающих в сугубо научных учреждениях; вместе с тем постановление предусматривало создание научно-исследовательских лабораторий на базе промышленных предприятий и учреждало надбавки и премии за новаторство. Как писал академик Трапезников, «важным пунктом постановления является установление соревнования научно-технических идей и предложений»²⁹,

Далеко не ясно, будет ли этих реформ достаточно, чтобы послужить стимулом для **творческой и социально** значимой волны новаторства и перестройки всей работы на новый лад. Советские ученые признают, что творческая деятельность

ности Советский Союз технически отстает от индустриальных стран Западной Европы» («Science Policy in the US1S1R», p. 9, 476).

И как следует из доклада Международного агентства по атомной энергии, Советский Союз, оказавшийся в 1954 г. первой страной, приступившей к использованию ядерной энергии в мирных целях, к 1969 г. уже остался позади Соединенных Штатов и Англии; к 1975 г. его перегонят на этом поприще Соединенные Штаты, Англия, Япония, Канада, Швеция и Германия, причем объем производства электроэнергии на его атомных станциях будет примерно в 14 раз меньше, чем на соответствующих американских станциях («Power and Research Reactors in Member States»).

Как пишет Бэркс, «кривая технического развития на Западе весьма показательна. Производство синтетических волокон, пластмасс, строительство ядерных электростанций, полупроводниковых устройств, цифровых электронных вычислительных машин, ксерография, лазеры сменяют ДРУ друга, казалось бы, в бесконечной последовательности. К тому же по мере того, как техника на Западе становится все более сложной, отставание во времени, необходимым восточноевропейцам на ее воспроизведение, все более и более возрастает. Время, уходящее на заимствование, колеблется в пределах 2—16 лет при 50%-ной степени вероятности того, что продукт, когда он впервые появится на восточном рынке, будет, по западным понятиям, уже устаревшим. В области создания электронной вычислительной техники время для воспроизведения русскими (не говоря уже о восточноевропейцах) западных достижений колеблется в пределах 2—110 лет» (Burks, p. 8). См. также данные, приведенные выше, на стр. 134—135, особенно применительно к производству электронных вычислительных машин.

ь требует атмосферы свободной дискуссии, полемики и обсуж-

дения идей, даже если некоторые из них принципиально ошибочны³⁰. Этот фактор в свою очередь тесно связан с идеологической и институциональной организацией общества в целом и не может быть исправлен лишь путем принятия нескольких организационных мер. Доклад Организации экономического сотрудничества и развития «Научная политика в СССР» (1969), который детально, на основе статистических данных вскрывает поразительную диспропорцию между размахом советских усилий и их сравнительно скудными социально-экономическими результатами, подтверждает мнение, что идеологически-политическая централизация в лучшем случае порождает изменчиво-непоследовательную, а в худшем — катастрофическую научную политику*.

В последующие годы Советский Союз, несомненно, добьется многих выдающихся научных достижений, особенно в области космических исследований, столь важной для укрепления международного престижа страны, и в тех разделах науки, которые связаны с оборонными исследованиями. Его военная техника также будет и впредь не уступать американской, а на некоторых направлениях, безусловно, и превосходить ее. Это будет обеспечиваться путем ударных программ, осуществление которых потребует как выделения крупных экономических ресурсов, так и привлечения научных талантов. Советская организационная структура на редкость хорошо приспособлена для таких программ. Но важнейший вопрос все же сводится к тому, смогут ли советская наука и система управления промышленностью дать советскому обществу действительно широкую возможность для внедрения в практику открытий науки, что необходимо и для внутреннего прогресса Советского Союза, и для укрепления его международных позиций.

Силы, противящиеся проведению далеко идущих научных и экономических реформ, огромны. Это прежде всего бюрократившаяся партийная элита, особенно ее представители в идеологических секторах, и некоторые из высших звеньев вооруженных сил, опасаящиеся, что децентрализация будет означать вместе с тем и перевод некоторых важнейших научно-исследовательских институтов на деятельность в невоенных целях. Высшие звенья партийного аппарата — все еще в основном продукт сталинистской эры, и многие из их представителей начали свою нынешнюю карьеру в годы чисток.

* Примером последней может служить дело Лысенко и его пагубные последствия для советской биологии. Необычайно живой и содержательный рассказ об этом имеется в книге советского ученого Медведева «Возвышение и падение Т. Д. Лысенко» (Z. A. Medvedev, *The Rise and Fall of T. D. Lysenko*, N. Y., 1969). Книга Медведева была написана в советском Союзе, но ее публикация там не была разрешена.

территории и истории. Интеллигенция этих народностей, почти целиком выросшая в советское время, проявляет все большую склонность к самоутверждению, хотя и не обязательно стремится к отделению от Советского Союза. Она начинает требовать для себя все более широкого участия в процессе принятия решений в своем государстве, как и большей доли экономического пирога, и все чаще искоса поглядывает на попытки русифицировать ее. В определенной мере такая русификация намеренно поощряется Москвой, но в то же время она является естественным результатом процесса индустриализации и модернизации всех районов страны. Обсуждение этой проблемы в Советском Союзе на официальном уровне, как и критика опасности местного национализма, свидетельствует о зарождающейся тревоге советского руководства; и действительно, в последние годы ряд представителей нерусской интеллигенции был привлечен к судебной ответственности и осужден. Пока советскому правительству удается сдерживать националистические тенденции, не позволяя им выплеснуться за узкий круг сравнительно небольшого числа интеллигентов; сведения же о позиции в этом отношении нерусских кадровых работников партийного аппарата двусмысленны; тем не менее сам размах проблемы и тот факт, что национализм весьма заразителен независимо от того, подавляют ли его или пытаются с ним мириться, наводят на мысль, что в предстоящие годы Советский Союз вполне может столкнуться с национальной проблемой, более серьезной по своим политическим последствиям, чем расовая проблема в Соединенных Штатах.

Проявления идеологического недовольства в научном мире, вероятно, вызывают более непосредственную озабоченность у партии. Хорошо известный манифест видного советского ядерного физика Андрея Сахарова, опубликованный на Западе в середине 1968 г.³², сначала, очевидно, был распространен среди советских ученых, а затем переработан автором в свете их замечаний. Тот факт, что последующие меры советских властей по отношению к Сахарову приняли лишь косвенную форму и он ни разу не был упомянут по имени, а для его осуждения не прибегли к обычному способу опубликования обличительного заявления, подписанного его коллегами, по-видимому, показывает, что правительство сочло более целесообразным избежать прямого разоблачения и публичного осуждения.

Этот документ примечателен не только тем, что бросает вызов правомочности идеологической ортодоксальности, но и своей попыткой предложить альтернативное представление о будущем. Делая это, Сахаров подвергает положение дел в Советском Союзе беспощадной критике. Суть его главной предпосылки наглядно выражена в его же утверждении, что

«всякая проповедь несовместимости мировых идеологий и нгбций — безумие и преступление». Он категорически отвергает любое ограничение свободы мысли и осуждает «косный догматизм бюрократической олигархии и ее любимое оружие — идеологическую цензуру». Протестуя против подчинения интеллектуальной деятельности граждан воле «центрального аппарата партии и его работников», он одновременно ставит вопрос: «Кто гарантирует, что эти работники всегда выражают подлинные интересы рабочего класса в целом и подлинные интересы прогресса, а не свои собственные кастовые интересы?»*.

Тезис Сахарова сводится к тому, что наш век настоятельно требует все более тесного международного сотрудничества — как ради предотвращения ядерной войны, так и для преодоления опасности, создаваемой для человечества голодом, перенаселенностью и загрязнением окружающей среды, — и что это сотрудничество в конечном счете станет результатом все большей конвергенции столь различных сейчас политических и общественных систем. В этой связи он особо подчеркивает, что, учитывая производительную энергию американской экономики, революция в Соединенных Штатах в отличие от аналогичного переворота в странах «третьего мира» не принесла бы рабочим никаких преимуществ. Сахаров представляет себе развитие событий в остающиеся годы нынешнего столетия как процесс, распадающийся на четыре этапа:

* Критикуя упорно сохраняющуюся отсталость советского общества, игнорировавшуюся при обрисовке официальной идиллической картины, Сахаров сообщает поразительный факт, что около 45% населения, или примерно 110 млн. советских граждан, живут в тяжелых материальных условиях. Он' сравнивает это положение с положением дел в Соединенных Штатах, где «около 25% населения находится на грани нищеты. В то же время 5% советского населения, принадлежащие к группе управленческих работников, пользуются такими же привилегиями, как -и их коллеги в Соединенных Штатах»; это утверждение Сахарова недвусмысленно говорит о существовании в Советском Союзе довольно большого социального неравенства.

Замечание Сахарова имеет важное значение, поскольку в течение долгого времени советские деятели выставляли достижение социального равенства в своей стране как одну из главных заслуг советского строя. Но советские статистические сведения, а в самое последнее время и социологические изыскания подтверждают, что в области высшего образования дети служащих пользуются гораздо более широкими возможностями, чем дети рабочих или колхозников. Так, например, в конце 50-х гг. около 75% студентов Московского государственного университета были детьми служащих, а соответственно около 20% и 5% — детьми рабочих и колхозников. В этот период численность трех указанных категорий населения составляла соответственно 20, 48 и 31% общей численности населения страны (см. об.: «Культурная революция в СССР, 1917—1965 гг.», М., '1967, стр. 151). Весьма значительный разрыв существует также и в размерах денежного вознаграждения трудящихся. В 1968 г. минимальная заработная плата в Советском Союзе была установлена примерно на Уровне 65 долл. в месяц.

на первом этапе коммунистические страны, и в частности Со- ■ ветский Союз, введут у себя более демократические порядки, преодолевая сталинистское наследие однопартийной диктатуры; на втором этапе произойдет преобразование единенных Штатов и других «капиталистических» стран путем проведения реформ, результатом которых станут внутрп литические изменения в этих странах и принятие ими политики мирного сосуществования; на третьем этапе советско-американские усилия будут направлены на то, чтобы разрешать проблемы «третьего мира» и способствовать всеобщему разрушению; четвертый этап станет свидетелем попыток разрешения остающихся глобальных проблем на основе широкого международного сотрудничества.

Взгляды Сахарова, несмотря на их несколько утопиче ии характер, заслуживают внимания, поскольку они показывают, в какой мере мировоззрение некоторых представителей новой советской интеллектуально-научной элиты расходится с официальной перспективой. Их значение, однако, не следует преувеличивать. Доводы Сахарова попросту недоступны ,не только подавляющему большинству грамотных советских граждан, но и большей части советской интеллигенции. Можно предположить, что там, где сосредоточено много интеллигенции (,в Москве, Ленинграде, Киеве, Академгородке, Обнинске), неортодоксальные взгляды имеют несколько большее распространение, но даже и в этом случае многое зависит от той степени, в какой правительство готово в любой данный ■ ' применить административный нажим, чтобы добиться хотя бы формального 'следования ортодоксальным принципам. вая монополию партии на использование средств массовой - формации, широкие попытки насаждения официальной ид - логии и растущий акцент на национализм, можно утверждать, что воззрения правительства на положение дел в мире и на советское общество по-прежнему остаются для советских граждан главным источником информации и руководством в интерпретации явлений.

Альтернативные пути

Оценивать возможные альтернативные пути советского по литического развития следует в свете именно этих соо ра ний. Для облегчения их анализа необходимо свести их к та му числу, справиться с которым нам было бы по силам, ¹ - этому мы остановимся в своих рассуждениях только на пять довольно широко очерченных вариантах, уделяя основное в мание роли идеологии и партии. Эти пять вариантов во ного советского развития можно сформулировать следу образам: 1) *олигархическое окостенение*; 2) *плюралистэ эволюция*-, 3) *техническая адаптация*-, 4) *воинствующий еру даментализм* и 5) *политический распад*.

Олигархическое окостенение вылилось бы в сохранение главенствующей роли партии и догматического по своей сущности характера идеологии. Иными словами, это было бы сохранением прежнего положения :в более концентрированной форме'. Ни партия, ни идеология не находились бы в особо революционных взаимоотношениях с обществом; основная цель таких взаимоотношений состояла бы в сохранении партией политического контроля над обществом без попытки навязывания ему сколько-нибудь Значительных реформ. Сильный акцент делался бы при этом на идеологическую пропаганду и ограничение идеологических уклонов. Политическое руководство могло бы оставаться коллективным, поскольку из-за отсутствия навязываемых [ему] перемен не было бы необходимости в более строгом отборе. На внутреннем фронте результатом этого было бы сохранение у руля управления окостенелого бюрократического аппарата, который проводил бы консервативную политику, маскируемую революционными лозунгами.

Плюралистская эволюция означала бы перерастание партии в менее монолитную организацию, напоминающую нынешнюю югославскую партию, и идеологическую эрозию догматических ленинско-сталинских традиций. Партия проявляла бы большую готовность допускать открытый идеологический диалог и даже брожение в собственных рядах и перестала бы считать свои собственные программные заявления непогрешимыми. Ее роль сводилась бы скорее к морально-идеологическому стимулированию масс, чем к управлению ими; государство, как и само общество, превратилось бы в важнейший источник обновления и перемен. Поскольку на протяжении столь значительной части своей истории партия противилась описанному выше развитию событий, для того чтобы подвести партийный аппарат к приятию подобного политического и идеологического плюрализма, потребовались бы, помимо упорного социального нажима со стороны ключевых экономических групп и слоев интеллигенции, еще либо глубокий раскол в руководстве партии, либо, как это ни парадоксально, сильный руководитель (вроде Тито).

Техническая адаптация предусматривала бы перерастание бюрократически-догматической партии в партию технократов. Главный акцент делался бы на научную подготовленность, деловую сноровку и дисциплину. Как это уже произошло ;в Восточной Германии Ульбрихта, партия состояла бы из научных специалистов, обученных новейшим методам, способных широко использовать достижения кибернетики и электронные вычислительные машины для целей социального управления и плоды научного прогресса для поддержания безопасности и обеспечения промышленного роста Советского Союза. Национализм пришел бы при этом на смену идеологи-

ческим догмам как основной принцип, связывающий воедино общество и государство. Более молодые и в большей мере ориентирующиеся на технический прогресс руководители военного аппарата, но всей вероятности, восприняли бы такую модель социального развития благосклонно. Политическое руководство, как и в первом варианте, могло бы сохранить коллективный характер, хотя это, вероятно, потребовало бы становления более широкой коалиции партийных, государственных, военных и хозяйственных деятелей.

Воинствующий фундаментализм означал бы усилия возродить идеологическое рвение, что в свою очередь вызвало бы необходимость в создании более революционных взаимоотношений между политическим строем и обществом. Концепция продвижения по пути к коммунизму должна была бы получить новое программное содержание, а поэтому понадобились бы политически обусловленные социальные перемены. По всей вероятности, подобное развитие неизбежно повлекло бы за собой применение силы, чтобы преодолеть как фактическое сопротивление общества, так и простую социальную инертность. Даже если бы попытки перетряхнуть строго бюрократическую структуру советской системы не сопровождались возвращением к сталинистским методам, они потребовали бы в высшей мере централизованного руководства, идеологической непримиримости, а может быть, и более враждебного отношения к внешнему миру и чего-то наподобие «культурной революции» Мао Цзэ-дуна.

Политический распад был бы связан с внутренним параличом в правящей элите, растущим стремлением различных ключевых групп в ней к самоутверждению, расколом в вооруженных силах, брожением в среде молодежи и интеллигенции и открытым недовольством нерусских национальностей. Вслед за усилением противоречий между политическим строем и обществом кризис, который мог бы при этом возникнуть, обострился бы еще более в результате недостаточно высоких темпов экономического роста, неспособного удовлетворить потребности населения. Окостенелая идеология, уже не воспринимаемая элитой всерьез, была бы не в состоянии обеспечить существующий строй логически обоснованным подбором ценностей для осуществления согласованных действий.

Характер наиболее безотлагательных политико-экономических проблем, стоящих перед советским руководством, и общая схема современного советского социального развития позволяют предположить — заглядывая примерно на десятилетие вперед и исходя при этом из нынешнего распределения власти в советском обществе, — что руководители Советского Союза, по-видимому, попытаются найти какой-то средний путь между первым и третьим вариантами. Эта комбинация лучше всего отвечает интересам элиты и задачам удовлетворения

императивов социальной ортодоксальности и потребностей Советского Союза как соперника Соединенных Штатов на международной арене.

Вряд ли можно ожидать в скором времени какого-либо сдвига в направлении плюралистской, идеологически более терпимой системы. В период 1964—1969 гг. наблюдалось даже движение в противоположном направлении. В ближайшем будущем политический строй едва ли приведет к руководству человека, обладающего достаточной волей и влиянием для осуществления демократизации советского общества, а в самом этом обществе отсутствуют сплоченность и единство усилий, необходимые для того, чтобы осуществить демократизацию снизу. Как показывает опыт Чехословакии, такая демократизация снизу должна быть органичным процессом, связывающим интеллигенцию, рабочих и студентов с определенными группами в руководстве в общей сознательной попытке преобразовать не только экономическую, но и политическую структуру. Кроме того, подобный процесс должен либо опираться на демократические традиции (как это было в Чехословакии), либо создать их, признав приоритет правовых норм над соображениями политической целесообразности. Для советского коммунизма это было бы равнозначно принятию новой концепции политики *. К тому же сложность ситуации с нерусскими национальностями в Советском Союзе также препятствует демократизации: великорусское большинство неизбежно прониклось бы опасением, что демократизация может стимулировать стремление нерусских народов сначала к более широкой автономии, а затем и к независимости. Учитывая направленность советского социального развития и интересы нынешней правящей элиты, едва ли можно ожидать возникновения в 70-е гг. дееспособной коалиции, стоящей на путях демократии.

Воинствующий фундаментализм в условиях единоличной диктатуры — хотя в непосредственной перспективе он и выглядит несколько более вероятным, чем плюралистская эволюция, — также вынужден был бы преодолеть колоссальную инертность и коллективную заинтересованность партийных олигархов в предотвращении возврата к правлению одного человека. Благоприятная обстановка для возобновления по-

* |Как заметил один из представителей чешской интеллигенции, комментируя опыт применения сталинизма в Чехословакии, «один из возможных способов предотвратить повторение политических судебных процессов в какой бы то ни было форме состоит в пересмотре концепции политики, что связано с рождением нового политического строя. Я имею в виду такую концепцию политики, которая не содержала бы элементов беззакония и не создавала бы прочной базы для таких нарушений законности, какие чаще всего случались в период политических судебных процессов» (К. Каплан, Размышления о политических процессах, «Новая мысль», 1968, № 8).

д-обного правления могла бы сложиться в результате 'переворота внутри страны или появления опасной угрозы извне, но для этого потребовался бы талантливый и дееспособный политический деятель. Нынешний советский бюрократический аппарат построен таким образом, 'чтобы по возможности искоренять и приглушать индивидуальные способности; он уже не представляет собой революционной партии, в которой продвижение зависит от личной храбрости и находчивости.

И тем не менее нельзя так сразу отвести фундаменталистскую альтернативу, особенно если она окажется единственной альтернативой политическому распаду как следствию окостенения строя в Целом. Длительный процесс внутреннего разложения в результате неспособности руководства разрешить текущие проблемы, продолжающаяся неспособность догнать Соединенные Штаты в научном соревновании и внутренние угрозы национальному единству — все эти факторы могли бы в условиях возрастающего идеологического безразличия сочетаться с угрозой международной безопасности, чтобы разжечь у какой-то части правящей элиты страстный порыв к фундаментализму. Подобные порывы вообще типичны для политических движений в периоды их заката.

Скатывание к фундаментализму или распаду могло бы быть ускорено возникновением китайско-советской войны. Такая война неизбежно создала бы для советского строя огромные трудности. Даже если бы советская сторона одержала в ней быструю победу, она потребовала бы огромных материальных расходов и даже могла бы повлечь за собой длительный период послевоенных противопартизанских операций. Затяжная война сама по себе означала бы прямое поражение советского режима, и можно почти с полной уверенностью утверждать, что этот режим был бы свергнут недовольными элементами в правящих кругах. [Каков бы ни был исход войны, военные действия подобного размаха наверняка пробудили бы в населении Советского Союза весьма воинственные неустойчивые настроения, породив благоприятную почву для прихода к власти одного человека или просто вызвав развал существующего правительства.

Учитывая условия, сложившиеся в начале 70-х гг., можно предположить, что олигархическое окостенение было бы вероятным последствием сохранения у власти нынешнего большинства стареющего высшего эшелона партийной бюрократии (средний возраст членов Центрального Комитета в 1969 г. превышал 60 лет, что делает их, по всей вероятности, самыми престарелыми политическими руководителями в мире, не считая руководителей Ватикана, а также Мао и его соратников), маршалов-ветеранов (некоторые из них обладают большим партийным стажем, чем высшие политические правители) и идеологов партии. Эта коалиция представляет собой не толь-

ко политическую, но и высшую социальную элиту Советского Союза в том смысле, что ее власть дает ей прерогативы, эквивалентные тем, которые в условиях капитализма приносит богатство: роскошь, удобства и престиж. Как и всякий правящий класс, она склонна к консерватизму и противодействию любым переменам, могущим угрожать ее положению. К тому же и это весьма важное соображение — советский средний класс в высшей мере обюрократился и почти целиком состоит из государственных служащих, довольно консервативных в своих политических и социальных убеждениях и всего одно поколение назад оторвавшихся от своих пролетарских или крестьянских корней. Этот класс не желает важных политических перемен, хотя и стремится к приобретению все новых материальных благ. Он служит опорой консерватизма в руководстве.

Высшая прослойка советской профессиональной и научной элиты стала сейчас, однако, слишком широкой, слишком хорошо образованной и слишком националистически устремленной, чтобы довольствоваться положением, которое только сохраняет статус-кво. Хотя ее и заботит поддержание политической устойчивости, она так лес прекрасно отдаст себе отчет в существовании внутренних и международных факторов, требующих социального обновления и научного прогресса. В последние годы эта прослойка получает все более широкий доступ в круги вершителей политики и таким образом неофициально принимает участие в процессе группового торга, особенно в тех сферах разработки политики, где требуются специальные знания. Печатный орган Академии наук ССОР отмечал, что «в последнее время немало советских ученых было привлечено к работе в советском государственном аппарате, в том числе и в его высших звеньях. Очевидно, следует еще более широко использовать ученых-специалистов в качестве организаторов крупного производства, руководителей плано-регулирующих, хозяйственных органов и других учреждений»³³. Их тяга ко всему новому, все более широкое политическое осознание ими значения научного прогресса и их патриотические чувства в отношении соперничества с Соединенными Штатами, сочетаясь с националистическими настроениями более молодых и лучше научно подкованных военных деятелей, движимых стремлением ■ к укреплению обороноспособности своей страны, уже стимулируют требования о слиянии первого (олигархическое окостенение) и третьего -(техническая адаптация) вариантов советского политическ-ото развития -в попытке построить новый вид «технотронного коммунизма»*.

* Этот процесс, -по-видимому, является политическим выражением внушительного роста как общего числа специалистов, занимающихся научной деятельностью и обслуживанием научных учреждений ([включая лиц со специальным средним образованием), так и числа тех деятелей

Пример Восточной Германии Ульбрихта может оказаться особенно показательным. Если в Румынии исследование значения научной революции привело некоторых коммунистов к мысли, что эта революция требует разработки новой теории, основанной на принципе универсальности³⁴, то Ульбрихт попытался сочетать научный прогресс со строгой приверженностью идеологическим традициям Ленина и Сталина. Политическое руководство осталось в высшей степени централизованным, а идеологическое вольнодумство подавлялось твердой рукой. В то же время Ульбрихт, видимо, в большей мере, чем любой другой коммунистический лидер, подчеркивает, что развитие социалистического строя, прежде всего работа экономической системы в целом, все в большей степени становится объектом научного руководства. Мы ориентируем себя, добавил Ульбрихт, на сознательное научное управление сложными процессами и системами, осуществляемое народом и ради народа. Именно® этом смысле мы используем кибернетику³⁵.

Во второй половине 60-х гг. восточногерманское руководство предприняло энергичные попытки рационализировать управление хозяйством, чтобы сочетать инициативу на низшем уровне с созданием действенной системы управления и координации. Седьмой съезд партии (апрель 1967 г.) поставил перед собой задачу разработки общей концепции взаимоотношений между различными подсистемами всей экономической системы в целом; Восточная Германия в большей мере, чем любая другая коммунистическая страна, использовала кибернетику, исследования в области организации производства «Электронную обработку данных». Два года спустя на пленуме Центрального Комитета, проходившем в апреле 1969 г., член Политбюро Курт Хагер с гордостью доложил — и он многократно употреблял эту формулу,—что Восточная Германия не только стоит на прочных идеологических позициях, но и правильно запрограммирована.

В соответствии с этим «правильным запрограммированием» партия всячески подчеркивает важность овладения ее членами специальными знаниями³⁶, и образовательная система в стране реорганизована так, чтобы более тесно связать науку с промышленностью * *. К концу 60-х гг. Восточная Германия пре-

политической элиты, которые получили широкую подготовку в технической и научной областях. В период 1950—1966 гг. число первых возросло с 714 тыс. до 2741 тыс. («Science Policy in the U.S.S.R», p. 679); Джордж Фишер собрал данные, показывающие, что последние выходят на позиции главенствующей группы среди наиболее молодых членов Центрального Комитета КПСС («The Soviet System and Modern Society», N. Y., 1968, особенно* стр. 175—184). В советской политической элите так же много * В результате этих реформ университеты и политехнические училища были реорганизованы в новые «научные комбинаты», поддерживающие прямые связи с промышленными предприятиями. Так, например,

вкатилась из одного 'из наиболее сильно пострадавших от войны государств в самое передовое в экономическом и идеологическом отношениях 'коммунистическое государство, ориентирующееся на научный прогресс. Таким образом, после 50-летнего перерыва сочетание прусской дисциплины, немецкой научной подготовленности и ленинско-сталинской идеологии вновь превратили германский коммунизм в модель для восточных соседей страны.

В Советском Союзе, однако, темпы аналогичного «отехничения» советского строя будут, по всей вероятности, замедлены по соображениям другого порядка. Начать с того, что Советский Союз представляет собой значительно более обширную страну, чем ГДР, что он труднее поддается интеграции и что ему предстоит преодолеть социально-экономическую отсталость в гораздо более многочисленных областях. К тому же за последние 50 лет правящая партия выработала свои собственные традиции и идеологический стиль, и, хотя она положительно смотрит на приобретение ее работниками технических знаний, однако, по-видимому, и 'впредь будет противиться сугубо технической ориентации своих членов, поскольку это привело бы к ослаблению того значения, какое она придает идеологии³⁷. Кроме того, возможно, что роль фактора безопасности в разработке политики и роль военных в политическом процессе, которая в ближайшие годы, под воздействием китайско-советского конфликта, пожалуй, усилится, будет в дальнейшем проявлять тенденцию к еще большему росту. В самом деле, если проблема безопасности приобретет более неотложный характер, а советское руководство останется коллективным, будет все труднее отказывать военным в прямом

Дрезденский технический университет работает совместно с близлежащим Радебергским заводом электронной вычислительной техники, аналогичным образом связаны с основными промышленными предприятиями своих городов или районов также и другие учебные заведения. В ходе проведения этой реформы были предприняты энергичные усилия для привлечения к участию в ней студентов, и студенты, как утверждают, внесли ряд конструктивных предложений в духе вышеуказанных задач.

Марксистско-ленинскому воспитанию по-прежнему придавалось первостепенное значение в учебном процессе, но основной акцент был сделан на необходимость его сочетания с социально-научным прогнозированием: «Руководящим работникам социалистического государства необходимо давать глубокие знания, позволяющие им претворять в жизнь решения партии на более высоком качественном уровне; это должно делаться на основе долгосрочного социального прогнозирования совместно с Центральным институтом социалистического хозяйствования, Институтом общественных наук, Высшей партийной школой имени Карла Маркса и другими институтами» (из речи Эриха Хонеккера, члена Политбюро и секретаря Центрального Комитета Социалистической единой партии Германии, 29 апреля 1969 г.). Речь Хонеккера примечательна тем акцентом, который сделан в ней на технотронные черты современного общества, и сравнительно малой долей внимания, уделенного идеологическому вопросу.

участии в процессе принятия политических решений. В этом случае сращивание первого и третьего вариантов (стремление к сочетанию идеологической жесткости с технической подготовленностью) вызвало бы вместе с тем перерождение в 70-е гг, нынешней диктатуры коммунистической партии в коммунистическую олигархию по типу претории *.

Проблема жизнеспособности

Вопрос, таким образом, сводится к следующему: облегчит ли подобное политическое развитие решение экономических и политических дилемм, стоящих перед 'Советским Союзом? Ответ на этот вопрос неизбежно 'будет носить даже еще более умозрительный характер, чем сам прогноз. В целом представляется сомнительным, чтобы попытка сочетать идеологическую ортодоксальность с техническим прогрессом, быть может опирающаяся на все более настойчивую ставку на национализм и поддержку военных кругов, создала обстановку, благоприятствующую теоретическому и научному творчеству. Подобная попытка скорее породила бы внутренние противоречия в условиях, когда идеологи и технократы часто тянули бы в противоположных направлениях. Это будет особенно верно в том, что касается сложной проблемы экономической децентрализации, которая, по все более широкому Признанию, необходима по экономическим соображениям, но которой тем не менее опасаются по соображениям политическим. Результатом будут либо временные компромиссы (вроде тех, что были типичны для Брежнева), либо радикальные переходы в политическом курсе от одного акцента к другому. Последующая напряженность еще больше расширит пропасть между политическим строем и обществом; политический строй будет казаться глухим к внутренним дилеммам, и появятся все усиливающиеся социальные требования более коренной переоценки вопроса о соответствии идеологического и структурного характера советского государства требованиям современности.

Соответственно можно ждать, что в 70-е гг. Советский Союз будет переживать потрясения, подобные тем, которые в конце '60-х ;гг. начали переживать Испания, Югославия, Мексика и Польша. Численность советского студенчества на протяжении 60-х гг. удвоится (с 1958 по 1965 гг. она возросла на 77%), и вряд ли Советскому Союзу удастся совсем избежать студенческих беспорядков. В конце 70-х гг. сексуальная рево-

* Такого же мнения придерживаются и некоторые югославские наблюдатели. Так, В. Станович, выступая в еженедельнике Центрального Комитета югославской компартия «Коммунист» (26 сентября 1968 г.), утверждал, что нынешняя советская система доказала свою неспособность к постепенной либерализации и что вследствие этого весьма вероятно, что она «логически разовьется в бонапартистскую форму правления, при которой управленцы и военные примут на себя роль „иредисателей линии" и „организаторов" общества».

люция, вероятно, распространится на советские городские центры, и идеологам партии будет далеко не просто уложить все происходящее в прокрустово ложе господствующих официальных принципов. Эти факторы могут создать более широкую социальную базу для ныне изолированных идеологических вольнодумцев и в сочетании с вероятным ростом тяги нерусской интеллигенции к самоутверждению породить более очевидные проявления социальной и политической напряженности. Учитывая авторитарный характер советского строя, красный флаг, стихийно поднятый студентами над Московским университетом, явится символом гораздо большего политического значения, чем тот же флаг, реющий над Колумбийским университетом или Сорбонной.

Но первое полностью постсталинское политическое руководство вступит на политическую арену не раньше начала 80-х гг. Тому или иному честолюбивому политическому деятелю, достигшему в 1980 г. 45-летнего возраста, было в год смерти Сталина всего 18 лет, а в тот период, когда в Советском Союзе действительно начался процесс десталинизации, — только 21 год. Хотя на пути к власти его поколение, вероятно, натолкнется на сопротивление политических деятелей, которые будут на 10 или даже 20 лет старше его (таких, как сегодняшние Полянские, шелепины, семичастные, толстикovy), оно будет добиваться для себя влиятельных позиций, занимая сейчас положение в звеньях, непосредственно предшествующих уровню Центрального Комитета. Учитывая ту более неустойчивую внутреннюю и международную обстановку, в какой созреет это поколение, а также более высокий уровень его образования и, вероятно, более гибкий характер соседних с Советским Союзом восточноевропейских государств, вполне возможно, что нарождающаяся политическая элита окажется не столь жестко связанной представлением, будто социальное развитие требует усиленной концентрации политической власти.

И тем не менее даже тогда перерастанию в плюралистскую систему будет, по всей вероятности, препятствовать прочно укоренившаяся политическая олигархия. В какой-то момент введение политического плюрализма потребует принятия сознательного решения об открытии доступа в Советский Союз для конкурентных идей, о предоставлении каждому советскому гражданину права читать, что он пожелает, о снижении степени идеологического партийного контроля, о децентрализации процесса принятия решений и тем самым о разделении власти с обществом — иными словами, вопрос встанет о существенной трансформации всего строя в целом. Непредумысленных последствий преобразований экономического и технического порядка будет недостаточно для осуществления важных политических перемен. Подобно тому как это было в Юго-

елавии «ли | в Чехословакии до 1968 г., политическая элита , должна , в какой-то момент решиться 'Вступить на путь сознательного проведения политических реформ.

Таким образом, если только не произойдет каких-то бурных событий, порожденных внутренним параличом, которые в драматичной форме приведут либо к установлению социал-демократического строя, либо (что более вероятно) к приходу к власти энергичного диктатора, способного подавить внутреннее недовольство, в 80-е гг., скорее всего, наметится небольшой сдвиг к сочетанию второго (плюралистическая эволюция) и третьего (техническая адаптация) вариантов, результатом будет ограниченный экономико-политический плюрализм и усиленный акцент на техническую компетентность в условиях существования все еще авторитарного правительства, представляющего коалицию высших звеньев основных общественных групп. Это могло бы быть началом возвращения к западным марксистским традициям, но в лучшем случае лишь 'медленным и осторожным началом *.

Поэтому было бы опрометчиво рассчитывать в ближайшем будущем на радикальный пересмотр советского отношения к внешнему миру. Перемены произойдут, но они будут медленными. К тому же элемент соперничества с Соединенными Штатами, отражающий остаточное идеологическое наследие и опирающийся на национализм городского среднего класса, видимо, и впредь будет играть главенствующую роль, это случится, даже если он потеряет свою остроту в силу растущего понимания советскими деятелями того факта, что настоятельные императивы сохранения человеческой расы диктуют необ-

* Тут видимо, было бы уместно опровергнуть популярную аналогию, которую часто проводят между перерастанием французской революции в буржуазную демократию и якобы аналогичными политическими последствиями «о б у р ж у а з и в а л и я» советского общества. Проводя подобную аналогию, упускают из виду несколько бросающихся в глаза различия между обеими революциями: французская революция произошла в обстановке, определявшейся рационалистическими, идеалистическими интеллектуальными традициями и беспомощностью абсолютизма. Русской революции предшествовало нарастание интеллектуального фанатизма и утопизма в ответ на существовавший абсолютистский и самодержавный политический строй. Французская революция была совершена идеалистически настроенной и чрезвычайно неорганизованной профессиональной интеллигенцией буржуазного происхождения; большевистская революция была осуществлена в высшей степени профессиональной, идеологически подкованной и дисциплинированной партией. Французские революционеры за свое сравнительно недолгое пребывание у власти не имели времени для проведения коренной перестройки французского общества, большевики, особенно при Сталине, вдребезги разбили и заново построили всю социальную структуру, осуществляя далеко идущую промышленную и городскую революцию. Французский средний класс был склонен к нововведениям и интеллектуально неугомонен; новый советский средний класс старомоден, консервативен и ортодоксален. И наконец (что, впрочем, имеет далеко не последнее значение), Наполеон — наследник французской революции—потерпел поражение; Сталин одержал победу.

ходимость все более тесного советско-американского сотрудничества. Советско-китайский конфликт также может иметь двоякие и противоречивые последствия. Усиливая стремление советских руководителей к укреплению надежности и мира на западном фланге, он вместе с тем, вероятно, усилит и их тревогу за безопасность страны и тем самым упрочит позиции более консервативно и националистически настроенных элементов на внутреннем фронте.

Подобное сочетание оскудевающей идеологии с обостряющимся национализмом делает маловероятным переход Советского Союза уже в ближайшее время либо к активному поощрению мировой революции, либо к энергичному проведению политики глобального сотрудничества. Более вероятным результатом этого положения будет двойственность, обусловленная скорее краткосрочными соображениями целесообразности, чем какой-то широкой долгосрочной перспективой. В этом контексте, и именно потому, что Советский Союз едва ли вступит в ближайшем будущем в период открытого интеллектуального творчества и экспериментаторства на внутреннем фронте, его привлекательность как социально-экономической модели современного коммунизма, способного теоретически и морально захватить воображение человечества, по всей вероятности, будет и дальше идти на убыль.

4. Сектантский коммунизм

В наш век универсальное идеологическое движение может быть только плюралистским. И для того, чтобы оно было плюралистским—или, иными словами, чутко реагировало на быстро меняющиеся, дифференцированные условия на земном шаре и на соответственно неустойчивые интеллектуальные настроения,— его идеологическое содержание должно быть в высшей степени обобщенным, больше этическим, чем практическим, больше гуманистическим, чем националистическим. Всемирный коммунизм должен, в сущности, быть сознательно плюралистским коммунизмом. Плюрализм же международного коммунизма должен в свою очередь неизбежно порождать условия, ведущие к внутреннему плюрализму в коммунистических партиях.

Плюралистского коммунизма не существует, и едва ли он появится. Универсализм коммунизма пал жертвой догматизма коммунистов. Этот догматизм был совместим с универсализмом лишь до тех пор, пока коммунизм оставался абстрактной попыткой дать определение глобальным условиям на ранних этапах индустриализации и находил свое политическое выражение в деятельности разрозненных групп, стремящихся к власти интеллигентов. Как только эти интеллигенты захватили власть в различных государствах, догматизм начал сли-

ватятся с естественной склонностью новых правителей смотреть на мир сквозь призму национальных интересов собственной державы. Догматизм, функционирующий уже не на уровне универсальной абстракции, а в плоскости национальной практики, облегчил перерастание коммунизма в сектантство, когда каждая из сект упорно утверждает, что именно ее понимание будущего подлинно универсальное, и на этой основе учреждает *внутреннюю* партийную дисциплину.

Советский Союз подал пример превращения универсального коммунизма в коммунизм сектантский, но этот процесс, естественно развивался во всех коммунистических партиях, пришедших к власти, и даже в наиболее авторитетных из тех коммунистических партий, которые ее не добились. В результате столкновения противоречивых претензий, взаимных отлучений наскоро заключенных случайных компромиссов, открыто и скрытно протекающих конфликтов современный коммунизм представляет собой мозаичную картину, составленную чуть ли не из стольких же цветов, сколько существует стран на земном шаре³⁸. Отнюдь не способствуя преодолению интеллектуального дробления на земле, сектантский коммунизм еще более усиливает его.

Этапы

В процессе эволюции коммунизма как международного движения со времени создания первого коммунистического государства в Советском Союзе можно различить четыре больших этапа. Первый этап, соответствовавший примерно 20-30-м гг (но особенно 30-м, в которые произошла идеологическая перестройка советского общества), можно условно назвать этапом *трансплантации*. Западная по своей сути доктрина созданная с учетом специфических условий капиталистической индустриализации на Западе, была пересажена на русскую почву и пересмотрена таким образом, чтобы отвечать политическим потребностям последней. Это потребовало акклиматизации и догматизации импортированной и приспособленной идеологии.

Акклиматизация означала, что сущность доктрины все больше определяли формулировки, вытекающие из специфически русских условий и разработанные сначала Лениным, а затем — в еще большей степени — Сталиным. В результате существенно местные соображения были универсализированы на догматической основе. Догматизация была в значительной мере следствием примитивных самодержавных традиций, на почву которых был пересажен марксизм³⁹, деспотического характера представителей идеологической верхушки и (потребно упрочения власти новой коммунистической элиты, оказавшейся лишенной того, что Маркс считал фундаментом социалистического образа правления, то есть прочной пролетарско-базы, заложенной на Западе развитием капитализма.

Второй этап, активная *универсализация* специфически советских черт, соответствовал приблизительно 30-м и особенно 40-м гг. В этот период произошли сталинизация иностранных коммунистических партий, насильственный экспорт советского варианта коммунизма в Восточную Европу и спонтанное перенесение более восточной по характеру ленинской версии марксизма в Китай, Корею и Вьетнам. Международный коммунизм, централизованный Москвой, имитировал советский опыт без учета условий, существовавших в различных государствах. По сути дела, требование советских деятелей о следовании общей модели стало более настойчивым именно в силу существования широкого разрыва между идеологией и местными условиями.

Подобное положение дел не могло сохраниться сколько-нибудь долго, и коммунистические руководящие группы в различных странах начали сталкиваться со все более настоятельными требованиями реорганизации на внутреннем фронте; со временем самим руководителям этих государств стали очевидны расхождения между их собственными потребностями и интересами, с одной стороны, и советскими предписаниями и требованиями — с другой. В результате наступил третий этап, этап *партикуляризации* международного коммунизма в 50-е гг. Этот этап характеризовался прежде всего полным самоутверждением югославского руководства (в значительной мере благодаря тому, что оно добилось власти собственными усилиями), частичным самоутверждением польского руководства и первыми шагами на пути к подобному самоутверждению, сделанными румынами; но самым важным было то, что китайское руководство стало проявлять все большую склонность как к применению собственного варианта коммунизма, так и к обобщению значения и актуальности партий ^{опыта для других} революционных коммунистических

В 60-е гг. соответственно наступил новый этап в истории международного коммунизма. Главной его чертой было открытое противоречие между процессами релятивации доктрины, с одной стороны, и абсолютизации некоторых специфических точек зрения — с другой. Ради сохранения единства в движении советское руководство сперва, казалось было готово допустить все больший отход зарубежных компартий от принципа единообразия — в начале 60-х гг оно официально отказалось как от своих притязаний на руководящую роль, так и от упора на необходимость общей генеральной линии⁴⁰. Во второй половине этого десятилетия произошла, однако, смена курса, принявшего противоположное управление; такой сдвиг был вызван, быть может, опасением того, что процесс релятивации окажется первым этапом Распаде идеологии и что создавшееся вселенское единство

лишится какого бы то ни было политического содержания. Политические события в Чехословакии в 1968 г. и беспрепятственно предъявляемые китайцами претензии сыграли, по всей вероятности, роль катализатора, ускорившего поворот советских деятелей к сектантству; они вновь говорили об абсолютной универсальности некоторых общих законов, в основном в том виде, как они были сформулированы ими самими. За такой курс неизбежно пришлось расплачиваться дорогой ценой — те коммунистические партии, которые были в состоянии отстоять свои собственные, расходящиеся с советской линией позиции, сделали это, причем сделали в форме взаимных идеологических осуждений. Партикуляризм, вместо того чтобы быть этапом на пути к приданию коммунистическому движению подлинно вселенского характера, ознаменовал, таким образом, наступление в 60-х гг. четвертого, современно нам этапа — этапа сектантства.

Итак в начале 70-х гг. коммунистическое единство оказалось лишенным какого бы то ни было самостоятельного значения*. Западные коммунистические партии подкрепляют свои попытки заручаться поддержкой народных масс все более частым отрицанием применимости модели, предлагаемой Советским Союзом. Руководящие деятели итальянской и французской коммунистических партий, несомненно, поняли, что их партии добьются успеха лишь в той мере, в какой им удастся убедить избирателей в том, что коммунистическое правительство во Франции или Италии было бы отличным от советской модели. Несмотря на упорный нажим со стороны советских деятелей, правящие восточноевропейские коммунистические партии продолжают без лишнего шума процесс приспособления к внутренним потребностям своих стран и, делая это, все дальше отходят от советской модели. Коммунистическая партия Китая не только практикует со стороны равнозначности коммунизма, но и недвусмысленно утверждает что советская партия перестала быть коммунистической, то есть, по сути дела, обвиняет Советский Союз во вступлении на путь реставрации капитализма.

Решение о подавлении попыток демократизации в Чехословакии, принятое советским руководством в 1968 г., имело для международного коммунизма особенно пагубные последствия. Если бы советские руководители допустили либерализацию сталинистской по своей сущности модели чехословац-

* Неспособность осознать этот факт все еще побуждает некоторых консервативно настроенных теоретиков на Западе говорить о «внешней политике коммунизма» и критиковать точку зрения, согласно которой коммунистическая идеология уже потеряла способность к мобилизации объединенной глобальной поддержки. См., например: Hans Morganthau A New Foreign Policy for the United States, N. Y., 1969, p. По-видимому, по этой же причине профессор Моргантау утверждал в 1965 г., что вьетнамская война сблизит Советский Союз и Китай.

кого коммунистического государства, был бы сделан большой и очень важный шаг в направлении демократизации европейского коммунизма. Демократизация Чехословакии серьезно отразилась бы на положении дел и в других коммунистических государствах, в том числе в Советском Союзе, породив в них в конечном счете аналогичные тенденции. Этого и стало главной причиной советского решения об интервенции в Чехословакии. Роже Гароди, бывший в то время членом Политбюро Французской коммунистической партии, совершенно правильно говорил, что советские руководители инстинктивно боялись демократизации Чехословакии именно в силу своей глубокой приверженности к сталинистской модели социализма, приверженности, заставляющей их рассматривать любую попытку приспособить социализм к условиям более передовых обществ как угрозу самому социализму. Демократизация противоречила всему тому, чему их учили, шла вразрез с их мировоззрением; поэтому оккупация Чехословакии была не ошибкой, а логическим следствием сталинистской системы⁴¹.

Зрелище демократической Чехословакии, управляемой коммунистической партией, терпимо относящейся к свободе личности (свободе передвижения, свободе слова, свободе печати), оказало бы огромное влияние на коммунистические партии западных стран. Оно поощрило бы эти партии на более быстрое проведение соотнесенной внутренней демократизации и сделало бы их более привлекательными в глазах избирателей. Это ознаменовало бы важный поворотный пункт в истории самого коммунизма. Это создало бы на более передовом Западе (Модель коммунизма, оказывающего демократизирующее влияние, заинтересованного в том, чтобы проблемы технотронного века решались гуманными методами; это привело бы к становлению активного, более революционного коммунизма, яростно борющегося против отсталости и социально неприемлемых условий, существующих в «третьем мире»). Нежелание смириться с происходящим в Чехословакии означало, таким образом, не только то, что Советский Союз еще какое-то время будет упорно цепляться за косный чрезвычайно бюрократизированный шаблон, но и то, что появится множество сектантских вариантов коммунизма, каждый из которых будет твердить об универсальной значимости своей доктрины*.

От советских деятелей можно было порой услышать, что демократическая Чехословакия перестала бы быть коммунистической Чехословакией⁴². что коммунистическая партия была бы устранена в ней от власти справедливость этого утверждения сомнительна, хотя доказать или опровергнуть ее нельзя. И тем не менее маловероятно, чтобы в Чехословакии, действительно могли появиться другие политические партии ибо для «них, по-видимому, не существовало там ни социальной базы, ни ответов

Поэтому в 70-е и 80-е гг., по всей вероятности, будет происходить процесс приспособления все более разнообразных вариантов коммунизма к специфическим местным условиям; одновременно все эти разновидности коммунизма перестанут существовать как составная часть некоего международного движения и универсальной идеологии. В Восточной Европе это могло бы означать появление режимов, которые с большим основанием заслуживали бы названия «социал-фашистских», чем коммунистических, — иными словами, приход к власти партий, укрепляющих собственный догматизм путем исключения из своих рядов тех, кто так или иначе проявляет склонность к отходу от принятой нормы. Средние и высшие звенья их элиты, проникнутые глубоко националистическими устремлениями, состояли бы из социально и политически консервативных представителей первого поколения должностных лиц — выходцев из среднего класса, смутно усвоивших официальную идеологию, и прежде всего веру в главенствующую роль государства; они правили бы страной в союзе с идеологически нейтральным классом технических специалистов, с презрением взирающих на более «старомодных» интеллигентов-гуманитариев, и при поддержке военных. Помимо Советского Союза, ближе всего к этой «социал-фашистской» категории окажутся, вероятно, Восточная Германия и, может быть, Польша и Болгария*.

Эти режимы, однако, едва ли будут прочными. Правящие элиты все больше страдают цинизмом и обнаруживают тен-

ствующего персонала. В самом деле, в 1968 г. подавляющее большинство чехов и словаков было настроено в пользу деятельности в рядах и под руководством более демократичной, плюралистской коммунистической партии, которая являлась бы коммунистической, не будучи ленинско-сталинистской.

Советские доводы заслуживают, однако, определенного внимания поскольку позволяют выявить нечто иное. Содержащееся в них обвинение равнозначно признанию того факта, что демократия и советская версия коммунизма по-прежнему несовместимы. Таким образом, советское утверждение отражает не только глубоко укоренившееся бюрократическое недоверие советских коммунистических деятелей к народной воле, но и их упорно сохраняющуюся неспособность разделить нынешнюю широкую озабоченность человечества проблемами политического и социального равенства, плодотворно участвовать в современных поисках нового гуманизма, отвечающего потребностям «научно-технической революции», которые, как признают сами коммунисты, они были склонны игнорировать (см. выше, стр. 152 — 153).

* В этой связи интересно и уместно отметить, что центральноевропейский фашизм был прежде всего городским движением. Так, в 1937 г. 50% членов венгерской партии «скрещенных стрел» были промышленными рабочими 12% — специалистами и лицами свободных профессий и лишь 8% — крестьянами. При этом на долю крестьянства приходилось несколько более половины всего населения (Istvan Deak, Hungary, in. «The European Right», Eugen Weber and Hans Rogger, eds., Berkeley, 1965, p. 396—397).

денцию ко все большему и большему дроблению; появление клики, интриги и личные склоки определяют суть внутривнутриполитических процессов, которые все еще не имеют четко определенной конституционной процедуры. В существующей в таких странах обстановке политических ограничений общественность начинает испытывать неудовлетворенность и боится, как бы ее система не оказалась недостаточно восприимчивой к новшествам в технических областях. Кроме того, новое и все более многочисленное поколение студентов начинает покидать университеты и все активнее требовать власти. Вспышки беспорядков 1968 г. могут повториться и в 70-е гг. Если бы они произошли в условиях, при которых Западная Европа служила бы центром социального притяжения для разочарованного населения восточноевропейских стран, а Москва проявляла бы признаки политической слабости и раскола, следующая вспышка волнений в Восточной Европе могла бы быть чревата опасностью взрыва уже в масштабах целого района, а не только отдельных государств.

В Югославии главный источник неуверенности в будущем возможность возникновения раздоров среди различных народностей, особенно после смерти Тито. Эти раздоры могли бы привести к военному перевороту во имя сохранения целостности государства, и в таком случае советское (руководство, видимо, предприняло бы энергичную попытку улучшить свои отношения с подобным югославским правительством, построенным по преторианскому принципу. Если эту опасность—которая вполне реальна - удастся преодолеть с помощью сочетания политического мастерства и продолжающегося экономического роста, Югославия и впредь будет развиваться в направлении более плюралистской структуры и культивировать более тесные контакты с Западом, причем, несомненно попытается добиться доступа в европейский Общий рынок. Может даже случиться, что она начнет экспериментировать с проведением многопартийных выборов и будет проявлять все меньше догматизма в отношении классической проблемы противопоставления государственной и частной собственности*. Югославские теоретики уже публично заявляли, что многопартийная система необходима, чтобы избежать политического перерождения, которым чревато сохранение монополии коммунистической партии на власть. Они предупреждали, что «нет ничего столь нерационального, как закрытая рациональная система, не допускающая существования других

* В наиболее развитых районах Югославии уже сложились недвусмысленные настроения в пользу расширения частного сектора в экономике. Резче всего против частнособственнических устремлений настроена наименее образованная группа высококвалифицированных рабочих (см. результаты опроса общественного мнения, опубликованные 24 декабря 1968 г. в загребском «Вестнике»).

идеи и противоположных взглядов, делающая невозможным какое бы то ни было интеллектуальное брожение»⁴².

Пример, который явила бы собой подобная Югославия, был бы привлекателен для таких более развитых восточноевропейских государств, как Чехословакия и Венгрия, а в конечном счете и для ныне наиболее независимо настроенного члена восточного блока — Румынии. Первые, по всей вероятности, будут продолжать следовать без лишнего шума по пути Демократизации изнутри, добиваясь в конечном счете независимости; Румыния же, очевидно, упрочит свою самостоятельность, расширив масштабы народного участия в общественной и политической жизни страны. Все три государства все лучше понимают желательность замены советской модели с ее высокой степенью централизации системой смешанной экономики. Кроме того, чехословацкие социологи в последнее время много говорят о превращении их общества в такое, в котором интеллигенция, «самая быстрорастущая общественная группа», играет решающую роль. По их мнению, это явление по необходимости требует нового определения концепции «диктатуры пролетариата»⁴³. Венгерские социологи, обсуждая последствия возрастающей децентрализации венгерской экономической модели и аналогичного роста рядов венгерской интеллигенции, также призывают к пересмотру определения социализма в направлении «всеобъемлющих социальных реформ, включая обширные области общественной жизни (а также жизни политической и культурной)»⁴⁴.

К тому же восточноевропейские государства опасаются, что научное отставание может оказаться той ценой, которой им придется расплачиваться за сохранение слишком тесных отношений с восточным блоком и за лишение их широких контактов с Западом. (Эти опасения небезосновательны. См. табл. 10.) Подобное опасение разделяет даже Восточная Германия, чье техническое развитие побуждает ее все больше обращать свои взоры к западным рынкам, в результате чего технические успехи ее режима приходят в столкновение с политической ориентацией последнего.

На Западе бюрократизированный и идеологически бесплодный коммунизм сталинистского варианта, видимо, будет и впредь все больше терять свою социально-политическую актуальность. Революционное знамя уже перешло в руки идеологически более неустойчивых активных групп; в результате традиционные коммунистические партии, по-видимому, будут добиваться своей политической приемлемости, преуменьшая свою ортодоксальность и всячески подчеркивая приятие имц конституционных процедур *.

Или даже участвуя в деятельности государственных институтов. Волнующий рассказ о попытках преданной ком-мунистки заставить руко водителей своей партии задуматься о тяжелом положении широких масс

Таблица 10

**Число зарегистрированных изобретений на каждые
100 тыс. чел. населения (1964)**

Страна	Число изобретений
Бельгия	164
Австрия	147
Дания	131
Норвегия	121
Чехословакия	52
Венгрия	20
Польша	10
Румыния	7

Источник — В u r n s , *Technological Innovation and Political Change in Communist Eastern Europe*, p. 12.

лемой, вероятно, и впредь будет то обстоятельство, что они не располагают никакой привлекательной моделью современной высокоразвитой и плюралистской коммунистической державы в качестве образца для своих избирателей; кроме того, значение их программных положений дополнительно ослабляется тем фактом, что Запад опередил коммунистические государства в проведении социально-технической революции.

Поэтому с целью использования в своих интересах напряженности, связанной с переходом от индустриального к электронному обществу, и обеспечения основы для действенных политических выступлений французская и итальянская коммунистические партии были вынуждены смягчить свою ортодоксальность. Некоторые из их теоретиков уже подчеркивали необходимость пересмотра определения коммунистической партии, охарактеризовав ее как совершенно новую партию, которая объединила бы в своих рядах все левые силы, не стояла бы на сугубо идеологических позициях в строгом смысле слова и наверняка отказалась бы от леиниистских принципов построения своего аппарата. Там, где консервативно

в Неаполе и побудить партийных деятелей перейти на более революционные позиции содержится в кн.: А. М а с с и о c c h i , *Lettere dalil'interno del PCS a Louis Althusser*, Milan, 1969. В этом дневнике она описывает свои попытки заручиться доверием рабочих и еще более тщетные попытки вызвать в кадровых работниках партии больше сочувствия к кошмарным условиям жизни рабочих.

настроенному руководству партии удалось помешать намерениям этих реформистов, коммунистические партии на Западе остаются и сектантскими, и политически изолированными; там, где реформисты сумели заручиться широкой поддержкой, коммунистические партии на Западе сделали шаг к ослаблению своих идеологических традиций догматического, интегрированного и непомерно возвышенного представления о будущем традиций, [Доставш.и]хся им „в наследство от XIX в.*. В это представление уже не вмещаются ни новая научная революция, ни революции студентов и интеллигенции, пришедших на смену коммунистам как главные подрыватели существующих устоев в наше время. Как бы там ни было, тот важнейший факт, что на Западе коммунистические партии перестали быть и силой обновления, и революционной силой, остается бесспорным.

Китай и глобальная революция

Хотя коммунизм пришел на Запад слишком поздно, он появился слишком рано для Востока или, если брать шире, для «третьего мира» в целом. Вместо того чтобы быть той интернационализирующей и гуманизирующей силой, которой, по замыслу Маркса, должен был стать социализм, коммунизм на Востоке является в лучшем случае источником вдохновения для осуществления сугубо националистической модернизации или для революционного противодействия социальной эксплуатации; в худшем случае он представляет собой основу для деспотического фанатизма и массового угнетения. Как и на Западе, достоинства коммунизма чаще проявлялись здесь, когда он не стоял у власти и выполнял роль катализатора в борьбе против неравенства, социальной несправедливости или иностранного господства. Придя к власти, он проявлял тенденцию становиться крайне деспотическим, фанатичным и глубоко националистичным.

* Первая из этих ситуаций более типична для Французской коммунистической партии, и Джордж Лихтхейм совершенно правильно утверждает, что «если роль марксистской доктрины в современной Франции может быть сведена к какой-то формуле, то ее можно характеризовать так. Из видения революционного будущего она превратилась в критическое созерцание вечного и, казалось бы, неизменного настоящего» (George L i c h t h e i m. *Marxism in Modern France, a study by the Research Institute on Communist Affairs*, N. Y., 1906, p. 169). Ко второй ситуации ближе подходит нынешнее положение в итальянской партии, где наиболее четкая концепция новой широкой партии была разработана одним из ее теоретиков, Дж. Аменолой, в серии статей, опубликованных осенью 1964 г. в теоретическом журнале Итальянской коммунистической партии «Ринашита». В этих статьях Аменолоа призывал к созданию единой левой партии, которая не являлась бы ни коммунистической, ни социал-демократической, не была бы накрепко скована идеологическими принципами и не находилась бы под контролем работников партийного аппарата.

Коммунизм на Востоке, даже в большей степени, чем на Западе, сыграл необычайно важную роль в стимулировании националистических настроений среди населения. Это нетрудно понять. Коммунизм пришел к народным массам «третьего мира» еще до их политического пробуждения и добился успеха лишь там, где стал не только внешним выражением, но в то же время и внутренним содержанием нового ощущения национальной самобытности. Делая ставку на индустриализацию как средство удовлетворения народных чаяний и на (внешнем, и на внутреннем фронте, он гальванизировал чувство неполноценности, испытываемое народами Востока в отношении более передового Запада. По сути дела, именно в силу этого коммунизм в «третьем мире» оказался особенно уязвимым для угрозы расизма, который — учитывая горькое наследие империализма белого человека — неизбежно заразил новый национализм⁴⁵. Расизм, однако, является одним из самых примитивных и иррациональных источников побуждений, и опирающаяся на него коммунистическая идеология, будь то в Азии или в Африке, не может не быть лишена своей универсальности и рациональности.

Совершенно иной вызов идеологической и институциональной актуальности коммунизма в глобальных масштабах был брошен победой китайского коммунизма. Китайский коммунизм параллельно с советским не только претендует на роль *единственно* чистого коммунизма нашего времени, но и показал себя готовым подкрепить свои притязания революционными действиями в собственной стране. «Культурная революция» конца 60-х гг., последовавшая через несколько лет за «большим скачком» конца 50-х гг., была призвана избавить правящую партию от опасной склонности к бюрократическому застою и идеологическому окостенению. Китайцы недвусмысленно заявили, что, по их убеждению, советская партия уже пала жертвой подобного окостенения. Культурная революция (интеллектуальный эквивалент социально-экономической перетряски, произведенной «большим скачком») мыслилась как внутреннее, сугубо китайское выражение живой и непрерывной революции. В конечном итоге, однако, она имела для Коммунистической партии Китая те же последствия, какие чуть не принесли советской партии неудачные реформы, проведенные Хрущевым в 1963 г.: она основательно дезорганизовала партию, а вместе с ней и китайскую экономику⁴⁵.

Очернив партию и одновременно возвысив личную власть и роль Мао Цзэ-дуна, китайский коммунизм неизбежно отделил себя от традиционного главного коммунистического потока — невзирая на китайскую теорию о том, что географический центр революционного руководства с годами переместился из Франции в Германию, оттуда в Россию, а теперь в Китай. К тому же в отличие от Сталина, чья роль в между-

народном коммунистическом движении подкреплялась огромным личным авторитетом и фактом руководства единственной коммунистической партией, стоящей у власти. Мао столкнулся с рядом других правящих коммунистических партий, которые неизменно оспаривали его притязания на ортодоксальность и не упускали случая указать на его теоретические ошибки. Все это ослабило международные притязания Китая на идеологическую универсальность и подорвало революционный престиж китайских коммунистов, принизив вместе с тем их бесспорно внушительные достижения в борьбе за преодоление отсталости Китая¹⁷.

Способности Китая служить моделью коммунизма мешал еще уникальный характер его самого. Китайские коммунисты пришли к власти не просто в одной какой-то стране, а в обширном обществе, представляющем всеобъемлющую и весьма утонченную цивилизацию. Эта цивилизация не только разительно отличается от всех других, но и на длительное время придерживается собственной концепции мирового порядка, в котором Китай традиционно занимает центральное место. Хотя исторические и универсалистские категории марксистского учения и уложились в эту специфически китайскую систему мышления, став ее дальнейшим развитием, культурная, языковая и расовая обособленность китайцев автоматически чрезвычайно затруднила экспорт их коммунизма или возможность копировать его модель.

К тому же в отличие от русских, которые часто называли Москву «третьим Римом», китайцы традиционно не проявляли сколько-нибудь ревностного миссионерского пыла. Достижение успеха в миссионерской деятельности требует, помимо личных склонностей, также известной культурной, философской и даже этнической близости с объектом этой деятельности, не говоря уже о традициях прозелитизма. Поэтому не случайно, что, несмотря на все рвение своих миссионеров, христианство, базировавшееся в Европе, в попытках распространить свое влияние в Азии добилось куда меньшего успеха, чем ислам, родившийся на Ближнем Востоке. Вполне возможно, что расовое влечение — физиологически основанное на цвете кожи и идеологически оправданное отождествлением белого человека с империализмом — может перебросить мост между прозелитствующими китайцами и чужестранными миссиями, но даже это влечение даст эффект, скорее, в районах, достаточно далеких от Китая для того, чтобы их население не испытывало страха перед китайским национализмом и опасностью установления китайской культурной гегемонии. Поэтому в перспективе более многообещающим объектом китайских усилий может оказаться Африка, а не Азия.

Эти соображения дают определенный ключ к пониманию вероятных пределов мировой революционной роли Китая. Ни

экстремизм китайских высказываний, ни даже ударная программа создания китайского ядерного арсенала (старая проблема намерений и возможностей) не имеют столь важного значения, как тот факт, что Китай превратился в своеобразное замкнутое триединство — цивилизация-нация-государство. В грядущие годы могущество Китая, вероятно, возрастет, а вместе с тем возрастет и его способность угрожать своим соседям, а в конечном счете даже Соединенным Штатам или Советскому Союзу⁴⁸. Но отсюда отнюдь не следует, что Китай на этом основании превратится в энергичного руководителя активных революционных процессов глобальной значимости. Напротив, по мере того как воспоминания о революционных достижениях китайцев будут постепенно уходить в прошлое, Китаю будет все труднее представлять себя как исторически актуальную революционную модель. Нуждающиеся революционеры будут принимать китайскую помощь, но китайцам, вероятно, будет становиться, скорее, не легче, а труднее убеждать получателей этой помощи в том, что Китай облечен всемирной миссией.

Нет уверенности в том — как это время от времени утверждают, — что в грядущие годы коммунизм предложит «третьему миру» заманчивую модель, сочетающую непрерывное экономическое развитие и социальную модернизацию с политической устойчивостью. Даже если Китай добьется внушительных успехов и его валовой национальный продукт будет не- I уклоно возрастать на 5% в год, то в 2000 г. он все еще останется одной из бедных стран мира. Дело в том, что многочисленность его населения, отнюдь не будучи фактором силы, лишь приумножает масштабы его социальных и экономических дилемм. Приемлемость советского экономического опыта для стран «третьего мира» также вызывает сомнение. Анализ советского опыта решительно наводит на мысль, что индустриализация вовсе не обязательно должна быть результатом стимула, создаваемого применением беспощадных насильственных методов, или следствием физического уничтожения какого-то общественного класса. К тому же важно учитывать, что советская индустриализация осуществлялась в стране, которая уже имела за плечами почти 30-летний опыт промышленного развития, помноженный на беспримерные природные богатства и трудолюбие и дисциплинированность ее населения (причем населения не чрезмерно многочисленного), и которая даже до первой мировой войны обладала таким преимуществом, как наличие надежных статистических данных, сравнительно хорошо подготовленных технических кадров и заблаговременно разработанных предварительных планов будущего развития (см. выше подраздел «Парадокс сталинизма»). Подобные условия можно лишь редко встретить в странах «третьего мира», вступивших ныне

на путь модернизации и индустриализации. Еще неизвестно, ' .
окажутся ли Китай и Куба (последняя, во всяком случае,
была относительно хорошо развита в момент прихода Кастро
к власти) в состоянии явить собой образцы устойчивого рос-
та и политической стабильности.

Из всех стран, где коммунизм пришел к власти без помо-
щи иностранной интервенции (а к таким странам относятся
Советский Союз, Китай, Куба, Югославия, Албания, Вьет-
нам), пока в одной только Югославии удалось добиться
устойчивого экономического роста, социальной модернизации
и политической стабильности без применения методов массо-
вого террора или возникновения острых конфликтов в борь-
бе за власть; но даже Югославии потребовалась широкая
финансовая помощь извне. Кроме того, хотя экономическому
развитию коммунистических стран, особенно наиболее прими-
тивных из них, и сопутствовал (Значительный успех, он был не
больше того успеха, какого добились некоторые некоммуни-
стические страны. К тому же для большинства коммунистических
политических систем (за исключением Югославии, Вьетнама и
Кубы) была характерна спорадическая политическая неус-
тойчивость, которую в ряде случаев приходилось преодоле-
вать с помощью советской интервенции. Таким образом, об-
щая картина имеет в лучшем случае разноречивый характер
и едва ли может служить оправданием для утверждения,
будто одни лишь коммунисты нашли ключ к успешной мо-
дернизации*.

Не нашли они, коли на то пошло, и ответа на проблему
действенного свершения революции. Коммунизм пришел к
власти усилиями самих местных коммунистов лишь в ^ одной
стране, не разрушенной перед этим длительной войной, на
Кубе. В нескольких других странах он пришел к власти уси-
лиями местных -коммунистов, собравших черепки после того,
как там произошел полный развал их государственного аппа-
рата и экономики в результате длительной войны. Во ^всех
остальных случаях история коммунистических революций на-
чиная с 1917 г., скорее, сводится к перечню довольно частых
неудач**, а в Польше, Венгрии и Румынии коммунистический
строй был установлен Советской Армией.

* В этом отношении любопытно сопоставить страны, в которых пра-
вят коммунисты, и страны, управляемые некоммунистическими элитами,
вступившими на путь модернизации; вот некое подобие с-опоставле-
ний: Польша — Испания — Италия; Румыния — Югославия - - Испания,
Чехословакия — Швеция; Венгрия — Австрия; Северная Корея Южная
Корея; Северный Вьетнам — Южный Вьетнам; Китай — Индия и т. д. -эти
сопоставления говорят скорее об известном единообразии процесса раз-
вития указанных стран, чем о существенных различиях в нем. Различия
имеют более явный характер, когда сравнение проводится с не идущим*
по (Пути модернизации некоем-м-у'НИ'СТИ'Ч'в'ок'Ими странами.

** В частный перечень наиболее важных революционных выступ,
лий коммунистов можно включить следующие: революция в Венгрии в

И тем не менее вполне возможно, что в грядущие годы
отдельные коммунистические партии, стоящие на крайне на-
ционалистических, пожалуй даже расистских, позициях, при-
дут к власти в некоторых азиатских, африканских или лати-
ноамериканских странах, апеллируя к националистическим
устремлениям широких :масс и к статизму беспокойной интел-
лигенции. В своем исследовании «Коммунизм и политиче-
ские аспекты развития» Джон Каутский показал, что «влиятель-
ные коммунистической партии наиболее слабо на низшем
этапе экономического развития страны, затем, по мере ее
дальнейшего экономического развития, оно постепенно возра-
стает, достигая своей высшей точки на довольно высоком
уровне этого развития, после чего резко идет на спад в мо-
мент, когда уровень развития экономики будет наиболее вы-
сок»⁴⁹. Это общее положение не следует автоматически при-
менять к странам «третьего мира», делая вывод, будто стоит
только этим странам добиться существенного прогресса на
пути своего развития, как коммунизм в них пойдет на убыль.
Захват власти, например, мог бы произойти на промежуточ-
ном этапе.

Однако маловероятно, чтобы власть подобным образом
была захвачена ортодоксальными и традиционными коммуни-
стическими партиями, которые в некоторых странах (особен-
но в Латинской Америке) уже начали срачиваться с суще-
ствующими здесь социальными институтами. Успешно дейст-
вующие революционеры, хотя они, возможно, и станут на-
зывать себя коммунистами, будут, вероятно, объединены в
рыхло организованные коалиции, составленные беспокойными
интеллигентами — выходцами из средней буржуазии, молоды-
ми офицерами и студентами. Похоже, это будут не привер-
женцы догматической и «универсальной» идеологии, а люди,
! ориентирующиеся на более туманное и менее устойчивое со-
четание радикализма, национализма и даже в какой-то мере
расизма. Коммунистические партии, хотя они и искушены в
деле организации эксплуатируемых и -обездоленных рабочих,
в формировании революционных армий из безземельных, но
националистически настроенных крестьян, не были до сих пор
в состоянии подчинить своей дисциплине, будь то в идеоло-
! гическом или организационном плане, студентов и интелли-
генцию, бунтующих в современных университетах из нержа-
, веющей стали и стекла. Для этих людей более подходящими
символами будут Фанон и Бумедьен или же Болливар и Гева-
ра, но не Маркс и Мао или Маркс и Ленин. Поэтому грядущие
революции не будут ни означать автоматический рост

† 1919 г., Германии в 1918 и 1923 гг., Китае в 1927 г., события во Д^ран-
ции и Италии в 1947 г., Греции в 1948 г., Индонезии в 1949 и в 1965 гг.
† и Боливии в 1966 г.

рядов «международного коммунизма», ни представлять собой шаг на пути к упрочению интеллектуального единства человечества.

Идеологически менее устойчивый, менее дисциплинированный характер этих новых революционных сил находился бы в полном соответствии с теми более широкими тенденциями, которые мы уже отметили. Условия, существовавшие в начале индустриального века, требовали интеллектуальной и организационной интеграции людей, но динамичная перенаселенность глобального города не благоприятствует существованию дисциплинированной, централизованной международной организации, поставившей себе целью распространение какой-то конкретной системы мышления и ценностей и создание на этой основе социального строя, единообразного для всей планеты. Дело в том, что близость, как это ни парадоксально, диктует не единообразие, а плюрализм.

К тому же шансы для подлинно революционных переворотов, которые радикально и быстро революционизировали бы как социальные ценности, так и институты, во всяком случае, незелики. На современном этапе лишь французская, мексиканская и кубинская революции могут быть отнесены к подлинно местным и далеко идущим внутренним революциям, совершенным при отсутствии благоприятствующих подобным событиям катастрофических пертурбаций в результате двух мировых войн. В других районах даже наиболее слабые социальные и политические системы проявили высокую степень стойкости и показали, насколько трудно их свергнуть. В большинстве случаев было обнаружено, что социальную инертность можно побороть лишь постепенно, шаг за шагом, и что все навязываемые сверху радикальные попытки покончить с ней вызвали действительное сопротивление.

В свое время советские теоретики пробовали заигрывать с концепцией национальной демократии как переходного этапа к коммунистической народной демократии. Свержение Бен Беллы, Гуларта, Касема, Кейты, Нкрумы, Папандреу и Сукарно вынудило советских деятелей перейти к теории более длительных и более постепенных революционных процессов; одновременно китайцы и кубинцы начали делать упор на различные формы партизанской войны, часто навлекая на себя при этом открытую критику со стороны местных коммунистических партий*. И в том, и в другом случае косвенным обра-

* Проблемы, поставленные на карту, были в весьма резкой форме изложены генеральным секретарем Коммунистической партии Венесуэлы Хесусом Фариа, который в интервью, опубликованном в печатном органе венгерской компартии газете «Непоабдашаг» (17 февраля 1968 г.), заявил: «Опыт показал, что массы отходят от прежней вооруженной борьбы... Четыре миллиона человек участвуют в избирательной кампании, и мы убеждены, что смогли бы лучше ориентировать людей, если бы так-

зом признавалась возрастающая устарелость классической революционной теории и делалась уступка социальному партикуляризму, который — когда он связан с идеологическим догматизмом — означает сектантство.

Сектантство есть не что иное, как отрицание универсализма. Может оказаться, что коммунизм был последней великой объединяющей догматической верой. Там, где некоторые коммунистические партии присоединяются сегодня к своим национальным институтам, они скорее приспособляются к реальной действительности, чем формируют ее. Там, где некоторые коммунистические партии в «третьем мире» занимают позиции расизма и страстного национализма, они капитулируют перед этой действительностью, вместо того чтобы преобразовать ее. И в том, и в другом случае они утрачивают свою самобытность, которая, стоит ее потерять, едва ли может быть когда-нибудь возвращена. Поэтому, даже если вы не марксист, это еще не обязательно должно служить основанием. Для радости по поводу того, что коммунизм, способствовавший росту коллективного сознания человечества и мобилизовавший массы на борьбу за социальный прогресс, так и не смог решить своей первоначальной задачи связать гуманизм с интернационализмом.

же принимали участие в ней... Ультралевые группы в Венесуэле, которые игнорируют состояние боевой готовности масс и настаивают на лозунге вооруженной борьбы любой ценой, совершают одну ошибку за другой и попадают во все большую изоляцию».

Часть IV

АМЕРИКА В ПЕРЕХОДНОМ СОСТОЯНИИ

Есть нечто пугающее и озадачивающее в обществе, которое может изменить связь человечества со Вселенной, послав человека на Луну, и вместе с тем расходовать 30 млрд. долл. в год на ведение в другой стране войны, презираемой значительной частью народа; в обществе, способном иметь самые мощные в истории и разбросанные по всему свету вооруженные силы и в то же время способном подавлять расовые волнения на улицах, ратуя в судах за радикальный переворот в существующих в стране расовых отношениях; наконец, в обществе, которое делает все это в условиях взрыва в области высшего образования, процветающего в быстро расширяющихся и бурлящих университетах, в обстановке загнанных городских центров, беспомощных политических институтов и динамически растущих смежных отраслей производства, меняющих образ жизни граждан и их способы общения друг с другом. Любого из этих аспектов было бы достаточно для того, чтобы трансформировать ценности общества и его представление о себе; нескольких из них могло бы быть довольно, чтобы сокрушить его систему. Все они, вместе взятые, создают положение, которому нет аналогии в других обществах и которое красноречиво свидетельствует об уникальном характере современного американского опыта.

Современная Америка — это социальная лаборатория мира. Проблемы, с которыми начинают сталкиваться наиболее развитые его районы (и которые наблюдает «третий мир»), затрагивают Америку самым непосредственным и нередко болезненным образом. Именно в Соединенных Штатах решающие дилеммы нашего века проявляются наиболее ярко; именно в Соединенных Штатах способность человека подчинить себе свое окружение и осмысленно определить свои взаимоотношения с ним проверяется особенно сурово. Может ли человек использовать науку в подлинно гуманных целях? Могут ли свобода и равенство сосуществовать друг с другом, причем сосуществовать в условиях многорасовости? Могут ли заслуги и достижения получить должную оценку без помощи специальных привилегий? Может ли техника быть социально сознательной, не приводя к чрезмерному социальному контро-

лю? Может ли общество с различными воззрениями избежать полного недоверия? Эти вопросы доминируют в современной американской жизни — центре внимания всего -мира — и порождают противоречивые и зачастую критические суждения о значении американского опыта¹.

В отличие от положения в Советском Союзе в Америке потребность -в переменах дает -себя знать со всей очевидностью. В Советском Союзе общество подобно кипящей подземной лаве, которая бьется о твердую кору политической системы. В более податливых к переменам Соединенных Штатах -социальные, -экономические и .политические -силы открыто stalkиваются, преобразуются и взаимодействуют на широком фронте. Возникающие в результате пертурбации но-сят столь же созидательный, -сколь и разрушительный характер и ведут к метаморфическим изменениям в том уникальном сочетании порядка и хаоса, которое известно как Соединенные -Штаты.

Через 20 лет население Соединенных Штатов подойдет к цифре 300 млн. человек, из коих около 80% 'будут жителями больших городов и почти 50% 'будут в возрасте меньше 20 лет. Интенсивно научное по своей ориентации американское общество будет в большей мере господствовать над земным и космическим окружением, чем любое другое общество. В то же время оно будет переживать острые социальные конфликты, в которых главную роль -будут играть расовые соображения; однако и антагонизм между поколениями явится здесь серьезным и болезненным бременем. -По всей .вероятности, это будет также -общество, переживающее острую депрессию в области культуры, не уверенное в -своих эстетических нормах и ищущее общих объединяющих ценностей.

Современная Америка находится в состоянии перехода -от индустриального века к веку технотронному. Будучи первым в ми-р-е послеиндустриальным обществом, Соединенные Штаты уже не формируются теми силами, которые -стимулируют социальные изменения в развитых странах с тех самых пор, как в Англии впервые появилась машина. Такая широкая трансформация вызывает кризис традиционных американских ценностей и институтов, в частности традиции либеральной демократии, и, поскольку страна приближается к двухсотой годовщине своего существования, трансформация эта требует нового определения американской -системы.

Либеральная демократия представляет собой -своеобразное сочетание аристократической традиции, конституционной законности и массовой демократии. Б отличие от коммунизма она не является интеллектуальным детищем сложившегося в муках исторического опыта и не воплощена .в движении, -которое черпает вдохновение и преданность делу из глубоко укоренившейся манихейской традиции. -Скорее, она продукт медленного (хотя -и ускорившегося порой революционными со-

бытия,ми в Англии, Соединенных Штатах и Франции) процес-са -создавшего путем постепенных накоплении широкую тра- . дицию общественного поведения, комплекс лишь частично оп-ределившихся ценностей и.весьма четко разработанные юри-дические процедуры и институты. Аристократическая традиция делала^ставку „а ли,вое превосходство и личные достижения; ■правда со временем критерии такого превосходства измени-лись и^стали менее строгими. Законность, в прошлом, несом-ненно, служившая целям защиты традиционных интересов, выдвигала на первое Metro упорядоченность и объективность в общественных отношениях и поэтому постепенно встала .на защиту отдельной личности. Демократический элемент под воздействием всеобщего избирательного права не только ослабил аристократический компонент либерализма, но и все-лил в либеральную демократию чувство большой озабоченно, сти общественным благосостоянием.

Эти компоненты сочетались между собой неопределенным и иногда беспорядочным образом; время от времени они всту-пали друг с другом в конфликт и сталкивались. В американ-ской истории такие столкновения были бурными, хотя в це-лом носили довольно спорадический характер. Гражданская война была -главным исключением из этого правила, и ее ис-ход привел к успешной и быстрой ликвидации аристократиче-ского элемента .в американской традиции, тогда как процесс упадка европейской аристократии протекал медленно. Про-мышленная революция породила свои противоречия и свои вспышки насилия, н-о быстрые темпы ее развития, а также .на-личие европейского капитала и иностранных рынков смягчали трудности роста по мере того, как эта революций расширяла, а затем и укрепила демократический компонент. Возникшие в результате общественное богатство и демократическая сво-бода сделали Америку символом новой формы социальной организации, особенно притягательной в силу того, что ее внушительные успехи заслоняли собой -ее социальные пороки.

Эта фаза подходит к концу. Социальные шоры, н,е позво-лявшие Америке видеть свои недостатки, теперь сорваны, и тягостное осознание ею сохраняющегося несовершенства аме-риканского общества еще усугубляется интенсивностью и бы-стротой 'происходящей перемены. Одним словом, Америка п реживает новую революцию, отличительной чертой которой является то, что она -одновременно и доводит до максимума потенциал Америки, и вскрывает ее устаревание. ¹

1. Третья американская революция

Легко с точностью указать даты революций во Франции и Мексике или большевистской, -китайской и кубинской револя-ций. Нетрудно также установить время и -сущность первой

американской революции. Из колонии эта революция создала государство; безотчетные, но страстные убеждения американских граждан породили Декларацию независимости и конституцию, которые сформулировали новые принципы политического и социального строя.

Историческая идентификация становится более сложной, когда речь идет о второй американской революции. Когда именно она произошла и что совершила? Хотя суть этой революции нельзя определить с такой же точностью, как суть ее предшественницы, остается фактом, что сугубо сельское, частично аристократическое и даже рабовладельческое общество с ограниченной представительной политической системой было превращено в городское индустриальное государство *, где относительное равенство в юридическом, политическом и социальном отношениях распространялось — по крайней мере по форме — почти на 90% его жителей и где для общественности было в основном характерно широкое согласие с принципом обеспечения социального благосостояния посредством вмешательства правительства. Следовательно, это также было подлинной революцией, хотя и не столь ограниченной во времени, как первая. Понадобились Гражданская война, индустриализация страны, массовый приток иммигрантов и, наконец, Новый курс, чтобы преобразовать американское общество. Назвать такой ход вещей революцией — значит, видимо, расширить концепцию революции, но нет сомнения в том, что и институты, и ценности Соединенных Штатов оказались в результате его глубоко измененными за период немногим более столетия.

Охарактеризовать третью американскую революцию даже еще труднее, поскольку мы живем сейчас в разгар ее и поэтому не можем быть уверенными в ее исходе. Однако в одном отношении она легче поддается определению, чем вторая, ибо ее воздействие и результаты более сконцентрированы во времени. Третья революция стала набирать силу после второй мировой войны под влиянием ряда факторов; такими факторами были: массовый приток в колледжи бывших солдат; сопутствовавший этому событию бурный расцвет высшего образования и растущее признание первостепенности социального значения образования; сочетание национальной мощи и современной науки, увенчавшееся укрощением ядерной энергии а выступлением федерального правительства в роли главного организатора научных исследований; внезапное возникновение

* В 1800 г. сельское население Соединенных Штатов составляло около 94% всего населения, в 1850 г. — примерно 85, в 1900 г. — 60, в 1950 г. — 35%. Подсчитано, что к 2000 г. сельское население будет насчитывать примерно 50 млн. из 300 млн. человек, или 17%. В 1969 г. 73% всех американцев жили на 1% территории («Тайм», 24 января 1969 г. тр. 18, 30—33).

скоростных средств трансконтинентальных связей, начиная с ■создания самой современной в мире и самой развитой сети шоссейных дорог, скоростного авиационного пассажирского транспорта и исключительно эффективной, мгновенно действующей трансконтинентальной системы^ телефонной связи и кончай сблизившей всю страну системой телевидения, преобразование методов управления экономикой, вызванное появлением счетно-вычислительных машин и других электронных устройств, преодолевающих сложность, 'расстояние и даже распыление административной власти; упадок значения промышленности как важнейшего источника занятости для большинства американцев. Под воздействием техники, и в частности электроники, третья революция изменяет основные институты и 'ценности американского общества, причем, как это было и с предыдущими революциями, она наталкивается на противодействие, стимулирует насилие, вызывает тревогу и пробуждает надежды.

В процессе своего развития она создает три ”” ”” одной. Возникает новая Америка, олицетворенная новыми комплексами обучения, исследований и разработок, которые связывают высшие учебные заведения с обществом и порождают невиданные доселе возможности для новшеств и экспериментов одновременно -стремительно повышая интерес общественности к изобразительному искусству и культуре, о чем свидетельствуют новые музеи и центры искусств, .ехно-электронная Америка — это электронные лаборатории и учебные центры, выстроившиеся вдоль окружающей Бостон дороги № 128²” это учебно-научные конгломераты вокруг Лос-Анджелеса и Сан-Франциско и это -новые передовые отрасли -промышленности. Населяющие пригороды представители среднего класса все больше тяготеют к этой Америке, хотя нередко -негодуют по поводу сциентизма и с тоской жаждут большей общности и стабильности.

[Промышленная Америка — вторая Америка это солидные заводы и металлургические предприятия Детройта и Питтсбурга где производственные рабочие, -постепенно забывая травмы Великой депрессии и начиная наслаждаться благами своей обеспеченности и наличием досуга, боятся, как бы их новое социальное положение не оказалось под угрозой снизу. Ведь эта вторая Америка жив-ет бок о бок с разрушающимися трущобами крупных индустриальных городов, все больше заселяемых представителями расового меньшинства, которое -с трудом поддается ассимиляции, ибо общество лишь с опозданием начало вовлекать его в 'промышленную эру.

Наконец, существует исконная, 'первая Америка, до-индустриальная^Америка издольщиков и кочующих рабочих из района дельты Миссисипи, а также утративших бывшее значение горняков из Аппалачей, чей доход намного ниже средне-

го по Америке. В этой Америке доступ к образованию значительно более ограничен, чем в других районах страны, и расовая дискриминация практикуется открыто³. Эта Америка стремится вступить в индустриальный и послейиндустриальный века, но для этого ей необходима помощь новой Америки, ценности и концепции которой она часто ставит под сомнение и редко разделяет.

Новая Америка только сейчас обретает форму. «Сегодня ребенок не только должен радикально порвать с прошлым; его надо также подготовить для неизвестного будущего. И эта задача стоит также перед всем обществом в целом»⁴. Нынешняя трансформация выдвигает, кроме того, глубокие философские вопросы в отношении самой сути социального существования, поскольку она в значительной мере проистекает из небывалого расширения власти науки как над окружением человека, так и над самим человеком*. Исследования происходящих перемен⁵ все больше подтверждают тот факт, что под воздействием техники общество претерпевает далеко идущую революцию.

Темпы и направление прогресса

Факты, отражающие изменения в Америке, известны, и поэтому нет необходимости останавливаться на них подробно. Прежде всего, намного вырос сектор общества, занимающийся наукой и знанием. Это означает серьезный рост — более быстрый, чем в других секторах, — числа ученых, студентов колледжей и, конечно, готовящих их институтов **. В результате университет стал творческим центром большого учебно-инфор-

* Вопросы, рассмотренные в первом подразделе части I этой книги, особенно важны для понимания современной Америки, так как они касаются основных различий между обществами индустриальным и технологичным.

** Масштабы этого изменения можно показать на нескольких цифрах. Число студентов колледжей увеличилось в 1964—1969 гг. на 45%. В 1965 г. более 50% всех взрослых имели среднее образование, в 1900 г. соответствующая цифра была только 1%! (См. А. J. Маггю, D. Q. Боверс, S. E. Сешор, *Management by Participation*, N. Y., 1967.) Число учителей возросло примерно с 4,3 млн. в 1954 г. до 2,1 млн. (приблизительно) десять лет спустя: число инженеров увеличилось с 0,5 млн. почти до 1 млн. По подсчетам, содержащимся в исследовании ОЭСР по вопросам американской науки, в период между 1963 и 1970 гг. число ученых в Соединенных Штатах выросло с 2,7 млн. до 4 млн., число докторов различных отраслей науки — с 96 тыс. до 153 тыс., а докторов технических наук — с 10 тыс. до 17 тыс. В 1869—1870 гг., то есть примерно в начале американской промышленной революции, количество всех степеней, присвоенных высшими учебными заведениями, было чуть менее 40 тыс.; в 1889—1890 гг. оно составило 17 тыс., в 1939 — 1940 гг. — 216 тыс., через 10 лет оно достигло 497 тыс., а в 1963—1964 гг. — 614 тыс. За истекшие 20 лет затраты на исследования и разработки увеличились в 15 раз, расходы на образование — в 6 раз, в то время как валовой национальный продукт (в.н.п.) утроился (см. Daniel Bell, *The Measurement of Knowledge and Technology*, p. 201, 206, 228; *Reviews of National Science Policy: United States, OECD*, p. 45, 54).

мационного комплекса, источником многих внутренних и международных стратегических нововведений. По общественному престижу и влиянию университет вытесняет эквивалентные институты более традиционной Америки — церковь и крупный бизнес.

Упор на науку и обучение идет рука об руку с рационализацией методов исследования и преподавания и применением новых обучающих, управляющих, рассчитывающих и информационных устройств, которые меняют традиционную практику и методику хранения и выдачи накопленных знаний. Уже разрабатывается⁶ национальная информационная сеть для объединения данных, хранящихся в существующих электронных устройствах, с тем чтобы создать единый общий фонд всех знаний, накопленных в стране. (Все более переполняющиеся библиотеки, возможно, в скором времени найдут облегчение, перейдя к технике ультрамикродокументирования, впервые введенной НАСА: книгу объемом 2 тыс. страниц можно разместить на пленке размером меньше средней книжной страницы. Каждый небольшой колледж сможет иметь библиотеку, не уступающую никакой другой⁷. Хотя американские теоретики по вопросам образования расходятся во мнениях относительно того, в какой мере учебные комплексы смогут приспособить новую технику для собственных целей, их споры показывают, что их больше занимают вопросы технического порядка, чем связанные с этой задачей философские проблемы⁸.

Современный бизнес также делает ставку на знания и быстрое освоение технологических новинок. Для этого требуется объединение ресурсов и коллективные организационные усилия, частая и систематическая переподготовка высшего персонала и, наконец, установление тесных связей с центрами знания. Линейное программирование, системный подход к проблемам, координация работы различных групп и очень глубокое проникновение в вопросы человеческих отношений и психологии труда становятся доминирующими чертами управленческих процессов. По словам Лоуренса Эппли, председателя Американской ассоциации менеджмента, число менеджеров, входящих в профессиональные общества и работающих с консультантами по управлению, увеличилось с 10 тыс. в 1948 г. до более чем 600 тыс. в 1962 г.⁹. В оперативном отношении бизнес все меньше напоминает политическую иерархию или личную вотчину и все больше уподобляется комплексному научному предприятию, которое не только производит то, что уже известно, но и систематически стремится выявить, чего следует ждать в будущем*.

* «Новый стиль в подходе к будущему не имеет общепринятого, исчерпывающего наименования, но названия его наиболее совершенных методов стали за последние 10 лет известны большинству бизнесменов, ра-

Суммируя социальные преобразования, вызванные техникой, Дэниел Белл перечисляет пять основных областей, претерпевших изменения: «1) давая больше товаров при меньших издержках производства, техника стала главной движущей силой повышения уровня жизни во всем мире... 2) техника создала новый класс, ранее неизвестный в 'Обществе, класс инженеров и техников... 3) техника привела к новому определению рациональности, к новому виду мышления, когда на первый план выступают функциональные отношения и количественные аспекты... 4) революция в области транспорта и массовых средств информации, как следствие развития техники породила новые экономические взаимозависимости и новые социальные взаимодействия... 5) радикально изменилось эстетическое восприятие, особенно в том, что касается космоса и времени»¹⁰.

К этому следует добавить новое чувство самосознания, рожденное растущей способностью общества видеть себя в зеркале телевидения, подкрепленное возросшей опорой на статистический анализ * и усиленное систематическим изучением

ботнигов правительственных учреждений, военных, ученых и технических специалистов. Эти методы (системный анализ, системное планирование) сейчас широко применяются с использованием вычислительных машин и без их помощи. Главная составная часть нового метода — анализ «издержки — прибыли» и «издержки — эффективность». Цели и средства комбинируются таким образом, чтобы руководителю стали виднее возможные для него альтернативы и лучшие способы сопоставления результатов с предположениями и намеченными целями.

Среди характерных черт новой методологии можно отметить: 1) более откровенное и сознательное внимание выбору целей, к которым направляются планируемые действия, и попытка улучшить планирование путем более конкретного определения целей; 2) более систематичное заблаговременное сравнение возможных средств осуществления целей на основании критериев, выведенных из анализа самих намеченных целей; 3) более беспристрастная и эффективная оценка результатов, обычно с использованием системы наблюдения за прогрессом в достижения промежуточных целей; наряду с этим проявляется чувствительность (подобная чувствительности рынка) к изменению ценностей и определению целей; 4) попытки, часто теоретически обоснованные, использовать научные и другие специальные знания в гибких рамках информации системы принятия решений с тем, чтобы определенные обязанности могли быть возложены на наиболее компетентных лиц; 5) упор на информацию, прогнозирование и убеждение, а не на принуждение и авторитарную власть как на главные средства координации отдельных элементов предпринимаемых усилий; 6) возросшая способность прогнозирования суммарного влияния друг на друга нескольких линий одновременного действия; это может изменить намеченный образ действий в направлении уменьшения нежелательных их последствий или породить другие *линии* действия, корректирующие или компенсирующие подобные предвиденные последствия» (Макс Уэйс Путь к 1977 году, «Фтарчун», январь '1967 г., стр. 94-95).

* Полезно напомнить, что 100 лет назад американец если и видел капда-нибудь, то во всяком случае очень редко, диаграммы, графики и таблицы, которые современный американец встречает почти ежедневно в газетах и журналах и которые являются непрменным элементом любого отчета или исследования.

возможностей управлять не только настоящим, но и будущим. Кроме того, может быть, впервые за всю свою историю американское общество начинает подходить к таким вопросам, как раса и нищета, с государственной точки зрения, поэтому недостатки в одном секторе перестают быть относительно безразличными для другого района, или класса, или меньшинства. Все это стимулирует более обдуманное, менее случайные усилия по выявлению социальных недостатков¹ и, таким образом, связывает моральное осуждение социальной несправедливости с более конкретными попытками улучшить общее положение в сфере социальной жизни. Бесчеловечное отношение человека к человеку воспринималось, конечно, с большей легкостью в условиях, когда отношения между людьми были менее тесными, классовые интересы были раздробленными и общественное сознание редко реагировало на очевидную несправедливость.

Следствием этого является не только быстрый прогресс во многих областях и возросшее осознание обществом существующих недостатков, но и обострение старых проблем, а также возникновение новых задач. Экономическая основа, определяющая материальное положение среднего американца, расширялась за последние годы столь стремительными темпами, что доля в.н.п., приходящаяся на душу населения, росла в Америке быстрее, чем в любом другом развитом обществе или в обществах, становящихся таковыми². Это изменение сопровождалось в 1959 — 1967 гг. значительными и даже все ускоряющимися сдвигами в распределении дохода и в характере занятости (табл. III и 12). Такие сдвиги свидетельствуют об укреплении древних звеньев американского общества явлении, не только говорящем о наличии здесь большего социального эгалитаризма, но и наглядно вскрывающем политические аспекты нынешнего переходного состояния Америки (об этом см. ниже).

Гоблш.0 И

Изменения в распределении дохода

Процент семей с доходом, тыс. долл.	1959 г.	1963 г.	Изменение за 1959—1963 гг.	1967 г.	Изменение за 1963—1967 гг.
Более 15	3,1	5,4	+ 2,3	12,2	+ 6,8
5—15	52,3	58,3	+ 6,0	62,7	+ 4,4
Менее 5	44,6	36,2	— 8,4	25,1	-11,1

Источник — «Consumer Income», Current Population Reports, Department of Commerce, August 5th 1968, pp. 2-7. Цифры укaзывaют сумму дохода до вычета налогов. Однако в отчете говорится. «<<Даже с учетом изменений в ценах на потребительские товары семейный доход возрастал в каждом из последних 4 лет на 0,0 4/0» (стр.).

Изменения в характере занятости (в процентах)

Год	Белые воротнички *	Синие воротнички ^{11*}	Сфера обслуживания	Работа на фермах
1958	42,6	37,1	11,9	8,5
1967	46,0	36,7	12,5	4,8

Высококвалифицированные рабочие, инженеры и служащие • —
Прим. ред.

** .Производственные рабочие. — Прим. ред.

Источник — «Manpower Report of the President», Department of Labor, Wash., D. C., April 1968, p. 232.

В дополнение к этим общим процентам надо отметить тот факт, что в конце 60-х гг. американцы имели в личном владении около 70 млн. автомобилей, что у 95% американских семей было по крайней мере по одному телевизору, а у 25% _____ по ^меньшей мере по два и что более 60% американских семей жили в собственных домах¹². Несмотря на бесспорно все еще сохраняющуюся в Соединенных Штатах нищету, американское общество подходит к невиданному доселе изобилию, распространяющемуся на все классы.

То обстоятельство, что миллионы американцев живут в бедности, было за последние годы зафиксировано во множестве документов, и безразличие к этой проблеме большинства общества оказалось хотя бы до некоторой степени поколебленным. Первоначально к категории людей, живущих в нищете были отнесены—путем произвольного и очень большого приближения лица с доходом менее 3 тыс. долл. в год при семье из 4 человек и с доходом 1500 долл. для одиночек. Нет сомнения, что такой уровень дохода означает серьезные лишения для большинства и даже недоедание для многих, но еще более угнетающим является психологическое чувство обойденности при распределении общего богатства страны*». Тем не менее и здесь быстрота экономического роста, в сочетании с более целенаправленными усилиями, привела к прогрессу: с 1961 по 1969 г. группа, стоящая на уровне нищеты — каким его определило управление социального обеспечения и с уче-

* .Именно этот психологический критерий некоторые иностранные комментаторы оставляют без внимания, когда говорят с оттенком зависти о том, как определяют в Соединенных Штатах границу нищеты. Например: «...Америка проводит черту нищеты на уровнях, которые за границей считались бы высокими. Несмотря на всю печальную статистику в отношении гетто, надо помнить, что в 1967 г. около 88% всех черных американских семей имели телевизоры» (см. статью: «Слабонервный бияловнер», опубликованную в специальном выпуске журнала «Экономист» от 11 мая 1969 г., стр. 51).

том роста цен, — сократилась с 22% до 13% численности всего населения¹³. Кроме того, согласно докладу Консультативного экономического совета, представленному в начале 1969 г., если только существовавшие в 1961 — 1968 гг. темпы сокращения числа бедняков сохранятся и в дальнейшем, то «нищета» будет полностью ликвидирована за 10 лет, если сохранятся темпы 1968 г., то она исчезнет в течение немногим более 5 лет. На это будет расходоваться по 9,7 -млрд. долл. в год (что составляет 1% в.н.п. и 5% -федерального бюджета).

Нищета особенно свирепствует среди черных американцев, но не только их одних. В 1966 г. средний по стране доход этой части американского населения достигал всего 58 \$ среднего дохода белых; к 1968 г. он вырос до 60 \$. Негры - главные жертвы плохих жилищных условий, недостаточного школьного образования и безработицы. Городские трущобы являлись в гораздо большем количестве неграми, чем белыми (а в настоящее время в Соединенных Штатах черные американцы гораздо больше урбанизированы, чем белые). Жизнь в этих трущобах воскрешает в памяти худшие времена периода индустриализации и тем более нетерпима, что трущобы представляют собой уже не аспект экономического роста, а лишь исчезающее напоминание о веке, который Америка все больше оставляет позади.

Тем не менее и здесь экономический рост и появление новых социальных ценностей делают заметным ускоряющийся прогресс. Очевидные успехи достигнуты в области гражданских прав — особенно в том, что касается образования и жилищного обеспечения, — но имеются они и в области экономики. В 1961 г. 56% американских негров были отнесены к категории бедных, а к 1969 г. цифра эта уменьшилась до 33 %, в 1956 г. только 9% негритянских семей имели доход свыше 7 тыс. долл., в то время как к 1968 г. число их выросло до 28% и средний доход негритянской семьи составлял 5360 долл.¹⁵. В период между 1960 и 1966 гг. число негров среди лиц свободных профессий, технических специалистов и управленцев удвоилось, а число негров, живущих в не отвечающих стандартам жилищных условиях, сократилось с 40 % в 1960 г. до 24% в 1968 г. По данным опроса, проведенного институтом Гэллупа, в 1963 — 1969 гг. число негров, выражающих удовлетворение своей работой, увеличилось с 54 до 60 %, а число представителей этой категории населения, удовлетворенных жильем, возросло с 43 до 50%¹⁶.

Большие изменения происходят также в американской культурной жизни в целом. Рост образования, увеличение объема свободного времени и, пожалуй, бессознательная реакция на опасность того, что техника может породить культурную опустошенность, вызвали повышение интереса к музыке, театру и изобразительным искусствам. В результате не только

активизировалось строительство центров искусства и возродилась жизнь американских музеев, но и стала широко применяться новая техника, такая, как видеомэгафон и стереофонические записывающие устройства, что дало людям возможность наслаждаться благами культуры, сидя дома, тогда как раньше им приходилось тратить на это много времени и денег. Кроме того, телевизионные передачи по закрытой сети открыли новые возможности для получения университетского образования или организуемого музеями образования для взрослых, не выезжая из своего городка или поселка или даже у себя на дому. [Поэтому культура и образование перестали быть привилегией избранных; они становятся все более доступными для неизменно растущего числа американцев, а иногда также и показным символом нового процветания.

Экономический прогресс и возросшие социальные чаяния ускорили приток в колледжи и университеты большого числа молодежи из семей, где раньше не было людей с высшим образованием. >В 1966 г. примерно из 4,3 млн. студентов колледжей, получающих помощь из дому, 63% происходили из семей, в которых глава семьи не проучился в колледже и года. Еще более поразителен тот факт, что 30%, или почти половина от названной выше цифры 63%, были из домов, где глава семьи не окончил даже четырех классов средней школы¹⁷. В 1963—1969 гг. число молодых мужчин-негров с законченным средним образованием увеличилось с 36 до 60%; число ■негров, получивших диплом колледжа, возросло с 4% в 1963 г. до 7,5% в 1965 г.¹⁸, то есть за какие-нибудь 2 года почти удвоилось. В конце 60-х гг. 83% 46—17-летних черных американцев все еще учились в школах и доля поступающих в колледжи негров больше соответствовала доли молодежи в такой же возрастной группе в Западной Европе¹⁹.

Поскольку высшее образование стало в Америке наиболее важным средством социального продвижения, приведенные цифры свидетельствуют о потенциально многозначительном прогрессе*. Так, в 1969 г. около 37% всех студентов колледжей были выходцами из семей производственных рабочих, ра-

* Одним из смежных и интересных аспектов такого развития событий служит растущее вступление в политическую элиту страны представителей ранее не участвовавших в ней этнических и расовых групп. Евреи, негры, итальянцы и, в меньшей степени, поляки и греки появляются в национальном правительстве на уровнях и в масштабах, ранее редко достигавшихся не членами привилегированных кругов. Хотя точных статистических данных на этот счет нет, эти новые «элиты» (чей американизм иногда столь же рван, настолько он нов), возможно, в какой-то мере способствовали возрождению боевитой, националистической, динамической ориентации, отмеченной Дэвидом Рисманом в статье «Некоторые вопросы изучения американского национального характера в XX веке» («Летописи Американской академии политических и общественных наук», март

ботников сферы обслуживания или фермеров²⁰. Образование и научно-теоретические достижения все больше становятся мерилом социальной ценности. Этот фактор играет особенно важную роль в области расовых отношений. Перспектива стать мелкими торговцами или разделить судьбу героев Торацио Олджера кажется не очень-то заманчивой или многообещающей миллионам молодых негров; массовое образование в сочетании с растущими нуждами экономики обеспечивает широкий канал для удовлетворения личного честолюбия в социально значимых масштабах. Поэтому образование может послужить отправной точкой для достижения социально равноправного и политически демократического многорасового общества. Приход к такому обществу означал бы для человечества историческую победу, ибо остается неприглядным фактом то, что сфера расовых отношений наиболее уязвима для действия иррациональных сил, движущих поведением людей,— для того визуального, инстинктивного, нетерпимого подхода, который почти автоматически вступает в силу, когда дело идет о представителях расовых меньшинств.

Неопределенность прогресса

Однако надо тут же добавить, что до того, как Америка станет в полной мере таким обществом (фактически для того, чтобы оно стало им), необходимо прежде всего преодолеть неассимилированное наследие индустриальной Америки, а также решить необычные проблемы, присущие американскому переходу к технотронному обществу. Сначала неохотное, а затем все более широкое признание общественностью того факта, что, хотя страна уже вступила в новую фазу своей жизни, перед ней все еще стоит задача окончательно разделиться с остаточными явлениями прошлого, создало чреватую взрывом ситуацию, которая уже дала себя почувствовать и может еще больше ухудшиться.

Возникновение экономического спада, 'влекущего за собой крах зародившихся было надежд, имело бы особенно пагубные последствия для стабильности американского социального строя. Многие, конечно, зависят от способности развивающейся экономики амортизировать существующие трудности и улучшить положение. Экономический рост относительно устойчивыми и высокими темпами, достигающими примерно 3,5% в год (при известных годовых колебаниях), видимо, является непременным условием непрерывной эволюции американского общества в направлении такой ситуации, когда свобода и равенство будут поддерживать, а не подрывать друг друга. Это особенно верно в том, что касается нищеты и расовых отношений, при которых даже социальная помощь будет бессильна принести сколько-нибудь реальную пользу в случае экономического спада. 'Первыми жертвами спада ока-

жутся 'бедняки и негры — ведь на их плечи всегда ложится непомерно высокая доля страданий, -вызванных разладом в экономике*.

К сожалению, нет уверенности даже ,в том, в состоянии ли сравнительно быстрый экономический рост, наблюдавшийся в 60-х гг., ликвидировать как в абсолютном выражении, так и относительно к росту общества в целом** то, чего не успела завершить индустриализации Америки. По сути дела, в стране одновременно сосуществуют две довольно отличные друг от друга экономики — отстающая и даже разлагающаяся индустриальная экономика (все больше сталкивающаяся с более эффективной иностранной конкуренцией, чрезвычайно подверженная циклическим спадам и использующая беднейших и менее квалифицированных рабочих) и экономика расширяющаяся, технотронная (основанная на аэрокосмической и других передовых отраслях промышленности и использующая лучше обученных, более образованных и выше оплачиваемых рабочих); это обстоятельство затруднило ассимиляцию и повышение статуса беднейших слоев американского общества.

Подобный разрыв в положении различных социальных групп осложняет задачу создания расовой гармонии, базирующейся и на свободе, и на равенстве. Негров следовало интегрировать в американское общество *в процессе* американской промышленной революции. К сожалению, эта революция произошла до того, как Америка, если не негры, была готова к полной интеграции. Если бы черные американцы представляли собой только экономическое наследие доиндустриального века, их, быть может, удалось бы более эффективно интегрировать в индустриальный век. Однако расовые предрасудки помешали им приобрести необходимые знания и квалификацию. Проблема эта все разрастается, и в настоящее время наиболее развитым американским индустриально-город-

* Наличие в конце 1968 г. 3,2% безработных означало, что 21,5% всех черных подростков не имели работы (для белых соответствующая цифра равнялась 11,6%) и что безработица затронула 3,4% взрослых негров (процент безработных белых составил 1,6).

** «При 4%-ном росте мл. (в неизменных ценах, что выше среднего роста с 1960 г.) число бедных семей, вероятно, составит в 4974 г. -почти 17 млн. по сравнению с 26 млн. в 1967 г. Из них более 4 млн. будут семьи, возглавляемые несовершеннолетними работающими мужчинами, тогда как в 1967 г. таких семей было 10 млн.» (Department of Health, Education and Welfare, *Toward a Social Report*, Wash., D. G., p. 47).

«-В 4947 г. самые бедные 20% населения получили 5% общей суммы дохода и сохранили эту 5%-ную долю и в 1964 г. ...Следующая за ними по степени бедности пятая часть американцев получила 12% дохода в 1947 г. и 42% в 1964 г. Короче говоря, на долю 40% американского населения приходилось в течение всего послевоенного периода 17% дохода. Наиболее богатые 5% населения получили -примерно такую же часть национального дохода, как и указанные 40%» (Michael Harrington *Toward a Democratic Left*, N. Y., 1969, p. 26).

ским районам становится трудно включить негров (расовое меньшинство и единственное феодальное наследие Америки) в орбиту своей деятельности именно потому, что эти районы вступают в новую и более сложную фазу своего развития, которая требует от рабочих наличия более совершенных социальных навыков. Как ли парадоксально это звучит, можно утверждать, что сегодня у Юга в перспективе гораздо больше шансов, чем у других районов страны, на полную интеграцию негров: сознание американцев меняется, черное население пробудилось и американский Юг начинает продвигаться в индустриальный век. Может случиться, что, если это движение будет достаточно быстрым, оно увлечет за собой и негров²¹.

Все еще остается нерешенным более трудный вопрос: окажется ли скорость развития достаточной, чтобы позволить во всеоружии встретить вызов, брошенный одновременными «взаимно друг друга усиливающими процессами, вызванными пробуждением черных американцев и их разочарованием в американской системе? Многочисленные опросы общественного мнения выявили крепнувшее убеждение негров в том, что у них нет иного выбора, как порвать с существующей политической системой, опереться на замкнутость в своем кругу и даже на насилие как основные средства достижения прогресса²². Таких настроений не было у белых иммигрантов, в целом стремившихся как можно быстрее включиться в американское общество. Многие негры видят в замкнутости и создании собственного отдельного общества единственный путь в будущее — будущее, которое для них уже не означает обязательного слияния в конечном счете с превосходящим их по численности американским обществом.

Нельзя также с уверенностью ожидать, что вступление большого числа негров в университеты, где черные американцы будут учиться на равных основаниях с белыми, поможет уменьшить напряженность в расовых отношениях. Хотя такой ход событий и необходим, чтобы обеспечить полное участие негров в жизни Соединенных Штатов, некоторые кратковременные факторы указывают на то, что в результате увеличения возможностей для черного населения получить высшее образование расовые трения возрастут. Во-первых, неизвестно, получают ли негры, окончившие высшие учебные заведения, работу, на которую, по их мнению, они имеют право*, во-вторых, эта трудность, по-видимому, усугубится вследствие предрасположенности некоторых из них требовать введения особых «негритянских программ обучения», выходящих за рамки существующих академических стандартов; между тем принятие

* Статистика по Нью-Йорку показывает, например, что недоучившиеся белые американцы имеют возможность получить лучшую работу, чем негры с законченным средним образованием (The Negro Almanac, N. Y., 1967, chart on p. 292).

таких программ неизбежно приведет к все большему количественному росту в Америке некоего эквивалента разочарованных и плохо образованных псевдоинтеллигентов глобальных гетто. И наконец, по мере обретения американскими неграми уверенности в себе и улучшения их социального положения они, быть может, будут становиться (пусть даже только па время) все менее склонными согласиться с тем, что их прогресс зависит от их сотрудничества с белым населением; вместе с тем их обострившееся ощущение социальной несправедливости будет, по всей вероятности, выражаться в занятии «ми более радикальной политической позиции, не считающейся с чувствами белых.

Проблема расовых отношений придает дополнительную настоятельность более широкому вопросу о месте насилия в американском обществе. Белое общество может и дальше твер-

дить, что «насилием нельзя построить лучшее общество», но черные американцы будут по-прежнему рассматривать свое приниженное социальное положение как основную реальность. Поскольку насилие ускоряет спорадические попытки проведения реформы, задуманной белым обществом для устранения несправедливостей, довод, что насилие необходимо для прогресса негров, звучит все более убедительно. С другой стороны, эта опора на методы насилия ведет к сглаживанию важного для функционирования любого общества различия между насилием политического и уголовного характера (как, например, определить, был ли бежавший Элдридж $|1<ливе|p$ политическим или же уголовным преступником?); тем самым она стимулирует как формально узаконенные массовые репрессии, осуществляемые обществом в целом, так и теоретическое оправдание насилия более либеральными и образованными слоями населения. И то и другое лишает общество способности отличать необходимость сохранения порядка от настоятельной потребности в переменах.

Способность общества выносить подобное суждение неизбежно подрывается его психологической привычкой жить

бок о бок с насилием и воспринимать насилие как средство разрешения своих проблем. Никто не отрицает того факта, что и социальная, и политическая история Америки изобиловала актами насилия; можно спорить только о том, было ли таких актов в Америке больше, чем в других обществах * Однако

* В своем докладе «Violence in America: Historical and Comparative Perspectives», N. Y., 1969, Национальная комиссия по причинам насилия «его предотвращению» отмечает: «Несмотря на овое частое повторение, гражданская борьба в Соединенных Штатах принимала менее разрушительные формы, чем во многих незападных и в некоторых западных странах. В нашей стране не было внутренних войн со времени Гражданской войны и почти отсутствовали хронические революционные заговоры и террор, чем страдали десятки других стран...

Хотя за 5 лет ожесточенной гражданской борьбы вплоть до середи-

вопрос о насилии выходит за рамки статистики и даже расовых отношений; он связан с основным характером национальной культуры * и с тем методом, каким общество разрешает свои проблемы.

Сегодня проблемы нищеты или расовых отношений требуют искусного психологического подхода к их тончайшим нюансам, а также сдержанности в балансировании многих сложных и конкурирующих между собой прав — прав отдельной личности и нрав той или иной общественной группы. Кик раз этого-то и не замечают многие нетерпеливые реформаторы. Ассимиляция любой этнической или расовой группы в культуру большинства возможна только при наличии стабильных институтов и ценностей, выраженных посредством упорядоченных процедур. Можно сохранять господство большинства посредством насилия или изменить соотношение сил между расами путем насильственной революции, но для создания гармоничных расовых отношений общество должно быть подготовлено к мирному принятию перемен и к ненасильственному ре-

пы 1968 г. погибло около 220 американцев, это составляет всего 1Д погибших на миллион человек населения - цифру бесконечно малую> по сравнению со средней для всех стран цифрой 238 погибших на миллион человек и меньше средней цифры для Европы-2,4 смертей »а миллион» (стр. 799—800).

Однако в другом отчете, представленном этой же комиссией позднее, отмечается, что «сравнение данных о количестве зарегистрированных преступлений с применением насилия в нашей стране и в других современных стабильных странах показывает, что Соединенные Штаты стоят в этой области на первом месте. У нас процент убийств в 2 с лишним раза выше, чем у нашего ближайшего конкурента, Финляндии, и в 4 12 раз выше чем в других развитых странах, включая Японию, Канаду, Англию и Норвегию» (цит. в «Нью-Йорк тайме», 24 ноября 1969 г.).

* Хотя в современной Америке, может быть, и не больше насилия, чем в других обществах, психологически воя ее атмосфера пропитана насилем. Дело не только (и даже не в значительной степени) в трагических убийствах 60-х гг. Главный виновник этого явления — американское телевидение, почти целиком контролируемое тремя коммерческими корпорациями и лишь поверхностно контролируемое национальным правительством. В 1969 г. школа связи Пенсильванского университета сообщила в итогах исследования, проведенного ею для Национальной комиссии по причинам насилия и его предотвращению, что при просмотре в течение 2 недель телепередач по трем главным сетям с 4 часов дня до 10 вечера было насчитано в телевизионных драмах (не в передачах новостей) 790 убитых или раненых и что на каждый час телевизионных передач приходилось по 15 актов насилия (сообщение «Нью-Йорк тайме», 6 июля 1969 г.). К этому сомнительному достижению следует добавить боющие «а сенсацию «документальные передачи», такие, как заранее широко раз рекламированное «исключительное интервью» радиокomпании «Эн-б-и-си» с Сир хан Сирханом, осужденным убийцей Роберта Кеннеди. По заявлению «Эн-би-ои», это интервью было записано на пленку «на следующий день после того, как Сирхан был официально приговорен к смертной казни».

Глубокое обсуждение отношения телевизионных магнатов к своим общественно-воспитательным обязанностям см. в работе: Harrington, *Toward a Democratic Left*, p. 19—20.

шению социальных проблем*. Последнее же автоматически ведет к укреплению выступающих против изменений сил, выражающих традиционные интересы, или, говоря более обобщенно, укоренившиеся социальные или расовые воззрения. Социальные условия, при которых большая часть населения начинает отождествлять насилие с переменами и ставить знак равенства между порядком и отсутствием перемен, это такие условия, в которых эскалация конфликта становится неизбежной.

Бесплодность политики

Отзывчивость политических институтов на потребность в переменных очень важна для будущего Америки. Некоторые граждане считают нынешнюю американскую систему неспособной не только содействовать необходимым социальным изменениям, но даже и реагировать на требование таких изменений. В подобных условиях процедуры и институты, которые во времена стабильности расхваливают за их неторопливость, становятся в периоды более быстрых изменений примерами волокиты, бездарности и даже фундаментальной несправедливости**.

* Мы не имеем в виду отрицать, что насилие фактически играло на различных стадиях истории конструктивную социальную роль. В свержении тирании или в борьбе против эксплуатации насилие часто выступало в качестве скальпеля истории. Однако возвеличение исторического насилия нельзя заводить слишком далеко. Баррингтон Мур в своей книге «Social Origins of Dictatorship and Democracy» (Boston, 1966) высказывает предположение, что физические издержки революционных режимов не следует ставить им в упрек, ибо отсутствие революции могло бы обойтись еще дороже. Однако он не рассматривает той возможности, что реформы, осуществляемые революционными режимами, причем часто с чудовищной жестокостью, могли бы повлечь за собой меньше физических издержек, если бы были приняты альтернативные планы реформ, успешно претворенные в жизнь другими странами. По сути дела, можно утверждать, что фактически насилие, применяемое революционными режимами, было в большей своей части бесполезным для решения позитивных задач, поставленных ими перед собой. Поэтому реальное сравнение должно проводиться между физической ценой альтернативных путей изменения общества, а не между издержками, проистекающими из отказа от его изменения, и издержками, связанными с изменением его с помощью очень жестоких средств.

Отложив в сторону исторические суждения, следует заметить что воспитание современного человека все еще способствует развитию в нем агрессивных чувств. На Западе кино и телевидение выдвигают насилие на передний план, а при преподавании истории делается упор на войны, победы, поражения и противоречия между «хорошими» и «плохими» странами. Эти агрессивные инстинкты проявляются также и в детских играх, и в развлечениях взрослых... В коммунистических странах идеология аналогичным образом стимулирует агрессивные чувства и враждебность к силам «зла», продолжая тем самым более фундаментальные дихотомии, введенные религиозной традицией.

** Особенно яркий пример такого положения вещей представляет собой американское правосудие. Оно столь же устарело, сколь часто и абсурдно. Оно, по-видимому, ничего не извлекло для себя ни из правовых реформ, проведенных несколько десятилетий назад в Европе, ни да-

Правительство как олицетворение национальной воли все больше считается неспособным [эффективно направлять и координировать национальные реформы. Оно не формулирует национальные цели и не создает ощущения наличия национального руководства. Это ощущение неопределенности в том, что касается национальных целей, обостряется также вследствие постепенного ухода со сцены упрочившейся политической элиты которая руководила страной со времени второй мировой войны. Политическая элита, первоначально состоявшая из уроженцев восточного побережья, людей, связанных с юридическими, деловыми и высокими финансовыми кругами, обеспечивала чувство преемственности в рамках прагматического либерального единомыслия в отношении природы и характера современного индустриального общества. Сравнительная стабильность, установившаяся в конце 40-х и в 50-х гг., отражала такое единомыслие. Позднее эта элита столкнулась со все более настойчивым вызовом как со стороны вновь возникающих географически более разбросанных экономических групп, связанных с новыми научно-оборонными и другими передовыми отраслями производства, так и со стороны более склонных к теоретическому мышлению интеллектуальных сил, влияние которых усиливается.

Распад послевоенной элиты убедительно говорит о расхождении между качествами, необходимыми для завоевания политической власти в американской демократии, и качествами,

же из английских методов сравнительно быстрого правосудия. Его край-
 ^ про4“Гпроцедуры, в которых преобладают театральные, уловы, и циркачество и которые предусматривают длительный и сложный порядок апелляции™ведут к проволочкам, а иногда даже дают результаты, противоречащие самым элементарным концепциям правосудия. Судебный процесс над убийцей Мартина Лютера Кинга (в ходе этого процесса адвокаты Рея наперебой старались продать мемуары последнего) был пародией на правосудие; затяжной спектакль с Сирхан Сирханом в Лос-Анджелесе вряд ли был продиктован нуждами абстрактной справедливости; выскооплаченные «исключительные» интервью с убийцами Шэрон были позорищем. Советские тайные судебные процессы скорбны, но действительно ли нужны американские судебные цирки, что бы защитить обвиняемого и вынести честный приговор. ””””
 „,по™

В то же время переплетение частных и государственных интересов примером чего могут служить посторонние экономические связи конгрессмаки и сенаторов, усиливает склонность многих американцев считать что в политике доминируют консервативные по своему существу социально индифферентные и ориентирующиеся на прибыль группы. Например, 8 членов Комиссии по делам Торговой палаты имеют финансово-интересы в железнодорожных и авиационных компаниях, радиостанциях и кинокомпаниях, причем все эти компании входят в сферу их законодательной деятельности; 90 членов палаты представителей, включая У, включая в комиссию по делам банка, имеют интересы в банках, с “Р “ тельных и кредитных ассоциациях или банковских акционерных компаниях. 77 конгрессменов, в том числе 19 из юридической комиссии, занимают частной юридической практикой; 44 конгрессмена имеют интересы в нефтяных или газовых компаниях и т. д. («Нью-Йорк тайме», - 4969 г.).

нужными для осуществления эффективного руководства этой демократией. Усилия завоевать симпатии масс неизменно сопровождаются усилиями заручиться поддержкой печати, радио и телевидения, ибо на массы влияет не только непосредственное Обращение к ним, но и «образ», частично создаваемый самими этими средствами массового воздействия. Желательность подобного образа стим^лир-ует скорее пропаганду того что популярно и модно уже сейчас, чем разработку более широких целей путем сосредоточения внимания на основных философских вопросах, касающихся смысла современного общества. Поскольку социальное единомыслие оказалось в силу быстро совершающихся изменений раздробленным и сама структура -общественных ценностей превратилась в концепцию ч.И^Сто тактичбеко.го зн'яч&ния, Важность болбб крушных стратегических проблем смазывается.

Положение осложняется тем, что темпы преобразования американской институциональной структуры отстают от темпов социальных преобразований. В условиях кардинальной трансформации государства, вызванной ее промышленным ростом и мобильностью массовых средств общения, ее федеральные установления все больше лишаются своего экономического или географического обоснования. Жизнеспособность этих установлений поддерживается в большей мере традиционно сложившимся на местах отношением к ним и традиционными местными интересами, чем их действительной практической полезностью. Расплачиваются за это главным образом новые большие города, для расширения которых конституционная структура открывала мало возможностей и которые вследствие этого были лишены средств для разрешения своих дилемм

Национальному правительству — в частности, из-за существования двухпартийной системы — также было нелегко создавать необходимые механизмы для открытого манипулирования новыми крупными силами, конкурирующими друг с другом на политической арене, и оно все еще действует так, как если бы политическая «игра» велась вокруг обоих относительно непрочных союзов деловых кругов, союзов, в значительной степени отражавших промышленно-аграрные дилеммы предыдущей эры. В общем, такое положение вещей успешно выражало и сдерживало волю народа и обеспечивало равновесие между преемственностью и переменами. Тем не менее следует отметить, что в прошлом, во времена острой напряженности и необходимости более радикальных решений, принцип двух партийности иногда нарушался, правда ненадолго. Сейчас как будто снова готовится нарушение этого принципа, и именно потому, что дилеммы страны обострились в результате исключительно быстрых темпов изменений и все расширяющегося комплекса часто несовместимых вариантов выбора, стимули-
 ,у

В итоге индустриальная группа или либерально-консервативные рамки уже не вмещают должным образом соревнующиеся между собой политические силы. Этими силами являются: аграрно-консервативно-анти коммунистический бастион, опирающийся главным образом на конгресс; новые индустриально-научные конгломераты, которые кое-как сотрудничают с первым по причинам политико-идеологического 'Порядка, но сталкиваются с ним на экономическом поприще; возникающая очень непрочная коалиция поборников всеобщего благосостояния, борцов за гражданские права и Интеллектуалов, коалиция, которой отчасти присущ социо-экономический динамизм второй из перечисленных сил, но которая находится в непримиримом конфликте как с первой, так и со второй из них ;в вопросе о приоритетах. Две последние силы действовали в основном за рамками прямого участия в законодательном процессе страны и поэтому отражают ту степень, в какой представительные аспекты американской демократии отстали от социальных перемен*.

Таким образом, мы являемся свидетелями неустойчивого сосуществования нескольких политических суб-Америк, и, хотя Америка начинает думать о себе как о едином целом, каждая суб-Америка склонна распространять на это целое свое представление об американской действительности. Поэтому отношения между этими суб-Америками отличаются напряженностью; каждая старается найти свое собственное политическое выражение, а не влиться в более крупное целое. -В период президентских выборов 1968 г. Роберт Кеннеди олицетворял политику тревоги; он страстно говорил о тяжелом положении Обездоленных, хотя и разделял опасения и чувство неуверенности благоденствующих американцев, которые инстинктивно понимали необходимость коренных перемен и хотели их, но не знали в точности, в чем они должны заключаться²³; Юджин Маккарти был настойчивым выразителем политики тоски по прошлому; он мечтательно обещал снести ограду вокруг газонов 'Белого дома в ответ на стремление оби-

* 'Симптоматично в этом отношении наличие в конгрессе большого числа юристов из небольших городов. И наоборот, в первом Национальном собрании Пятой республики во Франции было 67 профессоров и учителей, 48 врачей, 45 высокопоставленных чиновников гражданской службы, 34 юриста, 32 рабочих, 27 предпринимателей, 25 ученых и инженеров, 20 журналистов и т. д. Очевидно, с точки зрения представительства французское Национальное собрание более точно отражало характер относительно современного общества. Выгоды большей научной компетенции в представительных органах общества начинают признаваться и в Англии. «Палата общин колоссально выиграла бы, если бы имела в своем составе, окажем, 50 инженеров, благодаря которым парламентские дебаты были бы теснее связаны с техническими реалиями нашего времени», — писал министр техники Антони Веджвуд Бенн в еженедельнике «Энджи,ниринг ньюс» (цитата приведена Аосошэйтед Пресс, 21 августа 1965 г.).

тателей пригородов к пасторальной жизни и социальной справедливости (при условии, что 'вторая будет осуществляться вдалеке от них); Губерт Хэмфри проповедовал политику компромисса между классами и расами, и его пыл воскрешал в памяти атмосферу классового конфликта периода Нового курса; Джордж Уоллес выражал политику возмущения, выступая от лица тех американцев, которые считали, что социальный и расовый прогресс осуществляется в большей степени за их счет усилиями более зажиточных американцев; Ричард Никсон проводил политику осторожности и победил на выборах, потому что значительное число американцев из нескольких суб-Америк испугалось, как бы «их» Америка не оказалась в опасности, в то время как было еще неизвестно, что уготовит им новая Америка.

Эта склонность делать упор на личные интересы отражает чувство бессилия, испытываемое некоторыми кругами избирателей, когда речь идет об определении национальной политики. Многие граждане понимали, что происходят какие-то перемены, но полагали, что мало чем могут повлиять на их ход. Во времена относительной преемственности политики президентские выборы и выборы в конгресс служили удобным и дающим личное удовлетворение методом выражения весьма обобщенных политических предпочтений. Во времена нарушения этой преемственности и все большего расхождения во мнениях общественности²⁴ национальные избирательные кампании становились менее адекватной формой выражения воли народа. Президентские выборы, особенно с учетом той важности, какую придает телевидение личному виду и манере держаться кандидатов, стали для многих национальным спектаклем, а те возможностью сделать важный выбор, призванный повлиять на характер руководства страной. Вместо этого такой выбор производится постепенно посредством административных декретов или в комиссиях конгресса. Поскольку оба процесса в значительной мере скрыты от глаз народа, они более восприимчивы к влиянию со стороны определенных группировок, с которыми администраторы или конгрессмены нередко тесно связаны, — чем к мнению избирателей.

Сродни этой ситуации часто отмечавшиеся отдаленность, сложность и безличность общественных и частных институтов. Когда старые традиционные связи аграрного общества рухнули, индустриальная эра создала свои эквиваленты таких связей посредством профсоюзов и профессиональных обществ. Но профсоюзы уже перестали быть жизненно важными институтами²⁵, а «атомизация» современной жизни обостряет у граждан чувство бессилия. Социальные институты явно не обеспечивают ни возможностей для удовлетворения индивидуальных чаяний граждан, ни быстрого отклика на коллективные требования. (Кроме того, чтобы справиться со сложно-

стями существующих социальных дилемм, государственные или крупные частные организации неизбежно схематизируют их, и хотя такая схематизация позволяет решать вопросы в широком плане, она зачастую вступает в конфликты с индивидуально ощущаемыми аспектами рассматриваемой проблемы и поэтому ограничивает свободу индивидуума, даже не предлагая ему наилучшего разрешения его трудностей. Таким образом, чем больше государство пытается помочь отдельному индивидууму, тем больше оно увеличивает испытываемое им чувство бессилия.

Результат парадоксален: описанная ситуация стимулирует у обществности интерес к политической жизни страны и в то же время усиливает у нее ощущение бесплодности политики; она подрывает национальное единomyслие, делая вместе с тем более настойчивой потребность в ощущении наличия общенационального руководства; наконец, она одновременно ставит человека перед двойной опасностью фрагментации ответственности и чрезмерного контроля. Фактически по мере разрастания национального правительства национальная политика, видимо, дробится²⁶. В результате многие американцы считают, что их свобода ограничивается в масштабах. Это мнение, видимо, связано с утратой ими цели, поскольку свобода предполагает выбор действий, а действия требуют понимания целей. Если нынешний переход Америки в технотронную эру не приведет к достижениям, удовлетворяющим личные запросы американских граждан, то следующая фаза может стать фазой их сердитого отказа от участия в общественной и политической жизни, бегством от социальной и политической ответственности и замыканием в собственном внутреннем мире, которое внешне примет форму консерватизма.

Пока же научная и техническая революция, по самой сущности своей представляющая собой плод деятельности человеческого мозга, все еще оказывает на американское общество в основном непредвиденное воздействие, причем степень такого воздействия определяется решениями и побуждениями, отражающими ценности и интересы Америки предыдущего периода. Интеллектуальные силы общества мобилизуются, чтобы ответить на вопрос: «как?», но не спросить «почему?». Поэтому Америка рискует стать «цивилизацией, поглощенной поисками постоянно улучшающихся средств для достижения плохо продуманных щелей»²⁷. Политической системе еще предстоит выработать механизмы и процедуры постановки второго вопроса и ответа на него. К факторам, фундаментально влияющим на национальный образ жизни (таким, как постройка сверхзвукового самолета) или создающим угрозу природе и человеку (таким, как промышленные загрязнения или радиоактивные излучения от атомных электростанций), подходить путем процесса выработки решений, который исключает возможно-

сти разумного выражения воли народа. (Согласно 17-му ежегодному докладу Национального научного фонда, в области социальных или психологических дисциплин работало менее 1% общей численности более чем 200 тыс. ученых и инженеров, использовавшихся федеральным правительством в 1967 г. Кроме того, по данным доклада, представленного Консультативным экономическим советом в 1963 г., исследованиями проблем обороны, космонавтики и энергетики занималось примерно 2/3 ученых, работавших в государственных научных и технических учреждениях. К этому следует добавить, что на систематическое решение социальных проблем наше общество выделяет относительно ограниченные ресурсы, тогда как на экономические, технические и научные проблемы расходуются огромные суммы. Некоторые данные о таком положении вещей приведены в табл. 13.) Даже высшее образование, которое не сосредоточивает внимания на сути основополагающих

Таблица 13

Годовой бюджет (в млн. долл.)

Промышленность		Здравоохранение	
«Дженерал моторе»	20 210	Национальный раковый институт	186
«Форд»	12 240	Национальная ассоциация по сердечным заболеваниям	164
«Стандард ойл» (Нью-Джерси)	12 190	Национальный институт по артриту	141
«Дженерал электрик»	7 180	Национальный институт неврологии	119
«Крейслер»	5 650	Национальный институт аллергии	90
«Мобайл ойл»	5 250	Национальный институт по охране здоровья детей	66
«Тексако»	4 430	Американское раковое общество	59
«Ю. С. Стил»	4 360	Американская ассоциация по сердечным заболеваниям	37
ИБМ	4 250	Национальная ассоциация по туберкулезу	27
Социальные и психологические организации			
Национальный институт по душевным заболеваниям*			31
Стэнфордский исследовательский институт *			18
Фонд Меннинджера			9,5
Корпорация по исследованиям в области планирования *			8
Институт социальных исследований			5,5
Американский институт по исследованиям в области бихевиористских наук		5	
Институт Брукингса			5
Бюро по исследованию человеческих ресурсов			4,5
Институт по исследованию душевных заболеваний			2

* Примерная часть бюджета, выделенная на социальные проблемы. Источник—[отчет] Исследовательского центра Томаса Джефферсона, июнь-июль 1969 г., стр. 3.

вопросов, а делает упор на методы их исследований, рискует стать яйцеобразованием: подготовкой большого числа «образованных» людей, думающих, что знают ответы на все, фактически же не знающих ответа даже на подлинно важные вопросы²⁸.

Третья американская революция наглядно выявляет резкий контраст (между нашими техническими успехами и нашими неудачами в социальной области и ставит принципиальные вопросы, касающиеся контроля над целеустремленностью технических нововведений и руководства направлением их развития. Каким образом делается выбор таких новшеств? Почему он делается? Кто его делает? Какие ценности затрагиваются различными вариантами выбора и как эти варианты могут (быть определены, чтобы дать возможность выработать целенаправленную политику? Эти вопросы все с большей настойчивостью осаждают все современные общества, «о при широком социальном размахе современной американской науки и техники решение данной задачи особенно важно для Соединенных Штатов, ибо оно задевает самые сокровенные аспекты американской жизни и потенциально угрожает им.

Поскольку, видимо, верно, что «американское общество намерено опереться на развитие техники как на главную форму своего творческого самовыражения и основу экономического роста»²⁹, выходит, что самая Важная задача этого общества — определить концептуальные рамки, в каких перед техническими переменами могут быть поставлены практические и гуманные цели. Если это не будет сделано, возникнет реальная угроза того, что, не получив должной направленности, третья американская революция, столь богатая возможностями для индивидуального творчества и личных свершений, может принять социально разрушительный характер.

2. Реакция Новой левой

Революция не только рождает своих собственных детей, она и отталкивает их. Понятно, что общество, поощряющее перемены, делающее знание основным средством обновления, в огромной степени расширяющее институты высшего образования, впервые в истории создающее большой класс людей, свободных в течение всех своих молодых лет, включая первые годы зрелости, от ограничений, накладываемых необходимостью обеспечивать себе средства существования, общество, наделяющее интеллигенцию высоким общественным престижем, но не прямой (политической властью, понятно, что такое общество должно порождать мятежников, являющихся продуктом той самой революции, которая (раздражает и отталкивает их. Самое парадоксальное в неопределенном и изменчивом социально-политическом феномене современного сред-

него класса Америки, получившем название Новой левой, заключается в том, что о-н сам представляет собой продукт технотронной революции и одновременно реакцию против нее.

Инфантильная идеология

Новая левая—сложное и трудно определяемое образование, складывающееся из довольно непостоянной по составу группы отдельных сочувствующих (особенно из среды нью-йоркских литературных и некоторых профессорских кругов) и ряда разобщенных новых организаций, из которых наиболее известна организация «Студенты за демократическое общество» (СДО); это образование выступает как идейно-политическое выражение более широкой неудовлетворенности университетской молодежи из американского среднего класса. В конце 60-х гг. численность боевито настроенных организаций была относительно ограниченной, но в моменты напряженности (такие, как столкновения с властями) эти организации с успехом добивались более массовой поддержки. Кроме того, в разные периоды и по различным вопросам Новая левая смогла использовать глубоко укоренившиеся традиции американского популизма, квакерский пацифизм и в основном импортированные иммигрантами до второй мировой войны социализм и коммунизм. Трения между поколениями, а также весьма распространенное, хотя и пассивное чувство отчужденности также способствовали проявлениям солидарности с новым движением, что иногда создавало впечатление согласия широчайших масс молодежи с целями более воинственной Новой левой*.

Таким образом, внешние границы влияния Новой левой остаются неопределенными. Временами сугубо реформистски настроенным политическим деятелям вроде Роберта Кеннеди и Юджина Маккарти удавалось завоевать на свою сторону значительную часть неустойчивой молодежи, которую в других случаях привлекали более экстремистские тенденции «новых левых». Однако сама Новая левая была более воинственной в

* Следует, однако, отметить, что число студентов, наиболее открыто проявляющих воинственность и участвующих в конфликтах, было относительно ограниченным. В период с октября 1967 г. по май 1969 г. ¹/₅ всех студенческих беспорядков происходила в шести крупнейших студенческих городках при университетах в Беркли, Сан-Франциско, Колумбийском, Гарвардском, Висконсинском и Корнеллюком. Из имеющихся в стране 2374 колледжей волнениями были охвачены только 211 и в ходе всех 474 столкновений с властями было арестовано 6158 человек (по данным, подготовленным для сената США и опубликованным в «Вашингтон пост» 2 июля 1969 г.). Членов СДО, платящих членские взносы, было, по подсчетам, около 6 тыс., а в какой-то мере сочувствующих некоторым призывам Новой левой—около 700 тыс. при общем числе студентов примерно 7 млн. человек («Фортун», специальный номер, посвященный молодежи, январь 1969 г.). Число активистов СДО, как считали, составляло в начале 1969 г. 70—100 тыс. человек («Гардиан», 11 января 1969 г.).

своей риторике, более 'сектантской в своей организации, более замкнутой в интеллектуальном и возрастном отношении, чем превосходившая ее по масштабам коалиция, пытающаяся выработать ксновую политику» в Америке. Но основным различием между обеими организациями являлась воинственность Новой левой — воинственность, проистекающая из убеждения, что одних реформ будет уже недостаточно.

Часто говорят, что та довольно спорадическая поддержка, какую оказывают широкие слои молодежи воинственной Новой левой, свидетельствует о большем идеализме и большей общественной сознательности нынешнего поколения студентов колледжей, недовольного грубым материализмом своего общества и возмущенного тем, что политическая система все откладывает дело искоренения социальной несправедливости. Это, несомненно, так. Молодежь активно участвует в борьбе за расовое равенство; она вначале с энтузиазмом откликнулась на призыв к глобальному служению в рядах Корпуса мира; огромное множество молодых людей присоединилось к тем, кто стремился развернуть борьбу против свирепствовавшей в американских бородах нищеты и невежества. Верно также и то, что существующая система не полностью использовала этот идеализм. Идеализм молодежи требовал участия в продуманных национальных усилиях, чтобы помочь их успеху, и отсутствие таких усилий ощущала не одна только она. Постепенно нараставшее в результате этого разочарование вызвало у молодых американцев острое чувство отчуждения—сначала от политической системы, а затем и от социально-экономической системы в целом. И та и другая были признаны морально неправомерными, и сочетание обманувшегося в своих ожиданиях идеализма и ощущения исторической неопределенности создало благоприятные условия для призывов, порожденных гневом и желанием простого дихотомического размежевания.

Главными катализаторами для разочарования молодежи в решимости и способности либеральной демократии справиться как со своими старыми, так и с новыми проблемами стали война во Вьетнаме и безразличие белого большинства к стремлению черных американцев добиться равноправия. Они укрепили мнение, что существующая система заботится только о самосохранении, а не о переменах и что федеральные средства охотно расходуются на второстепенные нужды, но не на безотлагательное искоренение нынешних пороков Америки. Они послужили также удобным оправданием для отказа молодежи от попыток преодолеть интеллектуальную сложность нашего времени и *от трудной и неизбежно медленной работы по социальному обновлению.

Того же рода интеллектуальное самооправдание в отношении 'более удобной в данный момент и доставляющей эмоцио-

нальное удовлетворение позиции всеобъемлющего отрицания также играет извесную роль во все шире распространяющемся недовольстве студентов, которое использует в своих интересах воинственная Новая левая. Теории, объясняющие воинственность студентов, обычно делают главный упор на психологическом аспекте кризиса ценностей в современной Америке, на подавлении искреннего идеализма активистов движения. Например, Роберт Либерт убедительно доказывает, что «необходимо рассматривать жизнь участников (студенческого боевого движения) в [«психоисторическом» контексте... В результате у них возникает ощущение ничтожности жизни, которое проявляется наиболее глубоко в своих бессознательных аспектах. В частности, это ощущение порождает у студентов чувство настоятельной необходимости перемен для того, чтобы жизнь могла продолжаться»³⁰. Аналогично, [Кен]нет Кеннетом подчеркивает, что, отвергая существующее общество, студенты выражают «отвращение к идее количества, особенно экономического количества, и к материализму и обращаются к концепциям качества... Другая цель новой революции — это мятеж против единообразия, уравниловки, стандартизации и гомогенизации...»³¹.

Студенты - участники движения также склонны выдвигать в первый план психологический аспект вопроса. Студент последнего курса Гарвардского университета Марк Джерзон в своей сочувственно написанной книге «Смотрит весь мир» делает на этом психологическом аспекте основной упор. Он отмечает, что в Гарварде и Беркли «психиатрические отделения поликлиник обоих университетов, обычно весьма загруженные работой, обнаружили, что число студентов, обращающихся за помощью к психиатрам, резко сокращается в период организованных политических действий. Можно сделать вывод, что с тех пор ты нашли отдушину для своей острой тревоги и поэтому

были меньше замкнуты в самих себе»³². Отсюда не следовало, что их личные проблемы были разрешены; но эти проблемы сосредоточились в чем-то находящемся вне сознания студентов. Джерзон приводит также данные, показывающие, что и воинственные настроения, и употребление наркотиков сильнее распространены среди студентов факультетов «мягких» наук, у которых больше развита «привычка к самоанализу» и которые менее подготовлены к активному участию в жизни научного ориентированного общества³³.

Такое психологическое объяснение воинственности студентов, несомненно, заслуживает внимания. Существующая система, и особенно возникающая система, придает столь большое значение индивидуальной конкуренции, что человек проникается тревогой уже в раннюю пору своей жизни. Мятеж

оя от конкурентной структуры, где успех или неудача в таком раннем возрасте имеет потенциально весьма длительные последствия. В то же время ослабление семейной структуры создает необходимость в компенсирующих источниках психологического успокоения, и приятельские компании стали во многом определять характер поведения и систему взглядов подростков*.

В дополнение к этому, столь высокорационализированное общество, как американское, оказывается опасно скучным обществом. (Вследствие этого не следует недооценивать той важной роли, какую играет в возникновении брожения беспорядочная скука как источник отчуждения (что часто служит стандартным объяснением этому явлению). В нашем обществе «возбуждение, порождаемое чем-то неожиданным, бодрое состояние духа под воздействием сменяющих друг друга ощущений удовольствия, (боли, покоя и тревоги почти отсутствуют. Сознание, что человек является винтиком в машине, может вынудить скуку и чувство опустошенности»³⁴. Бегство от этого состояния в революционную «событийность» может означать свободу, а бесконечный дискуссионный, прославляющий отказ индивидуума от участия в «автоматизированном обществе», в «экономике бытовых приборов» и в («разлагающем избытии»), становятся формой прунповой терапии.

Такое настроение стимулирует поиски новых источников чувств и авторитета, чего не обеспечивают имеющиеся институты, одновременно безличные и все разрешающие. Оно создает готовность откликнуться на весьма обобщенные призывы к борьбе против существующего положения. Парадоксально, но факт, что чем туманнее и претенциознее требования, тем

* По заключению президентской комиссии по внедрению законности и осуществлению правосудия (.1967), «в 60-х гг. подростки в Америке, может быть, в большей степени, чем в любом другом месте или в другое время, живут в своем особом обществе. Это общество нелегко понять, описать или, если «а то пошло, жить в нем. В некоторых отношениях это чрезвычайно материалистическое общество; его члены, может быть, бессознательно подражая взрослым, очень интересуются материальными предметами вроде одежды и автомобилей и фактически поощряются в этом фабрикантами и торговцами, которые поняли, как выгоден для них рынок подростков. В некоторых отношениях это очень чувственное общество; его членам нравятся ощущения, которые можно получить от занятий водно-лыжным и другими опасными видами спорта, от музыки или наркотиков. В некоторых отношениях это чрезвычайно моралистическое общество; его члены ратуют за независимость и честность, за равенство и мужество. В целом это мятежное и оппозиционное общество, считающее, что мир взрослых — мир показной, бутафорский. В то же время это конформистское общество; будучи неопытными, неуверенными в себе и фактически по отдельности относительно бессильными, подростки в гораздо большей мере, чем их родители, подчиняются общепринятым нормам в одежде, прическах и манере говорить и действуют, объединяясь в труппы—или банды» (The Challenge of Crime in a Free Society, N. Y., 1968, p. 176).

быстрее сужается и исчезает разрыв между действительностью и надеждой*.

Наконец, в мотивах действий некоторой части отчужденной молодежи, по-видимому, имеется элемент беспокойного чувства виновности и стремления к удовлетворению своих внутренних потребностей, и этот фактор не следует игнорировать. Конечно, легче осуждать социальную систему в целом, чем участвовать в программах VISTIA или в работе Корпуса мира. Осуждение последнего как орудия империализма становится удобным объяснением: «Глубокое недовольство собой активистов движения и испытываемое ими духовное смятение проецируются ими сначала на университеты, институты, а потом и на все институты общества, на которые молодежь возлагает вину за собственную внутреннюю слабость»³⁵. Это соображение особенно важно ввиду экономической обеспеченности многих молодых активистов из среднего класса. В сущности, их образ жизни, привычка не отказывать себе ни в чем плохо согласуются с их показным антиматериализмом, особенно если учесть, что их материальное существование зависит от относительно щедрой поддержки, оказываемой им родителями или колледжем. Следовательно, существуют некоторые аналогии между недовольными американскими студентами из среднего класса и мятежными латиноамериканскими студентами, которые обычно являются выходцами из высших классов и точно так же совершенно уверены в том, что при существующей социальной структуре их стран они могут рассчитывать на относительно благополучную и материально хорошо обеспеченную жизнь независимо от результатов их учебы.

Взгляды отчужденной, но идеалистически настроенной молодежи в противоположность воинственной политической идеологии численно намного меньшей Новой левой можно, пожалуй, охарактеризовать как идеологический инфантилизм: опираясь на психологию как на интеллектуальный источник мотивов своего поведения, молодежь пользуется текущими политическими лозунгами мира взрослых (свобода, равенство и т. д.), но поступает так, как если бы мир был некоей постоянной данной величиной. Например, в книге Джерзона ничего не говорится о том, как можно устранить расовую несправедливость, каким образом экономика должна создавать необходимые блага или кому следует управлять самолетами, работать в больницах и обеспечивать функционирование социальной

* Здесь оказалась «общая для американцев, да, пожалуй, и для людей вообще, тенденция думать, что если сейчас дела обстоят плохо, то когда-то они обстояли лучше, вместо того, чтобы отдавать себе отчет в том, что положение *считается* плохим скорее всего именно потому, что становится лучше» (Christopher Jencks and David Riesman, The Role of Student Subcultures, The Record, Teachers College, Columbia University, October 1967, n. 1).

системы. Однако в книге содержатся обычные эмоциональные элементы идеологической системы: ©раги—это взрослые и техника, и неоднократно подчеркивается уверенность идеалистически настроенной молодежи в своей правоте. Вытекающая отсюда доктрина чрезвычайно удобна, поскольку выполнение утомительной задачи обеспечивать функционирование общества предоставляется другим и будущему позволяют остаться туманным*.

Революционеры в поисках революции

Экстремистская Новая левая представляет собой явление мятежа {представителей] среднего класса против общества среднего класса. Она нова в том смысле, что, эксплуатируя психологическую смятенность некоторой части студенчества, черпает значительную долю своих сторонников из той социальной группы, которая сама еще не участвует в производстве общественного богатства и поэтому не может считаться эксплуатируемой; ,в целом эта группа .социально и материально обеспечена, но психологически неуверена, разочарована, страдает от скуки и одержим а комплексом виновности. То же самое можно сказать и о некоторых более зрелых сторонниках Новой левой, в частности о тех представителях интеллигенции, чьему недавно обретенному социальному и материальному престижу угрожает чувство политического бессилия и растущий страх перед возможностью оказаться исторически устарелыми.

Трудности, с которыми сталкивается воинственная Новая левая в привлечении .на свою сторону «масс», связаны со сложившимся ныне в Соединенных Штатах положением. В 30-х гг. радикальные движения имели реальную основу для того, чтобы надеяться радикализовать американские трудящиеся мас-

* Стремление объяснять свое .поведение мотивами пс и х о л о г и .ч е с к о г о порядка служит хорошей иллюстрацией к некоторым мыслям, высказанным Конрадом Лоренцом: «В период и вскоре после .полового созревания люди, несомненно, склонны становиться менее приверженными всем традиционным ритуалам и социальным нормам .своей культуры, позволяя умозрительным заключениям ставить под сомнение их ценность и искать новые и, может быть, более достойные идеалы. В эту пору в психологии людей, по-видимому, возникает тенденция к постановке перед .собой новых целей, весьма напоминающая процесс образования новых навыков у животных. Если в этот решающий период жизни старые идеалы окажутся при критическом рассмотрении ложными, а новые не возникнут, то результатом явится полное отсутствие целей, крайняя скука, характерная для молодых правонарушителей. С другой стороны, если умный демагог, мастерски овладевший искусством создания ситуаций, когда действуют аномальные стимулы, подчиняет своему влиянию молодых людей в чувствительном возрасте, он без труда добивается .постановки ими для себя цели, отвечающей его политическим замыслам. После достижения половой зрелости некоторые люди, .видимо, испытывают непреодолимую тягу к достойному делу и, не найдя такового, могут взамен посвятить себя поразительно низким целям» (.К о п г а d L o r e n z, On Aggression, IN. Y., 1966, .p. 258).

сы, страдавшие от лишений великой депрессии и только еще начинавшие вырабатывать свое собственное организационное сознание. Фактически существовала по меньшей мере потенциальная возможность для исторического симбиоза между радикальной идеологией и разочарованными и обнищавшими массами*.

Сегодня положение для очень 'многих американцев, хотя и не для всех, коренным образом изменилось: как уже отмечалось, дети американцев, не имеющих высшего образования (.производственных рабочих все еще индустриальной, второй Америки), во множестве стекаются в колледжи, и современное общество в силу своей показной открытости укрепляет в них относительное чувство благополучия, порождаемое его материальными успехами. Эта вторая Америка все больше стремится воспользоваться возможностями, сулимыми ей в перспективе новым научно-техническим обществом. Ее просто не убеждает аргумент Новой левой, что '«больше возможностей плюс больше демократии означает меньше свободы»³⁶. Новая левая немного обещает второй Америке, заботы и тревоги которой в большей мере выражаются в политически консервативных и даже а неинтеллектуальных воззрениях.

В результате к услугам активистов Новой левой, все еще ищущих поддержки масс, остается только первая Америка, Америка доиндустриальная и индустриально умирающая. Но здесь проблема осложняется тем, что значительная часть этой Америки черная и что черные американцы либо склонны воспользоваться постепенно расширяющимися экономическими возможностями, либо стараются утвердить свою самобытность посредством воинственной расовой замкнутости. JV любом случае Новая левая представляется многим из них вздорной, не слишком серьезной затеей белой среднего класса; быть 'может, в какой-то степени она полезна тем, что сотрясает отдельные институты белого общества и пробуждает в известной мере совесть белых, но в общем ее действия лишены последовательности, постоянства и твердого политического направления **.

" Но только потенциальная. Пюл Бул, редактор журнала «Рэдикл Америка», писал 'в радикальном еженедельнике «Гардиан» (21 июня 1969 г.), что «самой примечательной чертой американского общества в отличие от европейского было отсутствие постоянно действующего классово сознательного пролетарского движения».

' * В этой связи интересна оценка, данная организации «Студенты за демократическое общество» (СДО) начальником штаба партии «Черные пантеры» Давидом Хиллиардом: «Мы не считаем СДО столь уж революционной. Мы видим в СДО просто новую миротворческую организацию, которая поддерживается фашистами, чтобы добиться распыления (sic!) наших усилий в надежде на то, что это ослабит поддержку, оказываемую партии «Черные пантеры»...

.Мы будем бить этих неженков, этих глупышек школьников, если они не постараются исправить свою политику. Поэтому мы хотим известить

Новая левая могла бы стать сегодня более серьезной - и поэтому более конструктивной — политической силой в Соединенных Штатах, если бы ее пророки были интеллектуально способны отойти от своего устаревшего европейского радикализма или своего более нового экееяистского [от англ. «езсаре»]—бегство, уход от действительности,—*Ред.*) антирационализма*. Например, современное общество выдвигает особенно сложные проблемы в отношении равенства, что является предметом главной заботы Новой левой; но Эти проблемы невозможно разрешить с помощью такой критики капитализма, какая практиковалась в XIX в.³⁷. Не ассимилировав интеллектуально новизну нынешнего переходного состояния Америки, Новая левая превратила себя в сугубо -негативную и устарелую ■силу. По сути дела, сочетание марксистской риторики и экзальтированного энтузиазма, взятое Новой левой на вооружение, видимо, рассчитано на то, чтобы потрясти, а не изменить Г.ДО что первый же сосунок, который отобьется от -рук, Должен ждать наказания от партии „Черные пантеры”» (интервью в «Беркли-Барб», 4 августа 1069 г., процитировано в «Гардиан» 16 августа 1969 г.).

* Интеллектуальные корни воззрений И Маркузе и Шомского уходят в европейский радикальный догматизм XIX ж (о Шомском и коммунизме даны “ь^айно пронциательные комментарии Сеймура Мартина Липсета в его статье «Левые, евреи и Израиль», «Знкаунтер», Декабрь

¹⁹⁶⁹ВГ ^этом ^отношении следующие замечания У-олтера Лакера оеобешо применимы к выдвигаемым Маркузе неуклюжим оправданиям преддаци-таф^ий нм разновидности диктатуры и к политическимр томского: «Американское молодежное движение с его огромным идеалистическим потенциалом серьезно, пожалуй даже безвозвратн . ДР низова-но Большая ответственность за это ложится на плечи наставников, обеспечивших идеологическое оправдание движению в его нынешней фазе — ,ех интеллигентов, которые теперь, когда их собственная светлая мечта померкла, стараются -снова обрести свою идеологическую девствен-ность Врачеватели американского молодеж-н-ого движения являются фактически частью его болез-ни. Они помогли возникновению большого энтузиазма, но, помимо самого банального популизма, не выдвинули ни одной новой идеи» (У о л т е р Л а к е р , Размышления о новом молодежном движении, «Комментарии», июнь 1969 г., стр. 40).

-Этот «банальный популизм» выражается у некоторых авторов (таких, как А Мендель в его тривиальной статье «Роботы и мятежники», опубликованной в «Нью рипаблик», И января 1969 г.) в их^ крайне манихейском эскепизме и попытках (например, в более серьезной в теоретическом отношении книге: T h e o d o r e R o s z a k , The Making of a ou

Culture N Y 1969) узаконить антирациона-льн-ую позицию некоторой части молодежи как новую -и надолго укрепившуюся к-ультуру. Преобладающее увлечение «наставников» выявляется в сочувственных коммента-риях на книгу Розака, с-которыми выступил профессор философии Роберт -Вулф. Отметив утверждение Роз-ака, что «современное индустриальное общество вообще и американское общество в частности уродливы, репрессивны, разрушительны и подрывают многое из того, что есть по длинно человеческого», Вулф далее говорит, что спра-ведли-вость при®< денного выше утверждения, «...насколько мне известно, признается теперь фактически всеми здравомыслящими людьми. Всякий, кто все еще ду-ма ет что Соединенные Штаты — страна возможностей и бастион демократии — кандидат в психиатрическую больницу или в правительство Ричарда Никсона» («Нью-Йорк тайме бук ревью», 7 сентября 1969 г., стр. 3).

общество. Это создало ситуацию, осужденную Даже радикальными критиками современных Соединенных Штатов*. К тому же пышная риторика Новой левой при идеологической незрелости ее молодых активистов и историческом анахронизме ее пророков нашла свое выражение в программных тезисах и идеологических дебатах, порой граничащих с комичным** ■

* «Гардиан», например, осудила СДО за ее «упоение сектантством, догматизмом, туманной риторикой и пустым лозунпотворчеством, которое присуще верхушке ее руководства. Подобные методы могут лишь еще больше изолировать руководство организации от рядовых ее членов, с которыми никогда не велась в общенациональном плане серьезная воспитательная работа, призванная ликвидировать пробелы в политической сознательности, существующие на низшем уровне... Мы против тенденций, ведущих к механическому применению таких важных и сложных понятий, как диктатура пролетариата и авангардная партия, без учета нынешнего характера американского монополистического капитализма или тех изменений, какие пришлось бы внести в эти понятия, чтобы они стали применимыми к наиболее развитой в промышленном отношении стране мира» («Гардиан», 5 июля 1969 г., стр. 12).

** Например, на национальном съезде СДО в 1969 г. произошел такой диалог: «Следующий оратор, Чака Уоллз, «министр информации» партии «Черные пантеры» в Илинойсе... начал затем объяснять роль женщин в революции. «Мы верим в свободу любви, во всемогущество женой юбки»,—сказал он. Аудитория была ошеломлена, и члены СПРС [Союз прогрессивных трудящихся и студентов. — Прим. ред.] ответили пением «Борись с мужским шовинизмом». «Здесь среди нас имеются пуритане,— выкрикнул Уоллз. — Супермен был неопытный юнец, так как он никогда не пытался ... Лоис Лейн».

'«Борись с мужским шовинизмом», — начали скандировать члены СПРС и многие другие. Возмущение было настолько велико, что Уоллз уступил место на трибуне Джуэлу Куку, другому представителю «пантер». [Кук, не поняв, что было плохого во «всемогуществе женской юбки», тут же усугубил ошибку Уоллза... Кук заявил: „Он [Уоллз] хотел лишь сказать, что ваша, сестры, стратегическая позиция в революции... положение лежа“» («Гардиан», 28 июля 1969 г.).

Аналогичным образом революционная программа Освободительного комитета Беркли, задуманная как «революционный пример для всего мира», содержала следующие 13 пунктов («Окленд трибюн», 5 июня 1969 г.): «1-. Мы превратим Телеграф-авеню и Саут-Кампус в стратегически свободную территорию для революции.

2. Мы повсюду создадим нашу революционную культуру.
3. Мы превратим школы в центры подготовки борцов за освобождение.
4. Мы разрушим университет, если он не будет служить народу.
5. Мы будем бороться за полное освобождение женщины; это необходимая часть революционного процесса.
6. Мы примем на себя общую ответственность за удовлетворение основных человеческих потребностей.
7. Мы защитим и расширим нашу культуру наркотиков.
8. Мы сокрушим власть домовладельцев и каждому обеспечим красное жилище.
9. Мы обложим налогом корпорации, а не трудящихся.
10. Мы защитим себя от закона и порядка.
11. Мы создадим в Беркли эмоциональный социализм.
12. Мы создадим народное правительство.
13. Мы объединимся с другими движениями во всем мире для сокрушения этой расистской, капиталистической, империалистической системы».

Постепенно Новая левая непрочно объединила людей с устаревшими взглядами, воздерживающихся при голосовании и не допущенных в технологическую эру, но мало что предложила в качестве реалистического ответа на дилеммы этой эры. Таким образом, она интересна скорее как симптом социальных перемен, чем своей программой. Эта организация представляет собой явление эскепистского толка, а не решительное революционное движение; она провозглашает свое стремление изменить общество, но в общем и целом служит только прибежищем для тех, кто бежит от общества*. Более поглощенная работой о самоудовлетворении, чем о социальных последствиях своих действий, Новая левая может позволить себе самые резкие словесные выпады, не считаясь с тем, что отталкивает от себя даже своих потенциальных сторонников. Она старается вызвать у своих последователей чувство личного участия в событиях и дать выход их страстям; она служит психологической отдушиной для своих молодых активистов и порождает чувство заочных свершений у своих более пассивных, зажиточных и более пожилых почитателей**. Несмотря на свою все более марксистскую риторику, Новая левая по содержанию ближе к теориям Фурье³⁸, а по стилю к дадаизму, и это симптоматично, ибо и Фурье и дадаизм сами были реакцией на новую эру.

* Характерно, что Кеннет Кенистон, хотя он и полагает, что молодежь действительно формирует будущее, не показывает, однако, как именно она его формирует, и, следовательно, по-видимому, принимает ее риторику за действительность (см. его статью «Надо вырасти в Скарсдейле чтобы узнать, сколь плохи дела в действительности», «Нью-Йорк тайме мэгэзин»; 27 апреля 1969 г.). То же самое в значительной степени

Кенистон кроме того, видимо, чрезмерно поддается влиянию господствующих настроений. Так, в 1961 г. он писал, что «американская молодежь как я указывал, уклоняется от участия в общественных делах и от выполнения общественных обязанностей и стремится к уходу в частную жизнь к удовлетворению личных потребностей... Она обеспечивает весьма стабильный политический и социальный строй, ибо мало кто из молодых будет достаточно вовлечен в политику, чтобы думать о революции, надрывных действиях или даже о радикальных изменениях» («Social Change and Youth in America», в кн.: «The Ch.a-lilenge of Youth», Erie H. Erikson ■ fed in Y., 1901) P- 2T5.

** Для некоторых людей сексуальная революция также стала частичной заменой политических действий. Поскольку бороться с психическими институтами не так-то легко, удобными мишенями для атак стали социальные условности и университеты, нападкам на которые обеспечено желательное освещение посредством массовых средств информации и Д-а актриса в заявлении, опубликованном в «Нью-Йорк тайме», так объяснила политическое значение нудизма:

«Я считала - (и считаю) обнаженное человеческое тело верхом красоты невинности и правды. Я хотела противопоставить свою обнаженность хорошо всем известному реализму Вьетнама, реализму, который сам по себе является лишь симптомом коррупции и лицемерия нашего времени ■■■ Обнаженное тело на сцене было Правдой. Вьетнам Ложью.

Вьетнам, Чикаго и Беркли заставили меня ронять, что мое тело уже не может быть моей „собственностью“¹¹ и что доверие и уязвимость — наше

Историческая функция воинственной Лево

В итоге воинственной Лево Новая левая представляет собой в значительной мере преходящее явление, симптом напряженности, заложенной во взаимодействии нескольких Америк, сосуществующих в такой период, когда вся Америка в целом находится в переходном состоянии. По всей вероятности, это состояние будет и дальше служить причиной новых актов насилия, тогда как усиливающаяся разочарованность некоторой части молодежи может привести ее к более затяжному отчуждению от существующей системы. Ослабление привлекательности деловой карьеры или службы в государственном аппарате может до известной степени лишить систему услуг одаренных людей; вместе с тем такая отчужденность определенной части молодежи из среднего класса (особенно же студентов лучших университетов), источника, из которого по традиции вербуются элита Америки, вполне может послужить неким социальным уравнивателем, открывая возможности выбора карьеры для первого поколения городской молодежи из рабочих семей, получившей за последние годы больший доступ к высшему образованию.*

Историческая функция воинственной Новой лево в отдаленной перспективе зависит в основном от тех обстоятельств при каких она в конце концов или сама сойдет на нет, или будет подавлена. Будучи в идеологическом отношении бессодержательно, а в политическом бесплодно, это движение тем не менее могло бы послужить дополнительным стимулом для социальных изменений, ускорив некоторые реформы. Если это проиойдет, то даже при условии исчезновения Новой лево с единственное спасение. Я хотела «шп, что при достижении естественной цели своего освобождения женщины моего поколения не могут больше считать себя „собственностью“».

Ответ актрисы-негритянки, когда ее попросили высказаться по этому вопросу, был гораздо вернее:

«Эта возня с нудизмом под флагом «сексуального освобождения» — выдумка белых. Слишком многие белые «художники» все время изобретают и носятся будто бы с новыми идеями и экспериментами. Все это потому, что они проявляют полную несостоятельность, когда дело доходит до мучительного процесса художественного

разд^труднее^{нынешних} тмях жизни. С μS задачей $\Lambda \Gamma$ го-

артистической индивидуальности

творчества и лишают его

политического горизонта ее функция в третьей американской революции будет позитивной; если нет, она станет катализатором для более реакционного социального ответа на новые дилеммы.

Наличие в Новой левой анархистского элемента отмечалось неоднократно. Меньше внимания уделялось ее предрасположенности к тоталитаризму. Однако оба эти элемента играют важную роль в поведении и настроениях Новой левой. Несмотря на ее демократическую риторику и показную озабоченность проблемами равенства, требования ее (по меткому выражению одного сочувствующего наблюдателя) «носят в основе своей элитистский и аристократический характер, и именно в этом плане их и следует откровенно оценивать». Ее участники как по своему социальному составу, так и по своему психологическому складу удивительно похожи на членов европейских группировок, которые в ответ на чрезвычайную сложность ситуации и напряженность момента тяготели к тоталитаристским движениям. В Европе такие группировки вербовались из наименее влиятельных слоев среднего класса, из среды политически неорганизованных интеллигентов, из новых и недавно оторвавшихся от своего класса пролетариев и некоторых более изолированно стоящих профсоюзных работников⁴⁰. В Америке, учитывая наличие новых сил, формирующих ее общество, к участию в движении приходится все больше привлекать политически неорганизованную интеллигенцию, студентов (которые, по существу, образуют новый класс) и некоторых представителей среднего класса; все они в отличие от своих европейских собратьев меньше поглощены экономическими проблемами и больше психологическими. Объединяющим началом для этих элементов служат их склонность к тотальным решениям и то чувство скуки или нетерпения, какое они испытывают, когда речь идет о постепенных незначительных изменениях.

Сильные тоталитаристские тенденции Новой левой ясно видны из ее поведения и ее установлений*. Однако точнее будет назвать ее «неототалитаристской», поскольку ей в основном не удалось выковать достаточного единства, чтобы стать относительно дисциплинированным, организованным тоталитаристским движением. Ее тоталитаристские настроения еще не подкреплены тоталитаристской организацией, хотя происходящие в ней ожесточенные фракционные конфликты и взаимные обличения весьма напоминают догматические движения прошлого.

* Далеко не самым ярким примером последних является недвусмысленная проповедь категорического осуждения взглядов отщепенцев, которые одобряются Новой левой. См.: Robert W. A. ton Moore, Herbert Marcuse, A Critique of Pure Tolerance, Boston, 1965, особенно с. 81—110.

К тому же острое нападение интеллигентов из Новой левой (иногда даже физических нападок) направлено против тех американских институтов, нормальное функционирование которых опирается главным образом на рассудительность и ненасильственные действия. Университет, этот особенно беззащитный и уязвимый социальный институт (а в Америке — и главное прибежище либеральной мысли), является первоочередным объектом нападок потому, что здесь легче всего добиться успеха при минимальном риске. В более общем плане ведущие представители Новой левой презируют свободу слова, демократические процедуры и мнение большинства. Они оставили мало места для сомнений в отношении того, как они поступили бы со своими критиками, если бы Новая левая когда-нибудь оказалась у власти.

Хотя анархистские и тоталитаристские течения в Новой левой как будто сталкиваются между собой, в действительности они взаимно укрепляют друг друга. Анархистский компонент отвечает неопределенности, связанной с быстрым и сбивающим с толку ходом изменений; тоталитаристский компонент, протекающий из макивейского чувства абсолютной уверенности в собственной правоте, служит надежной отправной точкой для противодействия этим изменениям. Кроме того, надо помнить, что тоталитаризм редко возмещает о себе заранее — он возникает на практике. Со времени французской революции общий политический стиль в западном мире требовал опоры на лозунги, выражающие преданность свободе и равенству. Даже фашизм утверждал, что его дисциплина делает людей свободными. Радикальная левая крикливо провозглашает свою преданность к подлинной демократии, однако подлинным критерием демократичности являются не конечные цели, а те методы, которыми они применяются для их достижения.

Активисты Новой левой угрожают стать таким же злом для американского либерализма, каким был для демократического американского консерватизма и либерального антикоммунизма маккартизм 50-х гг. Новая левая поставила под угрозу социальный прогресс в Америке, обеспечив удобное оправдание для (более консервативных социальных позиций) Помимо этого, она подняла на поверхность и усилила (но не обусловила) нынешний кризис американского либерализма это, пожалуй, самый значительный политический результат неототалитарной реакции Новой левой на третью американскую революцию.

3. Кризис либерализма

Современный американский либерализм должен винить за свои нынешний кризис в основном самого себя. Будучи долгое время почти исключительной философией индустриальной

Америки *, либерализм не только доминировал в политическом лексиконе страны, но и прочно укоренился за последнее время на позициях власти, с которых боролся против закрепившихся в конгрессе, но действовавших главным образом оборонительно-сельско-консервативных сил. Республиканской партии, потерявшей власть в 1932 г., понадобились 36 лет, мировая война, две войны в Азии и внутренние расовые волнения, чтобы вернуться - в Белый дом (победа Эйзенхауэра в 1952 г. - была его личным триумфом, а не триумфом партии: он победил бы и как кандидат от демократической партии). Но даже и тогда - республиканская партия добилась успеха - не столько потому, что предложила иную политическую философию, сколько воспользовавшись расколом среди американских либералов и недовольством, порожденным в стране их установлениями и методами.

Эти установления и методы были когда-то созидательным и гуманным ответом на трудности и несправедливости промышленного капитализма. По поводу этих дилемм а-м е-р и канские консерваторы мало что «могли сказать, и американский консерватизм, проповедуя пуританство и превознося достоинства свободного предпринимательства, не сумел полностью приспособиться к индустриальной эре или к социальному и политическому пробуждению - широких масс населения, которому он способствовал. Это открывало дорогу либо радикалам-доктринерам, в большой мере исходившим из европейского опыта, либо либералам, старавшимся приспособить идеализм и оптимизм американской традиции к новой индустриальной эре. Успех либералов сохранил уникальность Америки и это было их высшим достижением.

Без либералов Америка вполне могла прийти в экономиче-

* Ибо наряду со своей аграрностью новая страна была проникнута духом либерализма, вигоискош до м-озга ко-стей. Ни трон, ни алтарь, ни, прежде всего, уважение к прошлому - не были барьерами на пути новых уравнительных сил, высвобожденных промышленной техникой.

«Политическим поворотным пунктом послужил разгром южан в Гражданской войне, который навсегда ликвидировал всякую возможность существования страны, основанной на аграрных ценностях,^ и фактически навсегда ликвидировал возможность консерватизма, который был бы чем-то иным, нежели интеллектуальным изыском или щитом для определенных деловых групп. Избиратели Брайана в решающих выборах 1896 г. состояли из мелких к а пита л истов-ферм ер ов, недовольных своим неблагоприятным положением в системе, а не индустриальными процессами как таковыми. Когда в 30-х гг. группа писателей-южан ответила на американский экономический кризис и сопутствовавший ему культурный кризис промышленного капитализма манифестом «Я определю свою позицию», призывая к аграрным порядкам и отвергая как социализм, так и промышленный капитализм в пользу мелкой собственности, сочувствующих ей оказалось мало. Южные штаты реагировали на депрессию, заняв место в авангарде тех, кто поддерживал государственный капитализм Нового курса» (Victor C. Ferriss, Technological Man: The Myth and the Reality, N. Y., p. 65—66).

* ский упадок или, что, пожалуй, еще более - вероятно, стать жертвой антидемократического социального и политического кризиса. Гениальным в либеральном решении проводников Нового курса было слияние индивидуализма, присущего американскому историческому опыту, — индивидуализма, который в силу своей природы укреплял отвращение консерваторов к коллективным социальным акциям, — с чувством социальной ответственности, определяемой через политический процесс. При этом американские либералы вначале избегали догматической косности европейских социалистов, хотя и проявляли тенденцию разделять их склонность полагаться на правительство как на главное орудие проведения социальных реформ. Эта -склонность (независимо от различия тех и других в философских взглядах) была, во всяком случае, продиктована сложившейся в Америке ситуацией: национальное правительство было единственным органом, относительно чутко реагировавшим на демократический процесс, органом, через который - можно было выразить и удовлетворить материальные нужды масс и который мог сгладить острие экономического и социального неравенства.

Либеральный Янус

Однако в этом процессе американские либералы все больше становились сторонниками сохранения существующего порядка, верящими в -свое установления и убежденными, что от ~ крыли способ осуществления социальных перемен. Фактически американские либералы уподобились Янусу, постепенно приобретая два лица. Наряду с относительно прагматичными -либералами, которые выросли на почве американской демократической традиции и социальные ценности которых обеспечивали широкие возможности для недогматического подхода к решению проблем, появились более идейные, в конечном счете более догматичные либералы, -все более склонявшиеся к абстрактному социальному строительству, охотно черпавшие свою теоретическую аргументацию из европейского левого радикализма, идейно враждебные деловым объединениям и весьма нетерпимые к безыдейной «практичной» позиции стоящих у власти прагматичных либералов. Появление либералов второго рода было тесно связано с ростом престижа и влияния американской интеллигенции после второй мировой войны. Постепенно именно эти либералы-доктринеры стали все больше задавать тон и доминировать в американском либерализме, хотя в 60-х гг. они все еще не были в состоянии полностью захватить контроль над демократической партией.

Приобретение либералами-доктринерами видного положения и политического влияния, если не власти, — событие, совпавшее с усилением напряженности в американском обществе, было в значительной степени связано с неуловимым, -но

важным изменением в тоне либеральных речей. Увлечение процедурными формальностями, коренящееся в приверженности либеральной демократии к правопорядку, и патриотическая гордость либералов конституционными достижениями Америки отошли на второй план, уступив место большему упору на быстрое осуществление социальных перемен, на перестройку экономических отношений и наиболее общую и резко критическую переоценку американской традиции.

К тому же либералы-доктринеры трещили и интеллектуальным высокомерием⁴¹. Поскольку ни консерваторы, ни коммунисты не могли похвастать равным социальным успехом, уверенность в себе либералов постепенно переросла в высокомерие, часто выражавшееся в нетерпимости к критикам и склонности клеймить как реакционеров всех, кто отклонялся от либеральных норм, устанавливаемых ими самими. Эта склонность стала особенно заметной в академическом мире, где все больше господствовали представители либеральной интеллигенции⁴², которые охотнее, чем либералы, осуществлявшие власть, возводили либерализм в догму и изгоняли из своей среды уклонистов. В результате гуманное и созидательное учение постепенно приобрело характер категоричной ортодоксальности.

Это затруднило для либералов возможность распознавать новые и необычные условия и должным образом реагировать на них. Американские либералы подошли к дилеммам, поставленным третьей американской революцией, со стратегией Нового курса, испытанной и проверенной во время недавнего кризиса промышленного капитализма. В догматически-либеральном анализе проблем, с которыми Соединенные Штаты столкнулись в 60-х гг., было мало такого, что отличалось бы от принципов и методов исправления положения, разработанных в предшествовавшие десятилетия; не была в нем также отдана должная дань растущей отзывчивости не только федерального правительства, но и других институтов и организаций общества по отношению к возникающим социальным проблемам.

Кроме того, либералы-доктринеры, в общем и целом, запоздали с распознаванием антидемократического и антилиберального характера Новой левой. Здесь сыграли роль различные факторы, среди которых не последним было то обстоятельство, что в прошлом некоторые из этих либералов флиртовали с коммунизмом. Хотя сталинизм в конечном счете освободил большинство их от иллюзий, опасение оказаться «обойденными слева» осталось для них сильнодействующим рефлексом, в то время как грубые методы маккартизма сделали анта-антикоммунизм модным, социально приемлемым и политически менее рискованным, чем позиция попутчика. Таким образом, многие либералы-доктринеры в отличие от евю-

' их прагматичных коллег-политиков, чьи действия лучше отвечали настроениям избирателей, — приняли демократично звучащие лозунги Новой левой за чистую монету, а ее недемократические процедуры оправдывали как проявления юношеского избытка чувств и достойного восхищения идеализма.

Осуждение упорядоченной правовой процедуры на том основании, что она стала опорой консервативных институтов, прямо способствовало кризису законности а мери канской системы. Этот кризис явно связан с нежеланием значительной части господствующих либеральных кругов настаивать на соблюдении правовых процедур. Двойственность столь многих видных либералов и их склонность оправдывать злоупотребления активистов, частично отражающая их чрезвычайно терпимые концепции в вопросах образования, свидетельствовали об ослаблении верности либералов тому, что всегда было жизненно важным ингредиентом демократии: уважению к мнению большинства, положенному в основу традиционных демократических процедур.

Цена победоносного скептицизма

Этот кризис либеральных ценностей (а Новая левая совершенно точно определила его как таковой и отсюда почерпнула уверенность в успехе своей атаки на либеральную демократию) в свою очередь объясняется более глубокими причинами. Либерализм был сначала не только выражением естественного, современного и гуманного ответа на условия, созданные индустриализмом, но и наступлением на преобладавшую тогда ортодоксальность. Эта ортодоксальность, уходившая своими корнями в традиционное общество, представляла собой смешение религиозных взглядов и консервативных инстинктов которые укреплялись церковью и аграрно-аристократическими институтами и в свою очередь укрепляли и те и другие.

Наступление либерализма на эту глубоко укоренившуюся ортодоксальность, на эти устаревшие воззрения было частью зарождавшихся настроений рационализма и скептицизма. Такие настроения замечательно соответствовали нуждам новой индустриальной эры. Либералы отражали дух времени, нападая на институционализированную религию; они были модны в своем антикатолицизме; они были современные и способствовали модернизации жизненного уклада американцев, критикуя аграрно-аристократические концепции жизни. Они также добились замечательного успеха, и к середине XX в. Соединенные Штаты стали, по сути своей, светским обществом, в средствах массовой информации и в учебных заведениях которого (за исключением приходских школ) господствовала сугубо рационалистская и скептическая философия.

Успех либералов означенвал вместе с тем начало кризиса либерализма. Наряду с успехом обнаружилось, что Соеди-

ценные Штаты превращались в общество без каких-либо объединяющих его ценностей или культурных институтов. Печать и другие средства массовой информации не могли заманить религию как источник объединения, поскольку сами они не были ориентированы на удовлетворение сокровенных запросов широких масс, а существование одного только ничем не разбавленного национализма являлось очевидной угрозой либеральным ценностям. Скептицизм оказался просто бессильным, когда выступил в качестве торжествующего антитезиса традиционной религии. Следовательно, тяготение некоторых либералов-доктринеров к радикальным левым также было частично следствием их успеха. Будучи, естественно, не в состоянии обратиться к ценностям, против которых они всегда воевали, эти либералы-догматики потянулись к более категоричным взглядам радикальных левых, поскольку такие взгляды также проистекали из отрицания старого. Однако для большинства либералов поворот к крайним левым не был приемлемым решением, так как требовал отказа от традиционных демократических идеалов. Но что же, пришлось им спросить себя, должно явиться сутью победоносного скептицизма?

Вера представляет собой важный фактор социальной сплоченности. Общество, которое ни во что не верит, — это общество, претерпевающее распад. Общие устремления и объединяющая вера необходимы для жизни общества. С этим фактом и начинает сталкиваться современный либерал-доктринер и скептик, особенно в силу двойственности своей позиции в защите процедурной демократии. В сущности, больше всего выгадывают от этой путаницы в умах либералов американские консерваторы, которые, хотя они и не очень-то реагируют на социальные дилеммы современной Америки, нажили себе политический капитал, ратуя за национализм, частную ответственность и конституционный порядок.

С точки зрения либералов, считающих себя прогрессивной силой, вера необходима для эффективной социальной ассимиляции перемен. Социальная цена отсутствия убежденности и парализующее действие скептицизма как руководящего принципа особенно наглядно проявились в двойственной реакции либералов на новый вызов со стороны негров. Либералы находились в первых рядах борцов за расовое равенство до тех пор, пока против последнего выступали консерваторы; лишь только консервативные преграды рухнули и негры выдвинули требования, уже не сформулированные для них белыми либералами, либералы растерялись. Так случилось в Нью-Йорке в борьбе за общинный контроль над школами, и так произошло в Корнеллском университете, где вооруженные черные студенты предъявили свои требования в форме ультиматума. Как следствие этого, некоторые либералы явно превратились в консерваторов: они отклонили требования негров относитель-

но отдельных социальных учреждений. Другие стали огульными капитулянтами: пытаясь искупить свою вину как белых людей, они согласились на все требования черных американцев*.

Однако либералам, не уверенным в самих себе, поскольку их традиционный противник был повержен ниц, оказалось особенно трудно сделать как раз то, в чем общество нуждалось больше всего в это переходное время — а именно определить свои принципы, подтвердить свои убеждения и проявить готовность действовать в духе своей преданности либеральной демократии. Американские негры также нуждались в подобном ответе либералов, ибо ассимиляция любой этнической или расовой группы в обществе требует стабильных институтов и ясно определенных, хотя и не догматических ценностей. Интеграция негров, достаточно трудное дело почти при любых обстоятельствах, становится совсем невозможной, если существующие институты и ценности не обеспечивают достаточно гибких рамок, чтобы амортизировать трения, возникающие при небывало широком приобщении крупного расового меньшинства к равноправному участию в жизни общества. Появление у негритянской молодежи радикального, антидемократического и даже расистского руководства было, несомненно, следствием в первую очередь замедленной реакции белого общества на чаяния негров; однако оно было также и результатом растущего презрения Новой левой и более молодых негритянских руководителей к демократическим процедурам и понимания ими того факта, что это презрение может выражаться безнаказанно, поскольку сами либералы занимают двойственную позицию в отношении законности демократических процедур и смысла демократических убеждений.

Последствия этой ситуации оказались даже более серьезными и политически более болезненными для либералов: они привели к возросшему отрицанию либеральных ценностей рабочими из нижних слоев среднего класса, которые начали считать либералов-догматиков своими естественными врагами. Для промышленного рабочего 30-х гг. символом классового врага служил богатый капиталистический банкир или промыш-

* Поистине примечательно, что ни один видный либерал среди педагогов не захотел сказать своим черным студентам: «Я не соглашусь на дискриминацию навыворот, не стану без разбора удовлетворять любое ваше требование только потому, что вы черные. Я буду относиться к вам, как и ко всем другим моим студентам. Эра дискриминации кончилась, и я не вернусь к ней, под каким бы видом она ни проявилась. Я могу понять психологические корни ваших требований, а также некоторые ваши опасения в отношении конкуренции с лучше подготовленными белыми. Поэтому я сделаю все возможное, чтобы исправить положение даже ценой значительных затрат и организационных усилий, но не стану удовлетворять тех требований, которые приведут к увековечению вашего исключения из этого общества».

шлеН'Ник. Даже еще в 1948 г. Гарри Трумэн смог добиться победы на выборах, апеллируя к этим настроениям. К концу 60-х гг. этот символ сменился другим: классовыми врагами стали негры, поддерживаемые догматическими либералами из среды интеллигенции, главным образом профессорами колледжей.

В возмущении белых американских рабочих социальным идеализмом либералов, безусловно, имелся элемент справедливости. Давно откладывавшаяся и настоятельно необходимая расовая революция была поднята в Соединенных Штатах зажиточной верхушкой среднего класса с относительно небольшими издержками для себя; главное бремя изменений в области образования, жилищных условий и социальных нравов легло на плечи материально хуже обеспеченного и менее терпимого в расовом вопросе белого рабочего класса. Многим промышленным рабочим казалось, что богатые не берут на себя своей роли экономических издержек революции в практике найма на работу или в социальных программах и что воинственные либералы не хотят пойти на компромиссы, необходимые для более широкого принятия народом болезненных социальных перестроек*. Таким образом, возмущение значительной части американской общественности позицией Новой левой сочетается с возникшим у белых промышленных рабочих чувством, что они обмануты либеральными силами, которые снова предали их к выгоде более консервативных элементов на американской политической арене.

Это недовольство было усилено разочарованностью, порожденной наметившейся тенденцией к увеличению количества правительственных учреждений для того, чтобы добиться позитивных социальных изменений**. Здесь практика либерала-

* Удивительно, что только после президентских выборов 1948 г. такие организации, как «Американцы за демократические действия», начали подчеркивать необходимость изменения позиции либералов в отношении промышленного рабочего класса, позиции пренебрежительной и даже оскорбительной. Накануне президентских выборов «Нью-Йорк тайме» опубликовала серию статей, в которых анализировались этнические и экономические источники поддержки, оказанной Уоллесу населением городов северных штатов; целый ряд фактов, приведенных в статье, говорил о прямой причастности к этой поддержке славянского этнического меньшинства. Потом выяснилось, что и в этих выборах — когда, по данным Эн-би-иси, за Уоллеса голосовали 22% избирателей-итальянцев, 17,8% славян и 13% евреев («Ньюсуик», 11 ноября 1968 г., стр. 35—36), — в муниципальных выборах 1969 г. сдвиг в сторону консерватизма стал самым быстрым свидетельством широкого недовольства городского населения. ** «Сейчас у нас в десять раз больше правительственных учреждений, занимающихся городскими проблемами, по сравнению с тем, что было в 1939 г. В тысячу раз увеличилось количество отчетов и документов, которые приходится составлять до того, как можно будет что-нибудь сделать в городе. Работники службы социального обеспечения в Нью-Йорке

прагматика сливалась с идеологическими предпочтениями либерала-доктринера. Сочетание абстрактной теории с малоэффективными разнообразными и сложными методами действий во многом способствовало возникновению у белых секторов американского народа чувства отчужденности и разражения.

Такая социальная политика к тому же не всегда отвечала интересам обездоленных общественных групп, которые она непосредственно затрагивала. Подобно тому как коммунисты ошибались, полагая, что социальные видения (революция) были продуктом экономического неблагополучия ((эксплуатации), либералы-доктринеры ошибались, предполагая, что экономический прогресс будет способствовать социальному благосостоянию. И те и другие недооценивали психологические и духовные аспекты проблемы. Некоторые либералы чувствовали это, и эксперименты по сочетанию общественной инициативы, свободного предпринимательства и правительственной поддержки (такие, как программа Роберта Кеннеди по переустройству Бедфорд-Стайвсанта*) имели целью придать социальным усилиям новое направление. Однако хотя объединение действий как широкая цель было благородной идеей, на практике оно тоже стало средством ведения игры по традиционным политическим правилам: использовать организационные мероприятия как средство для завоевания власти, чтобы добиться увеличения государственных ассигнований или создать базу для более радикальной политики⁴³.

Между тем возросшее вмешательство правительства и продуманные меры по социальному строительству (последние заимствовались из «теорий» социальных изменений и развития) породили некое смешение оперативной некомпетентности, острых конфликтов между отдельными общественными группами, социального безразличия и политической сложности, смешение, способствовавшее расколу единомыслия в народе и отчу-

тратят 70—80% своего времени на составление бумаг для Вашингтона, правительства штата в Олбани и для нью-йоркских властей. Не более 20—30% их времени, то есть около 1,5 часа в день, остается для их клиентов, для бедняков. Как писал Джеймс Ректон в статье, опубликованной в «Нью-Йорк тайме» (23 ноября 1966 г.), в то время числилось в списках 170 различных федеральных программ помощи, финансируемых более чем из 400 различных источников и осуществляемых 21 федеральным министерством и управлением при помощи 150 вашингтонских бюро и свыше чем 400 региональных органов. В ходе одной только сессии конгресса было принято 20 программ по здравоохранению, 17 новых программ по образованию, 15 новых программ экономического развития, 42 новых программ по развитию городов, 17 новых программ разработки ресурсов и 4 новые программы подготовки кадров; каждая программа предусматривала наличие своего собственного административного аппарата» (Питер Ф. Друкер, Больное правительство, «Павлик интерес», зима 1969 г., стр. 8).

* Негритянское гетто в Бруклине (Нью-Йорк).—Прим. ред.

ждению молодого поколения. Получив наконец (небывалую возможность сделать многое из того, что они давно мечтали сделать, либералы-прагматики обнаружили, что интеллектуальный арсенал, накопленный ими в результате огромного успеха их ответной реакции на кризис развитого индустриального общества, иссяк; либералы-доктринеры, уверенные в том, что располагают действенными средствами и теоретическими обоснованиями, необходимыми для исправления положения, раздраженные кажущимся консерватизмом более прагматичных представителей власти и занимающие двойственную^ позицию по отношению к анархизму и тоталитаризму Новой левой, разрушили основы оказываемой либералам поддержки в народе, подорвав веру общественности в их преданность либеральной демократии.

Таким образом, современные либералы стоят перед угрозой лишиться своих величайших активов: своего оптимизма, своей веры в будущее Америки, своего идеала. В ответ на кризис, наличие которого они чувствуют очень остро и который во многих отношениях предвидели более правильно, чем консерваторы-либералы, 'особенно догматики-теоретики, они склонны все больше замыкаться в узких рамках своих идеологических построений, предаваясь радостям огульных нападок на природу американского общества и от души наслаждаясь апокалиптическими предсказаниями неизбежной гибели этого общества.

Прогрессивное общество определяют как общество, в котором взаимодействуют утопические цели и практические шаги к их претворению в жизнь⁴⁴; но либералы-доктринеры, по видимому, все в большей мере предлагают^ -этому обществу только комбинацию скучных установлений и догматических решений проблем. Их отношение к исследованию космоса, исследованию, в котором объединились бурный расцвет науки и глубокие чаяния людей, весьма показательны. Ответ доктринеров на -риск, вызов и социальные возможности, заключенные -в космическом веке, лишен воображения, политически неразумен и психологически анахроничен *. -Их призыв к сосредото-

* Поставленная президентом Кеннеди задача высадки на Луне была объектом особенных насмешек. Например, Льюис Мам-ф-орд заявил, что «программа высадки на Луне... является символическим актом войны и лозунг, с которым полетят моемойанты и который утверждает, будто это совершается на пользу всему человечеству, ничуть не лучше чудовищно лицемерного утверждения ВВС: «Наша профессия мир»... Не случайно, что опасная высадка на Луне совпадает с сокращением расходов на образование, упадком больничного обслуживания, закрытием библиотек и музеев и растущим загрязнением городов и природной среды, не говоря уже о многих других свидетельствах серьезных недостатков социальной области и ухудшении условий жизни людей» («Нью-Йорк тайме», 21 июля 1969 г.).

В противоположность этому Майкл Хардингтон отмечал, что ^п«Левая

точению всего внимания на незаконченных земных делах Америки попросту игнорировал тот психологический факт, что по мере того, как страна все больше расширяет — а не сужает — масштабы своих устремлений, она все отчетливее сознает свои недостатки.

Именно традиционное стремление к расширению границ своих возможностей взбудоражило воображение американцев, создало общество движения и роста и дало Америке ее всеобъемлющую мечту. Научные исследования, включая исследование космоса, стали функциональным эквивалентом американской традиции продвижения вперед, и усилия в этой области немедленно сказываются на достижениях страны в сфере образования и науки. Говорить это — не значит возражать против увеличения расходов на социальные нужды. Однако можно утверждать, что рассматриваемое в широком смысле улучшение американского общества будет непременно побочным продуктом такого общества, которое со всей накопленной им энергией рвется вперед, которое ищет совершенно новых целей — в том числе и выходящих за пределы доступного ему уже сегодня, — добиваясь в процессе своих свершений роста своего социального сознания и успешно справляясь с неразрешенными проблемами прошлого.

Даже если оставить в стороне возможность того, что технические результаты программы исследования космоса могут в конечном счете больше способствовать решению проблем городских гетто, чем все программные и социологические доктрины, столь модные в настоящее время, усилия, предпринимаемые в космосе, содержит также важный международный аспект, такая крупная мировая держава, как Соединенные Штаты, обязана быть пионером в областях жизни, имеющих решающее историческое значение. Поскольку мы живем в научном веке, неспособность Соединенных Штатов выйти за существующие границы знаний — а космос бросает нам в этом смысле весьма драматичный вызов — будет означать утрату ими важнейшего психологического стимула для освоения но-

шло в моду осуждать трату денег на небеса, когда дела все еще так плохи на Земле. Однако те, кто так говорит, игнорируют два важных момента. Во-первых, если установится мар, то огромное сокращение в миллиардах долларов, расходуемых на оборону, плюс нормальный рост экономики полной занятости обеспечат достаточно средств на перестройку Америки и на полеты к звездам. Во-вторых, изучение космоса не лишено социального, научного и даже эстетического значения. Не исключено, что он сможет предоставить место для расселения людей и новые огромные ресурсы для развития мира; к тому же он, безусловно, будет способствовать более глубокому познанию как человека, так и Вселенной. Помимо этих прагматических соображений, имеется моральный императив, требующий, чтобы человечество жило в полную меру своих сил и чтобы люди могли справедливо похвастать, что они всегда экспериментировали и стремились к новому» (Michael Harrington, *American Power in the Twentieth Century*, p. 31).

вогто. Хотя наши слова, может 'быть, и не всем понравятся, од-
■нако остается фактом, 'что континентальная страна, подобная
Соединенным Штатам, не сможет продолжать существовать,
став просто еще одной Швецией, — она не выживет в между,
народном плане и даже не известно, найдет ли удовлетвори-
тельное равновесие между своими внутренними материальны-
ми потребностями и духовными устремлениями. Исследование
космоса более соответствует традиции страны--пи онер а, вели-
чие которой связано с новаторством в конституционном уст-
ройстве, в экономическом развитии, в изучении континента и
в научных исследованиях.

Для многих американцев современный либерализм не пред-
лагает ни принципиальных решений, ни путей к прогрессу. По-
этому кризис американского либерализма является кризисом и
доверия, и исторической целесообразности⁴⁵. Он открывает
унылую перспективу того, что либерализм, исторически самый
животворный источник новых тенденций в современной аме-
риканской демократии, может стать критическим выражением
взглядов догматического меньшинства — фактором, все более
торозящим, несмотря н"а всю его риторичность, и удобной
формой философского протеста против обезличивающего
воздействия науки на общество. В то же время активное сози-
дание будущего переходит в руки социально несколько кон-
сервативной, но технически склонной к новшества элиты *.

Конец либеральной демократии?

Наступление технически новаторской и политически кон-
сервативной фазы, ведущей к своего рода техническому менед-
жеризму, является только одной из возможностей дальнейшего
хода событий. Другие альтернативы его могут оказаться
более радикальными. В результате замедления экономическо-
го роста, а следовательно, и темпов научных исследований и
технического развития—этого важного источника националь-
ной гордости, наблюдающиеся в Америке противоречия соци-
ально-экономического характера могут обостриться. Расовый
раздор, партизанская деятельность в городах и отчуждение
молодежи в дополнение к глубокому расколу в стране по во-

* Хотя общественное мнение может резко меняться, следует отме-
тить, что, как показали проведенные в 1969 г. опросы, значительное боль-
шинство молодых людей и лиц с высшим образованием выступали за
расширение работы по исследованию космоса; противники такого расши-
рения были особенно многочисленны среди более пожилых людей и лиц,
имеющих только начальное образование (по данным опроса, организо-
ванного институтом Гэллага, «Нью-Йорк тайме», 7 августа 1969 г., и опро-
са, проведенного институтом Гарриса, «Вашингтон пост», 25 августа
1969 г.). Вместе с тем выпускники колледжей высказывались за более
энергичное претворение в жизнь существующих законов и за расширение
практики подслушивания телефонных разговоров (по данным опроса ин-
ститута Гэллага, «Нью-Йорк тайме», 21 августа 1969 г.).

и, росу глобальной роли Америки могут привести к еще большему подрыву национального единомыслия и к тому, что крайние левые или крайние правые воспользуются политическим распадом Америки, чтобы попытаться захватить власть.

В итоге шансы на успех серьезной революционной попытки, видимо, не очень велики. Чтобы стать эффективным революционным орудием, нынешняя Новая левая должна не только более конструктивно участвовать в решении новых проблем, возникающих в наше время, но и разработать методы, средства и организационные формы, необходимые для совершения революции в самом современном и технически передовом обществе во всем мире. Для этого понадобится преобразование несколько стихийного движения молодежи из среднего класса, поддерживаемого с безопасного расстояния некоторыми секторами более эзотерической городской интеллигенции, в организацию с систематизированной теорией действий, учитывающей специфику современной Америки. Практикуемый СДО культ трагичного сельского бунтаря Че Гевары и растущая опора этого студенческого движения на напыщенную марксистско-ленинскую фразеологию, быть может, служат ему компенсацией за его неспособность осуществить такую перестройку, но вряд ли подобное положение вещей предвещает превращение молодежного движения в эффективную революционную силу.

Существует значительное различие между революционной деятельностью и революционным успехом. Революционная деятельность — террор, саботаж, убийство отдельных лиц, партизанская борьба в городах — возможна и даже вероятна в начале 70-х гг. Инициатива ее будет исходить не от Новой левой, а от нарождающегося преемника последней — от профессионально агрессивной левой; не от идеалистической молодежи, которая привносит в борьбу пыл и смятение, а от той ее части, которая закалилась, разочаровалась и ожесточилась в результате своего опыта пребывания в тюрьмах и исправительных домах. Эти люди будут психологически подготовлены к применению подлинного насилия, и они отмахнутся, как от детской игры, от сидячих забастовок и налетов на канцелярии деканов. Тогда американское общество столкнется с серьезной внутренней угрозой.

Но даже и тогда совокупный вес политических и социальных институтов, а также сила принуждения, находящаяся в распоряжении организованной власти, по всей вероятности, возьмут верх. До тех пор пока Новая левая в основном доживает от своей тактики спорадического применения насилия, ее будут щадить; если же она преобразуется в Агрессивную левую, то ее почти наверняка ждет разгром. Фактически революции представляют собой исторические раритеты, и в наше время их успех, как правило, требует сочетания таких

условий, как наличие социальной разрухи внутри страны и нанесение ей военного поражения извне. Необходимо, чтобы органы власти развалились сами собой, элита раскололась, социально-экономическая система действовала с перебоями и чтобы выкристаллизовалось какое-то новое руководство, причем наиболее созидательные социальные силы должны быть, по крайней мере в значительной своей части, убеждены в существовании лучшей альтернативы. Без этих условий опора на революционное насилие, по всей вероятности, породит неизбежность его подавления, и даже чрезвычайно жестокого подавления*.

Подавление 'Агрессивной левой, почти несомненно, толкнет страну вправо. Организованное принуждение потребует установления различных мер контроля над человеком. Если это будет делаться систематически через предназначенные для этого институты, то, по всей вероятности, дело кончится укреплением консервативных политических сил; если же такие действия окажутся неэффективными, то они, вероятно, стимулируют выступления полувоенных формаций виджилантистов** правого толка. Но даже тогда возможность правоэкстремист-•Ско.го переворота кажется крайне невероятной. Такой переворот потребовал бы наличия известной организационной сплоченности и концептуальной целесообразности, что, видимо, выходит за рамки способностей крайне правых, большинство

* По этому вопросу существует единство мнений между такими не похожими друг на друга наблюдателями, как Национальная комиссия по причинам насилия и его предотвращению и Баррингтон Мур, резкий критик нынешней американской системы. Комиссия пришла к выводу, что «коллективное насилие редко обеспечивает достижение групповых целей. Оно может дать нужный результат лишь тогда, когда одна из групп настолько сильнее своих противников, что последним оотается лишь погибнуть или отказаться от своих претензий. Но современные правительства, по^идимому, гораздо скорее добьются успеха в таких столкновениях, чем их противники.

В современных Соединенных Штатах попытки совершения революции слева, по всей вероятности, приведут к сильному репрессиям справа. Попытки применить насилие в знак протеста, весьма вероятно, приведут к отчуждению групп, не в полной мере сочувствующих протестующим.

Хроника американских трудовых конфликтов показывает, что применение насилия почти всегда было неэффективным средством в руках рабочих. Чем больше в конфликте насилия, тем пагубнее последствия для рабочих» (выводы в докладе Комиссии по проблемам насилия в Америке, «Нью-Йорк тайме», 6 июня, 1969 г.).

Во многом аналогично этому Мур предостерегал, что перспективы революции в городах Америки весьма туманны и что успешные радикальные революции до сих пор не вносили «длительного вклада в дело свободы людей» (Barrington Moore, Revolution in America? «The New York Review of Books», January 30, (1969, p. 10. См. также вдумчивое исследование: Bruce Smith, The Politics of Protest: How Effective is Violence? «Proceedings of the Academy of Political Science», July 1968).

** Фашистские банды, терроризирующие прогрессивные элементы. —

Прим. ред.

которых не поспевает за темпами происходящих в Америке изменений⁴⁶.

Следовательно, более вероятно, что спорадическая гражданская борьба вызовет поляризацию общественного мнения, в ходе чего демократическая партия постепенно перейдет на некоторые менее крайние позиции Новой левой и/или начнет раскалываться, а республиканская партия будет стремиться использовать создавшееся положение и сплотить национальное консервативное большинство. Это может происходить постепенно; более смелые аспекты американской мечты будут перехвачены наиболее консервативными лидерами (например, Спиро Агню призывает к посылке космического корабля на Марс), в то время как разочарованность нижнего слоя среднего класса Америки в либерализме, возмущение Новой левой и страх перед неграми приведут к таким 'чрезвычайным усилиям, направленным на поддержание порядка, что все разговоры о прогрессе в расовых отношениях станут просто красивой фразой и в конце концов сойдут с повестки дня. Возникновение более реакционной политики не будет ни сенсационным, ни окрашенным оттенком фашизма.

Этот процесс может быть ускорен решительными попытками либералов-доктринеров либо перестроить демократическую партию по собственному образу и подобию, либо создать свою собственную политическую партию. Настойчивое стремление дать догматический ответ на сложности ситуации и раздраженный отказ от компромиссов более общего порядка представляют собой социальные явления, характерные для периодов нарушения исторической последовательности политического курса; как уже отмечалось, они особенно типичны для молодежи и экстремистски настроенных членов общества. Политическим следствием этого положения будет еще больший нажим на прагматичных, менее идейных либералов как со стороны догматиков, ратующих за широкую социальную перестройку и действующих под давлением извне, так и со стороны консерваторов, восхваляющих достоинства социальной консолидации и открывающихся новых научных горизонтов.

Скрытый антиинтеллектуализм очень многих американцев — еще усилившийся и обострившийся под влиянием таких факторов, как студенческие беспорядки, двойственная позиция интеллигентов и классовая враждебность к мятежной поросли среднего класса Америки, — также может подорвать поддержку, оказываемую народом учебным учреждениям страны, в результате чего наряду с опасным вызовом слева появится не менее опасный вызов справа. Американские университеты станут политизированными: либо в них будут постоянно возникать волнения в связи с отнюдь не академическими проблемами и преподавательский состав вкупе со студентами будет Занимать резолюции по всевозможным посторонним вопро-

сам и все чаще пользоваться в лекциях критериями политического характера, либо они подвергнутся более жестокому контролю извне со стороны консервативных законодательных собраний и попечителей, которые станут вмешиваться во внутреннюю жизнь учебных заведений, направляя ее в соответствии с собственными политическими предубеждениями. Разрушение таким путем либеральных университетов явится само по себе серьезным симптомом упадка американской либеральной демократии**.

В таком контексте и 'без того невероятно трудная задача создания (равноправного) многорасового общества может стать безнадежной. Нынешние тенденции предвещают все углубляющийся кризис, если только не будут быстро предприняты широкие социальные меры к улучшению положения. В случае проявления общественностью равнодушия или, что еще хуже, враждебности к усилиям в этом направлении отношения между белым и черным населением Америки могут сложиться двояким и одинаково скверным образом; результатом их явится подавление негров и/или их отделение. И то и другое может произойти только при более реакционной политической атмосфере и само по себе будет в огромной мере способствовать скатыванию к реакции. Подавление, включая попытки вновь организовать в той или иной форме раздельное расселение негров, приведет к ожесточенной борьбе, ибо американские негры уже не склонны к уступчивости, да к тому же множество белых американцев встанет на их сторону. Аотя на успех такого подавления и можно рассчитывать — особенно после массовых восстаний черного населения, доведенного до отчаяния отсутствием прогресса в области расовых отношений,— заплатить за него пришлось бы трагическим поворотом вспять процесса, который вел к углублению и расширению демократии в Америке на протяжении всей ее истории.

* Примерами могут служить первое важное постановление о Колумбийском университете, принятое сенатом в 1969 г. и выражавшее его мнение о войне во Вьетнаме, а также возражения попечителей Калифорнийского университета против дальнейшей работы в университете молодой негритянки, преподавателя философии, из-за ее политических св.

Р*** Те последствия, какие могут иметь в будущем нападки на университеты, видимо, мало беспокоят Новую левую. Например требование освободить университеты от ведения научно-исследовательской работы в области обороны может привести к созданию отдельных исследовательских институтов, работающих по заданиям правительства, засекреченность которых будет ограждать их от влияния, как это наблюдается в Советском Союзе. Именно так уже случилось с разработкой технических средств ведения бактериологической войны, которая осуществлялась в закрытых правительственных исследовательских лабораториях, недоступных для контроля со стороны научной общественности. Изъятие из ведения университетов службы подготовки офицеров резерва также может ускорить, а замедлить появление обособленного многочисленного корпуса профессиональных офицеров, или, другими словами, воешной касты.

Либеральной демократии угрожает еще одна опасность, менее явная, но не менее серьезная. Будучи непосредственно связана с последствиями появления новой техники, эта опасность состоит в постепенном возникновении теснее контролируемого и жестче направляемого общества. В таком обществе будет доминировать элита, претензия которой на политическую власть будет опираться на ее якобы более высокую научную квалификацию. Эта элита, не сдерживаемая традиционными либеральными ценностями, не колеблясь, будет добиваться достижения своих политических целей путем использования новейших современных средств воздействия на поведение народа и осуществления постоянного строгого контроля и наблюдения над обществом. В подобных условиях процесс научно-технического развития страны не повернет вспять, а будет фактически поддерживаться эксплуатируемой им ситуацией.

Зарождение крупной господствующей партии наряду с более узко нацеленными и более догматическими группировками, правыми и левыми, может ускорить движение к такому техническому менеджериству. Столь крупная господствующая партия будет сочетать в себе стремление американского общества к стабильности с его историческим пристрастием к новому. Опираясь на научный рост для создания способов борьбы с болезнями общества, она привлечет интеллектуальные таланты страны к широкому планированию его целей и использует существующие догматические группы в качестве социальных барометров и источников новых идей. Непрекращающийся социальный кризис, появление мессианской личности и применение средств массовой информации для завоевания доверия народа будут ступеньками в постепенном превращении Соединенных Штатов в чрезвычайно жестко контролируемое общество *.

* Это тоже может привести к историческому парадоксу. Традиционно демократическое американское общество может в силу своей увлеченности техническими достижениями стать крайне жестко контролируемым обществом, и его гуманные и индивидуалистические качества будут в результате этого утрачены (о подобном обществе рассказывается в романе Гейнса *«Von per gut, Player Piano»*). С другой стороны, коммунистические страны в силу своей организационной неэффективности и постепенного ослабления рычагов политического контроля могут серьезнее заинтересоваться вопросами гуманности; их социалистическая неэффективность, эти более гуманными устремлениями могут в конечном счете превзойти в некоторых из этих стран более гибкого социализма. Однако, отметим, что такая крайне маловероятная перспектива в отношении только более развитых коммунистических стран. Политической традиции и великодержавные устремления

«ТМШ»

■, есть

ц ..... Уничтожения*ской системы в сторону традиционной либеральной

Пусть различным образом, но и доктринеры и консерваторы могут не устоять перед соблазнами новых методов социального контроля. Склонность левых доктринеров оправдывать средства целями может привести их к оправданию усиления социального контроля как средства, служащего прогрессу. Консерваторы, поглощенные заботой об общественном порядке и очарованные современными техническими новинками, оудут испытывать искушение применить новые методы в качестве ответа на социальное брожение, так как не сумеют понять, что жесткий контроль над обществом -не единственный способ справиться с быстрыми социальными переменами.

Такой исход — если бы он имел место явился бы глубоко пессимистическим ответом на вопрос, может ли американская либеральная демократия ассимилировать переживаемую ею революцию и 'придать ей философское значение. Этот вопрос важен не только для Соединенных Штатов, значение его гораздо шире: удача или неудача Америки может наглядно показать, способна ли современная демократия с ее высокообразованными гражданами успешно выдержать огромные социальные изменения, 'не' утратив своего сугубо демократического характера. К счастью, в том переходном состоянии, в котором находится ныне Америка, заложена также возможность ее спасения.

ной демократ™, содержится в заключительной главе тиг*
написал совместно с Сэмюэлем Хантингтон (USA/US6R, N. Y., 1964).

Часть АМЕРИКА И МИР

Взаимоотношения Америки с остальным миром должны отражать внутренние американские ценности и заботы. Уже невозможно глубокое расхождение между поведением демократического общества на международной арене и его внутренними нормами; благодаря массовым средствам информации этот разрыв быстро вскрывается и подрывается поддержка, необходимая для проведения внешней политики. Если страна, озабоченная внутренней коммунистической угрозой, может придерживаться жесткой антикоммунистической внешней политики или страна, страшась революции, может активно включиться в контрреволюционную деятельность, то страна, заинтересованная в социальной справедливости и освоении техники, не может не вести себя таким же образом и на международной арене.

Во «Втором трактате о правительстве» Джои Локк писал, что «...вначале весь мир был Америкой». Сегодня весь мир — ^ Америка в том смысле, что Америка первая столкнулась с [социальными, психологическими и идеологическими дилеммами, порожденными неожиданным обретением человеком совершенно беспрецедентной власти над окружающей средой и над самим собой. Третья американская революция, происходящая в эпоху нестойких убеждений и быстро распространяющихся изменений в технике, ясно диктует, таким образом, Америке ее роль новатора в социальной области, использующего науку на службу человеку, но не предписывающего догматически его судьбы. Успех Америки в строительстве здорового демократического общества принес бы надежду миру, в котором все еще властвуют идеологические и расовые конфликты, экономическая и социальная несправедливость. Поражение Америки не только приостановило бы развитие тенденций, проявляющихся со времен великих революций конца XVIII в., но и могло бы означать более серьезное поражение человека: его неспособность преодолеть свои низменные инстинкты и капитуляцию перед сложностью и силой науки.

1. Будущее Америки

Если бы стоящие перед Америкой проблемы не были ни признаны, ни предугаданы, то сопряженные с ними опасно-

сти 'были бы еще значительнее. К счастью, это не так. Современная Америка относится к себе, пожалуй, более откровенно критически и требовательно, чем любое другое общество: государственные отчеты, вскрывающие социальные огрехи, сокрушительная критика национальных недостатков, усилия, предпринимаемые с целью оценки общественной значимости результатов, — все это свидетельствует о самоуглубленных и расчетливо трезвых настроениях в стране. Изучение будущего, организуемое в широких масштабах (как специальными учеными комиссиями, так и хорошо подготовленными частными институтами), показывает растущее в стране понимание того, что будущее можно и должно планировать и что, если нет хоть какой-то возможности 'продуманного выбора, переменны вызовут хаос *. Это не гарантирует действительного иолучения страной надлежащего ответа, но свидетельствует о более .глубоком понимании ведущими кругами общества .необходимости в продуманном ответе.

Историческая жизнеспособность системы, созданной в Соеда ценных Штатах, проистекает из глубоко укоренившейся преданности американского народа идее демократических перемен. Важный фактор развития этой чувствительности к переменам — американская традиция свободного диалога и не скованного иерархическими путями выражения несогласия¹; она позволяет использовать движения протеста (и тем самым сделала их исторически излишними), приспособлявая и принимая их программы. Это не отрицает ни элемента насилия в истории Америки, ни часто отмечаемого консерватизма ^избирателей. Тем не менее основным фактом американской жизни остается ассимиляция быстрых изменений, вызванных освоением новых территорий, иммиграцией и промышленным ростом. В результате сплава динамичной социально-экономической действительности с определенным политическим консерватизмом возникла плюралистская общественно-политическая система, доказавшая в прошлом свою поразительную гибкость в восприятии экстраординарных изменений; она обладает структурным свойством подавать и распознавать сигналы, предупреждающие об усиливающейся социальной напряженности.

Сегодняшняя Америка установила для себя более высокие

* Это интересует не только интеллигентов, но и бизнесменов. Так, в марте 1969 г. журнал «Форчун» осветил 'план, как поправить (положение «второй а,эр яд но й державы с наполовину созданной цивилизацией», пред дожив программу широкой перестройки страны. Она потребует больших усилий государства и частных лиц.

Ом также более пространное исследование: L e o n a r d A . Лесни, Goals, Priorities and Dollars: The Next Decade, N. Y., 1966, в котором чрезвычайно подробно излагается план распределения в. н. п. на различные нужды обновления страны, причем особый упор делается на научно

цели, чем любое другое общество: она стремится создать расовую гармонию на основе равенства, добиться социального благосостояния при сохранении свободы личности, ликвидировать бедность, не стесняя индивидуальных свобод. Напряженность в Соединенных Штатах могла бы быть меньшей, если бы они добивались меньшего, но и в своих честолюбивых замыслах Америка остается новатором.

Хотя Новая левая — и особенно левая, стоящая на позициях насилия, — временно способствовала усилению консервативных и даже реакционных социальных тенденций, все вероятнее, что нетерпение молодых распространится на всю общественно-политическую систему, особенно сейчас, когда они начинают занимать более влиятельные позиции и заставляют эту систему более чутко реагировать на необходимость перемен и реформ. К тому же накапливаемый американской интеллектуальной и деловой элитой опыт международной деятельности уже породил склонность расширить рамки рассматриваемых современных проблем, извлекая тем самым полезные для Соединенных Штатов уроки из политической эволюции и социальных нововведений в других передовых странах*.

В результате все больше американцев признают, что две обширные области необходимых и — следует надеяться — разрабатываемых изменений затрагивают институционные и культурные аспекты американского общества. Первые в значительной мере (хотя и не исключительно) относятся к сфере политики, последние — к области просвещения, особенно в части, касающейся содержания и формирования национальных ценностей. Более продуманные изменения в обеих областях послужат катализатором для реформ в других сферах жизни страны, создавая основу и стимул для своевременного принятия необходимых лекарств.

Плюралистское общество широкого участия
Требование созвать общенациональный учредительный съезд для пересмотра официальной институционной основы страны, возможно, оправдывается приближающимся двухсотлетием Декларации независимости. Год 1976 или год 1989 (двухсотлетия конституции) — эти даты могут послужить подходящим поводом для завершения национального диалога относительно уместности существующих положений, характера представительства и желательности подражания различным европейским реформам в области регионального развития и усовершенствования административной структуры. И что еще важнее, обе эти даты — удобный случай для определения

* Например, сейчас более откровенно признают, что Америка может многому научиться у Западной Европы в области реконструкции столиц, местного городского планирования, районирования, создания новых городов, а также в области социальных и юридических нововведений.

заново сущности современной демократии — задача, бесспорно, дерзкая, но вовсе не сложнее той, которая стояла перед отцами-основателями, — и для выработки высоких и конкретных социальных целей*.

И все же, будучи реалистами, мы должны признать, что необходимые политические нововведения не могут быть результатом прямой реформы конституции, какой бы желательной ни была эта реформа**. Более вероятно, что требуемые изменения будут происходить постепенно и менее открыто. Тем не менее в конечном счете они могут оказаться весьма ощутимыми, особенно если политический процесс постепенно ассимилирует научно-технические перемены. Таким образом, в политической сфере возросший поток информации и разработка более эффективной техники координации могут сделать возможной передачу больших полномочий и ответственности низшим правительственным инстанциям и обществу. В прошлом разделение власти, как правило, породило проблемы неэффективности, плохой координации и распыления ответственности, но сегодня новые средства связи и электронно-вычислительная техника сделали возможными усиление власти на более низких уровнях и почти мгновенную координацию в масштабах страны***. Быстрая передача информации в сочетании с передовыми методами анализа сделают также возможным расширение рамок государственного планирования (в более общей, французской трактовке) как определения целей — не просто концентрации внимания на экономических проблемах, а более ясного определения задач в области экономики и культуры.

* Так, 1976 год может послужить поводом для широких усилий с целью ликвидации бедности, в общепринятом понимании, или для того, чтобы поднять образовательный уровень негров до среднего, а 1989 год — для осуществления экологических целей.

** Например, превращению конгресса в орган, более податливый для социальной эволюции; во многом содействовала бы одна простая хотя явно недостижимая—реформа конституции — принятие для конгресса эквивалента 22-й поправки, ограничивающей срок пребывания на посту президента.

*** Техника может быть использована также для улучшения избирательных процедур и обеспечения более тесных консультаций между избирателями и их представителями. Существующий в Соединенных Штатах механизм выборов—как в части регистрации избирателей, так и в отношении самой процедуры голосования — явно отстает от новых электронных средств связи и вычислительной техники. Реформы (такие, как голосование на дому с использованием электронного пульта управления), которые позволили бы представителям обществу быстро проконсультироваться со своими избирателями, а последним без затруднений выразить свои взгляды, технически возможны и, похоже, будут проведены ввиду усиливающегося недовольства нынешней механикой этого дела. Более интенсивные консультации не обязательно только в масштабе всей страны или ее политических институтов послужат дальнейшему увеличению скорости реакции американской общественно-политической системы.

Развитие техники неизбежно приводит к тому, что современному обществу будет требоваться все более точное планирование. Все шире начнет применяться продуманное планирование будущего Америки, в результате чего место юриста как главной фигуры, определяющей и направляющей социальное законодательство, займет плановик. В связи с этим больший упор будет делаться на определение целей и к тому же на более пристальное внимание к социальным задачам. Ключевой для технотронной Америки уже становится проблема — как сочетать социальное планирование с личной свободой, вытеснив задачу промышленного века — удовлетворять социальные нужды без ущерба для интересов свободного предпринимательства.

Настоятельно необходимым для процесса демократизации в Соединенных Штатах уже признано укрепление правления на местах, особенно в главных городах штатов. Передача финансовой ответственности более низким звеньям политической системы может способствовать как выявлению талантов, так и возрастанию участия местных кадров в принятии более важных решений на местах. Таким образом, при помощи новых систем координации можно было бы сочетать деятельность в национальных масштабах с участием местных кадров. Частично это уже было успешно испытано в крупном бизнесе.

Тенденция к большей координации, но меньшей централизации отвечала бы американской традиции стирания отчетливой грани между государственными и частными институтами. Такие институты, как Управление работ в долине реки Теннесси или Фонд Форда, выполняют функции, понять которые многим европейцам трудно, поскольку они привыкли или резко различать государственную и частную сферы (что типично для индустриального века), или подчинять частную сферу государственной (за что ратуют социалисты и кое-кто из либералов), или полностью включать частную сферу в государственную (как в коммунистических государствах).

Одно время вопрос собственности был решающим социальным и политическим вопросом для общества в процессе модернизации. Формы земельной собственности, типичные для эпохи феодального землевладения, по привычке и вследствие исторической аккомодации были перенесены в промышленную эпоху: владение фабрикой большей частью рассматривалось как то же самое, что и владение землей. В итоге это привело к жестокому конфликту между старыми формами и методами определения индивидуальных прав и новыми требованиями промышленной организации, коллективными правами работающих по найму, а также изменившимися общественно-политическими институтами. Социализм был экстремистским решением; на более развитом Западе общей формой аккомодации стала дейерсонифицированная корпоративная собствен-

ность и ограниченный раздел власти с организованными профсоюзами. Таким образом, вопрос собственности превратился в вопрос контроля и регулирования, а проблему эксплуатации, связанную с наличием собственности, вытеснили новые проблемы, касающиеся участия в экономике и психологического благополучия работающего по найму.

Как раз в ходе этого процесса американское федеральное правительство стало главным институтом по перестройке общественных отношений и решающее значение приобрел вопрос о расширении роли государства в экономических делах. В отличие от сельскохозяйственной эпохи, когда очень немногие государственные институты участвовали в организации повседневной жизни человека и оказании ему помощи, индустриальный век не только создал большие возможности для государственного управления, но и породил в обществе повышенное требование обеспечиваемой правительством социальной справедливости. Более централизованное государственное руководство казалось единственной альтернативой хаосу и единственным ответом на социальную несправедливость.

Наша эпоха развивается по пути создания нового образа, стирая различия между государственными и частными органами и поощряя более тесное взаимное участие в них трудящихся и предпринимателей. В Европе принцип совместного решения распространился не только на раздел прибылей, но и все в большей степени приводит к соучастию в выработке политики; нажим в том же направлении явно усиливается и в Соединенных Штатах. В то же время расширяющиеся социальные перспективы американских деловых кругов, похоже, увеличат участие администрации в решении социальных проблем, ведя тем самым к слиянию частной и государственной деятельности как в местном, так и в общенациональном масштабе. Это в свою очередь может способствовать более действенному социальному применению новых методов управления, которые в отличие от бюрократических правительственных процедур оказались эффективными и легко реагирующими на внешние влияния*.

* Это особенно курьезно, поскольку правительство благословило передачу многих технических изобретений из оборонной промышленности в частную (см.: R. Lester and G. Nowick, *Assessing Technology Transfer* NASA, Wash., 1966, особенно стр. 42, 48, 76 и 79). В то же время в применении технических новшеств для *внутренних* (бюрократических) процедур многие правительственные органы отстают от крупных банков и корпораций. Создается впечатление, что бюрократическая ^ неповоротливость обусловлена размерами и иерархической структурой. Изучением, проведенным 16 ведущими организаторами научных исследований весной 1967 г., выявлено, что небольшие независимые компании используют гораздо больше технических новинок, чем крупные (см.: Peter

Такое широкое участие может оказаться достаточно действенным средством подчинения науки и техники социальным целям. В прошлом внедрение машин кое-кому казалось началом утопии, а для других означало высвобождение духа зла. Точно так же сегодня некоторые современные консерваторы рассматривают технику как начало некоего счастливого нового века, ибо она сулит освобождение человека от многих социальных проблем, тогда как для Новой левой технотроника заменяет собственность в роли символа социального зла. И все же решающим остается вопрос о том, для каких целей используется наука и техника, а обществу, в котором действенная координация сочетается с децентрализацией, проще найти необходимые формы обсуждения и анализа. И тогда научные знания можно направить на социальные цели, не предоставляя ученым доминирующей политической роли только из-за их учености*. Такое широкое участие не может автоматически обеспечить ни политическую мудрость,

* Сложный вопрос о роли ученых в определении политики особенно интересно освещается в работах: Don K. Price, *The Scientific Estate*, Cambridge, Mass., 1965, и Stanford A. Lakoff and J. Stefan Dupre, *Science and the Nation: Policy and Politics*, Englewood Cliffs, N. Y., 1962.

Нет оснований думать, что научных знаний достаточно для правильных суждений во всех областях общественной жизни или государственной политики. В самом деле, высказывания одного французского социолога относительно опасности чрезмерного уважения ненаучных мнений ученых (хотя это и неююлько преувеличено) имеют определенную ценность:

«Мы все больше приходим к выводу, что наши ученые вне сферы своей специальности не способны ни на что, кроме явных банальностей. Стоит только обратиться к целой серии отличающихся посредственностью высказываний Эйнштейна о бoгe, государстве, мире и смысле жизни. Ясно, что Эйнштейн, этот математический овергений, отнюдь не был Паскалем; он ничего не знал о политической или человеческой действительности и, в сущности, вообще ни о чем, что не относилось к его математике. Банальность высказываний Эйнштейна по вопросам, выходящим за рамки его специальности, столь же поразительна, как и его гениальность внутри этих рамок. Как будто то, что все способности человека направлены в какую-то одну конкретную область, мешает ему судить о вещах вообще. Это относится даже к Роберту Оппенгеймеру, который, видимо, не чуждался культуры. Его заявления, например, по политическим и социальным вопросам вряд ли поднимаются над уровнем высказываний рядового человека. А мнения ученых, приводимые в журнале «Экспресс», не достигают даже уровня Эйнштейна и Оппенгеймера. Помпезные, они, в сущности, не поднимаются даже до среднего уровня. Это туманные общие рассуждения, характерные для XIX в., и то, что они представляют собой высший предел мысли наших самых крупных ученых, должно служить симптомом остановившегося развития или умственного паралича. Особенно беспокоит вызывает разрыв между тем огромным влиянием, которым они пользуются, и их аналитическими способностями, которые следует приравнять к нулю» (E 11 u 1, p. 435) Некоторые интересные аналогии см. в работе: R. Todd, *George Waield-The Man, the Speech*, «The New York Times Magazine», August, 17, 1967.

ни социальную ответственность, но может способствовать созданию общества, которое приближается к тому и другому.

Умение предвидеть социальный эффект от введения технических новшеств являет собой хороший пример необходимых форм межинституционального сотрудничества. Одна из самых неотложных нужд страны — создание различных механизмов, объединяющих общенациональное правительство и местные власти, ученый мир и деловые круги (особенно показателен в этом плане пример НАСА) в осуществлении задачи оценки не только непосредственного влияния новой техники, но и ее культурного и психологического влияния. Создание государственных и местных советов — не только из ученых, но и из представителей различных социальных групп, включая духовенство, — отвечало бы как нуждам, так и намечающемуся характеру реакции общества на перемены*.

Тенденцию к постепенному сглаживанию резких различий между политической и социальной сферами, между государственными и частными институтами трудно классифицировать как либеральную, консервативную или социалистическую — ведь все эти термины порождены совершенно иными историческими условиями, но она будет большим шагом по пути к демократии широкого участия, которую отстаивали в конце 60-х гг. некоторые из «новых левых». Курьезно, что эта демократия широкого участия, очевидно, возникнет в результате постепенного симбиоза общественных институтов и правительства, а не с помощью лекарств, предлагаемых Новой левой: экономическая экспроприация и политическая революция — это лекарства, явно анахронические, относящиеся к более ранней индустриальной эре.

Создание системы широкого участия путем эволюции, возможно, не покажется убедительным решением вопроса для тех слоев американского общества, которые пошли по пути полного отчуждения, и покажется слишком крутой переменой тем, кто кровно заинтересован в сохранении статус-кво. Но большая группа американцев, которые придерживаются концепции постепенных изменений и ценят законный порядок, может быть, найдет, что система широкого участия в общественных делах — это желаемый творческий выход для об-

* Это вышло бы за рамки задачи, поставленной национальной комиссией по технике, автаматизации и экономическому прогрессу, утвержденной конгрессом в 1964 г., а также затронуло бы вопросы, которыми занимается, например, Британское общество по проблемам социальной ответственности в науке.

Автор редакционной статьи в журнале «Сайенс» (1 августа 1969 г.), посвященной вопросам управления техникой, ошибается, полагая, что ими должны заниматься только ученые. Участвовать в этом должны также социологи, духовенство и представители гуманитарных наук, равно как и специальная комиссия по общественным наукам, созданная в 1968 г. Национальным управлением по вопросам науки.

щества, которое становится все более сложным и ориентирующимся на специализацию. В этой обстановке возможно даже, что значение политических партий, издавна известных в Америке, уменьшится еще больше; вместо них в фокусе политических действий окажутся организованные местные, региональные, городские, профессиональные и другие группы, а

для решения конкретных вопросов государственной важности каждый раз будут формироваться национальные коалиции переменного состава*.

В ближайшем будущем самым заметным проявлением американской политической жизни будет, очевидно, организация уличных протестов. Менее бросающимся в глаза — в сущности, иногда совершенно скрытым от взоров из-за преобладания риторических высказываний о «репрессивном обществе» — будет неуклонное движение к новой демократии, все больше опирающейся на участие широких масс во многих областях жизни.

Если исходить из предпосылки, что кратковременные кризисы не отвлекают Соединенные Штаты от пересмотра сущности своей демократической традиции, то долгосрочным результатом нынешнего переходного периода и волнений будет углубление и расширение рамок демократического процесса в Америке.

Изменение процесса формирования культуры
Эволюционное развитие американской демократии должно будет сопровождаться изменениями в процессах формирования национальной культуры и определения ее содержания. Как и в случае политических изменений, реформа культуры произойдет скорее путем эволюции (частично сознательно поощряемой, а частично стимулируемой общими социальными изменениями), чем путем программирования. Элемент обдуманного и сознательного выбора может иметь здесь даже большее значение, чем при преобразовании сложного институционального механизма, ибо в современном обществе система просвещения и массовые средства информации стали основными социальными средствами определения сути национальной культуры. Это особенно справедливо для американского общества, которое отодвинуло на задний план другие источники культуры, такие, как церковь и традиционные обычаи.

Система просвещения несет особую социальную ответственность перед черными американцами. Тут необходимо од-

* Эти коалиции, очевидно, будут создаваться не столько по традиционному признаку деления на республиканцев и демократов или (как чаще бывает в последнее время) на консерваторов и либералов, сколько в соответствии с основными философскими взглядами на проблемы современной жизни. В очень упрощенной форме можно оказать, что на одной стороне будут гуманисты и идеалисты, а на другой — прагматики и материалисты.

повременно усилить чувство собственного достоинства черного гражданина и расширить его перспективы. Иногда эти требования взаимно сталкиваются, но, возможно, временным выходом было бы сочетание поисков черными американцами своего особого места в жизни (при помощи таких институциональных мер, как отдельные обучение и жилье) с интенсивной научно обоснованной воспитательной работой, способной принести исцеление. Сегодня (а быть может, в течение еще нескольких десятилетий) главная задача — помочь черным американцам совершить скачок в позднюю стадию индустриального развития Америки, а это нельзя сделать, пока чуткое восприятие его духовных нужд не сопровождается признанием необходимости в организованных, целеустремленных интеллектуальных усилиях. Эти два фактора трудно сочетать, но именно они в конечном счете определяют прогресс или крах в развитии расовых взаимоотношений в Америке.

Расового бедствия можно будет избежать, только если общество в целом яснее определит искомые им ценности, готово будет создать соответствующую основу, способствующую их формированию, и настаивать на уважении порядка.

Ничто не может быть более пагубным, чем резкие колебания от все разрешающего, порожденного сознанием вины молчаливого принятия любого требования черных экстремистов — такое молчаливое принятие лишь стимулирует эскалацию экстремизма — к равнодушной пассивности или отказу удовлетворить требование черных предоставить им справедливую долю участия в жизни американского общества. Решающий фактор здесь — большая просветительная работа, но, чтобы увенчаться успехом, она должна быть увязана с дальними целями развития американского общества.

Беспрецедентно широкое распространение системы массового образования в Америке поднимает более общий вопрос о том, будет ли механическое удлинение срока продолжительности обучения достаточным для того, чтобы удовлетворить как психологические, так и технические нужды развивающегося общества. По социальным рамкам и продолжительности обучения нынешняя система массового образования отличается от той, которая была в ранний период индустриализации, когда упор делался на минимум массового образования для мужчин (и от еще более элитистской средневековой системы весьма ограниченного образования для очень немногих). Цель современных программ — дать образование пропорционально большей части представителей обоих полов, а программы длительности обучения предусматриваются от десяти почти до двадцати лет (для получения ученых степеней). В Америке высшее образование ведется в сравнительно замкнутых организационных и даже социальных рамках, содействуя возникновению длительного периода полуизоляции от

проблем социальной действительности. В результате как в организационном плане, так и в плане содержания намечился разрыв между образованием и общественной жизнью, ведущий к уже отмечавшимся эмоциональным и психическим проявлениям разочарования и незрелости студентов.

Растянув обучение с некоторыми перерывами на всю жизнь гражданина, общество во многом приблизится к разрешению этой проблемы. Продолжительность замкнутой и сравнительно изолированной фазы начального образования может быть затем сокращена. Учитывая более раннее физическое и половое созревание современной молодежи, образование можно, как правило, строить по принципу сочетания работы с учебой на начальном этапе и организации периодических курсов обучения на протяжении большей части активной жизни человека.

Можно многое сказать в защиту предложения о том, чтобы начальное обучение (которое в основном можно получить дома с помощью электронных средств) прекращалось где-то в возрасте восемнадцати лет. За этим официальным начальным периодом обучения могут следовать два года занятия общественно полезным делом * **, затем прямое участие в какой-то профессиональной деятельности и систематическое совершенствование в этой области и, наконец, регулярные одногодичные, а со временем и двухгодичные периоды углубленного, «интегрированного» обучения в начале каждого десятилетия жизни человека и примерно лет до шестидесяти ¹ ■.

* Эта проблема может быть решена в национальном или международном порядке, государственным или частном. Гуманный идеализм молодых требует не ограничиваться служением только национальному делу. Одним из хороших путей решения этой проблемы было бы составление списка приемлемой гуманной деятельности, которая зачитывалась бы как эквивалент военной службы.

** Это шло бы дальше задачи, поставленной перед национальной комиссией по общим техническим нуждам современной эпохи. Наука сочеталась бы тогда с философией, но это уже не было бы какой-то интеллектуальной «закусочной», предлагающей самые различные виды обучения — от физического воспитания до классического образования, от «духовных» наук до нОВейших специальных. В сущности, роли колледжей, дающих среднее образование, и университета были бы разделены во времени и пространстве, что, по-видимому, пошло бы на пользу обоим институтам. Это позволило бы сосредоточиться на более важных социальных вопросах, демократизировать высшее образование и в то же время устранить опасность, кроющуюся в иллюзии, будто образованный класс создается простым пропуском множества людей через суровую школу образования.

Кроме того, такие традиционные ученые звания, как доктор философии, подразумевают заключительный процесс образования и отражают условия более раннего этапа истории общества. Поскольку обучение станет непрерывным, продолжающимся всю жизнь процессом, в который будет втянуто почти все общество, ученые степени превратятся в символический анахронизм, требующий решительного пересмотра, чтобы они точнее отражали различные степени специальных и общих знаний.

Например, обучение медицинским или юридическим наукам могло бы начинаться всего лишь после двухгодичного колледжа; таким образом, сократилось бы время обучения и, возможно, увеличилось бы число желающих приобрести эти профессии. Регулярная официально требуемая переподготовка, а также усовершенствование могут проводиться ^ через определенные промежутки времени в течение большей части профессиональной деятельности человека.

Сочетание первоначальной специализации с последующим расширением философских и научных горизонтов в какой-то мере нейтрализовало бы нынешнюю тенденцию к тому, что с сужением специализации положение профессионала укрепляется. Ведь это поощряет узость общего мировоззрения. Такую тенденцию можно постепенно изменить, создав условия, при которых за специализацией в возрасте наибольшей восприимчивости последует общее расширение интеллекта в более зрелом возрасте. Подобный подход будет способствовать постепенному формированию обладающей широким кругозором новой элиты, которая станет больше заботиться об основных человеческих ценностях в век, когда интенсивная научная специализация чревата опасностью сужения кругозора.

Официальная система образования сравнительно медленно осваивает новые возможности для организации дополнительного обучения на дому путем использования телевизионных и других электронных средств. Она также с подозрением относится ко все усиливающейся склонности неправительственных организаций осуществлять свои собственные программы обучения и специальной подготовки. Однако по психологическим и профессиональным соображениям в эту систему все больше втягиваются (правда, разными путями) как черная община, так и деловые круги**. Увеличение разнообразия общего образования будет содействовать возникновению более плюралистского национального сообщества^, а все большее втягивание предпринимательских компаний в систему образования может ускорить использование послед-

* «Один из парадоксов будущего состоит в том, что, хотя все большее число управленческих проблем будет решаться^ с помощью ^автоматики, подкрепленной четкой и быстрой системой связей, Р характеризующихся операционной децентрализацией, Для Р* **3^H0y PУ. ководства широкомасштабными системами и для координации в большей мере, чем сейчас, потребуется умный, опытный, ный руководитель. Короче говоря, предположение о то , ^ cV. децентрализация может быть проведена только там, гд ^ ПШП, ^ается шествлана организационная централизация, все больш ^ F' c - d не как парадокс, а как логическая реальность» (The ** Например; «Олин корпорейшн» указывая в объявлении, что <не E?жество не может привести к росту», начала 00УЩ®"Гь на ^ своих заводах программах повышения грамотности и обу.чел.™ ® средней школы. Аналогично поступают и другие крупные корпорации.

них достижений техники и науки в образовательном процессе. Американские деловые круги и в меньшей степени правительство уже проводят в жизнь широкие программы «переедания» и переподготовки в области управления, идя таким Путем к созданию системы обучения перемежающимися этапами.

Изменение в процедуре образования и в мировоззрении должно также сопровождаться параллельными изменениями более широкого национального процесса создания и распространения ценностей. Поскольку Америка играет роль всемирного распространителя новых ценностей и техники это ее долг как перед нацией, так и перед всем миром. И все же никакая другая страна не допускает, чтобы ее массовая культура, вкусы, досуг и, что самое важное, косвенное воспитание ее детей были отданы почти полностью на откуп частному бизнесу и рекламе или чтобы и ее вкусы, и интеллектуальное содержание культуры определялись в значительной мере небольшой группой предпринимателей, сосредоточенных в одном городском центре. Американское телевидение, где культура монополизирована сравнительно небольшой группой отражает равнодушные системы массовой информации к вкусам и философским ценностям большинства Америки*.

Усиливающееся массовое недовольство таким состоянием дел говорит о том, что и в этой области, очевидно, должны произойти какие-то изменения. Географическая децентрализация и все большее распыление телевизионной промышленности, отделение широковещательных программ от тематических передач и дальнейшее расширение программ обучения по-видимому, вступают в резкое противоречие с существующими интересами; если судить по прошлому опыту Америки, то изменения произойдут в результате постепенных реформ, а не единовременной полной перестройки. И здесь опять-таки развитие науки и техники может быть поставлено на службу конструктивным изменениям; оно может обеспечить (путем домашней видеозаписи программ, передаваемых по специальным закрытым каналам) значительно большее, чем сейчас,

* «...Радиопередачи навязали американскому обществу то что в выг-
р^атм^ошм смысле может оказаться фатальным противоречием
Расширение системы общения должно означать расширение демократии
оаеточ /и^{х,01,я} ба^{3а} Д^{с*}о*ратаи-в смысле участия населения — расши
ряется, число владельцев средств массового общения и тех кто контп
лирует эта средства, все уменьшается. ^{контро}

.. Действительно, можно оказать, что вопреки утверждениям владельца. радио-телевизионных компаний телевизионные программы не только
Желаш,й б^с ~нсгва, а, наоборот, навязывают ему“
м пйтц^у есятм крупнейших рекламодателей,

(Alex”Tr Te” с к. Ште^{PH}Т1те^{De}X\.\^T^И^X, ward R. Murrow, Boston, 11969, p. 12—13). 1 e 0 Ed,

многообразии, а также расширение использования аудиовизуальных средств информации большим числом институтов и организаций. Вместо того чтобы ограничивать умственные горизонты, телевидение могло бы стать многообразным и обогащающим источником общего культурного роста.

Культурные изменения в нашем обществе может также ускорить растущий мятеж женщин, обострившийся под воздействием образования и новых нравов в сфере половых отношений. Массовое проникновение женщин в область свободных профессий, на руководящие посты, в политику началось, видимо, лет тридцать назад, и уже имеются многочисленные доказательства усиливающегося недовольства женщин тем, что им не предоставляют таких благоприятных возможностей, как мужчинам. Стремление женщин утвердить свои права может коснуться всего культурного фронта американского общества, увеличив в какой-то мере общий социальный интерес к повышению культуры и общепринятых стандартов.

Рациональный гуманизм

Технические достижения и экономическое богатство Соединенных Штатов позволяют теперь придать понятию свободы и равенства более широкий смысл, перенеся его за рамки формального, внешнего в сферу личной, внутренней сути социального существования человека. Сосредоточивая более пристальное внимание на этих качественных сторонах жизни, Америка может избежать деперсонализированной опасности, присущей самопораждающей, но философски бессмысленной механизации окружающей среды, и построить социальную основу для синтеза внешних и внутренних измерений человека.

Такой синтез в конечном счете может быть результатом нынешнего острого конфликта между иррациональным (персонализмом «гуманистов») и безличным рационализмом «модернистов». Первая группа — в значительной части носители гуманитарной культуры образованного общества, студенты-активисты и доктринеры-либералы—придерживается традиционного скептицизма и неверия, которые сыграли столь решающую роль в освобождении взглядов индустриальной Америки от власти религиозных и философских воззрений доиндустриальной Америки; она стремится укрепить эту традицию новым упором на эмоции и чувства. Учитывая его дадаистский стиль и его историческую позицию, сформированную под влиянием луддитов, можно усомниться, чтобы этот лагерь долго оставался жизнеспособным. Возможное превращение Новой левой в Агрессивную левую, конечно, не усилит ее привлекательность для американской общечеловечности. Вторая группа, представленная главным образом деловой администрацией нового типа, правительственными и коммерческими привилегированными

кругами и организаторами науки, стремится сочетать собственные интересы с беспристрастным упором на рационалистские новшества, поскольку она не в состоянии дать удовлетворительного эмоционального или философского обоснования того или другого, она отталкивает от себя более идеалистически настроенную молодежь*.

Столкновение между этими двумя ориентациями пагубно и опасно для американской либеральной демократии. Оно разбивает остатки согласия индустриального века и резко поляризует общественное мнение. И все же оно сулит также новые перспективы, более соответствующие нуждам нарождающегося американского общества, выходя за тесные рамки, все более ограничивающие ныне взгляды современного человека. Эти новые перспективы ведут к растущему пониманию того, что склонность человека к новаторству в науке невозможно сдержать, что, пока мозг человека работает, новаторство в науке будет одним из проявлений этой работы. Но они ведут и к растущему пониманию того, что, пока человек считает себя существом исключительным, идеализм будет главной формой выражения его духа. Настоятельная необходимость в новаторстве и идеализме, таким образом, стимулирует рационалистское гуманистическое мировоззрение, которое постепенно вытесняет либеральный скептицизм некоторых гуманистов и консервативное социальное безразличие некоторых модернистов.

Этот рациональный гуманизм проявляется несколькими путями: во-первых, в зарождающемся интернациональном сознании, которое побуждает столь многих американцев и американские институты идти дальше чисто национальных забот и все глубже вникать в глобальные проблемы роста человечества и обеспечения его пищей, и в пробуждающемся у американской молодежи конструктивном интересе к проблемам экологии; во-вторых, в усиливающейся тенденции — несмотря на все еще глубоко укоренившийся антикоммунизм — рассматривать международные проблемы с позиций гуманизма, а не политического противоборства добра и зла; в-третьих, в

* Современная психология все больше признает, что такие неконкретные, более абстрактные качества жизни, как доброта, эстетическая красота и нравственность, становятся все более важными для удовлетворения индивидуальных нужд в отвлеченном обществе (см., например: Abraham Maslow, *Motivation and Personality*, N. Y., 1954, и *Toward a Psychology of Being*, Princeton, 1962). Однако поиски этих более абстрактных и эмоциональных форм удовлетворения часто принимают смехотворные формы. В конце 60-х гг. в Америке появилось множество самых различных институтов и семинаров, в которых бизнесмены и другие лица проводят специальные сеансы «по испытанию чувствительности», подвергают себя «очистке мозгов», упражняются по системе йошв, впадают в состояние длительного «озерцания» и т. и. Эти причуды отражают ломку широкой, более целостной системы воззрений, как отмечалось во II части нашего труда.

сильном публичном идеализме, свободном от утопического, нетерпеливого и подчас нестерпимого желания немедленно разрешить все возникшие дилеммы. Кроме того, его можно также видеть в том, что американцы не пытаются бежать от проблем науки, а, зачарованные наукой и считая, что с ее помощью можно разрешить все проблемы человечества, стараются уравновесить это более интенсивным интересом к качеству жизни индивидуума и поисками более философских и религиозных вселенских определений природы человека. Это говорит о вероятности возрождения религиозности более личного, неинституционального характера. И наконец, возникающий рациональный гуманизм — явление исторически случайное в том смысле, что он не включает — как это было и с идеологией XIX в. — универсально предписанные концепции общественной организации, а делает упор на многообразии форм культуры и экономики в мире. Благодаря этому рациональный гуманизм, очевидно, окажется исторически более уместным, чем решение социальных дилемм в прошлом. В отличие от индустриального века, когда сложность и отсутствие исторической непрерывности вызвали идеологический уход в далекое прошлое или 'футуристическую утопию, в век технотроники наличие больших средств позволяет определять более достижимые цели, содействуя тем самым менее доктринерскому и более действенному отношению между тем, «что есть», и тем, «что должно быть».

Великие революции XIX и XX вв. провозглашали свободу и равенство, но было установлено, что даже при отсутствии расового конфликта то и другое трудно сочетать в век, когда традиционные институты религиозной, аристократической и аграрной эпох сталкивались с воздействием скептического рационализма, легалистической демократии, зарождающегося общественного самосознания и нуждами развивающегося индустриально-урбанистического общества. В Америке сочетание свободы с равенством особенно мешало глубоко укоренившиеся основные религиозные ценности, влияние которых усиливали все расширяющийся разрыв между прогрессирующей белой общиной и черной общиной, развитие которой искусственно задерживалось. Неравенство стало самоосуществившимся пророчеством, а также экономической необходимостью для индустриально развитого Севера.

Позитивные возможности третьей американской революции заложены в ее обещании увязать свободу с равенством. Эта увязка — процесс, который нельзя будет осуществить мгновенно. Действительно, в ближайшие несколько десятилетий следует ожидать неудач и даже усиления напряженности. И тем не менее нарождающийся рациональный гуманизм, хотя и часто затуманенный страстной полемикой, составляет часть «культурной революции», которую переживает

Америка, культурной революции, более длительной и глубокой, чем та, которая дала название этому явлению. Увязанная с политической реформой, нынешняя культурная революция может постепенно расширить рамки личной свободы, укрепив у беспрецедентно большого числа граждан чувство удовлетворения, и придать большее значение понятию равенства, сделав знание основой социального и расового эгалитаризма. Она может создать предпосылки для общественно созидательного и индивидуально вознаграждающего общества, которое неизбежно должно будет играть в мире конструктивную роль.

2. Международные перспективы

Поскольку человек стремится усвоить новое в рамках старого, напряженность неизбежна. Некоторое время существующие рамки эластично вбирают в себя все новое, придавая ему более знакомую форму. Но в какой-то момент "старые рамки становятся тесными. Новое уже не может быть втиснуто в традиционные формы и в конечном счете утверждает себя с непреодолимой силой. Как раз сегодня старые рамки международной политики — с ее сферами влияния, военными союзами между государствами-нациями, с видимостью суверенитета, доктринерскими конфликтами, порождаемыми кризисами XIX в., — уже явно несовместимы с действительностью.

В самом деле, поразительно, как быстро изменились за последние два десятилетия доминирующие настроения. 50-е гг. были эпохой убежденности. Две стороны, коммунистическая и западная, противостояли друг другу — одна система убеждений против ' другой. Сталинские манихейцы противостояли даллесовским миссионерам. Но такие настроения быстро уступили место другим, причем период Хрущева и Кеннеди был промежуточным на пути к эре беспорядков. Разногласия в коммунистическом мире породили идеологический кризис, а Запад начал все больше сомневаться в собственных ценностях и непогрешимости. Коммунистические циники противостояли либеральным скептикам.

>По некоторым признакам, 70-е гг. ознаменуются растущим сознанием того, что настало время совместно предпринять какие-то усилия, чтобы создать новую основу для международной политики, основу, способную эффективно служить общим целям. И все же надо признать, что в действительности никакого глобального сотрудничества не будет, пока нет гораздо большего единодушия в оценке его целей и очередности решения вопросов. Является ли первостепенной задачей повышение материального благосостояния человека и его интеллектуальное развитие? Может ли быть искомым ответом рост экономики, или же отправной точкой должны стать

общие международные усилия в просветительском плане? А может быть, приоритет должен принадлежать здоровью? Как личное благосостояние связано с тем, быть может, менее важным, но легче измеряемым валовым национальным продуктом? Существует ли необходимая связь между прогрессом в науке и личным счастьем?

Сегодня широко распространено убеждение в желательности сокращения военного бюджета и создания международных сил по поддержанию мира. Налицо также более ясное осознание присущей человеку агрессивности и необходимости контролировать ее³. Наличие оружия тотального разрушения делает последствия конфликта неисчислимыми, а всем самым уменьшает вероятность крупной войны. А развитие глобального сознания в свою очередь ведет к отказу от утверждения национального превосходства и к подчеркиванию глобальной взаимозависимости. В Соединенных Штатах это растущее международное сознание иногда принимало форму еще большей подверженности влиянию «военно-промышленного комплекса»⁴ и успешно препятствовало неограниченному развитию химико-биологического оружия и его применению в бою. Это также стимулировало требование пересмотра нужд обороны, а в других развитых странах, особенно в Японии и странах Западной Европы, вызывало «пацифистское движение».

Тем не менее реалистический подход к вопросу подсказывает вывод, что пока никакого глобального соглашения о безопасности не предвидится. Самое большее, чего можно ожидать и на что рассчитывать, — это расширение договоров о контроле над оружием, односторонних ограничений расходов на оборону и расширения механизма ООН по поддержанию мира. Конфликты между странами все еще весьма реальны; толкования перемен в мире еще резко различаются, сохраняются расхождения в национальных чаяниях. Больше того, в отличие от положения в Японии, Западной Европе и Соединенных Штатах ни в Советском Союзе, ни в Китае не ведется никаких публичных дискуссий о вооружении и расходах на оборону. Секретность и цензура мешают высказыванию точек зрения, отличающихся от официальной позиции, и тем самым ограничивают влияние растущего глобального сознания на выбор политики руководителями этих государств.

Несколько менее ясна картина развития экономики, науки и образования. Все главные страны принимают теперь принцип, согласно которому они обязаны помогать менее развитым странам. Это новая моральная позиция и важный компонент нового глобального сознания. Хотя государства все еще отстаивают свое право самостоятельно устанавливать определенные пределы помощи (большинство выделяет на это менее 1 % своего в.н.п.), в сущности, они создали прецедент:

оказание помощи стало неким императивом. Весьма вероятно, что в предстоящие годы, несмотря на непрекращающиеся конфликты между государствами, экономическая помощь будет увеличиваться и все меньше и меньше будет использоваться как средство оказания политического влияния. Но в то же время, если только не разразится какой-то очень большой кризис, помощь вряд ли будет предоставляться в объеме, достаточном для того, чтобы нейтрализовать грозные перспективы, рассмотренные в I части.

В некоторых отношениях научно-техническое развитие — многообещающее для быстрого глобального распространения программ образования и новой техники. Телевизионные спутники уже делают возможным осуществление региональных программ образования (как в Центральной Америке), и есть прогресс в создании региональных технических институтов (в дальнейшем это может уменьшить утечку умов, частично вызванную желанием проходить обучение в более передовых странах). Комитет содействия развитию при Организации экономического сотрудничества и развития дает возможность систематического подхода к проблеме удовлетворения нужд менее развитых стран в образовании и в отличие от ЮНЕСКО не подвергается политическому нажиму с их стороны⁵. Подобный подход соответствовал бы появлению более согласованно действующего сообщества высокоразвитых стран, способного выработать общую стратегию в вопросах развития. Распространение английского как научного языка всего мира ускоряет образование глобального научного содружества, все более мобильного и взаимозаменяемого.

И все же этот прогресс во многих странах может быть сведен на нет неспособностью общества переварить и впитать в себя то позитивное, что потенциально присуще развитию образования и науки. Недостаток в этих странах экономических ресурсов — который лишь отчасти компенсируется заранее принимаемой в расчет иностранной помощью — может даже привести к тому, что некоторые позитивные перемены дадут обратный результат, содействуя не социальному прогрессу, а дорогостоящим конфликтам, не политическим новшествам, а политическому параличу. На деле наше все еще ограниченное знание факторов, порождающих социальное развитие, и роли в нем религии, культуры и психологии препятствует выработке действенной стратегии в области распространения технических знаний и использования материальной помощи*.

* Вот почему заслуживает особого внимания предложение Национальной ассоциации планирования (1969) о том, чтобы создать в Вашингтоне институт технической помощи и развития научных исследований с целью оказания технической помощи слаборазвитым странам и проведения широкомасштабного изучения проблем развития.

В этой обстановке, сочетающей зачатки порядка и элементы хаоса, вероятными кажутся две всеобщие перспективы, более непосредственно касающиеся внешней политики Соединенных Штатов; во-первых, «третий мир» вряд ли захлестнет общая волна революций, хотя он, несомненно, будет и впредь переживать бурные изменения; во-вторых, Советский Союз в обозримом будущем останется слишком сильным внешне, чтобы не быть глобальным соперником Соединенных Штатов, но слишком слабым внутренне, чтобы стать их глобальным партнером.

Революционный процесс

Концепция мировой революции, вдохновленной общей идеологией, имела какой-то смысл, когда промышленная революция, казалось, свидетельствовала об универсализме некоторых форм общественной организации и социального кризиса. В таком взгляде универсальная интеллектуальная перспектива сочеталась с географически-исторической узостью. Частично из-за сравнительно ограниченной информации о мировых процессах предполагалось, что при построении общей глобальной базы можно исходить из исторического опыта нескольких западных стран. Ныне становится все очевиднее, что общественные условия, так же как и пути общественного использования науки и техники, исключительно разнообразны и что это разнообразие включает в себя, кроме экономических и технических факторов, весьма тонкие, но важные оттенки в культуре, религии и исторических традициях*.

К тому же в России и Китае революционная интеллигенция конца XIX и начала XX вв. сама шла в авангарде процесса модернизации. Она была самым передовым слоем общества, а потому ее политическая победа, естественно, означала исторический шаг вперед для общества в целом. Сейчас это уже не так. Революционная интеллигенция в слаборазвитых странах, не говоря уже о ее интеллектуальном эквиваленте из среднего класса в Соединенных Штатах, часто представляет собой социальный анахронизм. А что касается процесса модернизации, так эта интеллигенция отстает от развития науки и техники, в которых она весьма «неграмотна».

Возможно поэтому, что в некоторых странах, быть может даже в более передовых, эта анахронистская интеллигенция, придерживаясь в основном аристократических и антииндустриальных ценностей, и преуспеет в задержке модернизации своих обществ, настояв на том, чтобы она была отложена, пока не произойдет идеологическая революция. В этом

* Перспективы успеха революции рассматривались также на стр. 57, 122—123, 186—190, 240—242.

смысле технотронная революция могла бы частично стать самоограничивающим явлением: распространяемая с помощью массовых средств информации, она порождает свой собственный антитезис в результате воздействия этих средств на некоторые круги интеллигенции. В ряде развивающихся стран это может в конечном счете противопоставить интеллигенцию, воспитанную в гуманистски-легалистических традициях и потому более восприимчивую к доктринерским призывам, социально более активным и новаторски настроенным молодым офицерам, инженерам и студентам, объединившимся с целью модернизации, местной и социально радикальной, хотя и эклектической по содержанию.

В Латинской Америке наиболее экстремистские реформы скорее напоминают перонизм и фашизм, чем коммунизм. К 1970 г. число студентов достигнет примерно 1 млн.⁶, создав тем самым самую широкую и политически неустойчивую базу для реформ. К тому же можно ожидать, что как оппозиция латиноамериканских правительств экономическому и политическому влиянию Соединенных Штатов⁷, так и их склонность к проведению /радикальных внутренних реформ усилятся, но не выйдут за рамки, объединяющие более социально ответственный католицизм с национализмом в условиях значительного национального многообразия. Это породит сильно дифференцированные по характеру изменения, но даже их радикальные проявления вряд ли будут отвечать образцу, принятому в коммунистических странах, особенно потому, что сравнительная утонченность культуры латиноамериканской элиты уменьшает притягательную силу тяжеловесных восточноевропейских или советских образцов. Источником революционных изменений скорее станет офицерский корпус, состоящий из молодых офицеров, настроенных радикально в социальном плане и новаторски — в техническом, чем местные коммунистические партии, а недовольство латиноамериканцев будет подогреваться не идеологией, а все тем же «антиянкизмом» в его чистом виде.

В других районах земного шара подобные же социальные комбинации, очевидно, приведут к созданию режимов, своим доктринерским характером способных компенсировать слабость местных религиозных и интеллектуальных традиций. Перевороты, совершенные в Ираке и Судане в конце 60-х гг. офицерством в союзе с интеллигенцией, очевидно, повторятся где-нибудь в других районах Африки и Ближнего Востока. Однако есть основание для скептицизма в оценке подлинности и глубины идеологической убежденности этих новых режимов. Идеология их в какой-то мере сформировалась под влиянием внешних факторов (проблема Израиля и позиция Советского Союза), в какой-то мере это просто дань модной сейчас риторике, а в общем она весьма неустойчива и

подвержена резким изменениям *. Несомненно, этим режимам будут помогать и их будут использовать русские и китайцы (последние, например, уже совершают политическое вторжение в Восточную Африку). И все-таки это будет скорее тактическим сотрудничеством, чем фактическим контролем и общей стратегической политикой.

Точно так же в Южной и Юго-Восточной Азии революции будут, очевидно, носить в основном местный и дифференцированный характер. Вполне возможно, что две крупные политические единицы — Индия и Пакистан, — сочетающие в себе множество политических и экономических различий, расколются. Это тем более вероятно, что нынешние элиты, внутреннее единство которых закалилось в борьбе с англичанами, постепенно уходят со сцены. Закат партии Индийский национальный конгресс сопровождается усилением этнической напряженности и поляризацией политических взглядов. Если индийский союз распадется, сепаратизм тамиллов на юге, очевидно, радикально левый по ориентации, столкнется с хиндустанским, быть может более религиозным по ориентации, правым радикализмом на севере: каждый будет усиленно подчеркивать свою доктрину и свои местные особенности. Как это произошло раньше в Китае, всякая тенденция к коммунизму, которая может возникнуть в результате такой конфронтации, вскоре приобретет сугубо местный характер и, вероятно, заглохнет из-за экономической отсталости.

Советско-китайский конфликт уже ускорил неизбежную китаизацию коммунизма в Китае. Этот конфликт поколебал мировые перспективы революции и — что, возможно, еще важнее — привел к тому, что модернизация Китая перестала следовать советскому образцу. Поэтому, что бы ни произошло в ближайшее время, в грядущие годы Китай в своем развитии, очевидно, все больше будет перенимать опыт модернизации других стран. Это может ослабить идеологические устои режима и привести к более эклектическим решениям при выработке китайского пути в современность.

Многие сдвиги в «третьем мире» неизбежно будут носить сильную антиамериканскую направленность. Это, видимо, особенно справедливо в отношении тех районов, где американское присутствие и американская мощь наиболее заметны. Однако в районах, близких к Советскому Союзу и Китаю,

* К тому же этим режимам трудно перейти к этапу, названному Хантингтоном второй фазой революции: «Полная революция включает также вторую фазу: создание и узаконение нового политического порядка. Успешная революция сочетает быструю политическую мобилизацию и быструю политическую институционализацию. Не все революции создают новый политический порядок. Мерой революционности революции служит быстрота

в конечном счете, очевидно, одержат верх антисоветская и антикитайская позиции независимо от характера внутренних реформ и внешней ориентации правящих режимов. Это опять-таки подчеркивает, что революционный процесс как таковой не обязательно будет определять внешнеполитическую позицию новых элит, которая, по всей вероятности, сформируется под влиянием традиционных антипатий, конкретных опасений и внутривосточных нужд.

Кроме того, на основную ориентацию новых элит все большее интеллектуальное воздействие будут оказывать изменения в более передовых странах мира, изменения, о которых представители этих элит будут узнавать непосредственно во время путешествий, при изучении этих стран и с помощью глобальных средств информации. Это знакомство с жизнью за рубежом еще сильнее уменьшит значение объединяющих идеологий, которые прежде заменяли ясное представление о будущем и о внешнем мире. Идеологическое единообразие было рецептом переделки мира, далекого и почти неизвестного, «о теперь ощущаемая близость всех точек земного шара и его перенаселенность диктуют революционное многообразие.

В соответствии с этим реальные ценности рвущихся к власти элит развивающихся стран — вопреки риторическим заявлениям — будут определяться какими-то реальными событиями, а не абстрактными обобщениями. Решающе важным для формирования воззрений руководителей «третьего мира» будут успех Соединенных Штатов в создании действенной многопартийной демократии и прокладывании новых путей в науке и технике, способность Европы и Японии преодолеть психологическую и социальную напряженность высокоразвитого современного мира и — последнее, но не менее важное — степень отхода Советского Союза от доктринерской ортодоксии, препятствующей его социальному развитию.

США/СССР: менее интенсивное, более экстенсивное соперничество

Насколько американцы считают революционные перемены за границей автоматически враждебными их интересам, настолько эти перемены кажутся выгодными Советскому Союзу и могут быть втиснуты в глобальные коммунистические рамки; и наоборот, насколько нейтрально относится Америка к этим изменениям, настолько уменьшается внутренняя привлекательность советского образца для революционеров «третьего мира», ускоряя перевес местных факторов. Привлекательность советского образца уже ослаблена появлением государств, более воинственных, чем Советский Союз, и групп, более активных, чем просоветские коммунистические партии. Притягательная сила Советского Союза уменьшилась также вследствие того, что внутренняя бюрократизация и догма-

тизм, сдерживающие развитие творческого интеллекта и введение социальных новшеств, превратили политический и общественный строй Советского Союза в самый консервативный во всем развитом мире*.

Поэтому американско-советское соперничество, похоже, будет носить менее идеологический характер, хотя оно может стать более широким географически и более опасным в смысле втянутых в него сил. Возросшие прямые контакты между двумя странами, сдерживающее влияние взаимного признания разрушительности нынешних систем вооружения и уменьшившиеся идеологические надежды «третьего мира» могут сделать американско-советские отношения более стабильными. Тем не менее все новые и новые районы земного шара могут стать объектом каких-то шагов и контршагов, если рост советских вооруженных сил, способных действовать на больших удалениях, в частности обычных средств переброски по воздуху и морем, распространит советско-американское соперничество на области, считавшиеся ранее недосягаемыми СССР. Неустойчивость в «третьем мире» может побудить какое-нибудь из этих государств применить силу, чтобы нейтрализовать или опередить другое, создавая тем самым ситуации, аналогичные инциденту у Фашоды, который в конце XIX в. чуть не вызвал войну между Францией и Англией в момент, когда эти державы шли (и продолжали идти) к соглашению в Европе⁸.

В целом тесное сотрудничество Соединенных Штатов и Советского Союза кажется весьма маловероятным в предстоящем десятилетии. Это лишь отчасти объясняется различиями в политике и идеологии обеих стран. Коммунистическая Америка, по всей вероятности, осталась бы соперником Советского Союза, подобно тому как им стал очень скоро коммунистический Китай. При его размерах и мощи, демократический и проникнутый созидательным духом Советский Союз мог бы оказаться для Соединенных Штатов еще более сильным конкурентом, чем современная бюрократически косная и догматически ортодоксальная советская система. К тому же демократические страны — не обязательно пацифистские страны, что убедительно показывает история Америки. Соперничество между странами свойственно международной системе, функционирующей при отсутствии всемирного согласия, — результат того, что веками мировоззрение человека складывалось под влиянием конкурирующих стран, отстаивавших свое превосходство и свои конкретные ценности. Такое соперничество вряд ли прекратится, если только в корне не изменится

* Некоторые советские ученые (в частности, Капица и Сахаров) уже предупреждали, что в конечном счете это может дорого обойтись для научного и интеллектуального [развития в Советском Союзе.

характер отношений между странами — а следовательно, и рамки самого национального суверенитета.

В настоящее время Советский Союз мало помогает формированию новой системы международного сотрудничества, хотя он и считает, что стоит в авангарде исторического прогресса, и до недавнего времени был знаменосцем идеологии, не признававшей традиционных национальных границ. Такова ирония истории, что сегодня Советский Союз проводит крайне националистическую внешнюю политику и предусматривающую подчинение нерусских меньшинств внутренней политике; он ведет активную кампанию против международного сотрудничества регионального характера, оказывает непропорционально малую помощь слаборазвитым странам (примерно 10% той, которую оказывают Соединенные Штаты) и отказывается от совместного исследования космического пространства (окружая свои собственные работы в этой области величайшей секретностью).

Одним из неожиданных следствий китайско-советского спора может оказаться то, что советское мировоззрение станет более жестким и взгляд на мир — более параноидным. Хотя советские руководители хотят избежать противоборства на двух фронтах, а потому стремятся договориться либо с Западом, либо с Востоком, сами масштабы китайского вызова увеличивают их опасения, стимулируют военную подготовку и заставляют активно заботиться о неприкосновенности границ*.

Столь же важна, но менее общепризнана как фактор, мешающий Советскому Союзу найти более четкие формы международного сотрудничества, внутренняя слабость и непрочность положения советских руководителей. Даже через пятьдесят лет после своего создания возглавляемая ими политическая система все еще не имеет элементарной законности: ее правящая элита во многом опирается на принуждение и цензуру, чтобы сохранить власть, приобретенную не с помощью обычных конституционных процедур, а в результате длительной борьбы внутри аппарата (уместно вспомнить о борьбе за трон). Ввиду того, что советская политическая система из-за своего догматизма неспособна на внутренне необ-

* Понять опасения Советов можно, если представить себе положение, при котором Соединенным Штатам противостояли бы 800 млн. мексиканцев, имеющих ядерное оружие и ракеты и заявляющих во всеуслышание, что Соединенные Штаты захватили огромные пространства мексиканской территории, что американская система в основе своей порочна и что американское правительство — их враг. Такое положение, несомненно, породило бы острые опасения среди американской общественности. Советские опасения еще усиливаются тем, что Сибирь, сравнительно мало освоенная и малонаселенная, как магнит притягивает к себе взоры китайцев и что русско-китайские территориальные соглашения с исторической точки зре-

ходимые социальные нововведения, все большее приспособление к Западу, в котором кроется признание того, что ленинистское деление мира на две части (в свою очередь оправдывающее ленинистскую концепцию правящей партии) уже не соответствует действительности, неизбежно вызовет далеко идущую внутривосточную неустойчивость в Советском Союзе и в находящейся под советским господством Восточной Европе.

Этой консервативной ленинистской позицией в значительной мере объясняется задержка модернизации и политического развития России. В глобальном плане Советский Союз представляет собой архаичную религиозную общину, которая воспринимает современность экзистенциалистски, но еще не совсем нормативно⁹.

Политические выводы

Вышеприведенные общие положения позволяют сделать ряд прямых выводов ([относительно перспектив] американской внешней политики как в плане ее руководящих принципов, так и в плане желательной внешнеполитической позиции. Прежде чем остановиться на этом подробнее, сформулируем выводы в самом сжатом виде: позиция, основанная на идеологических соображениях, не соответствует духу времени: американо-советская ось вряд ли может быть костяком новой международной системы; традиционный раздел сфер влияния становится все более нежизнеспособным; экономический детерминизм в отношении слаборазвитых стран и коммунистических государств не может служить прочной базой для политики; региональные союзы, направленные против определенных стран, устаревают; широкое американское военное присутствие за границей начинает противоречить американским интересам и развитию международного сообщества; американская дипломатическая машина, созданная в доглобальную и дотехнотронную эпоху, отстала от современности и требует коренной модернизации.

Хотя американская внешняя политика — не безраздельно антикоммунистическая, как это сочли удобным утверждать ее критики *, американские официальные круги весьма склонны заявлять, что все международные проблемы сводятся к идеологическому противоборству и что радикальные перемены идут вразрез с американскими интересами. Впредь местная перестройка в различных частях мира, очевидно, не будет

* Обвинение в том, что Соединенные Штаты ведут свою внешнюю политику, исходя из предполагаемого существования заговора монолитного коммунистического мира, все еще поддерживают некоторые ученые критики. На деле же Соединенные Штаты первыми в конце 40-х гг. стали ока-

рассматриваться как некий элемент всеобщей угрозы; к тому же постепенная плюрализация коммунистического мира будет, как и прежде, увеличивать различия между коммунистическими системами. Это уменьшит необходимость активного американского вмешательства, сделав его обязательным главным образом для защиты каких-то конкретных американских интересов или же в качестве ответа на открытый враждебный акт какой-то державы, потенциально способной угрожать Соединенным Штатам*.

Перспективы меньшей идеологизации позволят придать американо-советским отношениям подходящие им формы. Главную угрозу для Соединенных Штатов Советский Союз представляет в военной области; поэтому более сильный Советский Союз неизбежно имеет тенденцию угрожать Америке; более слабый Советский Союз считает, что ему угрожает Америка. Поскольку война между этими двумя сверхдержавами была бы взаимно разрушительной, заключение между ними соглашений о контроле над вооружениями диктуется здравым смыслом. Продолжающиеся переговоры между Соединенными Штатами и Советским Союзом об ограничении стратегических вооружений можно рассматривать не просто как торг между двумя соперниками; эти длительные переговоры неизбежно приведут к признанию де-факто уже действующей совместной комиссии по вооружениям и стратегии. Хотя и ограниченная в реальной власти, такая «комиссия» постепенно и, вероятно, все сильнее будет влиять на действия каждой стороны, стимулируя большее понимание взаимных нужд и опасений**.

Говоря конкретнее, было бы желательно и уместно, чтобы Соединенные Штаты помогли Таиланду оружием и снаряжением, если ему будет угрожать Северный Вьетнам. Такой же должна бы быть реакция на угрозу Южной Кореи со стороны Северной Кореи или Израилю со стороны арабских государств. Но ни в одном из этих случаев не следует использовать американские вооруженные силы, если только более могущественные страны, а именно СССР или Китай, не окажутся непосредственно втянутыми в борьбу. Полное безразличие американцев будет поощрять агрессию, но американская помощь окажется достаточной мерой для того, чтобы сделать войну либо бесполезной, либо весьма дорогостоящей для агрессора. Итак, прямое вмешательство надо оставить лишь для таких ситуаций, когда втянутой окажется держава, способная создать угрозу для Соединенных Штатов.

** Наука и техника уже революционизировали осуществление обеими странами своего суверенитета по отношению друг к другу. Использование самолета «У-2», а впоследствии разведывательных спутников лишило силы претензию на неограниченное господство в национальном воздушном пространстве, в какой-то мере рассекретив советскую военную тайну. Советскому Союзу пришлось нехотя признать факт полетов «У-2», поскольку он не смог сбить эти самолеты; несмотря на инцидент, происшедший в мае 1960 г., прецедент в области односторонней инспекции был, таким образом, установлен, а впоследствии это вошло в практику обоих государств.

О том, как сложно достичь соглашения о контроле над вооружением,

Пока же не достигнуто обязывающее соглашение, высокий *L* уровень развития американской техники дает возможность поддерживать необходимую степень неопределенности в количественном и качественном соотношении мощи двух стран. На нынешнем этапе равенства разрушительной мощи эта стратегическая и психологическая позиция нужна для замены прежней ставки на открытое и надежно действующее устрашение, объяснявшееся американским превосходством в разрушительной мощи. Равенство устрашающих факторов требует какой-то неясности, в то время как превосходство в них требовало абсолютной надежности.

Но вне рамок этих отношений возможности широкого урегулирования сравнительно ограничены¹⁰. Американско-советская ось вызвала бы недовольство слишком многих государств, и поэтому у Вашингтона и Москвы возник бы соблазн использовать это недовольство. В сущности, чем успешнее окажутся попытки создать такую ось, тем сильнее будут препятствия. К тому же Советский Союз, как уже указывалось, не представляет собой жизненную социальную альтернативу, дающую миру привлекательный и подходящий образец решения его старых проблем или — особенно — новых, порожденных наукой и техникой. В результате самое большее, чего Америка может добиваться, руководствуясь разумными соображениями, — это постепенного усиления советского участия в международном сотрудничестве в рамках таких проектов, как совместные исследования космического пространства, подводные исследования и т. д. Все это может помочь выработке системы сотрудничества, которая в дальнейшем распространится и на другие сферы.

Тем временем американское и русское влияние в тех районах, которые обе страны по традиции считали своими исконными сферами влияния, похоже, будет уменьшаться. В современном городе «размежевание» районов возможно лишь во взаимоотношениях между бандами преступников; в «глобальном городе» все труднее — или по крайней мере дорого — поддерживать «скрытые» сферы влияния. Восточная Европа неизбежно будет и впредь тянуться к Западу, и лишь прямое советское принуждение может помешать тому, что иначе произошло бы довольно скоро, — соединению Восточной Европы с более широким европейским сообществом. Даже со-

говорится в следующем выводе, сделанном одним специалистом в этой области: «Есть основания надеяться на возможное соглашение, если обе стороны смогут примириться с фактом, что в течение какого-то времени самое большее, чего они могут рассчитывать добиться, — это равновесия на довольно высоком, но менее быстро возрастающем уровне вооруженных сил, и если обе они признают, что при любых переговорах прежде всего необходимо отказаться от порочного цикла „действие — противодействие"» (George W. Rathjens, *The Future of the Strategic Arms Race*, N. Y., 1969, p. 40).

ветской силе не удастся полностью остановить этот процесс; традиционная тяга к западной культуре слишком сильна, а теперь она еще усиливается под влиянием растущего в Восточной Европе признания того, что вследствие разрыва в технике между Востоком и Западом Россия не может успешно помочь Восточной Европе вступить в послеиндустриальную эпоху. Эта тяга — здоровая, ибо постепенное расширение восточноевропейских связей с Западной Европой обязательно скажется также на Советском Союзе и ослабит его доктринарскую направленность.

Такое понятие, как особые отношения между Соединенными Штатами и Латинской Америкой, тоже неизбежно исчезнет. Латиноамериканский национализм, все более радикальный по мере расширения своей базы в народе, будет все враждебнее относиться к Соединенным Штатам, если только они вскоре не изменят свою позицию. Поэтому Соединенные Штаты поступили бы мудро, решительно отказавшись от доктрины Монро и признав, что в новую глобальную эпоху географическое соседство или общность полушария не должны играть политически решающей роли. Для панамериканских отношений было бы полезнее всего, если бы Соединенные Штаты подняли их на тот же уровень, что и свои отношения с остальным миром, ограничиваясь упором на культурно-политическую родственную близость (как они делают в отношении Западной Европы) и экономико-социальные обязательства (как они делают в отношении слаборазвитых стран).

Было бы целесообразно также проявлять большое терпение при рассмотрении вопроса о политическом развитии как коммунистических, так и развивающихся стран. Подобно тому как вливание американской мощи не всегда может стать выходом из положения, ставка на экономический рост не гарантирует демократизации, политической стабильности или проамериканизма. Как уже указывалось, политические изменения в коммунистических государствах не являются простым следствием экономического развития, а готовность слаборазвитых стран откликнуться на радикальные призывы усиливается по мере их вступления на путь развития. Иностранная помощь и более тесные экономические контакты — это не мера предотвращения кризисов, имеющих глубокие корни, и не лекарство от болезней, порожденных глубоко внедрившимися идеологическими институтами.

Требуется все более деполитизованный по форме подход к проблемам международных экономических отношений и иностранной помощи, даже если конечная скрытая цель остается политической. Если эта цель — поощрить возникновение более согласованно действующего сообщества стран независимо от их индивидуальных внутренних систем, то правиль-

ным шагом было бы предоставление международным органам большей роли в вопросах экономического развития и вступление на путь отмены ограничений на торговлю. Такие действия окажутся в конечном счете тем более успешными, что они носят менее открытый политический характер и предпринимаются без надежды на быстрые и коренные политические перемены, достигаемые с помощью прямого экономического давления*.

Более беспристрастный подход к революционным процессам в мире и меньшая обеспокоенность делами Советского Союза помогли бы также Соединенным Штатам выработать иную позицию в отношении Китая. Китай и Южная Азия — густонаселенные районы, унаследовавшие от прошлого комплекс проблем социальной организации, и они все еще стараются разрешить эти старые проблемы в момент, когда высоко развитый мир приступает к решению проблем совершенно новых измерений. Пока не установятся связи с Китаем — а вначале этого можно добиваться через посредство Японии и Западной Европы, — он будет оставаться исключенной и самоисключившейся частью человечества, все более грозной, поскольку его отсталость будет в возрастающей степени сочетаться с огромной ядерной мощью. А потому Соединенным Штатам вместо того, чтобы стать косвенным союзником СССР против Китая — а именно этого хочет Москва, — следовало бы поощрять попытки других стран установить связи с Китаем. Кроме того, Соединенным Штатам следует проявить собственную инициативу¹¹ и стараться не вступать в открытые антикитайские соглашения по вопросам безопасности.

В наш век международные соглашения по вопросам безопасности должны быть похожи на соглашения, заключаемые в крупных городских центрах: такие соглашения направлены не против каких-то конкретных организаций или отдельных лиц, а против тех, кто отходит от установленных норм. Следовательно, существующие союзы, которые обычно направлены против потенциального агрессора, точно определенного либо в самом договоре, либо в сопровождающих его заявлениях, должны быть постепенно заменены ассоциацией, основанной на концепции сотрудничества стран, объединившихся ради разнообразных целей, в том числе и ради обеспечения безопасности. Хотя вначале это будет лишь формальным измением — ибо в ассоциацию, конечно, войдут только государства с определенными общими интересами и опасения-

Это не должно исключать концентрацию усилий на конкретных государствах, если перспектива их экономического развития отвечает более определенным политическим интересам Америки. Другими словами международная экономическая помощь в гуманитарных целях может более выборочными и интенсивными усилиями в отношении конкретных стран.

4 МИ,— эта намеренно открытая для других система, в которой I элементы 'безопасности' будут играть лишь небольшую, второстепенную роль, избежит институционального увекочения неизбежных, но часто преходящих столкновений интересов разных государств *.

Эволюция форм международной безопасности облегчит постепенную перестройку американской системы обороны, особенно путем концентрации американского военного присутствия за границей в нескольких ключевых странах. Если не считать стран, которые полагают, что им угрожает непосредственная опасность, длительное военное присутствие Соединенных Штатов обычно усиливает политическую враждебность к ним даже в дружественных по традиции странах (например, в Турции), и, хотя это присутствие некогда было желательным для данных стран, оно постепенно превращалось в узаконенное право американцев. Поскольку разрушительная мощь ядерного оружия удерживает от развязывания тотальной войны, а прежняя озабоченность ее возможностью уступит место беспокойству по поводу вероятности спорадического возникновения насилия в «третьем мире», американские вооруженные силы, размещенные за границей исходя из предположения, что они понадобятся для обеспечения безопасности разных стран, подвергающихся общей угрозе, все меньше и меньше требуются для этой цели. За некоторым исключением (например, вопрос о Южной Корее, Берлине или в Западной Германии), ни глобальная безопасность, ни американские интересы в общем, по-видимому, не пострадают, если территориальные пределы американской обороны станут более ограниченными (то же относится и к Советскому Союзу; это, видимо, не нанесет ущерба его безопасности) и если всё больший упор будет делаться на мобильность средств переброски войск на большие расстояния **.

• Быть может, это особенно относится к попыткам сформировать систему сотрудничества на Тихом океане. Маловероятно, чтобы Юго-Восточная Азия сама по себе, даже при укреплении ее экономики, могла бы создать базу для региональной безопасности. Но расширенные за счет участия японцев, австралийцев и американцев и не направленные специально против Китая, некоторые формы сотрудничества могли бы постепенно утвердиться, и в конечном счете вся система может охватить все большее и I большее число стран.

** Можно было бы выделить для международных сил по поддержанию мира некоторые резервные базы, оставленные Соединенными Штатами перед их ООН с согласия данной страны. Во всяком случае следует отметить, что американская общественность, видимо, не слишком склонна поддерживать использование американских вооруженных сил для защиты иностранных государств. Результаты проведенного в середине 1969 г опроса I са общественного мнения по вопросу о том, должна ли Америка помогать
В СлуЧае ВТО, ржения туда коммунистических
•оружейных сил со стороны, показали, что большинство стоит за использование вооруженных сил только для помощи Канале и Мексике (57 п

И наконец, благоприятные возможности и опасности, при *JI* сущие научно-техническому веку, требуют тонких, но важных изменений в позиции и организации Америки. Эти изменения не произойдут быстро; их нельзя заранее наметить в деталях; скорее всего они совершатся исподволь. Тем не менее, чтобы играть активную роль в мире, Америка нуждается в дипломатической машине, использующей последние достижения в области техники связи и обладающей стилем и организацией, соответствующими нашему нынешнему существованию в перенаселенном мире.

Сейчас дело едва ли обстоит так. Наша дипломатическая машина все еще является продуктом традиционных норм, установленных после 1815 г. и строго соответствовавших протоколу. В основном она построена на базе отношений между правительствами, а гораздо более важные ныне социальные факторы часто игнорируются. Не случайно журналисты, менее зависящие от правительственных контактов и более склонные включаться в жизнь данного общества, зачастую легче схватывают общий характер изменений в других странах, чем находящиеся там американские дипломаты. В настоящее время международные отношения все больше требуют умения поддерживать интеллектуально-научные связи, в том числе способности плодотворно общаться с творческими группами других обществ, а именно в этих областях особенно ощущается недостаток должной дипломатической подготовки и отсталость процедурных порядков.

Кроме того, вся традиция посылки секретных депеш и пространных телеграмм, поток которых ежедневно обрушивается на аппарат госдепартамента, попросту не учитывает огромного скачка в развитии современных средств связи, наличия превосходного репортажа о международных собы-

52% соответственно); за помощь Западной Германии высказались 38/о, Японии —27%, Израилю —9% (здесь речь шла не обязательно о комму-к и гической апреосии), Румынии—13%;^a вместе с теми, кто поддержива-ет оказание всяческой помощи, но без использования вооруженных сил, этот процент составил: для Канады — 79, Мексики 76, Западной Герма— 59, Израиля — 44, Румынии—24, Японии—42 (результаты опроса службы Харриса, приведенные в газете «Тайм», 2 мая 1969 г.).

Настроения в стране могли легко измениться под влиянием обстоя-тельств, но приведенные данные показательны, поскольку они говорят об общей позиции.

Они свидетельствуют о более выборочном подходе к военным обяза-тельствам и могут в какой-то мере склонить общественное мнение в поль-зу создания профессиональной добровольческой армии. Большая армия, формируемая по принципу обязательной воинской по в иен ости, была бы в некотором роде отражением стимулированного Французской революции популистского национализма, который рассматривал каждого гражданина как солдата. Это имело смысл в век сравнительно несложного оружия и упора (на идеологию. Поскольку оба эти фактора резко изменились, ныне убедительнее становится довод в пользу создания более професней Я льных вооруженных сил, используемых для более выборочных целей.

тиях в ведущих американских и иностранных газетах и даже роли телевидения * Комментируя сообщение Данкена от 1969 г., ^содержавшее такую же критику английской дипломатической службы, канадский ученый, специалист в вопросах политики Джеймс Эйерс писал: «Слишком большое число людей водят своими перьями по слишком большому количеству листов бумаги, заполняя их ничемными сообщениями»¹². Томас Джефферсон как-то жаловался, что он целый год ничего не слышал от одного из своих послов, в наши дни государственный секретарь мог бы с полным основанием пожаловаться на то, что он ежедневно слышит слишком много от слишком большого числа ненужных послов.

Соединенные Штаты—та страна, которая наиболее настоятельно нуждается в реформе своей дипломатической службы и органов, определяющих политику, и лучше всего подготовлена к проведению такой реформы. Это первое общество с глобальной ориентацией, имеющее самые экстенсивные и интенсивные связи. К тому же его деловые круги приобрели большой опыт внешнеполитической деятельности и успешно овладели искусством точной отчетности, представительства за рубежом и центрального контроля, не полагаясь на огромные штаты и широкий масштаб осуществляемых ими операций. Она также первой начала осваивать новейшую технику, например проводить конференции по закрытым телевизионным каналам, использовать компьютеры, работающие в режиме разделения по времени, и другие средства.

Хотя здесь вряд ли уместно детально перечислять требуемые реформы, все же следует отметить, что, поскольку во взаимоотношениях между странами произошли коренные изменения, уже давно напрашивается широкое изучение и решительная реформа существующей, сугубо традиционной системы и стиля американской дипломатической службы. Более широкое использование компьютеров и системы прямых видео-звуковых электронных связей в дипломатической службе должно позволить сократить штаты и число дипломатических представительств Соединенных Штатов и добиться того, чтобы по своей оперативности они не уступали наиболее эффективным международным корпорациям. Применяемый в Вашингтоне процесс выработки политики надо усовершенствовать таким же образом и освободить от неразберихи, создаваемой бюрократической волокитой¹³.

* Автор книги на 10-ом году личного опыта службы в госдепартаменте может констатировать, что в большинстве случаев лучшее или по крайней мере столь же хорошее представление о событиях за границей можно получить, читая лучшие газеты—включая, конечно, и иностранные, — чем просматривая ежедневно сотни телеграмм, зачастую содержащие самые незначительные сообщения, например о каких-либо приемах.

3. Сообщество развитых стран

Признание настоящей необходимости изменений должно быть подкреплено широкими попытками сдержать глобальную тенденцию к хаосу. Чтобы мир мог дать действенный отпор все более серьезному кризису, который по-разному угрожает сейчас как развитым странам, так и «третьему миру», необходимо в конце концов создать сообщество развитых стран. Постоянные разногласия между развитыми государствами, особенно разногласия, порождаемые устаревшими идеологическими концепциями, сведут на нет попытки отдельных государств помочь «третьему миру»; в более развитом мире они могут даже способствовать возрождению национализма.

Западная Европа и Япония

С американской точки зрения наиболее важные и многообещающие изменения в предстоящие годы затронут Западную Европу и Японию. Способность этих районов продолжать развитие своей экономики и сохранять относительно демократические политические формы решительнее, чем вероятные изменения в американско-советских отношениях, скажется на постепенной эволюции новой международной системы. У Западной Европы и Японии больше возможностей для проявления инициативы в создании новой основы международных отношений, а поскольку эти страны, подобно Америке, стоят в авангарде развития науки и техники, они представляют собой самые жизнеспособные районы земного шара.

Хотя некоторые ученые подчеркивают жизнеспособность европейского национализма, развитие Западной Европы в общем направлено на расширение сотрудничества и — что еще важнее — на выработку европейского сознания*. Более молодым европейцам Западная Европа уже представляется единым целым во всех отношениях, кроме политической сферы; хотя она все еще по старинке управляется рядом провинциальных князьков (время от времени по очереди посещаемых властителем из Вашингтона), их Европа не имеет границ,

* Яркой иллюстрацией этого были результаты (проведенного во Франции опроса, показавшие, что французская общественность, которую долго считали настроенной крайне националистски, поддерживает идею появления европейского [правительства, обладающего решающими правами контроля над местным французским правительством в таких областях, как научные исследования (66% высказалось за предоставление решающей роли европейскому правительству, 15%—французскому) и внешняя политика (61 и 17% соответственно)]. Этот опрос показал, что большинство французов стоит за сохранение решающей роли французского правительства лишь в (чисто внутренних делах, таких, как социальные вопросы, отпуска, просвещение и т. д. Galin Lancelot and Pierre Weill, *The French and the Political Unification of Europe*, «Revue française de science politique», February 11969, p. 145—U70).

она открыта для неограниченного туризма, для почти неограниченного движения товаров и все больше для свободного потока студентов и рабочих. Конечно, позитивный регионализм еще не стал зрелым, но вышесказанное создает по крайней мере необходимую психологическую базу для новой Европы. Технотронная революция ускорила появление такой Европы, и автаркические идеи индустриального века сегодня почти не имеют хождения.

В Европе скачок в науке и технике, хотя и разрушительный для некоторых обществ (в частности, для Италии, только что завершившей индустриальную фазу своего развития), содействовал расширению сотрудничества; в Японии же, где нет непосредственного внешнего рынка сбыта, какой есть у западных европейцев благодаря объединению Европы, и где военно-политическое присутствие американцев весьма заметно, этот скачок весьма осложнил внутреннее положение. Он обостряет ее внутривнутриполитические конфликты, поляризуя общественное мнение и делая неясной будущую ориентацию страны *. Конфликт между поколениями, существующий в большинстве развитых стран мира, носит особенно острый характер в Японии, поскольку ее поражение во второй мировой войне привело к резким сдвигам в области культуры и лишь недавно установилось равновесие между ее традициями и современными демократическими институтами. Возрождение японского национализма или поворот к идеологическому радикализму поставили бы под серьезную угрозу непрочный мир в районе Тихого океана и прямо затронули бы интересы Соединенных Штатов, Советского Союза и Китая.

Поэтому требуются усилия для организации сообщества развитых стран, в которое вошли бы атлантические государства, наиболее развитые европейские коммунистические государства и Япония. Нет необходимости, чтобы эти страны создали какое-то однородное сообщество, напоминающее ЕЭС или некогда желанный Атлантический союз,—да и долгое время это будет невозможно. Но тем не менее прогресс в этом направлении помог бы положить конец гражданской войне, которая определяла международную политику развитых стран в последние полтора столетия. Хотя националистические и идеологические споры между этими странами имеют все меньшее отношение к жизненным проблемам человечества, они препятствуют конструктивному решению задач, являющихся, как все больше признают и демократические и коммунистические государства, ключевыми для нашего времени. Вследствие отеут-

* Так, база центристско-правой коалиции, управлявшей Японией в послевоенный период, постепенно сокращалась: в 1952 г. эта коалиция получила 66,11% голосов избирателей, в 1953 г.— 65,7, в 1955 г. — 63,2 в 1958 г.— 57,8, в 1960 г. — 57,6, в 1963 г.— 54,7, в 1967 г. — 48,8 и в 1969 г. — 47,6%.

ствия объединительного процесса старые споры не затухают, заслоняя собой подлинные проблемы управления государством.

Нельзя назвать утопией попытку обосновать необходимость в таном сообществе и определить его создание как главную задачу следующего десятилетия. Под влиянием экономики, науки и техники человечество постепенно идет к установлению широкого сотрудничества. Несмотря на периодические неудачи, вся история человечества ясно свидетельствует о прогрессе в этом деле. Вопрос лишь в том, создаст ли стихийное движение достаточный противовес уже отмеченным опасностям. И поскольку ответ, по-видимому, будет отрицательным, можно сказать, что реалистичный подход требует продуманных усилий, направленных на ускорение процесса развития международного сотрудничества передовых стран.

Движение по пути расширения сообщества развитых стран, конечно, должно быть постепенным, и оно не будет мешать установлению более однородных отношений внутри него. К тому же нельзя достигнуть такого сообщества путем механического соединения* существующих государств. Само желание (формально создать одно большое государство порождено взглядами, свойственными веку национализма. Гораздо больше смысла попытаться объединить существующие государства посредством различных косвенных связей и уже начинающих вступать в действие ограничений национального суверенитета.

В ходе этого процесса Советский Союз и Восточная Европа, с одной стороны, и Западная Европа—с другой, еще долго будут сохранять более близкие отношения в рамках своих собственных районов. Это неизбежно. Но главное—создать более широкую систему, которая связала бы всех в рамках различных региональных или функциональных форм сотрудничества. Такая система не уничтожила бы американско-советского соперничества в ядерном оружии, которое оставалось бы осью мировой военной мощи. Но в более широком плане сотрудничества соревнование между Соединенными Штатами и Советским Союзом в конечном счете напоминало бы по форме англо-французское колониальное соперничество конца XIX в.: Фашода не подорвала зарождавшееся европейское согласие.

Движение по пути создания такого сообщества, по всей вероятности, потребует двух больших и взаимно перекрывающихся этапов. На первом этапе будет идти процесс установления связей сообщества между Соединенными Штатами, Западной Европой и Японией, а также с другими более передовыми странами (например, Австралией, Израилем, Мексикой). Второй этап будет включать распространение этих связей на более развитые коммунистические страны. Некоторые из них, например Югославия или Румыния, могут пойти по пути уста-

новленил более тесного международного сотрудничества быстрее, чем другие, а потому эти два этапа не обязательно должны быть резко разграничены.

Структура и фокус

Нарождающееся сообщество развитых стран потребует какого-то институционального оформления, хотя было бы неразумным пытаться преждевременно создавать слишком большое число ко многому обязывающих объединенных органов. Целесообразно было бы первоначально создать на высоком уровне лишь консультативный совет по вопросам глобального сотрудничества, чтобы главы правительств развитых стран мира регулярно встречались для обсуждения проблем политики, безопасности, образования, науки, экономики и техники, а также проблем, порожденных их моральными обязательствами перед развивающимися странами. Непрерывность таких консультаций мог бы обеспечивать какой-то постоянный орган.

Подобный совет по вопросам глобального сотрудничества, естественно, был бы чем-то большим, чем Организация экономического сотрудничества и развития, поскольку он действовал бы на более высоком уровне, а также занимался бы политической стратегией, но он был бы более расплывчатым, чем НАТО, в том смысле, что он не старался бы создать объединенные военно-политические системы. Тем «е менее совету такого рода — первоначально, быть может, связанному только с Соединенными Штатами, Японией и Западной Европой и, таким образом, объединяющему политических руководителей государств с определенными общими стремлениями и взглядами на современность — скорее удалось бы выработать общие программы, чем Организации Объединенных Наций, действенность которой неизбежно лимитируется холодной войной и разделением Севера и Юга.

Включение в это сообщество Японии было бы особенно важным как для внутреннего развития страны, так и для жизнеспособности такого сообщества. Япония — мировая держава, и в мире электронных и сверхзвуковых связей считать ее в первую очередь азиатской страной было бы психологической и политической ошибкой. Японии необходим внешний рынок, соразмерный с ее высоким уровнем, а не такой, который ставит ее в положение гиганта среди пигмеев и исключает ее де-факто из советов действительно мировых держав. Желательным двусторонним соглашением была бы договоренность о проведении регулярных американско-японских совещаний на правительственном уровне, но Япония полнее и более творчески включилась бы в мировые дела в более широкой системе, объединяющей равных партнеров.

Есть опасность, что без такой системы необычайные темпы

социально-экономического развития Японии приведут к пагубным результатам. Автоматическое планирование будущего развития Японии, все чаще проводимое с конца 60-х гг., может ввести в заблуждение: ведь при нем не делается скидка на дестабилизирующее влияние изменения японских традиций. Вполне реально, что в 70-е гг. Япония будет переживать чрезвычайно опасные внутренние конфликты, если не удастся каким-то путем стимулировать японский идеализм и обратить его на достижение более высоких целей, чем островной или личный гедонизм. Такой выход могло бы обеспечить международное сотрудничество, включающее в себя разделение с Японией и ответственности, и мощи.

Подобный совет очертил бы также тот круг вопросов политики и безопасности, в пределах которого заботы каждого государства о своей безопасности можно было бы рассматривать с учетом неизбежной связи между такими проблемами, как советская политика в Берлине и китайско-советский кризис, создание в Китае ядерного потенциала и значение этого для безопасности Японии и для отношений между Востоком и Западом в Европе и т*. д. Аналогично такие вопросы, как перевооружение Японии, возможно, даже приобретение ею ядерного оружия (что, по мнению все большего числа японцев, произойдет, очевидно, во второй половине 70-х гг.)¹¹, можно было бы рассматривать с учетом их более широкого значения, а не в свете чисто местных соображений. Действительно, принимая во внимание нынешний характер развития науки и средств связи, пора подумать о техническом сотрудничестве между Западной Европой и Японией, а также между ними обеими и Соединенными Штатами в некоторых областях обороны.

Однако усилия в политическом плане и плане обеспечения безопасности, по всей вероятности, будут уступать по значению усилиям, направленным на расширение масштабов просветительно-научного и экономико-технического сотрудничества между самыми передовыми индустриальными странами, которые переходят уже в послеиндустриальный, а в некоторых отношениях—и в посленациональный век. Проектируемая мировая информационная сеть, наилучшие условия для которой имеются в Японии, Западной Европе и Соединенных Штатах*,

* «Западная Европа и Япония |дают наиболее реальные возможности для создания международной информационной сети. Европейцы и японцы все отчетливее понимают значение сети накопления и передачи информации, подобной той, которая возникает сейчас в этой стране.

Успех европейцев в этом деле будет зависеть отчасти от их способности изменить некоторые нынешние ограничительные позиции. Одна из них —это давняя (традиция держать в тайне свои работы в области исследований и проектирования), другая—националистское нежелание делиться региональной информацией. Будет печально, если эти тенденции

могла бы 'создать основу для осуществления общей образовательной программы, принятия общих академических норм, организованного обмена информацией и более рационального разделения труда в области исследований и проектирования. Компьютеры в Массачусетском технологическом институте уже регулярно «поддерживают связь» с латиноамериканскими университетами, и нет никаких технических препятствий для постоянной информационной связи между, например, университетами Нью-Йорка, Москвы, Токио, Мехико-сити и Милана¹⁵. Такую научно-информационную связь было бы легче осуществить, чем совместные программы просвещения, и она способствовала бы появлению международной системы образования, создав дополнительные стимулы для международного разделения труда университетских ученых, выработки единых академических стандартов и создания межнационального обмена академическими ресурсами.

Шаги в этом направлении можно было бы ускорить какими-то символическими совместными действиями. Самый яркий пример человеческого подвига, ставшего возможным благодаря науке, — это, видимо, освоение космоса, но в настоящее время эта область почти полностью монополизирована Соединенными Штатами и Советским Союзом. Во многом ускорить возникновение международного сотрудничества могло бы объединение западноевропейских, японских и американских сил для какого-то конкретного совместного предприятия¹⁶. >К тому же может оказаться желательной разработка международной конвенции о социальных последствиях применения науки и техники. Это позволит не только заранее оценить экологическое и социальное воздействие новой техники, но и запретить использование химических веществ для подавления человека и манипулирования им, а также предотвратить злоупотребление наукой другими способами, к которым могут склоняться некоторые правительства.

В области экономики и техники некоторое международное сотрудничество уже достигнуто, но дальнейший прогресс потребует от Америки больших жертв. Для создания новой мировой валютной системы придется приложить более активные усилия, сопряженные с некоторым риском для нынешней сравнительно благоприятной позиции Америки. Дальнейший прогресс, по всей вероятности, потребует отказа от ограничений, установленных конгрессом в 1949 и в 1954 гг. в отношении

не смогут мыслить понятиями «итальянские исследования» или «норвежские исследования», так же как они не могут проводить различия между последованиями, которые ведутся в Калифорнии или в Нью-Джерси.

Есть все основания поощрять европейцев к решению этих проблем. Американскую сеть 'передачи /информации надо непосредственно связать

с их региональной системой, чтобы расширить обмен информацией»

международной деятельности американских корпораций и их иностранных филиалов и заводов. Появление подлинно международной системы производства и финансирования должно идти рука об руку с развитием «теории международного производства», необходимой в дополнение к нашим нынешним теориям международной торговли *. Прогресс в этом направлении облегчит также создание, может быть постадийное, зоны свободной торговли.

Коммунистические государства

Советский Союз, возможно, включится в такое более широкое сотрудничество, поскольку восточным европейцам свойственна тяга к Западу — а Советскому Союзу придется за ними последовать, чтобы вовсе не потерять их, — и поскольку он сам чувствует все большую необходимость совместно участвовать в научно-технической революции. Нет сомнения, что восточные европейцы сблизятся с Западной Европой. Чехословацкие события 1968 г. лишь предвестник того, что должно случиться, несмотря на усиленные советские попытки добиться противоположного. (Когда отдельные коммунистические государства начнут стучаться в двери ЕЭС (Европейского экономического сообщества) или ОЭСР (Организации экономического сотрудничества и развития)—это лишь вопрос времени; а потому более широкие соглашения между Востоком и Звиадом могут даже оказаться для Москвы способом сохранить действенные связи с восточноевропейскими столицами.

Эволюция взглядов и поведения Югославии свидетельствует о том, что коммунистические государства безразличны к процессу изменений и к разумным начинаниям Запада. Немногим более двадцати лет назад югославские высказывания почти не отличались от нынешних китайских. Теперь же Юго-

* Джадд Полк утверждает, что «нам необходима не теория международной торговли, абстрагирующаяся от производства, а теория международного производства, которое, будучи специализированным, предполагает торговлю». Далее он отмечает, что «дело не в том, чтобы вторгаться в чужую экономику, а в использовании производственных мощностей всех стран. Проблемы производства, рассматриваемые с точки зрения экономики, гораздо более широкой, чем национальная, для всех новы.

Соединенные Штаты не могут отказаться от заботы о национальном платежном балансе, но, как указывалось, они начинают понимать настоятельную необходимость в системе международных расчетов, столь же всеобъемлющей, как и нынешняя национальная система. Особенно необходимо следить за всей картиной международного развития производственных факторов. Уже одно осознание этой необходимости позволило добиться чрезвычайного прогресса за какие-то короткие двадцать лет, ибо доллар не может быть лишен своей международной функции (без подрыва в то же время производства и торговли, которые он поддерживает. Улучшить эту функцию практически можно, лишь исходя из требований новой мировой экономики в наличных средствах и в кредите) (Новая мировая экономика. «Columbia Journal of World Business». January-February

славия лидирует среди всех коммунистических государств в проведении экономических реформ, создании открытого общества и проявлении идеологической умеренности. В «он.це 60-х гг. она присоединилась к ГАТТ (Общее соглашение о тарифах и торговле), и вполне вероятно ее вступление в ЕАСТ (Европейская ассоциация свободной торговли), а в дальнейшем, быть может, и в Общий рынок. Хотя Югославия все еще привержена идее социализма, ее взгляды на международную политику умеренные, и они оказывают значительное влияние на коммунизм в Восточной Европе.

Подобные же тенденции постепенно вырисовываются и в других странах коммунистического мира. Разумеется, против них выступают окопавшиеся бюрократы, но в конечном счете реакционеры ведут битву, обреченную на проигрыш. Общественные силы против них, а консервативные элиты повсюду находятся в обороне. Весьма сомнительно, удастся ли им отворотить — хотя они определенно могут задержать — тенденцию к развитию более открытого, гуманного и менее идеологического общества. Спротивление этих режимов, возглавляемых окопавшейся консервативной бюрократией, еще больше ослабнет, если Запад будет рассматривать холодную войну прежде всего как порождение разваливающихся доктрин, служащих интересам коммунистических правителей, если он будет считать холодную войну отклонением, а не миссией.

В конечном счете — а наш предыдущий анализ показывает, что это произойдет нескоро, — ответную реакцию Советов можно будет стимулировать, сознательно открыв для Востока европейские организации сотрудничества и создав новые восточно-западные органы, призванные на первых порах лишь содействовать диалогу, обману информации и воспитанию духа сотрудничества. Продуманное определение некоторых общих задач экономического развития и технической помощи, а также заключение соглашения о безопасности между Востоком и Западом могут стимулировать чувство общности целей и создание зачатков институциональной базы (например, путем официальных связей в экономической сфере между ОЭСР и СЭВ, а в области безопасности — между НАТО и странами Варшавского Договора и через посредство американо-советских соглашений о контроле над вооружениями или же путем создания неофициального политического консультативного восточно-западного органа) *¹⁷.

Постановка более объемлющих задач сотрудничества будет иметь и другие благотворные последствия. Ведь весьма вероятно, что Советский Союз сначала будет проявлять нерешитель-

* Это не только вопрос технического и многостороннего детерминизма, как утверждал Пьер Хаонер в работе «Значение изменений в Восточной Европе для Атлантического оююза» («Орбис», весна 1969 г., стр. 246), но и продуманная стратегия, хотя и весьма дальнего прицела.

тельность или даже враждебность в отношении инициативы Запада. Поэтому подход, основанный на двусторонних американо-советских соглашениях, на котором настаивают некоторые американцы, может оказаться неудачным и в дальнейшем привести к усилению напряженности. Но первоначальное нежелание СССР не должно остановить попытки создать более широкое сообщество, основанное на сотрудничестве, и Москва не сможет использовать эти усилия так, чтобы увековечить холодную войну. Наоборот, сопротивление СССР лишь приведет его к еще более дорогостоящей изоляции. Пытаясь отрезать Восточную Европу от Запада, Советский Союз неизбежно лишит и себя плодов более тесного технического сотрудничества Востока и Запада. В '1985 г. общий в.н.п. Соединенных Штатов, Западной Европы и Японии составит что-то около 3 биллионов долл., т. е. в четыре раза превысит возможный в.н.п. Советского Союза (если считать, что Советы будут развиваться благоприятными темпами); и, если некоторые восточноевропейские государства будут постепенно склоняться к более широкому сотрудничеству с ЕЭС и ОЭСР, Советский Союз сможет воздержаться от такого пути лишь с большим ущербом для собственного развития и для своих позиций в мире.

Опасности и преимущества

Создание такого сообщества вполне может вызвать обвинения в том, что оно ускорит раскол в мире, которому уже грозит рампад. Есть два ответа на эти возражения. Во-первых, раскол уже существует, и наша нынешняя задача — найти из этого наилучший выход. Пока развитый мир сам разделен и подвержен конфликтам, он не сможет сформулировать последовательные цели. Менее развитые страны могут даже выгадать от внутренней конкуренции в развитом мире, побуждающей развитые страны соперничать между собой в предоставлении помощи; но, поскольку такая помощь обычно нацелена на получение «донором» краткосрочных политических преимуществ, она зависит от колебаний в политике и может пойти на спад, если соперничество ослабнет.

Во-вторых, появление системы более широкого сотрудничества между более развитыми странами, вероятно, увеличит возможность применять в вопросах международного развития стратегию дальнего прицела, основанную на зарождающемся глобальном сознании, а не на старом соперничестве. Это может уменьшить желание добиться немедленных политических выгод и тем самым проложит путь для многосторонней помощи более интернационального характера. Хотя раздражающие проблемы тарифов и торговли с «третьим миром» вряд ли исчезнут, они могут стать более регулируемыми, благодаря чему уменьшатся помехи для подлинно международного производства, а следовательно, и заинтересованность данной стра-

Г

ны в том или ином протекционном соглашении. Чрезвычайно важен и мотив, лежащий в основе создания такого сообщества. Если это сообщество возникнет не под влиянием страха и ненависти, а в результате более широкого признания того, что международные дела нужно вести на иной основе, то оно не усилит раскол в мире — как это делали союзы в прошлом, — а окажется шагом к большему единству.

Поэтому его появление поможет (и, вероятно, даже ускорит) дальнейшему развитию нынешних международных органов — таких, как Международный банк, — которые, во всяком случае де-факто, являются институтами развитого мира, нацеленными на оказание помощи «третьему миру». Большее чувство общности в развитом мире поможет укрепить эти институты путем поддержки их общественным мнением; оно может также привести в конечном счете к появлению чего-то вроде глобальной системы налогообложения*.

Более конкретно, Америка получила бы ряд преимуществ, присоединившись к попыткам добиться более широкой цели. Это может уменьшить растущую опасность изоляции Америки в мире, а ее изоляция неизбежно возрастает¹⁸ из-за внутренних трудностей подготовки прыжка в будущее. Кроме того, Соединенные Штаты не в состоянии в одиночку сформировать мир, хотя, быть может, они и представляют собой единственную силу, способную стимулировать общие попытки сделать это. Вдохновляя другие крупные страны и объединяясь с ними для совместного решения проблем, связанных с жизнью человека на нашей планете, а также пытаясь вместе с ними разумно использовать возможности науки и техники, Соединенные Штаты скорее добьются своей часто провозглашаемой цели.

В поисках этой цели нельзя ограничиваться географическими рамками атлантического мира, а также руководствоваться (даже косвенно) опасениями за безопасность, внушенными поведением какой-то крупной внешней державы. Одна из причин уменьшения популярности концепции атлантического сообщества состоит в том, что эта концепция ассоциируется с обстановкой в Европе после второй мировой войны и с опасением советской агрессии. Хотя такая концепция в свое время была смелой, сейчас она стала исторически и географически ограниченной. Признание того, что проблемы 70-х гг. будут носить менее открыто идеологический, более расплывчатый характер, что они будут полнее отражать недостатки мира, все еще политически бесструктурного и экономически

* По-моему, такое сообщество обеспечит также базу для реализации более далеко идущих и трудно осуществимых предложений о глобальном сотрудничестве, например, таких, какие изложены в «Бюллетене мирных предложений», подготовленном Международным институтом по

неравноправного, требует более широкого, целеустремленного и делового подхода.

Подобный подход будет также способствовать прекращению дебатов по поводу американского глобализма. Факт, что инициатором и движущей силой предприятия столь огромного масштаба будут Соединенные Штаты. Вследствие давнего разделения развитого мира, а также слабости и ограниченности целей развивающихся стран отсутствие конструктивной американской инициативы в лучшем случае увековечит нынешнюю направленность международных дел. Эту направленность не удастся изменить, если Соединенные Штаты будут следовать по пути, который сейчас модно пропагандировать, — не брать на себя обязательств. Если бы даже Америка, несмотря на всю свою колоссальную мощь, и могла освободиться от обязательств, все равно в громком осуждении участия Соединенных Штатов в делах всего мира есть нечто необычайно старомодное, особенно когда оно исходит от европейцев, которые отнюдь не проявили достойной восхищения способности поддерживать мир на земном шаре. К тому же даже самое блестящее* осуждение политики Соединенных Штатов не может скрыть того, что, несмотря на якобы длинный список своих ошибок и неправильных представлений, Соединенные Штаты каким-то образом оказались единственной страной, начавшей мыслить глобальными понятиями и активно добывающейся конструктивных международных соглашений. В этой связи интересно отметить, что против таких предложений, как заключение договора о запрещении испытаний ядерного оружия или договора о его нераспространении, выступили правительства, которые обычно восхваляются некоторыми критиками американской политики участия в делах всего мира. Участия нашей страны в международных делах глобального масштаба потребовала история. Тут ничего нельзя изменить, и единственный вопрос, который уместно поставить, — это каковы форма и цели этого участия.

Однако дебаты о глобализме выполняют и полезную функцию. Хотя при такой критике большей частью не выдвигалась серьезная политическая программа*, дебаты способствовали

* Даже критик, который считает себя сторонником «изоляционистской» или «неоизоляционистской» школы, делает вывод, что альтернативы, предлагаемые специалистами, более приверженными традиционному международной политике, такими, как Липпман или Моргантау, сравнительно малокаструктивны (Чарлз Гэйти, Еще одни большие дебаты? Ограничительная критика американской внешней политики, «Уорлд политике», октябрь 1909 г., особенно стр. 150—151). К тому же склонность даже некоторых проницательных публицистов почти полностью со-

средоточивать свое внимание на недостатках американской внешней политики мешает им оценить то, что за последние двадцать лет Америка показала себя более достойной уважения, чем например европейские

I большому признанию необходимости 'пересмотра мировой роли Америки в свете новых исторических обстоятельств. Вынужденная повернуться лицом к миру в результате собственного роста и катаклизма двух мировых войн, Америка вначале активно содействовала экономическому восстановлению Запада и его военной безопасности, а затем гарантировала их. Эта позиция, по необходимости во многом определявшаяся военными заботами, все больше расширяла участие в решении не столько политических, сколько более важных жизненных проблем, с которыми человечество столкнется в оставшуюся треть столетия.

Джон Кеннеди понял суть новой позиции Америки в мире, когда назвал себя «первым американским президентом, для которого весь мир стал в определенном смысле ареной внутренней политики»¹⁹. В самом деле, Кеннеди был первым «глобалистским» президентом Соединенных Штатов. Рузвельт, несмотря на весь его интернационализм, в основном верил в устройство мира по типу 1815 г., когда «большая четверка» имела особые сферы влияния. Трумэн реагировал прежде всего на коммунистический взрыв, и его политика свидетельствовала о явном предпочтении региональных мероприятий. Эйзенхауэр продолжал идти тем же путем, время от времени применяя европейские прецеденты к другим районам. Эти изменения были симптоматичны для меняющейся роли Соединенных Штатов. С Кеннеди пришло убеждение в том, что каждый континент и каждый народ имеют право ждать от Америки руководства и поощрения и что Америка обязана уделять почти одинаковое внимание всем континентам и всем народам. Для стиля Кеннеди, который в каких-то отношениях взывал, больше к чувствам, чем к интеллекту, был характерен упор на универсальный гуманизм миссии Америки, тогда как его романтическая приверженность идее завоевания космоса отражала его убеждение в том, что лидерство в науке необходимо для того, чтобы Америка успешно играла свою роль в мире.

Хофмана «Заботы Гулливера» (Нью-Йорк, 1968) в основном подчеркивает параноидный стиль американской внешней политики, отличающийся нетерпением, заблуждениями и упорством в них, фарисейством, легковесием, снисходительностью, отсутствием гибкости. Это побудило его в более популярной форме заявить в журнальной статье («Политика в 70-е годы», «Лайф», 21 марта 1969 г.), что «история и интуиция подготовили американцев к тому, что мир—черво-белый, что в нем существует либо гармония, либо всеобщее соперничество». Он не объясняет, почему же тогда Соединенным Штатам и Советскому Союзу удалось поддерживать мир, что в прошлом оказалось не под силу европейским державам.

В то же время традиционалисты, которые делают упор на сохраняющуюся жизнеспособность национализма, в оущности, склонны постулировать политику, уже не отвечающую духу времени. Так, накануне того дня, когда французский народ отверг де Голля, Хофман говорил о «Коренном сближении» с де Голлем (Америка и Франция, «Нью Рипаблик», 112 апреля 1969 г., стр. 22).

Однако участие в делах всего мира качественно отличается от того, что до сих пор было известно как внешний политика. Оно не признает четких формул и традиционных предпочтений. Но эта интеллектуальная сложность не отрицает того факта, что, так или иначе, на Соединенные Штаты возложена главная ответственность за определение рамок изменений. Эту точку зрения легко истолковать неправильно, и в некоторых кругах она весьма непопулярна. Обстановка в мире не требует [реализации плана] «паюс Американа», и нынешний век вовсе не является веком всемогущества Америки. Тем не менее остается фактом, что если Соединенные Штаты, первое глобальное общество, не используют свое преобладающее влияние, чтобы придать изменениям, происходящим все ускоряющимися темпами, позитивное направление и выражение, то эти изменения могут не только привести к хаосу—в случае их связи со старыми конфликтами и антипатиями, — но и в конечном счете поставить под угрозу всю работу по улучшению природы и характера жизни в самой Америке.

Итак, хотя задача формирования сообщества развитых стран менее претенциозна, чем цель создания мирового правительства, она легче достижима. Она шире концепции Атлантического сообщества и исторически больше соответствует новой, космической революции. Хотя и учитывая нынешние расхождения между коммунистическими и некоммунистическими странами, она все же предполагает попытки создать новые основы для международных дел не путем использования этих расхождений, а, скорее, пытаясь сохранить и найти новые возможности для конечного примирения. И наконец, при этом признается, что между развитыми странами мира существует определенное сходство и что, только воспитывая у них большее сознание общности, можно будет найти действенный ответ на усиливающуюся угрозу глобального раскола мира на множество частей, что само по себе обостряет растущее во всем мире недовольство неравенством между людьми.

Таким образом, существует тесная связь между историческим значением внутреннего переходного состояния Америки и ее ролью в мире. Выше в этой книге первоочередные внутренние задачи страны были сведены к трем большим группам: необходимость в институциональной перестройке американской демократии для усиления социальной ответственности и смягчение традиционных различий между правительственным и неправительственным процессами в обществе; необходимость в предварительных институтах, которые справились бы с неожиданными последствиями научно-технических изменений; необходимость в реформах системы образования, которые смягчили бы конфликты между поколениями и между расами и содействовали бы развитию рациональных гуманистических ценностей в нарождающемся новом обществе.

Международные эквиваленты наших внутренних нужд такие же: постепенное формирование сообщества развитых стран было бы реалистическим выражением нашего зарождающегося глобального сознания; сосредоточение внимания на распространении научных и технических знаний отражало бы более функциональный подход к человеческим проблемам с упором скорее на экологию, чем на идеологию; указанное выше способствовало бы распространению более персонифицированного рационалистического гуманистического мировоззрения, которое постепенно займет место установившихся религиозных, идеологических и националистических воззрений, господствовавших в современной истории.

Но независимо от того, что принесет будущее Америке и всему миру, технотронный век, когда так стремительно возросли возможности техники и когда многое стало доступно благодаря электронике, делает более необходимым обдуманый выбор круга проблем, требующих решения. Разум, вера и ценности будут все больше взаимодействовать, придавая еще большее значение, чем когда-либо, точному определению социальных целей. На достижение каких целей следует направить нашу мощь, как стимулировать наш социальный диалог, каким образом осуществить необходимые акции — все это философские и в то же время политические проблемы. В технотронную эру философия и политика будут играть решающую роль.

ПРИМЕЧАНИЯ

Часть I

¹ Часть этого раздела представляет собой переработанный материал из моей статьи «Америка в технотронном веке» («Инжаунтер», январе 1968 г.). В этой связи я хочу отметить первую работу по этому общему вопросу, сделанную в Колумбийском университете Дэниелом Беллом и в Мичиганском университете Дональдом Майклом.

² *in* O g b e r t Wiener, *The Human Use of Human Beings*, N. Y. 1967, p. 189—1190.

³ Заявление д-ра Д. Креча на заседании подкомиссии по исследованию тельюкой работе Сенатской комиссии по правительственным операциям («Нью-Йорк тайме», 3 апреля 1968 г., стр. 32). См. также: Gordon R. Taylor, *The Biological Time Bomb*, N. Y., 1967.

⁴ «Нью-Йорк тайме», 18 января 1969 г.

⁵ Дональд Н. Майкл, Некоторые соображения по поводу социального воздействия техники (отпечатанный на mimeографе текст выступления в Колумбийском университете на семинаре по вопросам техники и социальных изменений), 1966, стр. И.

⁶ Майкл, стр. 6—7.

⁷ Джулиан Хаксли, Кризис в судьбе человека, «Плэйбой», январь 1967 г., стр. 4.

⁸ Нил Дж. Дин, Вычислительная машина — детище века, «Гарвард бизнес ревью», январь-февраль 1968 г., стр. 83—91. О стимулированной вычислительной машинной-глубокой революции в нашем образе мышления и средствах информации см.: Anthony G. Oettinger, *Educational Technology, «Toward the Year 2018»*, Foreign Policy Association, N. Y., 1968.

⁹ *The United States and the World in the 1985 Era*, Syracuse, N. Y., 1964, p. 90—91.

¹⁰ Джон П. Робинсон и Джеймс У. Суайнхарт, Международные дела и телевизионные зрители, «Телевизионный кюортерли», весна 1968 г.

¹¹ Cyril E. Black, *Soviet Society: A Comparative View*, «Prospects for Soviet Society», Allen Kassof, ed., N. Y., 1968, p. 36. А. Б. Трорубридж, Атлантическое сообщество смотрит в будущее, «Департамент оф стейт бюллетин», 17 июля 1968 г., стр. 72.

¹² Технический разрыв в России, «Экономист», 9 февраля 1969 г.

¹³ Джон Диболд, Является ли разрыв техническим? «Форин афферс», январь 1968 г., стр. 276—291.

¹⁴ Некоторые примеры преобладания американской информационной техники среди инженерно-технической элиты в Латинской Америке приведены в работе: Paul J. Deutschmann et al., *Communication and Social Change in Latin America*, N. Y., 1968, особенно сур. 56, 70.

¹⁵ Леонард Маркс, Американская дипломатия и меняющаяся техника, «Телевизионный квартал», весна 1968 г., стр. 7, 9.

¹⁶ Брюс М. Рассет, Существует ли долгосрочная тенденция к концентрации в международной системе? «Джордан оф компаратив политикл стадиэ», апрель 1968 г. Несколько натянутые аналогии с прежними империями см. в работе: George Lipska, *Imperial America*, Baltimore, 1966; критическая оценка положения дается в юн.: Claude J. Lien, *L'Empire americain*, Paris, 1968, особенно в гл. 1, 6—11; см. также: Ronald Steel, *Pax Americana*, N. Y., 1967. Критику «имперского» подхода см. в кн.: Stanley Hoffmann, *Gulliver's Troubles*, N. Y., 1968, p. 46—51.

¹⁷ «Нью-Йорк тайме», 17 ноября 1968 г., приводит правительственные данные, показывающие, что 200 тыс. американских гражданских лиц служат за границей; относительно американских обязательств по отношению к другим государствам см.: US Commitments to Foreign Powers, Committee on Foreign Relations, Wash., D. C., 1967, особенно стр. 49—71; сведения о базах см.: «Нью-Йорк тайме», 9 апреля 1969 г.

¹⁸ Джадд Полк, Новая мировая экономика, «Колумбия джорнэл оф уорлд бизнэс», январь-февраль 1968 г., стр. 8. Полк подсчитал, что инвестиции Соединенных Штатов в других странах составляют около 165 млрд. долл.

¹⁹ Джозеф Крафт, Распространение власти, «Нью-Йорк тайме бук ревью», 22 сентября 1968 г., стр. 10 (рецензия на книгу: Amigu de Rieucourt, *The American Empire*, N. Y., 1968).

²⁰ В этой ОВ язи ср.: Harry Magdoff, *The Age of Imperialism*, N. Y., 1969, где Америка рассматривается просто как имперская держава, руководствующая политическими соображениями, с изданной Рокфеллеровским фондом работой: President's Five-Year Review and Annual Report, 1968, где описывается деятельность фонда за рубежом. Можно сослаться также на Фонд Форда.

²¹ Herman Kahn and Anthony J. Wiener, *The Year 2000* N. Y., 1967, p. 149.

²² Более полное обсуждение предположений, на которых основаны эти расчеты, см.: Kahn and Wiener, таблицы на стр. 123—130, 161—165. См. также: Эверет Хаган, Некоторые факты относительно уровней дохода и экономического роста, «Ревью оф икономикс энд статистике», февраль 1960 г. Хаган отмечает, что сравнения между развитыми и слаборазвитыми странами в некоторых отношениях вводят в заблуждение и создают преувеличенную картину неравенства.

²³ Конференция МОТ, сентябрь 1968 г. («Нью-Йорк тайме», 3 сентября 1968 г.). Настолько же поразительные подсчеты относительно роста населения в Латинской Америке см. в работе: Louis Olivos, 2000: A No-Space Odyssey, Americas (OAS), August 1969.

²⁴ The United States and the World in the 1985 Era, p. 78—79.

²⁵ Лестер Р. Браун, Аграрная революция в Азии, «Форин афферс», июль 1968 г., стр. 698, и выступление Брауна в Канзасском университете «Новая эра в мировом сельском хозяйстве» 3 декабря 1968 г. Данные за 1967 г., показывающие, что производство продовольствия опе-

режает рост населения в «третьем мире», см. в «Ceres» (FAO Review), September-October 1968, pp. 17—418. Более пессимистическую оценку дает Myrdal, *The Asian Drama*, N. Y., 1968, p. 417, 1029—11049.

²⁶ United Nations Yearbook of National Accounts Statistics, 1966, Table 7B.

²⁷ Myrdal, pp. 302, 540—541, 552 ff., 1585. См. также: «United Nations Statistical Yearbook», 1967; относительно оведений о числе врачей на душу населения в начале 60-х гг. — стр. 696, о количестве занятых жилищ, их средних размерах, плотности заселения и общих бытовых условиях — табл. 202, стр. 708, и далее, о количестве потребляемых в день калорий и протеинов, а также о промышленном потреблении хлопка, шерсти, каучука, отали, олова и удобрений в 1955—1965 гг. — стр. 498—50.

²⁸ Обсуждение некоторых подходящих примеров ом.: Twenty-Third Report by the Committee on Government Operations, House of Representatives, Wash., D. C., March 1968 (далее будет именоваться «(Report...)»), а также Hearing before a Subcommittee on Government Operations, House of Representatives, Wash., D. C., January 23, 1968 (далее будет именоваться «Hearing...»).

²⁹ Джозеф Лединелд. Требование студентов Индии — гарантированная работа в системе) «Нью-Йорк тайме магазин», 10 мая 1968 г., стр. 53, 58. Столь же резкая критика содержится также в работе: Myrdal, pp. 1784—1790.

³⁰ Myrdal, pp. 1645, 1649.

³¹ Raul Prebisch, *The System and the Social Structure of Latin America*, в сб.: «Latin American Radicalism». Irving Louis Horowitz, Josue de Castro and John Gerassi, eds., N. Y., 1969, p. 31.

³² «Report...», p. 7—8.

³³ «Hearing...», p. 96.

⁸⁴ «Report...», p. 17.

³⁵ «Report...», p. 9, цитирует свидетельство д-ра К. В. Кидда, главы физического факультета американского университета в Бейруте.

³⁶ William Komhauser, *The Politics of Mass Society*, Glencoe, 1959.

³⁷ Г. Джагариб, Иностранная техническая помощь и национальное развитие, Доклад, представленный в Принстоне, 1965, стр. 25—26, в том виде, как напечатано в «Hearing...», p. 57. Ом. также: Ирвинг Льюис Горовиц, Политическая законность и институционализация кризисов в Латинской Америке, «Компаратив политики стадиз», апрель 1968 г., особенно стр. 64—65.

³³ См., например: William H. Grier and Price M. Cobbs, *Black Rage*, N. Y., 1969.

³⁹ Myrdal, p. 471; ом., также стр. 467—469 — сравнение роста городов с национальным ростом; более полные данные о росте городов в «третьем мире» см.: G. V. G. Urbanization in Newly Developing Countries, Englewood Cliffs, N. J., 1966.

«iSarauel P. Huntington, *Political Order in Changing Societies*, New Haven and London, 1968, p. 290, а также: Берт Ф. Хозе-

лиц и Майрон Вейнер, Экономическое развитие и политическая стабильность в Индии, «Диссент», т. 8, весна 1961 г., сир. '177; Бенджамин Б. Рингер «Дэвид Л. Силлс, Политические экстремисты в Иране, «Паблик опиниен квартерли», т. 16, 1952—1953, стр. 693—694.

⁴¹ Myrdal, p. 117.

⁴² Полезное и имеющее прямое отношение к данному вопросу обсуждение связи между насилием и экономическим развитием см. в работах: M. Russett, et. al., *World Handbook of Political and Social Indicators*, New Haven, 1964, особенно стр. 304—310; John T. Kautsky, *Communism and the Politics of Development*, N. Y., 1968, особенно гл. 10 («Communism and Economic Development»), написанную вместе с Роджером У. Бенджамином. Неколько иное деление обществ дано в работе: Cyril E. Black, *The Dynamics of Modernization*, N. Y., 1966, p. 150. Гораздо более оптимистический прощоз содержится в кн.: Walt Rostow, *The Stages of Economic Growth*, Cambridge, Mass., 1960, p. 127.

⁴³ Myrdal, p. 300.

⁴⁴ А. Барбер, *Ренессанс XX в. (неофициальный доклад)*, Институт политики и планирования, Вашингтон, 1968, стр. 1, 8.

⁴⁵ Фридрих Энгельс, *Анти-Дюринг. Перевоорот в науке, произведенный господином' Евгением Дюрингом*. Цитируется в ст.: D. G. Brennan, «Weaponry», сб.: «*Toward the Year 2018*», N. Y., 1968, p. 2.

⁴⁶ См.: Brennan, *ibid.*, p. 19. Эта возможность развита далее М. У. Трингом в ст.: M. W. Thring, Robotsson the March, «*Unless Peace Comes*», Nigel Calder, ed., London, 1968, p. 155—1164.

⁴⁷ Gordon J. F. MacDonald, *How to Wreck the Environment*, в сб.: «*Unless Peace Comes*», p. 181.

⁴⁸ Victor C. Ferkiss, *Technological Man: The Myth and the Reality*, N. Y., 1969, p. 199; Michael Harrington, *American Power in the Twentieth Century*, N. Y., 1967, 39, 43, 48; см. также красноречивую аргументацию Аурелио Печчеи (корпорация «Оливетти») в его докладе «Соображения по поводу существа и необходимости планирования в мировом масштабе», сделанном в Академгородке в СССР 12 сентября 1967 г. (mimeограф).

Часть II

¹ Pierre Teilhard de Chardin, *The Phenomenon of Man*, N. Y., 1901, p. 183.

² См.: Claude Levi-Strauss, *The Savage Mind*, Chicago, 1966.

³ В этой связи см.: Jacques Soustelle, *Les Quatre Soleils*, Paris, 1967. Суотель критикует теорию прогрессивного развития истории, как ее излагают Маркс, Шпенглер, Тойнби и Тейар де Шарден. Более сложный анализ см.: Michel Foucault, *Foli et deraison*, Paris, 1961 (в американском издании эта книга вышла под названием «*Madness and Civilization*», N. Y., 1965).

⁴ Teilhard de Chardin, pp. 178—179.

⁵ См., например: Jules Monnerot, *Sociology and Psychology of Communism*, Boston, 1960.

⁶ В этой связи интересные данные можно найти в работе. Jacques Toussaert, *Le Sentiment religieux en Flandre a la fin du Moyen-age*. Paris, 1963.

⁷ «Автор не знает случая в современной Южной Азии, когда бы религия вызвала социальные изменения» (Murdal, p. 103). См. также: Teilhard de Chardin, где обсуждается пассивность восточных религий, и Kavalam Panikkar, *Hindu Society at Cross Roads*, Bombay, 1955.

⁸ K. h. Momjan, *The Dynamic Twentieth Century*, Moscow, «Progress», 1968, p. 21.

⁹ Teilhard de Chardin, p. 257.

¹⁰ Ibid., p. 2111.

Mr Ostrow, *The Stages of Economic Growth*, pp. 162-463; см. ташке стр. 158, где марксизм характеризуется как «система, полная недостатков, но вместе с тем полная разумных, частично интуитивных решений, великий формальный вклад в общественную науку, чудовищное руковоство к государственной политике».

¹² Jacques Ellul, *The Technological Society*, N. Y., 1965, p. 290,

¹³ Слова Карла Маркса, написанные в 1871 г., приведенные в статье Льюиса Фейера «Карл Маркс и проретеев комплекс», «Инкаунтер», декабрь 1968 г., стр. 31.

¹⁴ Эти термины были использованы Джеймсом Х. Биллингтоном в его статье «Сила и контрсила в Восточной Европе», «Фория афферс», октябрь 1968 г., стр. 34.

¹⁵ Daniel and Gabriel Cohn-Bendit, *Le Gauchisme, remede a la maladie senile du communisme*, Paris, 1968.

¹⁶ Лешек Колаковский, Перманентное и переходное значение марксизма, «Новая культура», 1957, № 4.

¹⁷ «Праксис», май-июнь 1967 г., стр. 431.

¹⁸ Колаковский, Надежда и продукт истории. «Новая культура», 1957, № 38. Для ознакомления с новейшим и весьма глубоким анализом взглядов Колаковского см.: Леопольд Лабедз, Колаковский о марксизме и о том, что лежит за его пределами, «Инкаунтер», март 1969 г., стр. 77—88.

¹⁹ См.: Adam Schaff, «Marxism a Jednostka Ludzka», Warsaw, 1965, p. 56, p. 28 ff., где Шафф замечает, что своим более глубоким пониманием марксизма он обязан профессору Эриху Фромму. Шафф был исключен из ЦК ПОРП в 1968 г.

²⁰ Этот результат также напоминает о фашизме. См. мою статью «Демократический социализм или социальный фашизм?», «Диосент», лето 1965 г. См. также следующую главу, где вопрос этот продолжает обсуждаться.

²¹ Проблема власти и законности в Современном католицизме рассматривается в сб.: George N. Shuster, ed., *Freedom and Authority in the West*, Notre Dame, 1967, особенно статью покойного Джона Кортни Мюррея.

²² Miguel de Unamuno, *The Tragic Sense of Life*, N. Y., 1954, p. 77.

²³ Письмо кардиналу Кёнигу, архиепископу Вены, 14 января 1969 г.

²⁴ В целом сочувственное отношение к консервативной точке зрения выражено в работе: Ulisse Floridi S. J., *Radicalismo Cattolico*

Brasiliano, Rome, 1968. Более общее представление дают книги: Ernst Halperin, *Nationalism and Communism in Chile*, Cambridge, Mass., 1965, and William V. D'Antonia and Frederick B. Pike, *Religion, Revolution and Reform*, N. Y., 1964.

²⁵ Эти два слова—название книги Гароди (R. G a g a u d y, *De L'anatheme au dialogue*, Paris, 1965), в которой рассматривается диалог, идущий между христианами и марксистами.

²⁶ Приведено в «Вашингтон пост», 7 января 1969 г.

²⁷ Аналогичная точка зрения рассматривается в кн.: Эмиль Пин, Побудительные мотивы религиозного поведения и переход от протехнической цивилизации к цивилизации технической, «Соушл чейндж», т. 13,

1966.

²⁸ См.: Harvey Cox, *The Secular City*, N. Y., 1965.

²⁹ Ibid., p. 69.

³⁰ Пьер Тротинья, «Арк», Париж, 1966—1968, № 3. Приведено Раймоном Ароном в ст.: «На баррикадах», «Инкаутер», август 1968 г., стр. 23.

³¹ Abbie Hoffman, *Revolution for the Hell of it*, N. Y., 1968. Самый лучший анализ идеологии «студенческой революции» дается в ст. Леопольда Лабедза «Студенты и революция», «Сэрвей», Лондон, июль 1968 г.

³² Приведено Н. Молчановым в ст. «Студенты на Западе бунтуют: смысл, причины и цели», «Литературная газета», 6 ноября 1968 г.

³³ Paul Jacobs and Saul Landau, *The New Radicals*, N. Y., 1966, p. 7.

³⁴ В выступлении в 1967 г. в Свободном университете Западного Берлина. Приведено Лабедзом в ст. «Студенты и революция», стр. 6.

³⁵ Там же, стр. 7.

³⁶ Молчанов.

³⁷ См.: Robert P. Wolff, Barrington Moore, Jr., and Herbert Marcuse, *A Critique of Pure Tolerance*, Boston, 1965.

³⁸ Ср., например, требования варшавских студентов в марте 1968 г. с требованиями мексиканских студентов в сентябре того же года, «Сэрвей», июль 1968 г., стр. 114; «Нью-Йорк тайме», 28 марта и 9 сентября 1968 г.

³⁹ Эту точку зрения хорошо выразил проф. З. Бауман —известный варшавский социолог, высланный из Польши в 1968 г. после 'мартовских студенческих волнений,—в написанном им введении к специальному сборнику документов об этих событиях, который был опубликован в Париже Литературным институтом (юм-: Ins.ti.tut Literacki, «Wydarzenia Marcowe 1968»).

⁴⁹ См.: Мелвин Ласки, Революционный дневник, «Инкаутер», август 1968 г., стр. 88—89.

⁴¹ «Новые левые», меморандум, подготовленный Комитетом по судебным вопросам сената Соединенных Штатов, Вашингтон, округ Колумбия, 1968, стр. 23; в том же документе приведены также данные из работы: Jack Newfield, *A Prophetic Minority*, N. Y., 1966.

⁴² «Хулиганы на площади Мира», «Скынтейя ти-нереТулуй», 5 июля 1968 г.

⁴³ Black, *The Dynamics of Modernization*, p. 31.

⁴⁴ По этому вопросу см. также: Kenneth Keniston, *Social Change and Youth in America*; Erik H. Erikson, ed., *Challenge of Youth*, 1961,

⁴⁵ См.: Johan Huizinga, *Wahing of the Middle Ages*, особенно гл. 1, «The Violent Tenor of Life», N. Y., 1954.

⁴⁶ См.: Black, *The Dynamics of Modernization*, где дается обстоятельный и последовательный анализ вопроса.

⁴⁷ -Примеры, иллюстрирующие в этой связи положение в Соединенных Штатах, см.: Mark Qerzon, *The Whole World is Watching.*, N. Y., 1969, p. 52—54, 73, 189—190; более систематизированный материал по странам «третьего мира», см.: Donald K. Emmerson, *Students and Politics in Developing Nations*, N. Y., 1968; на стр. 414 этой работы приводится аналогичный вывод.

⁴⁸ Marshall McLuhan, *The Marshall M-aLuhan Dew-line*, 1968, N. Y., p. 15.

⁴⁹ См.: Paul Sigmund, ed., *The Ideologies of the Developing Nations*, N Y., i]963 г., особенно стр. 12—17. Более систематизированная оценка притягательности и значен-ия концепции равенства в рамках одного-нового государства да-на в кн.: James C. S-co tt, *Political Ideology in Malaysia: -Reality and the Beliefs of an Elite*, New Haven, 4968, p. 194—196. Более общий обзор положения приводится в сб.: David Ap ter, ed., *Ideology and Discontent*, Glencoe, III., 1964, Clifford G e e r t z, ed., *Old Societies and New States; The Quest for Modernity in Asia and Africa*, N. Y., 1963.

⁵⁰ См., например: Leopold Senghor, *African Socialism*, N. Y., 1963.

⁵¹ - Tom Mboya, *Freedom and After*, Boston, 1963, p. 262.

⁵² Именно среди них книга Франца Фанон-а (Frantz Fanon, *The W-rdt-ched of the E-arth*, iN. Y., 1965) наиболее популярна. См. также: Ф. Д ж. М а р с а л, *Латиноамериканские интеллектуалы и проблема изменений*, «Соушл ресёрч», зима 4966 г., стр. 562—592.

⁵³ Таким образом, они стали «опекунскими демократиями». Ср.: Edward S h i i l s, *P-o-liitioal Development i-n the New S-tates*, the Hague, 1965, p. 60—67.

⁵⁴ См. очень интересную рецензию Жан-Мари Доменага на кн.: Michel Foucault, *Les Mots et les choses*, Paris, 1966, опубликованную в «Тем-уа-ньяж кретьен», м-арт 1968 г.

⁵⁵ **V i - c t o r C. F e r k i s s, p. 2411.**

Часть III

¹ С чертами характера Сталина можно -поближе познакомиться в к-н.: M i l o v a п D j i l a s, *Conversations with Stalin*, -N. Y., 1962; Svetlana Alliluyeva, *Twenty Letters to a Friend*, N. Y., 1967.

² См.: Leonard Schapiro, *The Origin of Communist Autocracy*, Ld., 1956; Isaac Deu-tschner, *The Prophet Outcast*, Ld., 1963.

¹ Лео-н С-молинс-к-ий, Г-ри-нввицкий и советская индустриализация, «Оэр-вей», апрель 1968 г., стр. 101. См. также крити-чеок-ие замеча-

Ния Алека Ноува по поводу анализа Смол «некого и ответ Смолинокго в журнале «Сарвей», зима — неона '1969 г.

⁴ Смолинский, стр. 109.

⁵ iD e u t s o h e r, p. 100—*1)15.

⁶ iR o s t o w, p. 66.

⁷ J R o s t o w, p. 95. См. также на стр. 96—97 подробные таблицы Уоррена Наттера, в которых упорное отставание некоторых отраслей русского промышленного производства сопоставляется с американским производством.

⁸ В l a c k, Soviet Society: A Comparative View, «Prospects for Soviet Society», pp. 42—43.

⁹ На стр. 40—42 Блэк предлагает содержательное резюме их выводов и знакомит читателя с основаниями для них.

¹⁰ Ом. интереснейшую сводную таблицу в кн.: Stefan Kurow - s k i, Hstoryczny Proces Wzrostu Gospodiarczego, Warsaw, 1963, p. 336.

¹¹ См.: «Трибуна люду», 8 июля 1963, г., и «Иове дроги», 1963, № 8.

¹² Выступление *19 ноября 1962 г.

¹³ Н. Свиридов, Партийная забота о воспитании научно-технической интеллигенции, «Коммунист», <1-968, № 18, стр. 37.

¹⁴ П. Демичев, Строительство коммунизма и задачи общественных наук, «Коммунист», 1968, № 10, стр. 14.

¹⁵ Р. Косолапов и П. С имущ, Интеллигенция в социалистическом обществе, «Правда», 25 мая 1968 г.

¹⁶ Д. И. Чесноков, Обострение идейно-политической борьбы и современный философский ревизионизм, «Вопросы философии», 1968, № 12. В этой важной статье обсуждается не только значение современного ревизионизма, но и общее состояние современной марксистской мысли.

¹⁷ Д. И. Чесноков, Актуальные проблемы исторического материализма, «Коммунист», 1968, № 6, стр. 48. См., также ст.: Г. С м и р - н о в, Социалистический гуманизм, «Правда», 16 декабря 1968 г.

¹⁸ Г. Х р о м у ш и н, Обострение идеологической борьбы на мировой арене, «Международная жизнь», 1968, № 12.

¹⁹ Т. Тимофеев, Ведущая революционная сила, «Правда», 24 декабря 1968 г. Тимофеев занимает пост директора Института мирового рабочего движения Академии наук СССР и является членом-корреспондентом Академии наук СССР.

²⁰ «Правда», 11 апреля 1968 г.

²¹ С. Ковалев, О «мирной» и немирной контрреволюции, «Правда», 11 сентября 1968 г.

²² Полезным источником для ознакомления с советской «футурологией» может быть доклад советского ученого И. Бестужева-Лады «Очерки по изучению будущего в СССР», «Анализ э превизьон», 1968, № 5.

²³ См., -например, от.: А. Д. С м и р н о в, Социализм, научно-техническая революция и долгосрочное прогнозирование, «В'Опрасы философии», 1968, № 9; И. Г. Кур а к о в, Прогнозирование научно-технического прогресса, и М. К. Петров, Некоторые проблемы организации науки в эпоху научно-технической революции, «Вопросы философии», 1968, № 10, а также кн.: В. Г. А ф а н а с ь е в, Научное управление обществом, М., 11968.

Обсуждение: проблемы единства коммунистического движения, *Жолнеж вольности», 21 января 1969 г., особенно от С. Трампчинского;

Урбан, Рука на пульсе, «Политика», 9 июня 1969 г.

²⁵ Ст. В. Романа в «Контемпорану», 3 и 10 января 1969 г. (курсив Романа). Романи, член Центрального Комитета и бывший министр румынского правительства,—профессор, по специальности инженер. Он автор нескольких книг о научно-технической революции.

Чепраков, «Известия», 9 августа 1968 г.

²⁷ Ом.: С. Freeman and A. Young, The Research and Development[^] *ⁿ Western Europe, North America and the Soviet Union, ТГод'Р' Р- 33; см. также всестороннее исследование «Science Policy in the USSR», OECD, 11969.

„Г* Другие примеры можно найти в исследовании «Science Policy in the USSR», р. 95.

²⁵ «Известия», 23 октября 1968 г.

1969³⁰ Академик П. Л. Капица, «Комсомольская правда», 119 января

³¹ «Проблема оф комьюнизм», июль-август и сентябрь-октябрь 1968 г. с-м. также: V. Chognovil, The Chognovil Papers, N. Y., 1968.

³² Текст, опубликованный, в. «Нью-Йорк тайме», 22 июля, 1968 г. (выдержки в тексте цитируются по тому варианту).

³³ «Вестник Академии наук», 1966, № 3, стр. 138.

⁸⁴ В. Романи, За марксистскую теорию научно-технической революции, «Контемпорану».

³⁵ Вальтер Ульбрихт, Значение и жизненная сила учения оарда Маркса в нашу эпоху (брошюра), Берлин, 2 мая 1968 г.

³⁹ См.: Peter C. Ludz, Partielite im Wandel, Koln, 1968.

³⁷ См., например, предупреждение П. Демичева в его статье «Строительство коммунизма и задачи общественных наук», «Коммунист», 1968, ' 10, стр. 14. Тенденция к большему сочетанию у работников аппарата ПАРТИИ опыта партийной работы с технической компетентностью обсуждается в полемическом тоне в «он.: George Fischer, The Soviet system and /Modern Society, N. Y., 1968.

³⁹ 'Великолепный общий обзор положения вещей содержится в работе: d'chard Lowen that, World Communism: the Disintegration of a Secular Faith, N. Y., 1966.

, ³⁹ в этой связи убедительно аргументированный очерк Генри Рорерта «Россия и Запад: сравнение и противопоставление», «Слэвик ревью», март 1964 г.

,q ⁴⁰ ^м. заявление, опубликованное в журнале «Коммунист», № 15 за г., особенно стр. 26, с критикой китайской концепции проведения абсолютной линии, в международном движении, а также письмо советско-

Руководства китайским руководителям в июле 1963 г., в котором недвусмысленно отвергается концепция генеральной линии в международ-
«тк Движение» Этот период был подробно проанализирован мною в книге
ne ooviet (Bloc: Unity and Conflict), rev. ed., Cambridge, Mass., 1967.

⁴¹ ^м. ^пте Циздание: Роже Гароди, За французскую модель
циализма, М., изд-во «Прогресс», 1969.

⁴² Д-С Уснич, «Книжные новинки», 2 марта /1968 г. С интересным
мож ^{ом югославских} воззрений на введение многопартийной системы
ЖНО также познакомиться в передаче радиостанции «Свободная БВ-

ропа» ют 6 октября 1967 г. и 21 мая 1968 г. И в той и в другой передаче содержится анализ эволюции югославских воззрений на этот счет.

⁴⁰ 'Сведения о росте чехословацкой интеллигенции и обсуждение его последствий содержатся в ст.: З. В ал ей та, Рабочий класс и интеллигенция, «Нова мысл», февраль 1968 г.

⁴¹ См^ весьма вдумчивый анализ в статьях А. Хегедюша «Об альтернативах общественного развития» и «Реальность и необходимость», опубликованных в журнале «Кортарш» в июне и июле 1967 г. Ответ на них в консервативном духе содержится в статье П. Варконьи «Развитие и проблемы социалистического общества», «Кортарш», ноябрь 1960 г. Даже в ответе с более 'консервативных позиций признается желательность обсуждения, идущего гораздо дальше, чем то, которое содержалось в любых из материалов, опубликованных за последнее время в Советском Союзе или в других, более консервативных коммунистических государствах.

⁴² В этой связи представляет интерес весьма многозначительная полемика между руооками и китайцами относительно революционной роли американских негров. См.: Р. Ремингтон, Революционная роль афроамериканцев: анализ советско-китайской полемики относительно исторического значения американских негров, Центр международных исследований, Массачусетский технологический институт, октябрь 1968 г.

⁴³ Д а н Ц з о у, Культурная революция и китайский политический строй, «Чайна куортерли», апрель—июнь 1969 г.

⁴⁴ Alexander Eckstein, [Communist China's Economic Growth and Foreign Trade, N. Y., (1966.

⁴⁵ О. Е. Clubb, Twentieth Century China, N. Y., 1964, p. 413—424. См. также сб.: «Кризис в Китае» под ред. Хэ Бин-ди и Дан Цзоу, Чикаго, 1966. Более общий анализ можно найти в ин.: J. K. Fairbank, Chinese World Order, Cambridge, Mass., 1968.

⁴⁶ J o h n H. K a u t s k y, p. 187.

Часть IV

'См., например: Ronald Segal, America's Receding Future, N- Y., 1968; Giose Rimanelli, Tragica America, Genoa, 1968.

^Подробная информация на этот счет содержится в большой статье: Генри Либерман, Техника: алхимик дороги 128, «Нью-Йорк тайме», 8 января 1968 г.

³ Превосходное, хорошо документированное резюме можно найти в работе: The Advancing South: Manpower Prospects and Problems, N. Y., 1968.

⁴ iD a n i e I B e l l, The Measurement of Knowledge and Technology, Eleanor Sheldon and W i l b e r t M o o r e, eds., Indicators of Social Change, N. Y., 1968, p. 149.

⁵ В частности, в работе Белла (ом. выше); более общий и менее документированный анализ содержится в четвертом годовом отчете Гарвардского университета «[Program on Technology and Society»; см. также: Victor Ferkiss, Technological man: The Myth and the Reality.

Исключительно полезное резюме нынешних тенденций в Америке приводится в труде: Toward a Social Report, Department of Health, Education and Welfare, Wash., 1969. Наглядное и местами волнующее описание влияния всего этого на некоторую часть молодежи см. в работе: Mark Gerzon, The Whole World Is Watching.

⁶ «Телевижн куортерли», весна 1968 г., стр. 9.

⁷ Более подробное обсуждение см.: NASiA: The Technology Utilization Program, 1907, p. 10, и ред. ст. в: «Сатардей ревью», 19 апреля 1969 г.

Ом.: Антони Дж. Эттингер и Сима Маркс, Техника педагогики: новые мифы и старая действительность (дискуссия и ответ на нее), «Харвард эдъкжейшнл ревью», осень 1968 г.

⁹ Цитируется в отчете исследовательского центра имени Томаса Джефферсона «Return to Responsibility», Pasadena, 1969, p. 5.

¹⁰ (Ве 11, p. 175.

¹¹ «Toward a Social Report», p. 43.

¹² *ibid.*, p. 42.

¹⁸ Отчет Бюро переписи, цитировано в «Нью-Йорк тайме», 20 августа 1969 г.

¹⁴ Report of the National Advisory Commission on Civil Disorders, Wash., 1968, p. 337. Анализ распределения бедняков содержится в отчете Президентской комиссии по программам поддержания уровней доходов, опубликованном 12 ноября 1969 г.; см. также «Совместный доклад министерств торговли и труда», цитированный в «Нью-Йорк тайме», 2 февраля 1970 г.

¹⁵ Отчет Бюро переписи; Натан Глэзер, Доля негров в будущем Америки, «Нью-Йорк таймс мэгэзин», 22 сентября 1969 г., стр. 31, «Экономист», 10 мая 1969 г., стр. 51.

¹⁸ «Нью-Йорк тайме», 11 мая 1969 г. Следует, однако, отметить, что в 1949 г. 59% негров выражали удовлетворение своими жилищными условиями. Это, видимо, указывает на более высокие запросы в 1969 г. О жилищных условиях см. «Совместный доклад» (примечание 14).

^{1,7} «Данные о положении студентов и об их колледжах», — исследование, проведенное Бюро переписи; цитировано в «Нью-Йорк тайме», 15 июня 1969 г.

¹⁸ Глэзер, стр. 31, 90; см. также «Совместный доклад».

¹⁹ «Экономист», стр. 51.

²⁰ Toward a Social Report, p. 15—27; «Тайм», 31 октября 1969 г., p. 42.

²¹ Однако в ст. «Разочарованный американский Юг» приводятся довольно пессимистические прогноз и оценка перспектив (ом.: «Экономист», 14 июня 1969 г.).

²² Ом. специальный отчет «Черная Америка», «Ньюсуик», 30 июня 1969 г., стр. 23. Более широкий анализ содержится в: «The Politics of Protest» (The Skolnic Report to the National Commission on the Causes and Prevention of Violence), N. Y., 1968, особенно гл. 4, «Black Militancy».

²³ Глория Стейнман, Связь между новой и старой политикой, «Сатардей ревью», 2 августа 1969 г., стр. 19.

²⁴ Полезное обсуждение вопроса о фрагментации политической культуры в демократии см.: Аренд Лиджфарт, Типология демократических систем, «Компэр|Эти| в политикл стадиз», апрель 1968 г.

²⁵ *IG u s T u l e r*, The Political Imperative, N. Y., 1968.

²⁶ Крайне противоречивые оценки влияния этого разрастания мы находим, с одной стороны, у Эммануэля Местени в его статье «Как техника сформирует будущее» («Сайенс», 12 июля 1968 г.), где автор категорически утверждает, что роль правительства повысилась, и, с другой, у Феркиуса (ом. стр. 146—147), доказывающего совершенно противоположную точку зрения. Широкое и отпугивающее обсуждение см. в кн.: Peter Drisker, The Age of Discontinuity, N. Y., 1969.

- ²⁷ Из написанного Робертом Мертоиом введения к работе: Ellul, The Technological Society, p. VI.
- ²⁸ См. сказанное нами выше в ч. IV, стр. 197.
- ²⁹ Donald N. Michael, The Next Generation, N. Y., 1965, p. 16.
- ²⁴ Robert S. Liebert, Towards a Conceptual Model of Radical and Militant Younuth. A Study of Columbia Undergraduates (исследование, предоставленное в распоряжение Ассоциации психоаналитической медицины), 1 апреля 1961 г., стр. 28.
- ²⁵ Кеннет Кен и стон, Надо вырасти в Скарсдейле, чтобы узнать, сколь плохи дела в действительности, «Нью-Йорк тайме магазин», 27 апреля 1969 г., стр. 128. Цитата повторяет аргументацию, изложенную автором в его большей по объему книге «Young Radicals, Notes on Committed Youth», N. Y., 1968.
- ²⁶ Ge g z o n, ,p. 26.
- ²⁷ Ibid., p. 52—53, 73, 185, 190.
- ²⁸ Michael, The Next Generation, p. 411; см. также: Роберт Н и с б е т, Сумерки власти, «Паблик интерес», весна 1969 г.
- ²⁹ Показания д-ра- Бруно Беттлгейма, преподавателя психологии и психиатрии в Чикагском университете, на заседании специальной подкомиссии палаты представителей по вопросам образования, 20 марта 19.69 г.
- ³⁸ См.: Эдгар Фридейберг, Скрытые вздержки возможностей, «Атлантик Макали», февраль 1969 г., стр. 84—90.
- ⁸⁷ T. B. Bottom ore, Critics of Society: Radical Thought in North America, N. Y., 1968.
- ³⁸ Daniel Bell, Charles Fourier: Prophet of Eupsychia, «The American Scholar», Winter 1968/69.
- ⁴⁹ Frieden berg, p. 89.
- “ William Ko rnha user, The Politics of Mass Society.**
- ⁴¹ Глубокие комментарии см. в ст.: Эндрю Найт, Замороженные либералы Америки, «Прогрессив», февраль 1969 г.
- ⁴² Положение либерала в академическом мире обсуждается в работе: Ирвинг Луис Горовиц, Молодые радикалы и профессора-критики, «Коммонуил», 31 января 1969 г., стр. 552—556.
- ⁴³ Детальное обсуждение в опросе см., в частности, на стр. 54 специального выпуска журнала «Экономист», 10 мая 1969 г.
- ⁴⁴ Из лекции проф. Джозефа Блау, прочитанной в Институте гуманитарных исследований Аопена, в январе 1969 г.
- ⁴⁵ Весьма симптоматичен в этой овязи заголовок недавно вышедшей книги: Arthur Schlesinger, Jr., The Crisis of Confidence, Boston (1969).
- ⁴⁸ Правые и левые экстремистские группы хорошо описаны в работе: George Thayer, The Farther Shores of Politics, N. Y., 1967.
- ⁴⁷ Относительно необходимых усилий см. «Доклад... о гражданских беспорядках», особенно стр. 225—226.

Часть V

¹ Некоторые сравнительные данные см.: Toward a Social Report, p. 81—82.

² Отражение этой точки зрения можно найти в работе: Джон Макдермотт, Интеллектуалы и техника, «Нью-Йорк ревью оф букс», 31 июля 1969 г.; еще настойчивей она утверждается в кн.: Theodore Roszak, The Making of a Counter-Culture, N. Y., 1969.

³ См., в частности: Konrad Lorenz, On Aggression, N. Y., 1966, а также ст. Н. Тинбергена «О войне и мире у животных и людей», «Сайенс», 28 июня 1968 г.

⁴ Критику резких нападок на военно-промышленный комплекс см. в работе: Stanley¹ Hoffmann, Gulliver's Troubles, p. 149.

⁵ См.: Frank S. Hopkins, American Educational Systems for the Less Developed Countries, Wash., 1967 (.mimeograph) и его предложение относительно руководства развитием образования.

⁶ Irving Louis Horowitz et al., Latin American Radicalism. Приверженность студентов в Латинской Америке хорошо освещена в гл. 8—11 кн.: Donald K. Emmerson, Students and . Politics in Developing Nations.

⁷ См.: Клаудио Веллис, «Централизм и национализм в Латинской Америке», «Форин афферс», октябрь 1968 г.

⁸ См. мою статью «Мир и власть», «Инкаунтер», ноябрь 1968 г.

⁹ Интересное толкование истории России и ее «отставания» от Запада дано в кн.: Hugh Seton-Watson, The Russian Empire, 1801—[1917, Oxford, 1967, особенно на стр. 728—742.

¹⁰ Я согласен в этом отношении с выводами Теодора Дрейпера в его статье «Мировая политика: новая эра?», «Инкаунтер», август 1968 г., стр. На.

¹¹ См. мою статью «Ответ на предлагаемое Москвой „Ограниченное сосуществование"», «Нью лидер», 16 декабря 1968 г.

¹² «Монреаль стар», 9 сентября 1969 г.

¹³ Более полно это обсуждается в моей статье «Глобальное политическое планирование», «Паблик интерес», зима 1969 г.

¹⁴ См. анализ опросов общественного мнения в «Peace Research in Japan», Токуо, 1968, pp. 25—71. Результаты опросов показывают рост надежд японцев на распространение ядерного оружия.

¹⁵ См. в этой связи речь Леонарда Маркса, директора ЮСИА, Проект нового школьного здания, 8 ноября 1967 г.

¹⁶ Детальные подсчеты вероятной финансовой доли вкладчиков, помимо Соединенных Штатов, см. в газете «Экономист», 9 августа 1969 г., ютр. Из.

¹⁷ Более пространно эти предложения обсуждаются в моей статье «База для примирения Востока и Запада», «Форнн афферс», январь 1968 г.

¹⁸ См. анализ отношения других стран к Соединенным Штатам по результатам опросов общественного мнения, приведенный в докладе «Будущее государственной дипломатии США», составленном подкомиссией по иностранным делам палаты представителей, Вашингтон, 22 декабря 1968 г., особенно стр. 16—18.

¹⁹ Arthur Schlesinger, Jr., A Thousand Days, Boston, 1965, p. 559.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА	3
ВВЕДЕНИЕ	7
Часть I. ГЛОБАЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ТЕХНОТРОННОЙ РЕВОЛЮЦИИ	15
1. Наступление технотронного века	20
Й. Двойственный- характер влияния Соединенных Штатов как распространителя технотронной революции	34
3. Глобальные гетто	45
4. Глобальные дробление и объединение	60
Часть II ВЕК ИЗМЕНЧИВЫХ ВОЗЗРЕНИИ	71
II. Поиски универсального видения мира	72
2. Бурное брожение внутри институционализированных убеждений	82
3. Театральность как история на переходном этапе	100
4. Идеи и идеалы вне рамок идеологии	115
Часть III. КОММУНИЗМ: ПРОБЛЕМА АКТУАЛЬНОСТИ	<126
4. Парадокс сталинизма	128
2. Бюрократизация скуки	139
3. Советское будущее	154
4. Сектантский коммунизм	175
Часть IV. АМЕРИКА В ПЕРЕХОДНОМ СОСТОЯНИИ	Ц92
4. Третья американская революция	194
Й. Реакция Навой левой	216
3. Кризис либерализма	229

Часть V. АМЕРИКА И МИР	247
1. Будущее Америки	—
2. Международные перспективы	263
3. Сообщество развитых стран	280
ПРИМЕЧАНИЯ	294

